J. rel. 2011 I

49
1-64.
J. rel. 2011 X

О НАЧАЛАХЪ НАСЛѢДОВАНІЯ

ВЪ ДРЕВНѢЙШЕМЪ РУССКОМЪ ПРАВѢ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ

В. Никольскаго.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1859.

J. rel. 2011 x

Н-64

О НАЧАЛАХЪ НАСЛѢДОВАНІЯ

ВЪ ДРЕВНѢЙШЕМЪ РУССКОМЪ ПРАВѢ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ

В. Никольскаго.

63

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1859.

Bayerische Staatsbibliothek München

По опредѣленію Юридическаго Факультета печатать позволяется. Февраля 18 дня, 1859 года.

Деканъ С. Баршевъ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Fgl/76/6131

ПЕРІОДЪ I

ДО ВРЕМЕНЪ РУССКОЙ ПРАВДЫ.

ОТДѢЛЕНІЕ I

Господство родоваго быта.

«Съ незапамятныхъ для исторіи временъ, говоритъ Несторъ, Славяне сидѣли по Дунаю. Отсюда разошлись они по землѣ и назвались своими именами отъ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ поселились. Такъ, поселившіеся на берегахъ рѣки Моравы назвались Моравами, другіе Чехами, Бѣлыми Хорватами, Сербами, Хорутанами. Когда же Волхвы [1] сдѣлали нашествіе на Дунайскихъ Славянъ, поселились между ними и начали угнетать ихъ, то (конечно не всѣ, а нѣкоторые) Славяне перешли на Вислу и назвались Ляхами, отъ которыхъ произошли Поляне, Лутичи, Мазовшане и Поморяне. Такимъ же образомъ Славяне, которые заняли мѣста по Днѣпру, стали называться Полянами, Древлянами отъ лѣсовъ, въ которыхъ жили, Дреговичами, Полочанами отъ рѣки Полочи, втекающей въ Двину. Наконецъ, собственно такъ называемые Славяне поселились около озера Ильмеря, получили особое имя, основали городъ и назвали его Новгородомъ; другіе же (изъ нихъ) заняли мѣста по рѣкамъ Деснѣ, Семѣ, Сулѣ и нареклись Сѣверянами. Такимъ образомъ

[1] Въ нѣкоторыхъ спискахъ Волохи, Влахи.

разошелся, заключаетъ Несторъ, славянскій народъ (языкъ), письменность котораго называется славянскою» [1].

Вотъ первыя извѣстія Нестора о Славянахъ. Изъ нихъ мы видимъ прежде всего, что весь народъ славянскій распадался по мѣстностямъ, имъ занимаемымъ, въ географическомъ слѣдовательно отношеніи, на огромныя группы, отрасли, ясно обозначающіяся: 1-я отрасль—Славяне южные, занимавшіе издавна дунайскую равнину, откуда разселились потомъ во всѣ сосѣдственныя мѣстности на югъ къ Балканамъ и даже за Балканы, на западъ къ прибрежью Адріатическаго моря и на близь-лежащіе острова. Сюда принадлежатъ Сербы, Болгары, Иллирійцы, Далматы и т. д. 2-я отрасль—Славяне западные: Чехи, Бѣлые Хорваты, Хорутане, Ляхи и т. д. Область, ими занимаемая, граничила на югѣ дунайскою равниною, на сѣверѣ Балтійскимъ моремъ, на западѣ землями германскихъ племенъ, а на востокѣ склонами Карпатскихъ горъ. 3-я группа — Славяне восточные, приднѣпровскіе: Поляне, Древляне, Дреговичи, Сѣверяне и др. Мѣстность, ими заселенная — система Днѣпра со всѣми его притоками на западъ, сѣверъ и югъ. 4-я отрасль—Славяне сѣверные, собственно Славяне и Полочане; центръ ихъ мѣстонаселенія — озеро Ильмерь съ неопредѣленными границами во всѣ стороны.

Это первое, опредѣленное судьбами историческими, разселеніе славянскаго народа имѣло, какъ мы знаемъ, огромное вліяніе на всю его исторію.

Южные Славяне подверглись страшной участи: постоянно покрываемые и уносимые волнообразными приливами азіатскихъ ордъ, во время общаго движенія ихъ на Европу, они (т. е. Славяне) мѣшались съ ними, подвергались случайностямъ ихъ отдаленныхъ походовъ, проникали вмѣстѣ съ ними

[1] Несторъ не обозначаетъ времени, съ котораго Славяне поселились въ странахъ придунайскихъ; онъ говоритъ неопредѣлено: «По мнозѣхъ временехъ (отъ столпотворенія Вавилонскаго) сѣли суть Словени по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарска». П. С. Л. т. I с. 3.

въ Византію и древнюю Грецію. При такихъ условіяхъ, они не могли развить своей національности въ общественномъ устройствѣ, т. е. образовать твердаго самостоятельнаго гражданскаго общества. Только по временемъ они принимали какъ будто самостоятельный видъ, но не надолго, напр. Сербія при Душанѣ. Послѣдній напоръ на Европу азіатскаго народа—Турокъ вновь и окончательно затопилъ только-что начавшія было прозябать сѣмена придунайской славянской народности [1].

Западная отрасль славянскаго племени, поставленная изначала въ сосѣдство съ народами германскими, прежде Славянъ устроившими, благодаря богатому наслѣдству, полученному отъ Рима, свой гражданскій бытъ, рано подверглась сильному иноземному вліянію сосѣдей, чуждыхъ ей по крови, историческимъ судьбамъ, но болѣе сильныхъ по успѣхамъ общественной жизни, гражданственности. Неволею затянутые въ общую жизнь запада, Славяне эти частію утратили свою самостоятельность, а частію постепенно теряли свою самобытность, отдѣлились отъ своихъ восточныхъ братій и получили иное общественное устройство, иное нравственное и религіозное воспитаніе. Родные стали чужды другъ другу. Но неизмѣнное начало крови, первоначальный источникъ народнаго духа и характера, да глубоко внутренняя, семейная жизнь, мало доступная стороннимъ вліяніямъ, хранительница народнаго быта, его кровныхъ вѣрованій, преданій и обычаевъ, указываютъ и теперь на родство ихъ съ восточнымъ славянскимъ племенемъ [2].

[1] Исторія Сербіи Л. Ранке, пер. П. Бартенева. Москва 1857 г. — Политическое устройство и права прибрежныхъ островов и городовъ Далмаціи въ средніе вѣка, раскрытыя изъ ихъ муниципальныхъ статутовъ. Соч. А. Рейца. Сборникъ истор. и стат. свѣдѣній о Россіи. Изд. Д. В. Москва 1845 г. ч. II.—Путешествіе въ Черногорію А. Попова С. Петербургъ 1847 г.

[2] Исторія Государства Польскаго Г. С. Бандтке, пер. съ пол. т. I. С. Петербургъ 1830 г.—Geschichte Polens von Dr. Richard Roepell. Hamburg. 1840 г.—Slavische Rechtsgeschichte von Wenzel Alexander Macieiowski

Счастливѣе были въ своихъ историческихъ судьбахъ двѣ послѣднія отрасли Славянъ—сѣверная и восточная. Сѣверные Славяне, защищенные огромнымъ пространствомъ непроходимыхъ лѣсовъ, болотъ и озеръ отъ разрушительнаго движенія азіатскихъ народовъ на Европу, и поселившіеся на выгодной для развитія народныхъ силъ мѣстности, въ центрѣ естественныхъ водныхъ путей (вездѣ бывшихъ первыми проводниками гражданственности), въ сосѣдствѣ съ народностями столь же грубыми, какъ и сами, сохранили въ неприкосновенности свою національность, развили свои матеріальныя и нравственныя силы и положили первое основаніе великой будущности восточныхъ племенъ. Эти послѣднія сначала довольно долго раздѣляли судьбу южныхъ Славянъ, страдая въ своихъ южныхъ предѣлахъ отъ нападеній кочевыхъ азіатскихъ народовъ. Но потомъ, освободившись отъ двухъ-сотъ-лѣтняго рабства Монголовъ, они вмѣстѣ съ сѣверными племенами слились въ одно цѣлое и заложили великое зданіе русскаго государства, въ которомъ, какъ видно, суждено славянскому племени исполнить свое историческое назначеніе [1].

Таково общее значеніе того географическаго дѣленія славянскаго народа на группы, отрасли, которое видимымъ образомъ обозначилъ нашъ начальный лѣтописецъ Несторъ. Мы, разумѣется, преимущественно будемъ имѣть въ виду Славянъ сѣверо-восточныхъ.

За этимъ первымъ и главнымъ географическимъ дѣленіемъ славянскаго народа идетъ второе, кровное—это дѣленіе отраслей на *племена*. Каждая изъ означенныхъ отраслей Сла-

aus dem Poln. übersetzt von F. J. Buss und M. Nawrocki. Stuttgart und Leipzig. 1835.—Исторія древняго наслѣдственнаго права у Славянъ, J. Губе, пер. съ нѣм. г. Бакунина. Истор. и стат. Сборникъ. Д. В. Москва 1845 г. Юридическій бытъ Силезіи и Лужицъ, г. Кавелина. Тамъ же.—Исторія Россіи г. Соловьева, т. I с. 91–97.

[1] Исторія Россіи г. Соловьева, т. I с. 273, 374.—Сборникъ истор. и стат. свѣдѣній о Россіи Д. В. т. I с. 1—8.—Изслѣдованіе о бальтійскихъ Славянахъ г. Гильфердинга, Москвитянинъ 1854 г.

вянъ разпадалась на племена, получившія, какъ мы видѣли, названіе большею частію отъ мѣстъ, на которыхъ они поселились—такъ напр. Поляне, Древляне, Полочане и т. д., частію же отъ именъ знаменитыхъ предковъ, вождей, каковы Радимичи отъ Радима, Вятичи отъ Вятка и т. д. Племена образовались *нарожденіемъ*. Главнѣйшею связью, поэтому, ихъ быта было сознаніе и переходящее изъ рода въ родъ преданіе объ общемъ происхожденіи всѣхъ членовъ племени [1]. Такихъ преданій у Славянъ много: о братіяхъ Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ; Радимѣ и Вяткѣ; Чехѣ, Лехѣ и Руссѣ и т. п. Почти каждое племя возводило свое происхожденіе къ одному какому нибудь родоначальнику. Общій смыслъ и историческое значеніе таковыхъ преданій одинаковы: они выражаютъ сознаніе каждаго племени о своемъ кровномъ единствѣ и общемъ сродствѣ всѣхъ славянскихъ племенъ, которыя относятся между собою, какъ родные братья. Иныхъ представленій о своемъ происхожденіи Славяне не имѣютъ: племя, родъ, братья, сестры, о которыхъ иногда мимоходомъ упоминается, однимъ словомъ—*родство*, кровь окрашиваетъ всѣ ихъ историческія преданія и воспоминанія, всѣ понятія изъ жизни общественной, нравственной и умственной. И понятно почему: «*Поляномъ же*, говоритъ Несторъ, *живущемъ особѣ и володѣющемъ роды своими иже и досее братѣ бяху Поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ*

[1] «Прежде всего, говоритъ г. Буслаевъ, бросается въ глаза до сихъ поръ сохранившееся въ употребленіи титло домоваго, имено: *дѣдъ, дѣдушко,* что прямо указываетъ на родовую связь обитателей дома съ невидимымъ ихъ оберегателемъ и напоминаетъ *древнѣйшее вѣрованіе*, по которому не только *племена суть внуки родоначальниковъ*, что видно изъ отеческой приставки-*ичь* въ словахъ Радим - ичи, Вят-ичи, но и люди и даже стихіи — внуки боговъ, какъ свидѣтельствуетъ Слово о полку Игоревѣ, называя Русь Дажь-божіимъ внукомъ, а вѣтры Стрибожими внуками.» Дополненія и прибавленія ко 2-му тому Сказаній Русскаго народа. г. Буслаева. Архивъ г. Калачева, книжка 1-я 1850 г. с. 38.

мѣстѣхъ, володѣюще кождо родомъ своимъ» [1]. Племя, «володѣюще роды своими», состояло такимъ образомъ изъ родовъ, которые всѣ вмѣстѣ, находясь въ родственномъ единеніи, образовали между собою одинъ кровный, родственный союзъ, управляемый общею волею тѣхъ же родовъ, выраженною чрезъ ихъ представителей—родовыхъ владыкъ, володѣющихъ родами, княжившихъ въ своихъ родахъ, какъ напр. Кій «княжаше въ родѣ своемъ» [2]. Изъ этихъ старѣйшинъ, родоначальниковъ, составлялись первоначально вѣча, соборы, снемы, міры, сходки, на которыхъ разсматривались и рѣшались дѣла цѣлаго племени [3].—Подобные роды, о которыхъ Несторъ говоритъ по поводу Полянъ, замѣчаются и у всѣхъ другихъ славянскихъ племенъ, какъ напр. Чеховъ, что ясно видно изъ пѣсни о судѣ Любуши [4], Сербовъ [5] и населившихъ нынѣшнюю Польшу древнихъ Ляховъ. «Лехиты, говоритъ Богуфалъ, не имѣютъ ни царя, ни какого другаго властителя и живутъ, какъ братья и дѣти одного отца.» [6] Существованіе и давность этихъ родственныхъ отношеній подтверждается преданіемъ о пришествіи Уегнона и поселеніи его на Дунаѣ: cum filiis, cognationibus et familiis suis [7].—Іоаннъ, Гнѣзненскій Архіепископъ, говоритъ на счетъ Славянъ: «Beata plusquam beata societas, apud quam plus pietatis valet religio, quam ambitus principandi» [8]. Родовой бытъ Славянъ, какъ

1 П. С. Л. т. I с. 4.

2 Тамъ же.

3 Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ Рейца, въ пер. Морошкина. Москва 1836 г. с. 6. пр. 2.—Исторія Россіи г. Соловьева т. I. с. 40—86.

4 См. ниже разборъ пѣсни о судѣ Любуши.

5 Исторія Сербіи Леоп. Ранке, въ пер. г. Бартенева. Москва 1857 г. гл. IV.

6 Исторія наслѣд. права J. Губе, с. 62. пр. 2.

7 Тамъ же.

8 Тамъ же с. 63.— Geschichte Polens von B. Roeppell s,. 82.—См. приложеніе къ сему труду подъ № II.

народа единокровнаго, образовавшагося путемъ размноженія, нарожденіемъ, есть явленіе общее и исконное всѣмъ славянскимъ племенамъ [1]. Объ немъ свидѣтельствуютъ и имъ объясняются тѣ отрывочныя и темныя древнѣйшія извѣстія о Славянахъ, которыя сохранили намъ византійскіе писатели. Такъ Прокопій говоритъ, что Славяне не повинуются одному властителю, но изначала живутъ при народномъ

[1] «Die slavischen Völker hatten ursprünglich eine Regierung, welche mit ihrem Character übereinstimmte. Man konnte sie von Ursprung an demokratisch nennen. Die Geschlechter, welche in Dörfern zerstreut lebten, die durch grosse Zwischenräume von einander entfernt waren, gehorchten dem Familienhaupte, welches sie patriarchalisch regierte. Von den Polen sagt Nestor (bei Schlötzer II. p. 99, 100) *Polanomże żiwuszcim osobie, i władjejuszczim rody swoimi... No sij Kij kniażasze u rodu swojem.* Von den Böhmen sagt eine alte Chronik (das Gericht der Libussa p. 51); *wsak ot swei czeledi wojewod.* Das Nämliche fand sich auch bei den Russen (Schlötzer II. p. 33. — Ewers p. 2, 3, 9, 12), und bei den hinterkarpatischen Slaven nach dem Zeugnisse von Procopios und Porphyrogenneta (Scr. hist. Byz. XXIII. p. 72. II. p. 132)». Мы сочли нужнымъ привести здѣсь подлинныя слова Мацѣевскаго, какъ такого ученаго, котораго нельзя подозрѣвать въ пристрастіи къ родовому воззрѣнію на первоначальный бытъ Славянъ; тѣмъ не менѣе и онъ не могъ отвергнуть положительныхъ историческихъ свидѣтельствъ о родовомъ бытѣ, которому, впрочемъ, хочетъ придать политическое, а не кровное значеніе: «Dieses waren zwar keine Familienregierungen, welche völlig jenen glichen, die wir bei den alten Israeliten und Arabern finden, weil die slavischen Stämme, obwohl sie von einander entfernt lebten, doch eine demokratische Regierung bildeten. Sie *hielten politische Versammlungen*, und dort besorgten sie gemeinsam *mit den Aeltesten, die sie selbst für die Leitung der öffentlichen Angelegenheiten gewählt hatten*, ihre inneren Verhältnisse. Auch in den dem Christenthum näher liegenden Zeiten warem die nämlichen Regierungen bei den Polen, Böhmen und Russeo, und sogar noch in den christlichen Zeiten lebten die Lausitzer und Pommern in einer Demokratie.» Slavische Rechtsgeschichte T. I. S. 73. und folg. Ниже, однако, мы будемъ имѣть случай показать, что не внѣшняя, видимая форма, а внутреннее основаніе, на которомъ держались первоначальныя, славянскія собранія, опредѣляло ихъ значеніе и характеръ.

правленіи [1]. Императоръ Маврикій свидѣтельствуетъ, что у нихъ много князьковъ, царьковъ [2], значеніе которыхъ ясно опредѣляетъ намъ Императоръ Константинъ Порфиродный. Въ своемъ сочиненіи de administratione imperii онъ пишетъ: «*Principes hi populi habent nullos, praeter suppanos, senes, seniores, majores natu*» [3]. —Но независимо отъ прямыхъ и косвенныхъ свидѣтельствъ славянскихъ и чужеземныхъ, родовая жизнь славянскихъ племенъ оставила по себѣ такіе глубокіе слѣды въ древнѣйшихъ постановленіяхъ права, во многихъ главнѣйшихъ явленіяхъ частнаго и общественнаго быта Славянъ, что ощутительнымъ, осязательнымъ даже образомъ она предполагается въ нихъ, какъ сокрытое, движущее начало, котораго они суть дальнѣйшее только развитіе и выраженіе [4].—Память о родовомъ бытѣ, какъ младенческомъ народномъ состояніи, сохранилась во всѣхъ славянскихъ преданіяхъ, обрядахъ, обычаяхъ [5] и даже въ самомъ языкѣ, этомъ первомъ спутникѣ человѣческой мысли, свидѣтелѣ об-

[1] Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религіи Славянъ г. Соловьева.—Архивъ историко-юрид. свѣдѣній, относящихся до Россіи, г. Калачева, 1850 г. книжка 1-я с. 18.—«Et vero hi populi, Sclaveni inquam et Antae, non uni parent viro; sed ab antiquo et populari imperio vitam agunt: ac propterea utilitates et damna apud ipsos in commune vocari solent.» Славянскія древности Шафарика, въ пер. г. Бодянскаго. Приложенія, т. II кн. III-я, с. 39.

[2] «Cum vero multi inter eos sint reguli, neque inter se concordens, non fuerint inconveniens, aliquos eorum trahere in partes suas, vel persuasionibus, vel largitionibus, maxime eos, qui viciniores sunt, et ventire ad ceteros solent, ne se omnes hostiliter jungant et sub unius imperium concedant.« Славянскія древности Шафарика, въ пер. г. Бодянскаго, т. II, кн. III-я, с. 47.

[3] Исторія древ. наслѣдственнаго права у Славянъ J. Губе, с. 64.

[4] Древнѣйшее русское право Эверса, въ пер Платонова. С.-Петербургъ 1835 г.—Опытъ исторіи рос. госуд. и гражд. законовъ Рейца, въ пер. Морошкина. Москва 1836 г.—Приложеніе подъ № II, О родовомъ союзѣ у Поляковъ.

[5] Сказанія Русскаго народа И. Сахарова, т. I. 1841 г. т. II. 1849. Бытъ Русскаго народа. А. Терещенко. С.-Петербургъ 1848 г.

разованія первоначальныхъ народныхъ заложеній и понятій [1]. Съ теченіемъ времени первоначальныя формы родоваго быта исчезли; послушная историческимъ законамъ, славянская жизнь приняла иное устройство, болѣе соотвѣтствовавшее развитію народныхъ силъ, но внутреннее содержаніе первоначальнаго быта, его коренныя понятія, вѣрованія и обычаи, однимъ словомъ—то, что составляетъ существо народной жизни, осталось навсегда въ нашей исторіи, какъ общій духъ, какъ особенный характеръ нашей славянской народности. Этимъ духомъ движется, какъ увидимъ ниже, и теперь внутренняя жизнь нашего простаго народа, въ которой господствуютъ родовыя понятія, конечно, не въ первоначальной ихъ чистотѣ, но измѣненныя временемъ, согласно условіямъ и состоянію нашего теперешняго общественнаго быта. Тоже, но только въ большей очевидности, находимъ мы и у другихъ нашихъ братій, особенно у южныхъ, придунайскихъ и приморскихъ Славянъ, которые остались до сихъ поръ вѣрными первоначальному своему прародительскому устройству быта и его вѣкожизненнымъ законамъ [2].

Такимъ образомъ первоначальный бытъ нашихъ предковъ — Славянъ, какъ и бытъ всѣхъ извѣстныхъ историческихъ народовъ—Грековъ, Римлянъ, Германцевъ, есть бытъ *племенно-родовой*. Разбросанныя на огромномъ пространствѣ пустопорожней, дѣвственной земли, славянскія племена, каж-

[1] См. излѣдованія гг. Буслаева, Кавелина, Калачева, Аѳанасьева, Забѣлина. Особенно же перваго: Дополненія и прибавленія ко 2-му тому «Сказаній Русскаго народа», собранныхъ И. Сахаровымъ. Архивъ г. Калачева, книжка 1-я 1850 г.—Русскія пословицы и поговорки, книги 2-й половина 2-я, тамъ же, 1854 г.—О вліяніи христіанства на славянскій языкъ, Москва 1848 г. — Втораго (Кавелина): Юридическій бытъ древней Россіи, Современникъ 1847 г. № 1. Разборъ сочиненія г. Терещенко: Бытъ Русскаго народа, тамъ же, 1848.

[2] Исторія Сербіи Л. Ранке, въ пер. г. Бартенева.—Путешествіе въ Черногорію г. Попова. С-Петербургъ 1847 г.—См. ниже разсказы Чаплович и Вука Стефановича. — Задруга у Сербовъ, г. Миличевича. Русская Бесѣда, Москва, 1858 г. III. книга вторая, с. 98—112.

дое внутри себя, жили тѣми отдѣльными родственнымм группами, которыя Несторъ называетъ *родами*, и которыя у другихъ народовъ имѣли подобныя же названія *γενος*, *gens*, *Genossenschaft* [1]. Въ этомъ отношеніи мы ничѣмъ не отличаемся отъ другихъ, не славянскихъ народовъ. Различіе состоитъ въ различномъ сознаніи этого быта, его внѣшнемъ устройствѣ, значеніи для послѣдующей исторіи и въ тѣхъ основныхъ чертахъ, которыя составляютъ особенность народнаго характера и быта. Предоставляя себѣ раскрыть эти различія въ послѣдующемъ изложеніи, здѣсь мы остановимъ вниманіе только на особенномъ свойствѣ родоваго быта вообще. А именно — два явленія, двѣ черты изъ племенной жизни Славянъ засвидѣтельствованы несомнѣнно и оставались долгое время характеристическими чертами славянской народности: это разрозненность славянскихъ родовъ и непримиримая вражда ихъ между собою. Объ этомъ одинаково свидѣтельствуютъ и греческіе писатели и Несторъ; это признаютъ и новѣйшіе изслѣдователи [2]. «Славяне, говоритъ Прокопій, писатель VI вѣка, живутъ въ бѣдныхъ *уединенныхъ* хижинахъ и перемѣняютъ мѣстожительства. Нѣкогда Славяне и Анты имѣли одно имя: и тѣхъ и другихъ называли Спорами (*σποράδην*), вѣроятно, отъ того, *что они живутъ разсѣянно по шалашамъ*. По сей причинѣ они занимаютъ большое пространство земли» [3]. «Живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ», под-

[1] Römisch. Geschichte von B. G. Niebuhr. Erst. Theil. Berlin. 1838 г. s. 321—354.—Пропилеи г. Леонтьева, т. II. отд. II-е, Москва 1852 г.— О родовомъ бытѣ у древнихъ Германцевъ, Грановскаго. Архивъ г. Калачева, Москва 1855 г. книги 2-й половина 1-я.

[2] Slaviche Rechtsgeschichte Bd. I. s. 47. § 28. Славянскія древности Шафарика, въ пер. г. Бодянскаго, т. II. кн. III-я. с. 24.

[3] «In tuguriis habitabant vilibus et rare sparsis, atque habitationis locum subinde mutant . . . Nomen etiam quondam Sclavenis Antisque unum erat: utrosque enim appellavit Sporos antiquitas, ob id opinor, qui *σποράδην*, hoc est sparsim et rare positis tabernaculis regionem continent: quo fit, ut magnum occupent spatium.» Свидѣтельства о древнихъ Сла-

тверждаетъ Несторъ. «Между ними (Славянами), пишетъ Маврикій, господствуютъ постоянно различныя мнѣнія; ни въ чемъ они между собою не согласны: если одни въ чемъ нибудь согласятся, то другіе сейчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, ибо всѣ питаютъ другъ къ другу вражду, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому»[1]. «Въ лѣто 6370, опять подтверждаетъ Несторъ, изгнаша (Славяне) Варяги за море и не даша имъ дани, почаша сами въ себѣ володѣти; *и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ*, быша въ нихъ усобицѣ, и воевате почаша сами на ся»[2]. Мы съ нарочитою яркостію выставляемъ эти основныя черты быта древнихъ Славянъ: ибо разрозненностію славянскихъ родовъ съ одной стороны, а съ другой ихъ взаимною, вѣчною враждою, родовымъ эгоизмомъ, объясняются многія капитальныя явленія древнеславянской жизни. Эти черты не случайныя, но необходимыя, прямо и непосредственно истекающія изъ того кровнаго, родственнаго быта, въ которомъ зачались и выросли Славяне. Вотъ почему, чѣмъ ближе мы подходимъ къ этому быту, ко времени его господства, тѣмъ ярче, крупнѣе выступаютъ онѣ: ихъ замѣтили и указали всѣ современные бытописатели и напротивъ, чѣмъ болѣе удаляемся мы отъ временъ кровнаго быта Славянъ, тѣмъ незамѣтнѣе становятся онѣ, не теряя однако всей своей силы.

Какъ главнѣйшею связью племеннаго единства и быта было сознаніе объ общемъ происхожденіи всѣхъ членовъ племени, такъ равно и главнѣйшимъ основаніемъ племенной жизни были *вѣра*, *преданія* и *обычаи отцевъ*, о чемъ прямо

вшахъ въ приложеніи къ Славянскимъ древностямъ Шафарика, въ пер. г. Бодянскаго, т. II-й, книга III-я, с. 39, 40.

[1] Cum enim contrariae in eis regnent sententiae, aut non conveniunt inter se, aut si qui contrariniunt placita eorum statim ceteri transgrediuntur, cum omnes contrarie inter se sint animati, neuterque alteri velit obsequi.. Тамъ же с. 46. Исторія государства польскаго. Бандтке т. I. с. 13 и 14. Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религіи Славянъ, г. Соловьева. Архивъ г. Калачева, Москва 1850 г. книжка 1-я с. 4,

[2] П. С. Л. т. I. с. 8.

свидѣтельствуетъ Несторъ: «Имяху бо обычаи свои, и законъ отець своихъ и преданья.... ибо комуждо языку овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычаи» [1].

Что касается до нравственнаго развитія, на которомъ стояли Славяне во время племеннаго быта, то вотъ какія свѣдѣнія сообщаютъ о немъ греческіе писатели: «Богомъ и царемъ своимъ признаютъ они (Славяне), пишетъ Прокопій, единаго громовержца, и ему приносятъ въ жертву быковъ и другихъ животныхъ. Не вѣрятъ судьбѣ и ея вліянію на смертныхъ, и предъ сраженіемъ, или въ случаѣ опасной болѣзни обѣщаютъ богу кровную жертву. Избѣгнувъ опасности, думаютъ, что тѣмъ искупили жизнь свою. Они почитаютъ также рѣки, нимфъ и нѣкоторыя иныя божества, коимъ приносятъ жертвы, и съ тѣмъ вмѣстѣ гадаютъ о будущемъ. На сраженіе выходятъ пѣшкомъ со щитомъ и копьемъ въ рукѣ: не знаютъ брони, ни рубахъ, ни плащей и въ одномъ исподнемъ платьѣ являются противъ непріятеля. Всѣ говорятъ однимъ языкомъ, весьма грубымъ» [2]. Несторъ свидѣтельствуетъ однако, что въ его время не всѣ племена находились на одинаковой степени образованности. *Имяху-бо*», говоритъ онъ, «*кождо свой правъ.*» Поляне бо своихъ отець

[1] П. С. Л. т. I с. 6.

[2] Исторія государства польскаго Бандтке т. I. с. 13 и 14.—«Unum enim Deum, fulguris effectorem, dominum hujus universitatis solum agnoscunt, eique boves et cujusque generis hostias immolant. Fatum minime norunt, nedum illi in mortales aliquam vim attribuant; at quum sibi vel morbo correptis vel praelium inuntibus jam mortem admotam vident, Deo vovent, si evaserint, continuo victimam pro salvo capite mactaturos: elapsi periculo, quod promisere, sacrificant, eaque hostia vitam sibi redemptam credunt. Praeterea fluvios colunt et Nymbhas, et alia quaedam numina: quibus omnibus operantur, et inter sacrificia conjectura faciunt divinationum. . . . Quum pugnam invadunt, multi pedidus tendunt in hostem, scutula spicolaque gestantes manibus. Loricam non induut: duidam nec subuculam habent, nec pallium, sed cum femoralibus tantum, ad virilia usque aptis, hosti se offerunt ad certamen. Una est utrisque lingua admodum barbara». Приложеніе къ Слав. древностямъ Шафарика, перев. г. Бодянскаго, с. II, кн. III-я, с. 39.

обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ, и къ деверемъ велико стыдѣнье имѣху; брачныи обычаи имѣху: не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завътра приношаху по ней, что вдадуче. А Древляне живяху звѣриьнскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, по умыкиваху уводы дѣвиця. И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ предъ отьцы и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся: имяху же по двѣ и по три жены. Аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику, и възложахуть и на кладу мертвеца, сожьжаху, а посемъ собравше кости, вложаху въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая Кривичи, прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божья, но творяще сами собѣ законъ» [1]. Изъ этихъ извѣстій видимъ, что исторія открываетъ Славянъ, по крайней мѣрѣ, восточныхъ на весьма низкой степени развитія, только что не въ дикомъ состояніи. Почти всѣ славянскія племена жили звѣринскимъ образомъ, не зная даже браковъ, скрывались въ лѣсахъ, какъ и всякій звѣрь. Только племена, поселившіяся на болѣе удобныхъ мѣстностяхъ, при моряхъ Балтійскомъ и Черномъ и на историческомъ пути того времени между этими морями — изъ Варягъ въ Греки, какъ напр. Новгородцы, Полочане, Поляне, Лутичи и т. д., которыхъ отличаетъ самъ Несторъ, вели болѣе правильную, человѣческую жизнь и, разумѣется, ранѣе другихъ племенъ вышли изъ дикаго состоянія.

Нравственному развитію, разумѣется, соотвѣтствовалъ и образъ жизни. Изъ сейчасъ приведеннаго описанія пра-

[1] П. С. Л. т. I. с. 6.

вовъ славянскихъ племенъ, другихъ извѣстій, которыя мы находимъ въ лѣтописи Нестора и у чужеземныхъ писателей, равно и позднѣйшаго быта Славянъ, видно, что они проходили въ своемъ племенномъ быту обыкновенные періоды, чрезъ которые проходятъ всѣ младенчествующіе народы до образованія благоустроеннаго общества, какъ-то періоды звѣроловскій, пастушескій и наконецъ земледѣльческій, съ котораго, обыкновенно, и начинается правильная общественная жизнь [1]. Выше мы видѣли, что Радимичи, Витячи и Сѣверяне

[1] Слѣды быта звѣроловскаго, пастушескаго и земледѣльческаго сохранились въ языкѣ: «безъ сомнѣнія было время, говоритъ г. Буслаевъ, когда славянскія племена, вошедшія въ составъ древней Руси, вели жизнь звѣролововъ и пастуховъ... Поклоненіе деревамъ и заповѣднымъ лѣсамъ идетъ, вѣроятно, отъ этой отдаленной эпохи (когда племена жили въ лѣсѣ, ядуще все нечистое, яко всякій звѣрь), потому что вѣрованіе народное образуется подъ вліяніемъ обстоятельствъ жизни. Кровная жертва, безъ сомнѣнія, приличнѣе звѣроловамъ и пастухамъ, нежели земледѣльцамъ. Лукъ и стрѣлы необходимая принадлежность охотника и звѣролова. Древнія пословицы неоднократно упоминаютъ объ нихъ. Эпическія басни о звѣряхъ хотя образовались окончательно уже впослѣдствіи, при развитіи общественной жизни, однако получили свое начало въ ту эпоху, когда пастухъ и охотникъ были товарищами коню, собакѣ, соколу, покровителями скота и врагами дикихъ звѣрей.—Переходъ отъ дикаго состоянія племенъ, населившихъ Русь, къ благоустроенному и преимущественно пастушескому выраженъ въ стихѣ о Егоріи Храбромъ, который, устроя Русскую землю, еще

Наѣзжалъ на лѣса дремучіе:
Лѣса съ лѣсами соливалися,
Вѣтви по землѣ растилалися.

Вмѣсто мирныхъ пастуховъ и стадъ рогатаго скота и овецъ,

Наѣзжалъ Егорій на стадо звѣриное,
На сѣрыхъ волковъ на рыскучіихъ;
И пасвятъ стадо три пастыря,
Три пастыря, да три дѣвицы;
На нихъ тѣла яко еловая кора,
Власъ на нихъ, какъ ковыль трава.

Переходя къ обозрѣнію быта земледѣльческаго, тотчасъ замѣ-

«живяху въ лѣсѣ, якоже и всякій звѣрь, ядуще все нечисто», слѣдовательно, вели жизнь звѣролововъ. Также жили прежде и Поляне. Разсказывая преданіе о построеніи города Кіева, Несторъ замѣчаетъ: «бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху (Поляне) ловящи звѣрь»[2]. Прокопій, указавши, какъ мы это видѣли, на кочевую жизнь Славянъ, дѣлаетъ общее замѣчаніе, что «подобно Массагетамъ, они ведутъ жизнь строгую, дикую и неопрятную»[1]. При открытіи нашей исторіи, во время призванія князей, племена, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя уже оставили дикій образъ жизни: они получили осѣдлость, главнымъ занятіемъ ихъ было земледѣліе и зачиналась торговля по воднымъ путямъ и городамъ[3].

тимъ, съ какой энергіею выражается онъ въ пословицахъ и какой перевѣсъ получаетъ въ жизни Славянъ предъ всякимъ инымъ способомъ существованія. Соха и заступъ хранитъ свѣтъ, говоритъ Сербъ. Къ быту земледѣльческому относится обоготвореніе Земли. Съ успѣхами земледѣлія ленъ и пенька въ одѣяніи заступаютъ мѣсто звѣриныхъ кожъ. . . . Вмѣстѣ съ осѣдлою жизнію племена узнали родной кровъ. Въ противоположность бродягамъ дикарямъ, порогъ родной избы, подъ которымъ, по нѣмецкимъ преданіямъ... живутъ Эльфы или наши домовые, сталъ заповѣдной гранью семейному довольству, какъ энергически выражаетъ старинная сербская пословица: «Кутьни је праг кајветя планина», т. е. перешагнутъ черезъ порогъ родной избы труднѣе, нежели чрезъ самую высокую гору. Русс. пословицы и поговорки г. Буслаева. Архивъ Историко-юрид. свѣдѣній г. Калачева. Москва 1854 г. книги 2-й половина 1-я.

[1] П. С. Л. т. I. с. 4. Истор госуд. польскаго Бандке т. I. с. 14

[2] Geschichte Polens von Roeppel s. 18. 2.—«Vitam aeque, ut massagetae, victu arido in cultoque tolerant, toti, sicut illi, sordibus et illuvie semper obsiti». Приложеніе къ Слав. древн. Шафарика, въ пер. г. Бодянскаго, т. II. кн. III-я с. 39.

[3] «Вотъ какъ изображаетъ намъ, говоритъ Шлёцеръ, честный Несторъ землю свою до Рюрика, т. е. до 860 г., какъ *пустыню*, въ которой жили порознь небольшіе народы, которыхъ всѣхъ исчисляетъ онъ подробно и часто, съ точностію опредѣляетъ мѣсто ихъ пребыванія: которые *жили*, а не кочевали; жили въ *городахъ*, не похожихъ на нынѣшніе города, а на *огороженныя деревни*. Русскія лѣтописи очень обстоятельно описываютъ, какимъ образомъ мало по

Изъ всего изложеннаго доселѣ видно, что каждое племя, въ слѣдствіе сознанія объ общемъ своемъ происхожденіи, первоначально составляло нѣчто цѣлое, жило на своемъ особомъ мѣстѣ, имѣло свое княженіе — племенную власть, и отличалось отъ другихъ не только названіемъ, но и особымъ характеромъ. Весь бытъ этого времени былъ чисто родственный, основанный на кровныхъ началахъ, и, кромѣ родственной связи, никакой другой въ немъ не видно [1]. При дальнѣйшемъ развитіи народной жизни, по мѣрѣ распространенія племени и возникновенія въ немъ новыхъ потребностей, сознаніе объ общемъ, племенномъ происхожденіи и родственныя основы, поддерживавшія единство племеннаго быта, мало по малу слабѣютъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и племена все болѣе и болѣе исчезаютъ, распадаясь на свои составныя части, родовые союзы, которые въ свою очередь, изживши свое кровное содержаніе, превращаются въ общества, связанныя мѣстностію, единствомъ матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ, однимъ словомъ, являются общинами [2]. Исторія открываетъ Славянъ, по крайней мѣрѣ восточныхъ, именно въ эту эпоху разложенія племеннаго быта и возникновенія на мѣсто его новаго, общиннаго. Но переходъ отъ племеннаго быта къ общинному совершился не разомъ и не у всѣхъ племенъ одновременно — у однихъ раньше, у другихъ позже, смотря по мѣстнымъ и временнымъ условіямъ, степени образованности и характеру каждаго племени.

малу въ послѣдующихъ только столѣтіяхъ возникли настоящіе *города* въ Руссіи». Несторъ Шлецера. Введеніе. Отд. II. § 14. Образованіе сѣвера. «Онъ говоритъ только о дикихъ и порознь живущихъ небольшихъ народахъ, а не о царствахъ, — только о предводителяхъ, *старѣйшинахъ*, кацикахъ, а не о царяхъ: онъ изображаетъ ихъ гораздо вѣрнѣе всѣхъ позднѣйшихъ». Тамъ же. Предувѣдомленіе XXII. — Исторія Россіи г. Соловьева. Т. I. с. 247—254.

1 Опытъ исторіи рос. госуд. и гражд. законовъ Рейца, с. 2.

2 Древ. русское право Эверса. с. 1—15.

Таковъ въ общихъ чертахъ первоначальный бытъ славянскихъ племенъ. Переходя въ частности къ домашнему быту, мы чувствуемъ подъ собою туже почву, тоже кровное и только кровное основаніе, ибо въ первоначальныя времена народной жизни нѣтъ различія между бытомъ домашнимъ и общественнымъ. Выше мы видѣли, что по свидѣтельству Нестора, каждый жилъ съ родомъ своимъ, на своемъ мѣстѣ, подчиненный родственной зависимости. Но что же такое древнеславянскій родъ? Какое можно составить о немъ понятіе на основаніи историческихъ данныхъ и результатовъ, добытыхъ наукою Русской Исторіи? Такъ какъ въ рѣшеніи этого вопроса лежитъ ключъ къ нашей задачѣ—развитію наслѣдства по закону, то мы и обратимся теперь къ ближайшему разсмотрѣнію этого вопроса.

Нѣкоторые наши изслѣдователи, протестуя противъ первоначальной родовой жизни нашихъ предковъ, между прочимъ, требуютъ строгаго, точнаго опредѣленія рода. Въ наукѣ, говорятъ они, не должно быть ничего произвольно понимаемаго, неопредѣленнаго... Замѣтимъ: въ *наукѣ*, но не въ исторіи народа, которая, какъ живая жизнь, никогда не знаетъ никакихъ искусственныхъ, созданныхъ человѣческимъ сознаніемъ, опредѣленій. Особенно нельзя требовать этихъ опредѣленій въ первобытной жизни народа, когда человѣкъ не успѣлъ еще придти къ сознанію и живетъ непосредственною жизнію, какъ она сама пошла. Справедливо замѣчаетъ г. Кавелинъ, что «древнѣйшій славянскій бытъ чисто природный. Главная характеристическая черта древнѣйшей славянской общественности заключалась въ томъ, что послѣдняя не знала никакихъ правилъ, не была построена и управляема по началамъ, какъ теперешнія человѣческія общества»[1]. Древняго славянскаго рода, слѣдовательно, нельзя и не должно опредѣлять, ибо въ немъ самомъ не было ничего строго опредѣленнаго; можно только понять его значеніе въ тогдашней жизни и описать, какимъ онъ былъ,

[1] Разборъ книги Терещенко: Бытъ русскаго народа, г. Кавелина. Современникъ 1848 г. N 4, кр. с. 96.

могъ или долженъ былъ быть, судя по аналогіи общечеловѣческаго развитія, историческимъ указаніямъ и остаткамъ родоваго быта въ позднѣйшее время. Современное наше понятіе, хоть напр. такое, что «родъ есть связь всѣхъ членовъ семьи мужескаго и женскаго пола, отъ одного общаго родоначальника происходящихъ» [1], или понятіе о немъ римское, очертанное юридическимъ сознаніемъ: gentiles sunt, qui ab ingenuis oriundi sunt, quorum majorum nemo servitutem servivit, qui capite non sunt deminuti, или какъ опредѣляетъ его юристъ Павелъ: gens adpellatur, quae ex multis familiis conficitur,[2]—эти художественныя понятія къ древнеславянскому роду неприложимы, ибо они сложились уже тогда, когда общественная человѣческая жизнь не только установилась сама собою, но и опредѣлилась современнымъ ей сознаніемъ, закономъ. Понятіе о родѣ, составленное въ эпоху образованную, и родъ Нестора суть двѣ вещи совершенно различныя: первое, какъ начало, отличается техникою, строгою опредѣленностію; второе, какъ сама жизнь, не имѣетъ ничего опредѣленнаго, кромѣ самой себя, своихъ внутреннихъ законовъ, которыя проявились вовнѣ растительнымъ путемъ и не укладываются въ строгую мѣрку нашего мышленія.

Первоначальные славянскіе роды были тѣ родственные союзы, въ которыхъ всегда и вездѣ зачинается народная жизнь. Образуясь естественнымъ путемъ нарожденія, подобный родственный союзъ размножается съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе и наконецъ достигаетъ огромныхъ размѣровъ. Цѣлая масса людей, связанныхъ между собою въ лицѣ старшихъ своихъ членовъ, можетъ быть, сознаніемъ дѣйствительнаго родства, а въ своихъ младшихъ и отдаленнѣйшихъ членахъ, которые образовали по отношенію къ старшимъ нисходящія и боковыя линіи, преданіемъ о своемъ общемъ происхожденіи, составляла тотъ родственный союзъ, который Несторъ называетъ родомъ. Сознаніе своего срод-

[1] Сводъ Законовъ, изд. 1857, т. X. Разд. II ст. 196.

[2] Das Erbrecht in weltgeschichtlicher Entwickelung von E. Gans Berlin, 1825 B II. S. 328 und folg.

ства было главнѣйшимъ основаніемъ этихъ союзовъ; память объ общемъ происхожденіи родичей переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе и у отдаленныхъ потомковъ обращалась въ религіозное вѣрованіе: родъ, прадѣды, дѣды были предметомъ обожанія. Къ этому кровному началу присоединялись и другія связи, прямо изъ него истекающія. Живя на одномъ мѣстѣ и имѣя нѣкогда общаго родоначальника, масса людей, образующихъ собою родовой союзъ, естественно, привыкала къ одинакому образу жизни, руководилась одинакими обычаями и имѣла одинакія религіозныя вѣрованія. Отсюда къ единству кровному, физіологическому привходило и единство нравственное, скрѣплявшее родовой союзъ въ одно цѣлое по отношенію къ другимъ подобнымъ союзамъ.—Безсознательная сила крови была въ то время единственною связью членовъ рода, опредѣляла ихъ внутреннее положеніе, количественный объемъ и давала имъ видъ сплошной массы. Всѣ рождавшіеся въ такой кровной массѣ, разумѣется, чувствовали свое единеніе съ нею, были свои, родные, родственники; всѣ не происходившіе отъ одной крови или утратившіе какимъ бы то нибыло образомъ живую связь съ своею однородною массою были чужіе, изгои, враги. Средняго въ тѣ отдаленныя времена не было, ибо еще не было, кромѣ крови, другихъ болѣе духовныхъ основаній человѣческаго единенія, каковы напр. различныя общественныя цѣли. Родъ для древняго славянина былъ все: и государство, и общество, и семья; вся жизнь человѣка того времени вращалась въ немъ и внѣ его не было никакой жизни, точно такъ, какъ для насъ, по нашимъ понятіямъ, нѣтъ жизни внѣ государства. Справедливо говоритъ г. Соловьевъ, что «мы теперь почти потеряли значеніе рода; у насъ остались производныя слова-родня, родство, родственникъ.... но предки наши не знали семьи, они знали только родъ, который означалъ всю совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ; родъ означалъ и совокупность родственниковъ и каждаго изъ нихъ; сначала предки наши не понимали никакой общественной жизни внѣ родовой и потому употребляли слово *родъ* также

въ смыслѣ соотечественника, въ смыслѣ *народа*»[1]. Впрочемъ это послѣднее слово есть уже понятіе позднѣйшее, относящееся къ тому времени, когда утратилась родственная связь между родоначальникомъ и его племенемъ, и когда понятіе о соплеменникѣ перестало возбуждать понятіе о родствѣ и перешло къ представленію множества, толпы. [2] Первоначально же Славяне, не зная семьи, нигдѣ не употребляли даже и слова *семья. Домъ, дымъ,* отеческое огнище, родное пепелище, на которомъ сидѣли и согрѣвались всѣ, связанные общимъ происхожденіемъ отъ одного родоначальника, выражали собою всѣ представленія Славянъ о семейномъ бытѣ. Искать, слѣдовательно, семьи въ первоначальныя времена нашей исторической жизни, значитъ заносить въ нее наши современныя понятія или, по крайней мѣрѣ, понятія позднѣйшаго времени. Ниже мы увидимъ, на сколько это вредно для историческихъ изслѣдованій [3].

[1] Исторія Россіи г. Соловьева, т. I. с. 46—47. —Древнѣйшее русское право Эверса с. 14. пр. 2.

[2] О вліяніи христіанства на славянскій языкъ г. Буслаева, с 153, 154.

[3] Здѣсь мы не можемъ не привести превосходнаго анализа первоначальныхъ родственныхъ понятій нашихъ предковъ, сдѣланнаго г. Буслаевымъ съ такимъ глубокимъ знаніемъ дѣла, тѣмъ болѣе, что по отношенію къ древнѣйшимъ временамъ языкъ есть самый вѣрный проводникъ къ правильному разумѣнію начальныхъ народныхъ представленій о его бытѣ. Пересматривая остатки, сохранившіеся отъ сѣдой древности въ нашемъ языкѣ, преимущественно въ пословицахъ, въ этихъ первыхъ, дѣтскихъ изрѣченіяхъ главныхъ положеній жизни, г Буслаевъ говоритъ:

«Семейныя связи установились и упрочились подъ роднымъ кровомъ» т. е. когда Славяне узнали осѣдлую жизнь. «Согрѣтые отческимъ *огнищемъ,* дѣти привыкли любить и уважать своихъ родителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣхъ старшихъ: *ибо безъ стараго пня и огнище сиротѣетъ.* Для означенія старшого въ домѣ есть въ нашемъ языкѣ одна въ высшей степени любопытная поговорка или эпическая форма, для уразумѣнія которой предварительно слѣдуетъ напомнить читателю о связи понятій дыма и семьи, дома. И доселѣ пословица говоритъ: «домъ пахнетъ дымомъ»; или, какъ говорятъ Сербы: «у свакой кутьи има дима».—Поляне, еще

Сознаніе цѣлости рода особенно видимымъ образомъ выражалось въ его представителѣ, родоначальникѣ, которымъ обыкновенно былъ старшій въ цѣломъ родѣ. Такими родоначальниками были нѣкогда Кій, (княжившій въ родѣ своемъ), Щекъ и Хоривъ, Радимъ и Вятко — баснословныя имена, сохранившія намъ память о доисторическихъ владыкахъ родовъ, разросшихся потомъ въ цѣлое племя; такими же были *старѣйшины* и *старцы градскіе*, упоминаемые Несторомъ при первыхъ Князьяхъ и обратившіеся потомъ въ нашихъ «лучшихъ людей» [1]. У другихъ славянскихъ пле-

въ эпоху доисторическую усѣвшіеся осѣдлыми жилищами, употребляли уже слово *дымъ* вмѣсто семья, изба, и именно въ обычномъ выраженіи о дани или пошлинѣ, какъ свидѣтельствуетъ Несторъ слѣдующими словами: «сѣдумавше Поляне и вдавша *отъ дыма* мечь»... Домъ крѣпокъ хозяиномъ, и семья держится старшими: потому пословица говоритъ: «*всякой домъ на большу голову стоитъ.*» Такъ какъ отъ понятія о старшемъ въ семьѣ образовалось понятіе о власти вообще: то *старшій*, *старѣйшина* — уже въ древнѣйшую эпоху разширили свое значеніе до *перваго*, *нáбольшаго*, *владыки*. Особенно разительна связь этихъ понятій въ сербскомъ выраженіи *младой старѣйшина* въ пословицѣ: тешко кутьи на младој старјешини-«тяжко избѣ на младомъ старѣйшинѣ.»—Русскія пословицы г. Буслаева, Архивъ г. Калачева. т. II. 1854 г. с. 27, 28.

[1] «*Старѣйшина* у Славянъ есть синонимъ *владыки*. Остромирову вл҃дка въ Реймск. Ев. соотвѣтствуетъ: *старѣишина*, Мат. 2. 6. Какъ у Иллирійцевъ латинскаго исповѣданія, въ Далмаціи, materfamilias называется *владыка*, словомъ, въ томъ же значеніи употребляющимся еще въ законахъ Стефана Душана; такъ соотвѣтственно тому у Сербовъ греческаго исповѣданія глава семьи называется старіешина, который, подобно древнеславянскому владыкѣ, избирается, даже и не старшій, но лучшій изъ челядинцевъ и управляетъ всѣмъ домомъ. По значенію слова надобно полагать, что *старѣйшина* имѣлъ смыслъ родоначальника, праотца, старшаго члена семейства... Старѣйшинствомъ означалась у насъ всякая власть и первенство. — О вліяніи христіанства на слав. яз. г. Буслаева. ст. 168 и 169. «Собственно значеніе *владыки* открывается изъ исторіи древнеславянскаго семейнаго управленія». Тамъ же стр. 167 и 168. Въ судѣ Любуши говорится, что когда умретъ глава семейства, то дѣти всѣ сообща выбираютъ себѣ владыку

менъ они носили названіе *владыкъ*, *жупановъ*; наше слово *князь* также хранитъ въ своемъ производствѣ первоначальное значеніе родоначальника [1]. Не всегда однако старшій возрастомъ былъ главою родоваго союза; есть указанія, что владыки рода избирались. Первоначально, разумѣется, родовое старшинство строго соблюдалось; но чѣмъ болѣе размножался родовой союзъ, чѣмъ болѣе линіи его расходились, тѣмъ, разумѣется, труднѣе было опредѣленіе между родичами ихъ дѣйствительнаго старѣйшинства, а потому избраніе является необходимымъ. Избраніе, слѣдовательно, есть явленіе позднѣйшее, ибо предполагаетъ съ одной стороны сознаніе о тѣхъ обязанностяхъ, которыя лежали на родовомъ представителѣ, а съ другой—о личныхъ достоинствахъ избираемаго преемника родоваго старшинства [1].

Каковы были отношенія этихъ родоначальниковъ къ своему роду, за неимѣніемъ прямыхъ историческихъ данныхъ, относящихся къ этому отдаленному времени, фактически представить нельзя, тѣмъ болѣе, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ родоваго быта и характеръ этихъ отношеній измѣняется,

изъ рода. «И такъ владыка управлялъ у Славянъ родомъ и семьею, по свидѣтельству памятника IX вѣка.» Тамъ же.

[1] «Сюдаже относится нашъ князь, слово, столь удалившееся отъ первоначальнаго понятія о родѣ, сохранившагося въ словѣ *жена* (отъ санскрит. джан рождать) и только въ связи съ нѣмецкимъ *kuning*, *koning*, нисходящее до значенія рода въ гот. kuni и въ скн. миѳѣ о сынѣ Ярла, *konr*. . . Только сила народнаго преданія могла удержать въ словахъ князь и княгиня память о древнѣйшемъ ихъ значеніи, придавъ имъ смыслъ жениха и невѣсты. .. И такъ, въ словѣ князь суффиксъ азь (ing) выражаетъ родовое и родственное отношеніе; точно также, какъ и коренные звуки *kn*. кон. kun. . . ведутъ свое происхожденіе отъ джан рождать.»—О вліяніи христіанства на славянскій языкъ, г. Буслаева. 1848 г. с. 163, 164. — Исторія Россіи г. Соловьева, т. II. Письмо г. Буслаева къ автору, въ приложеніяхъ, с. 44. 45. Тамъ же, т. IV. Дополненія и поправки, с. XLI—XLV. — Исторія древняго наслѣдственнаго права у Славянъ г. Губе, с. 61.

[2] Исторія древняго наслѣдственнаго права у Славянъ j. Губе, с. 64. см. ниже разборъ пѣсни о судѣ Любуши.

получая различныя оттѣнки. Но отношенія эти сами собою выясняются во 1-хъ изъ родственнаго ихъ характера, во 2-хъ и главнымъ образомъ, изъ аналогическихъ отношеній членовъ нашего княжескаго рода; въ 3-хъ изъ нѣкоторыхъ историческихъ показаній, какъ напр. изъ упомянутой уже пѣсни о судѣ Любуши и наконецъ, въ 4-хъ, изъ сохранившихся до настоящаго времени у Славянъ западныхъ, южныхъ и нашего простаго народа древнѣйшихъ обычаевъ, обрядовъ, пѣсенъ, пословицъ и преданій, которые живо воскрешаютъ предъ нами первоначальный бытъ нашихъ предковъ [1]. На этихъ основаніяхъ, можно думать, что родоначальникъ соединялъ въ себѣ для членовъ своего рода все, что необходимо было для тогдашняго быта Славянъ, преимущественно же понятія *отца*, *жреца* и *властителя*. Понятіе отца, родителя и естественныя отношенія къ нему дѣтей были основаніемъ всей славянской жизни; въ послѣдствіи времени это родственное пониманіе самихъ себя и своихъ кровныхъ отношеній Славяне перенесли не только на весь общественный свой бытъ, который сложился по прототипу семейной жизни [2], но даже на весь внѣшній міръ, опредѣ-

[1] Юридическій бытъ древ. Россіи г. Кавелина. Современникъ 1847 г. N 1. Его же разборъ книги Терещенко: Бытъ рус. народа, Современникъ 1848 г. .—Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религіи Славянъ, г. Соловьева. Архивъ г. Калачева т. I. 1850 г.—О значеніи изгоевъ г. Калачева, тамъ же.—О вліяніи христіанства на славянскій языкъ, г. Буслаева. Москва 1848 г. — Его же пословицы и поговорки. Архивъ г. Калачева т. II 1854 г.—Изслѣдованія г. Аѳанасьева: 1., О значеніи рода и рожаницъ, Архивъ г. Калачева т. II. — 2., Вѣдунъ в Вѣдьма - Альманахъ Комета, изд. г. Щепкинымъ. Москва 1851 г.

[2] «Слово *женихъ*, происходя отъ корня съ словомъ жена, проходитъ чрезъ всѣ языки индоевропейскіе. . . . И такъ . . . очевидно оказывается переходъ понятій отъ жизни семейной къ общественной и государственной, къ понятіямъ о жрецѣ, князѣ, власти. Такимъ образомъ устройство семьи языкъ полагаетъ въ основу устройству общественному. Исторія Россіи г. Соловьева, т. II. Письмо г. Буслаева къ автору, с. 44 45.—Его же. О вліяніи христіанства на славянскій языкъ, с. 149 и слѣд.

ливъ въ немъ взаимное отношеніе его частей и элементовъ, какъ отца къ дѣтямъ [1]. О религіозномъ значеніи родоначальника не можетъ быть сомнѣнія, когда мы знаемъ, что вообще предки, прародители, праотцы, пращуры были даже обоготворяемы. При вѣрѣ въ загробную жизнь, естественно было придти къ тому вѣрованію, что душа умершаго родоначальника и по смерти остается съ своимъ родомъ, блюдетъ за его благосостояніемъ; отсюда происхожденіе духовъ-покровителей для цѣлаго рода и каждаго родича—Рода и Рожаницъ: «молящеся роду и рожаницамъ..... беззаконная трапеза, мѣнимая роду и рожаницамъ» [2]. Собственно же жреческій характеръ родоначальника особенно яснымъ образомъ выражается въ сохранившемся и до сего времени обычаѣ, по которому отецъ семейства въ извѣстныхъ случаяхъ кадитъ домашнимъ иконамъ [3]. Что касается наконецъ до властительскаго значенія домовладыкъ, то разумѣется, что власть ихъ первоначально имѣла чисто родственный характеръ и только въ послѣдствіи, по мѣрѣ размноженія рода и потемнѣнія въ отдаленнѣйшихъ членахъ его чувства кровнаго родства, она постепенно принимала административный характеръ. Само собою разумѣется, что пока

[1] Воззрѣніе на внѣшній міръ въ этомъ смыслѣ особенно ярко выступаетъ въ Голубиной книгѣ, гдѣ всѣ понятія о природѣ сложились по образу понятій родственныхъ: «который городъ всѣмъ городамъ отецъ? которая церковь всѣмъ церквамъ мати? У насъ индрикъ звѣрь всѣмъ птицамъ отецъ. Стратимъ птица всѣмъ птицамъ мати. Карфумуколосъ камень. . ижъ всѣмъ камнямъ господинъ. — Дополненія къ Сахарову, г. Буслаева. Архивъ г. Калачева, 1850 г. отд. четв. с. 20 и 22.

[2] Очеркъ обычаевъ, нравовъ и религіи Славянъ, г. Соловьева. с. 35 и 36.—Разборъ книги Терещенко: Бытъ русскаго народа, г. Кавелина. Современникъ 1848 г. N X. с. 92, 93, 95.—Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, г. Калачева, 1855 г. книги II полов. 2-я статьи о *рожаницахъ*—г-дъ Срезневскаго и Аѳанасьева.

[3] Вѣдунъ и Вѣдьма. г. Аѳанасьева. Альманахъ Комета, изд. г. Щепкинымъ. Москва 1851 г.—г. Буслаева: О вліяніи христіанства на славянскій языкъ.

родъ не многочисленъ, когда, слѣдовательно, родство между членами его рѣзко ощутительно, то власть родоначальника совершенно сходна съ властію отца семейства. При первоначальной грубости нравовъ, отецъ смотритъ на своихъ дѣтей, внуковъ, правнуковъ и т. д., какъ на свою собственность, и власть его надъ ними не имѣетъ границъ. Всѣ члены рода становятся предъ нею въ безличное отношеніе [1]. Но когда родъ размножался, отъ общаго родоначальника линіи расходились во всѣ стороны и ставили во главу свою старшихъ родичей почти одинаковыхъ степеней, когда, слѣдовательно, живое сознаніе близкаго родства между членами рода ослабѣвало; тогда наступали иныя, болѣе духовныя отношенія членовъ рода къ своему родоначальнику, основанныя болѣе на уваженіи къ его старѣйшинству, нежели на боязни его матеріальной силы и опытнаго превосходства, чѣмъ обыкновенно опредѣляется первоначально власть отца надъ дѣтьми. Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ нашемъ княжескомъ родѣ, образъ котораго мы постоянно имѣемъ въ виду при представленіи родовой жизни нашихъ предковъ. Это размноженіе рода, развѣтвленіе его на множество линій, главы которыхъ считаются между собою почти въ одинакихъ степеняхъ старшинства и мало чѣмъ уступаютъ въ немъ своему общему домовладыкѣ, и ведетъ къ ограниченію власти послѣдняго; власть же от-

[1] «Впрочемъ и власть, справедливо замѣчаетъ г. Кавелинъ, какъ основаніе семейнаго союза, была тогда иною, чѣмъ теперь. Она еще не была сознана, опредѣлена, какъ начало, послѣдовательно проведенное въ малѣйшихъ подробностяхъ всѣхъ отношеній, и потому обнаруживалась случайно, неопредѣленно; безъ этихъ случайныхъ, временныхъ проявленій нельзя было и подозрѣвать ея присутствія въ бытѣ. Оттого рядомъ съ данными, свидѣтельствующими о безграничной власти и господствѣ первобытныхъ родоначальниковъ, встрѣчаются другія данныя, доказывающія, напротивъ, неповиновеніе домочадцевъ главамъ семей и какъ бы равенство между ними.» Современникъ 1848 г. № X. Разборъ книги г. Терещенко, с. 95—105.

цовъ семействъ, образующихъ собою родовой союзъ, все еще остается во всей своей грубой силѣ и не стѣсняется вмѣшательствомъ общаго родоначальника, который въ это время есть не иное что, какъ блюститель общеродовыхъ интересовъ. Неограниченныя права остаются у него только по отношенію къ своему семейству, состоящему изъ нисходящихъ и живущихъ подъ его отеческою властію; по отношенію же къ цѣлому родовому союзу, онъ не болѣе, какъ уполномоченный, часто выборный представитель общеродовыхъ интересовъ, котораго власть ограничена волею старшинъ поколѣній, образующихъ въ своей совокупности родовой союзъ [1]. Такимъ образомъ чисто родственный характеръ, характеръ отцевъ семействъ, родоначальники имѣли въ то время, когда родовое устройство было въ полномъ развитіи и когда роды находились въ болѣе или менѣе разъединенномъ состояніи; какъ же скоро, въ-слѣдствіе дальнѣйшихъ успѣховъ жизни и увеличенія народонаселенія, роды пришли во взаимное соприкосновеніе и между ними, кромѣ своей внутренней, завязалась

[1] Исторія Россіи г. Соловьева. т. IV. Дополненія и поправки XLI.— Древнѣйшее русское право Эверса въ перев. Платонова. Москва 1835 г.-Опытъ исторіи русс. государ. и гражд. законовъ Рейца, Москва 1836 г. с. 11 и 12, примѣчаніе 11: Власть отца рѣшала споры между членами семейства, глава рода—между принадлежащими къ оному. Кто не повиновался такому рѣшенію, того собраніе начальниковъ и отцовъ семейства приводило къ повиновенію. Каждый родъ составлялъ общину, а всѣ общины вмѣстѣ совѣщались объ общественныхъ дѣлахъ; они, собраніе старѣйшинъ и знатнѣйшихъ, дѣлали постановленія; народъ, т. е. принадлежавшіе къ родамъ и племени, повиновались ихъ приговору. Когда зависть различныхъ родовъ нарушила согласіе сихъ совѣщаній, и сильнѣйшій родъ хотѣлъ господствовать надъ менѣе сильными, не столь многочисленными; тогда наступило то состояніе внутренняго разстройства, которое лѣтописи приводятъ, какъ причину призванія иноплеменныхъ князей. Подобное состояніе долженствовало наступить и имѣть вездѣ болѣе или менѣе подобныя слѣдствія. Такъ и богемскіе Славяне рѣшили избрать общаго властителя.»

междуродовая жизнь, то съ этимъ вмѣстѣ лицо родоначальника должно было получить и властительскій характеръ, какъ представителя рода на вѣчѣ, сходкахъ [1].

Но если съ одной стороны, съ размноженіемъ членовъ рода, по мѣрѣ постепеннаго его развѣтвленія, значеніе родоначальника мѣняется, принимая болѣе и болѣе не родственный, а административный характеръ, то съ другой стороны, параллельно этому измѣненію, происходитъ также постепенно, мало по малу, перемѣна въ положеніи членовъ рода въ отношеніяхъ ихъ къ родоначальнику и между собою: появляются отъ времени до времени отношенія неродственныя. Чувство родства есть источникъ всѣхъ правъ и обязанностей въ кровномъ быту; ближайшая степень родства къ родоначальнику даетъ и больше правъ, дальнѣйшая умаляетъ правомѣрность члена рода. Отсюда въ то время, какъ ближайшіе по родству къ родоначальнику члены рода переходятъ въ старшинъ идущихъ отъ нихъ поколѣній и, въ послѣдствіи, становятся независимыми владыками, отдаленнѣйшіе члены рода, у которыхъ не только угасло уже сознаніе родства, но едва сохранилось преданіе объ общемъ происхожденіи съ другими членами родоваго союза, умаляются въ своихъ правахъ, переходятъ въ служебное, зависимое состояніе. Отсюда рабство, сиротство, изгойство, вообще низшая, нищая братія [2]. Изъ исторіи нашего княжескаго рода мы знаемъ, какъ родовыя отношенія перешли съ одной стороны въ семейныя, а съ другой въ государственныя [3]. По

[1] Русскія пословицы г. Буслаева. Архивъ г. Калачева т. II. 1854 г. с. 28.—Разборъ книги г. Терещенко «Бытъ русскаго народа» г. Кавелина. Современникъ 1848 г. N X. с. 92 и 93 – См. ниже разборъ пѣсни о судѣ Любуши.

[2] Архивъ историко-юрид. свѣдѣній г. Калачева. 1850 г. т. I. О значеніи изгоевъ, его же.

[3] Исторія отношеній между Русскими Князьями Рюрикова Дома г. Соловьева. Москва 1847 г.

мѣрѣ постепеннаго размноженія княжескаго рода, родоначальникъ, великій князь, все болѣе и болѣе терялъ родственный характеръ, пока наконецъ въ лицѣ московскихъ князей преобразился окончательно въ господина, государя. Между тѣмъ отдаленнѣйшіе члены рода, потерявшіе, въ слѣдствіе различныхъ причинъ, свое родовое значеніе, обратились въ служебныхъ князей, лишились своей независимости и, наровнѣ съ другими подданными, сдѣлались рабами, холопами, сиротами своего государя. Тоже самое происходило нѣкогда и въ общей народной массѣ, о чемъ память сохранилась въ производствѣ слова *рабъ* и въ значеніи, какое имѣли въ нашей древней исторіи изгои и сироты.

Первоначальный источникъ рабства всегда и вездѣ — это отчужденіе отъ родства. Рабство коренится въ первыхъ человѣческихъ обществахъ, образующихся изъ первобытныхъ родовыхъ союзовъ. Какъ только кровныя отношенія между людьми начинаютъ мѣняться на некровныя, неродственныя, то тотчасъ и готово положеніе для раба. Человѣкъ, потерявшій, въ слѣдствіе чего бы то ни было, кровную связь съ тѣмъ союзомъ людей, въ которомъ родился, есть первый рабъ. Образовавшись въ нѣдрахъ родственныхъ союзовъ, рабъ первоначально имѣетъ родственный характеръ: онъ *свой*, домашній, меньшій членъ родственнаго союза, *рабенокъ*, [1] слабый, безпомощный, неимѣющій равныхъ правъ съ другими членами рода, которые считаются родными, чувствуютъ свое кровное родство. Вотъ почему въ первобытное время участь раба никогда не бываетъ такъ тяжка, какъ въ

[1] Что слово *рабъ* значило малый, юный, доказательствомъ тому служитъ производное отъ него слово *робенокъ* или *рабенокъ*, а также и производные глаголы: отъ робъ или рабъ—*роблю, умаляюсь духомъ*, точно такъ, какъ *унываю* находится въ связи съ *юный* или *уный*; отсюда же слово унеинъ; отрокъ значитъ мальчика или раба. Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религіи Славянъ. г. Соловьева. Архивъ г. Калачева 1850 г. с. 6—8. — О вліяніи христіанства на слав. языкъ г. Буслаева. Москва 1848 г. с. 157—58.

послѣдствіи, когда родственныя чувства совершенно вымрутъ между членами родоваго союза и бытъ родовой смѣнится общиннымъ. Тогда изъ рабенка, меньшаго, младшаго члена рода онъ переходитъ въ безправнаго человѣка, назначеніе котораго выражается словомъ *работать*, служить, быть домашнимъ животнымъ. Съ такимъ чисто вещнымъ характеромъ рабъ и является въ нашей исторіи въ періодъ Русской Правды, когда родовой бытъ смѣнился общиннымъ, между тѣмъ какъ греческіе писатели хвалятъ Славянъ за мягкое, родственное обращеніе съ рабами въ эпоху господства родоваго быта [1].

На такое происхожденіе несвободнаго класса указываетъ и другое слово *сирота*, первоначально равное по своему значенію слову рабъ. Сирота — человѣкъ, оставшійся безъ племени. Во время господства родоваго быта подобный человѣкъ лишался всѣхъ правъ; а такъ какъ внѣ родоваго союза не было для индивида никакого безопаснаго мѣста, то онъ и примыкалъ внѣшнимъ образомъ къ тому родственному союзу, въ которомъ родился, но примыкалъ безъ всякихъ правъ, ибо у него не было единственнаго въ это время основанія правомѣрности — родственнаго единенія съ этимъ родовымъ союзомъ. Когда на мѣсто кровнаго быта возникъ въ послѣдствіи общинный, то семейное значеніе сироты перешло въ общественное; здѣсь мы встрѣчаемъ его несвободнымъ человѣкомъ, рабомъ. Первоначальное значеніе сироты сохранилось въ сознаніи нашихъ предковъ довольно

[1] «Qui sunt in captivitate apud eos, говоритъ Императоръ Маврикій, non omni tempore, ut apud gentes alias, in servitute tenentur, sed certum eis definitur tempus, in arbitrio eorum reliquendo, si ablata mercede velint dein reverti ad suos, aut manere apud ipsos liberi et amici».-Славянскія древности г. Шафарика, пер. г. Бодянскаго, Москва. т. II книга III-я, Приложенія с. 45.—Сравненіе законовъ Серб. Царя Стефана Душана съ древ. постановленіями Чеховъ. г. Палацкаго Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древ. Рос. 1846 г. N 2. с. 7 и 8: «*Меропхи, Сербы и отроки.*»

живо до позднѣйшаго времени, такъ что вообще всѣ несвободные назывались сиротами [1].

Наконецъ, таже мысль происхожденія несвободы, въ слѣдствіе отчужденія отъ родства, выражается и въ положеніи нашихъ древнихъ изгоевъ. Какое бы значеніе ни придавали этому разряду людей, т. е. болѣе ли тѣсное, какъ понимаетъ ихъ г. Калачевъ, или болѣе широкое, какое даетъ имъ г. Соловьевъ, для насъ важно то, что изгои были люди безродные, и положеніе ихъ, объемъ правъ и обязанностей опредѣлялись родовымъ началомъ, которое было основаніемъ всей тогдашней жизни [2].

[1] «*Небози* и *убозіи* почти одно и тоже съ нашимъ стариннымъ-*сирота*. Слич. перевод. nebostwo, ubogi, ubostwo — miser, infelix, miseria. П. С. Л. Новгор. л. Поправки и дополненія с. 45 и 30. — «Помните и милуйте странныхъ, *убогихъ*, заключенныхъ въ темницы, говоритъ Новгородскій Епископъ Лука Жидята въ поученіи къ своей паствѣ, и къ своимъ *сиротамъ* (рабамъ) будьте милостивы.» Русс. Достоп. т. I, с. 7. — Такимъ образомъ, слова: сиротскій, рабскій и нищенскій однозначительны у насъ въ древности, ибо сирота значитъ рабъ и нищій. До сихъ поръ въ архангельской губерніи сиротами называютъ нищихъ (Опытъ Обл. Слов. стр. 203); это показываетъ, кто былъ нищимъ и рабомъ въ первоначальномъ родовомъ обществѣ. Въ послѣдующихъ памятникахъ постоянно встрѣчаемъ выраженія при челобитьяхъ: «сироты твои государевы.»—Исторія Россіи г. Соловьева т. III. прил. с. XIV, 211.

[2] Положеніе изгоевъ доказываетъ всю силу и значеніе родоваго быта того времени: «отрѣшенный отъ своего рода и потому поставленный внѣ всякихъ общественныхъ отношеній, изгой былъ существо самое безпомощное и несчастное въ то древнее время, когда на всякаго чужеродца смотрѣли не иначе, какъ на непріятеля и когда умычки и похищенія были единственнымъ средствомъ для пріобрѣтенія женщины изъ чужаго рода; но этого мало: изгой долженъ былъ, сверхъ того, считаться по родовымъ понятіямъ и грѣшникомъ и преступникомъ». Архивъ историко-юр. свѣдѣній, г. Калачева 1850 г. т. I. О значеніи изгоевъ, его же с. 57. Примѣры такихъ скитальцевъ-безродныхъ мы видимъ въ исторіи нашего княжескаго рода «и се четвертое изгойство и себѣ приложимъ:

Такимъ образомъ, по всѣмъ соображеніямъ, мы должны признать, что еще во время полнаго господства родоваго быта не вся масса славянскаго народонаселенія состояла изъ людей одинаково полноправныхъ. Въ самомъ родѣ, слѣдовательно, уже обозначились въ зачаткахъ тѣ классы людей, которые рѣзче и опредѣленнѣе выступили потомъ въ общинномъ быту [1]. Ближайшіе къ общему родоначальнику родичи, стоявшіе во время полнаго развитія рода во главѣ идущихъ отъ нихъ линій, при вскрытіи нашей исторіи, признаніемъ общей всѣмъ родамъ высшей власти въ лицѣ призванныхъ князей, уравниваются съ своими родоначальниками и образуютъ вмѣстѣ съ ними высшій, благородный слой народонаселенія, сперва подъ именемъ старѣйшинъ, старцевъ градскихъ, а потомъ—бояръ, которые, смѣшавшись съ дружинниками, составляютъ въ позднѣйшее время служилый классъ людей; отдаленнѣйшіе члены рода, не утратившіе между собою сознанія своего родства и признанные, слѣдовательно, родовитыми, образуютъ потомъ свободный классъ земледѣльцевъ; наконецъ рабы, сироты, изгои, люди, утратившіе всякую родственную связь съ родовыми союзами, положили основаніе несвободному классу, который вообще и называется у насъ низшею, нищею братіею [2].—Само собою разумѣется, что эти народныя массы, впослѣдствіи классы

аще князь осиротѣетъ.» Тамъ же с. 69. Исторія Россіи г. Соловьева т. III. с. 290.

[1] Опытъ истор. росс. госуд. и гражд. законовъ Рейца, въ пер. Морошкина. Москва 1836 г. с. 7. пр. 4. с, 30. пр. 1.

[2] См. ниже значеніе богемскихъ кметовъ, леховъ и владыкъ.-Сравненіе законовъ Серб. Царя Душана съ древ. Богем. постановленіями, г. Палацкаго, Чтенія Москов. Общ. Ист. и Древ. Рос. 1846 г. N 2. с. 7. — Рейцъ, Опытъ исторіи рос. гражд. и госуд. законовъ, въ пер. Морошкина. Москва 1836 г. с. 149—207. «Такимъ образомъ, говоритъ г. Буслаевъ, изъ нѣдръ семьи съ одной стороны исходитъ понятіе властителя, а съ другой понятіе раба: какъ латинское famulus отъ familia, такъ точно и челядинъ, уже въ договорѣ Олега, въ смыслѣ раба: «аще украденъ будетъ челядинъ русскый, Лав. 15, также въ Рус. Правдѣ: «аще

людей, не были рѣзко различены и ограничены ибо вообще въ первоначальномъ быту нѣтъ никакихъ сознательныхъ, искусственныхъ опредѣленій. Кто былъ рабъ, кто свободный или благородный — это рѣшала сама жизнь; сознательныя, юридическія опредѣленія суть уже плодъ дальнѣйшей общественной жизни, а потому и въ нашей исторіи они возникли только въ позднѣйшее время.

Что касается до женщины, то и ея значеніе въ нашей исторіи опредѣлилось первоначальнымъ положеніемъ ея въ родовому быту. «Тѣми же условіями (отсутствіемъ сознательныхъ опредѣленій), говоритъ г. Кавелинъ, опредѣлилось и положеніе женщины въ первобытной семьѣ, но къ нимъ приходили еще другія. Многіе думаютъ, что женщина была тогда рабой; но что значитъ эта фраза? Юридическаго характера, уравнивающаго людей съ вещами, рабство не имѣло въ отдаленнѣйшей древности: дѣти не различались отъ рабовъ. Съ одной стороны женщина покупалась и продавалась, какъ товаръ; мужъ имѣлъ надъ женою такое же безусловное право жизни и смерти, какъ надъ домочадцами; наконецъ, на ней у Славянъ лежали всѣ самыя трудныя работы[1]. Но рядомъ съ тѣмъ, съ другой стороны, видимъ, что жена домовладыки, какую бы второстепенную роль ни играла въ семьѣ, была однакоже матерью его сыновей и уже по одному этому стояла выше остальныхъ домочадцевъ. Какъ мать, она естественно, по законамъ природы, не могла не пользоваться нѣкоторымъ уваженіемъ со стороны дѣтей. Соображая эти рѣзкія противоположности, мы видимъ изъ нихъ вотъ что: въ первоначальномъ быту, управляемомъ естественными, природными потребностями, а не нравственными законами, физіологическое значеніе женщины — быть женой, матерью должно было выдаться очень ярко и иг-

кто спознаетъ челядинъ свой украденъ»—чрезъ форму челядь происходитъ отъ скр. кула родъ, племя, семья.» О вліяніи христіанства на славянскій языкъ, с. 158.

[1] Русская Бесѣда. Москва 1858 г. кн. 2 с. 105 — 107.

рать очень важную роль въ опредѣленіи общественнаго положенія женскаго пола. Но это назначеніе, какъ всѣ первобытныя отношенія, не было возведено въ начало. Сверхъ того, оно понималось грубо, слишкомъ матеріально и потому не мѣшало обращаться съ женщиной, какъ со всѣми прочими домочадцами. Вотъ источникъ противорѣчій, которыми наполнена жизнь первобытной женщины. И такъ общественное положеніе женщины въ первобытной семьѣ условливалось ея назначеніемъ матери, жены и измѣнялось по лицамъ, по членамъ семейства, по возрасту. Внѣ этихъ отношеній она была работницей, слугой, наравнѣ съ прочими подлежащей самому полновластному произволу домовладыки»[1].

Это воззрѣніе на женщину вполнѣ оправдывается всѣми сохранившимися историческими извѣстіями. Въ дополненіе мы можемъ только сказать, что кромѣ физіологическаго назначенія женщины и свойства родственныхъ властей, въ зависимости отъ которыхъ она всегда находилась, положеніе ея опредѣлялось и устройствомъ семейнаго быта этого времени, т. е. быта родоваго. Первыя два условія опредѣляли положеніе женщины внутри родной семьи, послѣднее—преимущественно общественное ея значеніе, какое она удерживаетъ во всю нашу исторію и какого она не могла бы получить при иномъ устройствѣ домашняго быта, напр. семейномъ. Пока роды находились въ разъединенномъ состояніи, пока каждый жилъ съ родомъ своимъ на своихъ мѣстахъ и браки заключались внутри самихъ родовъ, не имѣя стыденія ни къ матерямъ, ни къ сестрамъ и снохамъ, до тѣхъ поръ положеніе женщины обусловливалось естественнымъ ея назначеніемъ—быть женой, матерью. Но когда роды вошли во взаимныя отношенія, когда начали умыкать себѣ женъ или покупать изъ другаго рода, когда, слѣдовательно, для женщины открылась общественная жизнь того времени, т. е. въ *чужомъ родѣ*, на *чужой сторонѣ*, съ чу-

[1] Разборъ книги Терещенко: Бытъ русскаго народа, г. Кавелина. Современникъ 1848 г., № X, с. 95—105.

жими людьми, то родовое устройство семейнаго быта и вражда родовъ между собою имѣли огромное вліяніе на судьбу женщины и ея будущее общественное положеніе. Во время умычки и купли женъ роды стали смотрѣть на женщину, какъ на непринадлежащую себѣ, какъ на гостью, мѣновой товаръ, который вѣчно смотритъ изъ рода вонъ. Это воззрѣніе дало ей новое положеніе, какого она прежде не имѣла, какъ среди своего, такъ и чужаго рода: для обоихъ она стала, собственно говоря, чужою, чѣмъ и объясняется та горькая участь, которую несли женщины того времени и тотъ вѣчный плачь и горе, которыя такъ ярко выражаются во всѣхъ обрядахъ, пѣсняхъ и причитаніяхъ, сопровождавшихъ выходъ въ замужство [1]. Но если съ этого времени женщину ожидала такая тяжкая доля въ чужомъ родѣ, то положеніе ея внутри родной семьи до замужства сдѣлалось легче. Назначенная въ чужой родъ, она была гостья въ родной семьѣ, которая, зная лютую участь, ожидающую ее въ замужствѣ, дѣйствительно, давала *дѣвушкѣ* много льготъ въ сравненіи съ женами, на которыхъ лежали самыя тяжкія, какъ сказано, домашнія работы. Оттого-то дѣвушка съ такимъ убивающимъ горемъ и тоскою расплетала свою русую косу, чего при семейномъ устройствѣ домашняго быта быть не могло. Впрочемъ и положеніе дѣвушки не всегда было одинаково. Не легко было, напр., положеніе сестры при братьяхъ женатыхъ безъ отца, родительское чувство котораго было ей защитой. Въ противоположность дѣвичеству *замужство* женщины, опять въ слѣдствіе родоваго быта, было невыносимо тяжело. И понятно, поступая въ чужой родъ, она была всѣмъ чужая и ей всѣ были чужды, особенно женщины, которыхъ молодая (княгиня) вытѣсняла изъ прежнихъ мѣстъ и отношеній. Здѣсь ее окружали *лютыя золовки* — сестры мужа, которыя не могли ей простить утрату братской любви, перешед-

[1] Сказанія русскаго народа, г. Сахарова. т. I. 1841 г. т. II. 1849 г. Бытъ русскаго народа, г. Терещенко. С. Петербургъ, 1848. ч. II.

шей теперь къ женѣ; отецъ мужа — *лютый свекоръ*, мать его—*лютая свекровь*, сердцу которыхъ дочери во всякомъ случаѣ были ближе снохи [1]. Кромѣ ревности и воспаленія родственныхъ чувствъ, которыя производила *молодая* (т. е. младшая, меньшая) *жена* въ чужомъ родѣ, вмѣстѣ съ замужствомъ она подвергалась, какъ это обыкновенно бываетъ въ земледѣльческомъ быту, самымъ труднымъ домашмашнимъ работамъ, что было особенно тяжело для нея послѣ привольной дѣвической жизни въ родной семьѣ. Отъ этой тяжкой доли въ родовомъ быту ничто не освобождало ея, кромѣ смерти и, можетъ быть, какихъ нибудь случайныхъ обстоятельствъ, какъ напр. смерти отца мужа, если послѣдній по родовому старшинству дѣлался послѣ отца главою рода. Въ послѣдствіи времени, съ паденіемъ родоваго быта и съ появленіемъ семейства, *вдовство* значительно облегчало горькую участь женщины въ своей семьѣ, хотя въ быту общественномъ она лишилась опоры. Но въ это время явились иныя условія, выручавшія женщину—это христіанство и, при его посредствѣ, правительство. Въ родовомъ же быту положеніе вдовы было горше замужства: по смерти мужа она лишалась послѣдняго заступника и нисходила на степень рабы [2].

[1] И до сего времени поется замѣчательная пѣсня, въ которой такъ ярко высказывается положеніе женщины среди родственниковъ мужа: сестра, отданная замужъ, говоритъ брату:

У меня ли, братецъ, есть четыре горя,
Есть четыре горя, пятая кручина:
Какъ первое горе—свекоръ бранчивый,
А второе горе—свекровь ворчалива,
Какъ третье горе—деверекъ насмѣшникъ,
Четвертое горе—золовка смутьянка,
Пятая кручина—мужъ жену не любитъ.

Русскій Вѣстникъ, т. III 1856 г. май, книжка вторая. Москва. Современная лѣтопись. стр. 150.

[2] Ср. Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религіи, г. Соловьева. Архивъ г. Калачева, т. I, стр. 8—15.—Его же Исторія Россіи т. I стр. 57—63.

Таково по нашему мнѣнію значеніе древнеславянскаго рода и дальнѣйшаго его развитія въ личномъ отношеніи. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію имущественныхъ его отношеній.

Изъ ближайшаго разсмотрѣнія домашняго быта нашихъ предковъ, въ первый періодъ ихъ историческаго существованія, мы видѣли, что каждый родовой союзъ составлялъ собою органическое цѣлое, скрѣпленное кровію, сознаніемъ общаго всѣхъ членовъ происхожденія, одинаковостію семейныхъ вѣрованій, преданій, обычаевъ и, наконецъ, общею мѣстностію. Родственныя чувства давали извѣстное положеніе каждому члену родственнаго союза и вмѣстѣ опредѣляли объемъ его правъ и обязанностей. При такомъ сознаніи и устройствѣ домашняго быта Славянъ, само собою разумѣется, что о раздѣльности имуществъ и частномъ, единичномъ обладаніи ими не можетъ быть и рѣчи. Единство личное переносилось въ полной силѣ и на имущество и дѣлало его общимъ достояніемъ цѣлаго рода.

На основаніи общихъ историческихъ законовъ, по которымъ совершается развитіе общественной жизни человѣка, мы знаемъ, что человѣкъ не вдругъ сознаетъ свою самостоятельность, но путемъ долгаго историческаго возрастанія, точно такъ, какъ младенецъ не разомъ дѣлается совершеннолѣтнимъ, возмужалымъ. Вездѣ человѣкъ въ первобытную эпоху народной жизни является не самъ по себѣ, какъ самостоятельное лицо, какъ индивидъ, но какъ часть извѣстнаго цѣлаго, какъ членъ извѣстной массы себѣ подобныхъ, общины. Правъ, слѣдовательно, во имя собственнаго достоинства, онъ не имѣетъ, а имѣетъ ихъ на столько, на сколько можетъ имѣть въ качествѣ члена своей общины. Права, въ цѣлой ихъ совокупности, какія только могутъ быть въ это время, принадлежатъ цѣлой массѣ недѣлимыхъ,

Путешествіе въ Черногорію г. Попова. С. Петербургъ 1847 г. стр. 161—162.

отъ которой послѣдніе и получаютъ свой смыслъ и значеніе, смотря по тому началу, которое лежитъ въ основаніи общины и по той связи, которая соединяетъ членовъ ея въ одно цѣлое. Само собою разумѣется, что какъ сознаетъ первобытный человѣкъ самого себя, такъ сознаетъ онъ и свое имущество: самъ онъ нераздѣльная часть своей общины и имущество его нераздѣльно отъ имущества общины. Этотъ общій законъ повторился и въ нашей исторіи, «Живяху, говоритъ Несторъ, кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ.» Каждый жилъ въ родѣ своемъ, на своемъ мѣстѣ и внѣ родовой общины жизни не было. Единство кровное, единство нравственное, единство имущественное—все это скрѣпляло и замыкало родичей въ одно недоступное для чужеродца цѣлое.

Вскрывая это кровное, личное и имущественное, единство у всѣхъ славянскихъ племенъ, Губе въ своемъ изслѣдованіи началъ древнеславянскаго права говоритъ: «Однимъ словомъ, вездѣ, куда мы ни посмотримъ, ясно высказывается перевѣсъ семейнаго союза надъ отдѣльною личностію. Причину такого преобладанія семейныхъ союзовъ Славяне полагали въ происхожденіи отъ одного отца. Отличительная черта ихъ характера, которую Несторъ называетъ славянскою добродѣтелью, была безграничная привязанность членовъ къ своему семейству. Тоже говоритъ Іоаннъ, Архіепископъ Гнѣзенскій: «Beata, plusquam beata fraterna societas, apud quam plus pietatis valet religio, quam ambitus principandi.» Пренебреженіе къ святому, семейному союзу и еще болѣе намѣреніе отдѣлиться отъ него, Славяне считали преступленіемъ противуестественнымъ. Ясно, что при такихъ понятіяхъ, лице отдѣльное не могло получить у Славянъ никакого значенія, и какъ весьма справедливо замѣчаетъ описатель древняго польскаго законодательства, преобладающія въ Славанахъ понятія о родовомъ началѣ должны были необходимо вытѣснить признаніе недѣлимой личности. Право могъ имѣть только членъ семейства, состоящій съ нимъ въ неразрывномъ единеніи. Въ слѣдствіе чего и собственность не принадлежала одному лицу,

но была общимъ достояніемъ всего семейства. Никто не имѣлъ своего собственнаго имущества, каждый пользовался общимъ»[1].

Кто отрывался отъ родоваго единства, тотъ напротивъ терялъ всякія права и находился въ совершенно безпомощномъ состояніи. Лучшимъ доказательствомъ сему служитъ положеніе нашихъ изгоевъ, рабовъ и женщинъ. Всѣ эти и подобные имъ люди, безродные или исключавшіеся по понятіямъ того времени изъ круга родственныхъ отношеній, не имѣли никакихъ правъ, были внѣ всякаго покровительства, не только въ той отдаленной древности, о которой мы теперь говоримъ, но даже и въ позднѣйшее время. Только христіанская церковь пріютила ихъ подъ своимъ покровомъ и мало по малу сообщила имъ нѣкоторыя права.

Родовое единство, бывшее краеугольнымъ камнемъ всего тогдашняго быта, высказалось впрочемъ не по отношенію только къ одному имуществу; оно вызвало и обусловило общую защиту родовую и общую родовую отвѣтственность, слѣды которыхъ хранились еще въ періодъ Русской Правды, въ постановленіяхъ о мести и отдачѣ на потокъ и разграбленіе[2]. Говоря о неурядицахъ, которыя начались у Славянъ при окончательномъ разложеніи племенно-родоваго быта, Несторъ видимымъ образомъ указываетъ на общеродовую защиту, говоря, что «вста родъ на родъ»[3]. Нераздѣльность, общность родоваго имущества вытекаетъ, слѣдовательно, сама собою изъ того быта, которымъ жили въ это время Славяне.

[1] Исторія древ. наслѣд. права у Славянъ. j. Губе. с. 62, 63.

[2] Слѣды нашего потока и разграбленія сохранились и у Богемцевъ. «Я думаю, говоритъ г. Иванишевъ, что (чешскій) *огребъ* значитъ ограбленіе или, по Русской Правдѣ, разграбленіе. Право стараго пана изъ Реземберга говоритъ: wdànie w ohreb (вданье въ огребъ) есть вданье всего, что на немъ (т. е. на вданномъ) и подъ нимъ, мало или много, много или мало: все то идетъ на Урядъ» Др. пр. Чеховъ г. Иванишева. Жур. Мин. Нар. Прос. 1841 г. Іюнь. Отд. II. с. 135. пр. 19.

[3] Опытъ истор. рос. госуд. и гражд. закон., Рейца с. 5.

Будучи явленіемъ необходимымъ при условіяхъ тогдашней жизни, *общность имущества*, не совсѣмъ для насъ понятная, вполнѣ *соотвѣтствовала потребностямъ человѣка* того времени, когда люди жили простою, близкою къ природѣ жизнію. Мы выше видѣли, что исторія застаетъ Славянъ на весьма низкой степени образованности. Большая часть племенъ славянскихъ жила, по выраженію Нестора, звѣринскимъ образомъ, «ядуще все нечисто», скрывалась въ лѣсахъ и не знала человѣческой, семейной жизни... Звѣриная и рыбная ловля, пчеловодство и земледѣліе — вотъ нравственный уровень, съ котораго начали наши предки [1]. Это первая ступень осѣдлой жизни, на которой обыкновенно находятся народы послѣ кочевой. Впослѣдствіи, разумѣется, возникаетъ сельская промышленность и, наконецъ, торговая въ мѣстахъ болѣе населенныхъ, на естественныхъ путяхъ сообщенія, каковъ напр. былъ и нашъ «путь изъ Варягъ въ Греки». Но все это является уже въ послѣдствіи, когда человѣкъ освободится отъ физіологическихъ срощеній, переступитъ заколдованный кругъ изолированной жизни и почувствуетъ потребность въ жизни общественной. До этого же времени онъ находится въ полномъ единеніи съ природою, пользуясь ея даровыми произведеніями, каковы: животныя, рыбы, медъ и т. д. Медъ, воскъ, шкуры и рыбы были, если не единственными, то главными предметами торговли еще во время Святослава [2]. Конечно, при такомъ состояніи нравственнаго развитія народа, потребности въ частномъ, личномъ достояніи быть не можетъ. «Къ чему бы послужила частная собственность, когда стои-

[1] Ср. Исторія Россіи г. Соловьева. т I. с. 246, 247. Опытъ ист. рос. госуд. и гражд. зак., Рейца. с. 4 и 9, пр. 8.

[2] «Рече Святославъ къ матери своей и къ боляромъ: нелюбо ми есть въ Кіевѣ быти, хочю жити въ Переяславци на Дунаи . . . яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина, овощеве разноличныя, изъ Чехъ же, изъ угоръ серебро и комони, *изъ Руси же скора и воскъ, медъ и челядь.*» П. С. Л. т. I. с. 28.

ло натянуть лукъ или забросить неводъ, чтобы удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ?» [1].

Тѣмъ болѣе *не могло быть нужды въ поземельной*, *частной собственности*. Земля наша велика и обильна, говорятъ Славяне; было гдѣ имъ размѣститься, не проводя рубежей и границъ. Мы знаемъ, какъ славянское народонаселеніе было ничтожно по отношенію къ занимаемому имъ пространству, не только во время призванія князей, но даже и въ позднѣйшее время. Важнѣйшею дѣятельностію нашихъ князей было заселеніе пустыхъ пространствъ и сосредоточеніе разбросаннаго народонаселенія въ города [2]. Земли было такъ много, что даже при царяхъ московскихъ, каждый имѣвшій права на помѣстья, могъ самъ отыскивать себѣ пустопорожнія земли. А что же было въ то отдаленное время, о которомъ говоримъ? Земля была велика и обильна, доступъ къ ней легокъ, достаточно было одного занятія и потому «кождо живяху на своемъ мѣстѣ.» Справедливо, замѣчаетъ Рейцъ, что въ древнѣйшее время, (кажется), не было никакого раздѣленія земли, распространеніе не было сопряжено ни съ какими затрудненіями, кромѣ очищенія (отъ лѣсовъ); роды жили между собою въ союзѣ, обработывали земли не болѣе, какъ сколько нужно для жизненныхъ потребностей—общими силами: и такъ къ чему послужило бы дѣленіе?» [3]. И дѣйствительно, до позднѣйшаго времени мы не находимъ никакихъ извѣстій о частной поземельной собственности, тогда какъ земля у народовъ земледѣльческихъ, а такимъ были и наши Славяне, есть предметъ первой важности. Причина такого явленія впрочемъ очень понятна: она заключается въ общинномъ, смѣнившемъ родовое, владѣніи землями, которое сохранилось у насъ до самыхъ позднихъ временъ.

Это-то *общинное владѣніе и есть*, понашему, *одно изъ существеннѣйшихъ доказательствъ общности*, нераздѣльности

[1] Рейцъ, въ пер. Морошкина, с. 12 пр. 3.
[2] Исторія Россіи г. Соловьева т. I. с. 51.
[3] Рейцъ, въ пер. Морошкина с. 10 пр. 9

родовыхъ имуществъ. Первоначальный видъ этого владѣнія осязательнымъ образомъ выражается въ извѣстныхъ словахъ Нестора о Полянахъ, гдѣ онъ прямо говоритъ, что каждый жилъ съ своимъ родомъ, отдѣльно, на своихъ мѣстахъ. Въ послѣдствіи времени эти роды, разростаясь все болѣе и болѣе, превращались въ цѣлыя селенія, которыя для большей безопасности, при всеобщей враждѣ между родами, *огораживали* свои жилища и отмежевывали свои земли [1]. Отсюда древнѣйшіе города и селенія. Подъ вліяніемъ новой власти, новаго правительственнаго начала, основаннаго на необходимости болѣе правильной общественной жизни, первоначальное родовое устройство городовъ и селеній пало; роды разъединились, раздробились на части, семьи... Но прежнее родовое единство сохранилось во 1-хъ во внутреннемъ устройствѣ общины, во 2-хъ въ общности ея земли. Наши древнѣйшія общины тѣже роды съ тою только разницею, что основаніемъ ихъ служитъ не прежнее узкое, кровное начало, а болѣе широкое, свободное духовное начало, связующее людей въ общественные союзы для достиженія полнѣйшаго ихъ развитія, разумныхъ ихъ цѣлей. Каждая община представляетъ тоже цѣлое, какъ и родъ: имѣетъ свою землю, отмежеванную отъ земель другихъ общинъ [2], куда мы относимъ постановленіе Правды о дубѣ знаменномъ и перепаханіи межи; имѣетъ свой судъ, расправу, внутреннее управленіе, общую отвѣтственность за своихъ членовъ—и все это дѣло общее, какъ прежде родовое [3]. Такой переходъ отъ

[1] Исторія Россіи г. Соловьева т I. с. 51. Сличи сравненіе законовъ Царя Стефана Душана съ постановленіями Чеховъ. г. Палицкаго. Чтенія. Москва. Обществ. Ист. и Древ. Москва 1846 г, № 2 с. 26—29.

[2] Изслѣдованіе о Русс. Правдѣ г. Калачева. Москва 1846 г. с. 119.

[3] Пиры и братчины г. Попова. Архивъ г. Калачева. 1854 г. Книги 2-й половина 2-я — Сравненіе законовъ Царя Стефана Душана с. 9—20: общая порука, глава, сводъ, суды. — Geschichte Polens. von K. Roepell, B. I. S. 615—618: Zweite Beilage über vicinia, oder opole. — Путешествіе въ Черногорію г. Попова. с. 127 и сл.

рода къ общинѣ самый естественный; по крайней мѣрѣ, мы не знаемъ здѣсь никакихъ посредствующихъ явленій [1].

[1] Такъ какъ родовой бытъ не есть явленіе, исключительно принадлежащее славянскому племени, но общее всѣмъ извѣстнѣйшимъ историческимъ народамъ, то для аналогіи приведемъ слова Т. Н. Грановскаго о родовомъ бытѣ у древнихъ Германцевъ, тѣмъ болѣе, что соплеменники ихъ Варяго-Руссы были первыми учредителями общественнаго порядка между нашими Славянами.

«Древне-Германская община, говоритъ Т. Н. Грановскій, есть ничто иное какъ родъ. Члены рода живутъ сосѣдями въ деревняхъ или отдѣльными дворами на общей землѣ, Маркѣ, обнесенной со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, болотомъ или другою природною границею. Это граница рода: на нее положено заклятіе. Ее охраняютъ языческіе боги (являющіеся демонами послѣ введенія христіанства) и безчеловѣчно жестокія постановленія исключительно родовой общины. Смерть ожидаетъ инородца, самовольно преступающаго завѣтный рубежъ. Земля Марки окружена гибелью, по словамъ древней приведенной Кемблемъ пѣсни. Все лежащее въ предѣлахъ Марки принадлежитъ роду. Почва дѣлилась на двѣ части: одна содержала въ себѣ усадьбы и пашни, въ которыхъ родичи должны были ежегодно мѣняться участками; въ другой заключались общіе выгоны, луга и лѣса. Въ первой половинѣ могъ, подъ вліяніемъ извѣстныхъ историческихъ условій, совершиться постепенный переходъ къ полной частной собственности; вторая несравненно долѣе носила характеръ общаго владѣнія. Слѣды этого быта сохранились особенно долго на Скандинавскомъ полуостровѣ и до сихъ поръ еще не совершенно изгладились въ Германіи, не смотря на длинный рядъ вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ той эпохи, когда Цезарь и Тацитъ записали извѣстія, собранныя ими о Германцахъ. Сказанное нами объ отсутствіи поземельной собственности у Германцевъ отнюдь не противорѣчатъ первоначальному, чисто родовому устройству Марки, но даже можетъ служить къ объясненію ея позднѣйшей формы, которая описана Эйхгорномъ и гдѣ частная собственность отдѣльныхъ членовъ общины, образовавшаяся изъ участковъ, прежде переходившихъ изъ рукъ въ руки, существуетъ рядомъ съ общимъ владѣніемъ лугами и лѣсомъ. На вопросъ о возможности такого порядка вещей, о какомъ намъ говорятъ Цезарь и Тацитъ, можно отвѣчать многочисленными аналогіями, заимствованными изъ быта другихъ

Вотъ почему и *Русская Правда*, которая такъ подробно обозначаетъ движимое имущество, исчисляя его ущербы и

народовъ. Не считаемъ нужнымъ указывать на всѣмъ извѣстные, представляющіе большое сходство съ Германскими, обычаи славянскихъ племенъ». (Архивъ г. Калачева, Москва 1855 г. Книги 2-й половина 1-я. О родовомъ бытѣ у древнихъ Германцевъ. Соч. Т. Н. Грановскаго, с. 157). «Въ XI столѣтіи, сельское устройство въ Даніи было еще основано на началѣ общаго владѣнія. Мы постараемся изложить главныя черты этого устройства. Каждое селеніе или деревня состояла изъ *тофтовъ*, расположенныхъ вдоль двухъ, крестообразно пересѣкавшихся улицъ. Подъ именемъ тофта разумѣлись: домъ, хозяйственныя строенія, дворъ и садъ поселянина, обнесенные тыномъ или другою оградою. Улицы и перекрестокъ посрединѣ селенія находились въ общемъ владѣніи и не могли быть застроены или заняты другимъ образомъ. Принадлежавшія такой общинѣ пашенныя земли были разбиты на нѣсколько клиновъ. Всякій клинъ (Kamp) былъ тщательно измѣренъ веревкою, и въ немъ выдѣлены участки всѣмъ владѣльцамъ тофтовъ. Участки эти были иногда крайне малы, но отъ правила нельзя было отступить, и больсманъ (землевладѣлецъ или жилецъ, отъ boel, bol жилище) имѣлъ клочекъ земли въ каждомъ клинѣ. Когда деревня не представляла болѣе достаточнаго простора своимъ жителямъ и въ ней нельзя было устроить новыхъ тофтовъ, избытокъ населенія (по всей вѣроятности младшіе сыновья больсмановъ) уходилъ изъ деревни и строилъ себѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, новыя жилища. Такой выселокъ назывался *торпъ* и находился въ зависимости отъ адельби (Adelbye) или старой общины. Родовая связь между ними была такъ крѣпка, что послѣдній оставшійся въ живыхъ больсманъ стараго селенія могъ, въ теченіи трехлѣтняго срока, принудить переселенцевъ къ возврату на прежнія мѣста. Въ изложенномъ нами устройствѣ Датскаго селенія уже нѣтъ ежегодныхъ раздѣловъ земли, но всѣ послѣдствія этого древнѣйшаго обычая сохранились. Стѣснительныя опредѣленія родовой собственности еще не изгладились. Каждый клинъ или Kamp, обведенъ межею, но между отдѣльными участками нѣтъ рубежей. Датское правительство рано вступило въ борьбу съ этимъ порядкомъ вещей: оно предоставило больсману право обмѣна земли съ сосѣдями, вслѣдствіе чего онъ получилъ возможность собрать въ одно цѣлое свои разбросанные въ нѣсколькихъ клинахъ участки. Кромѣ того, ему разрѣшено было пріобрѣтать земли за предѣлами общиннаго владѣнія. Такая соб

приращенія, *ничего не говоритъ о наслѣдствѣ* и *раздѣлѣ поземельной собственности.* Явный признакъ, что земля не подлежала еще раздѣлу и не переходила отъ одного владѣльца къ другому по праву наслѣдства. Иначе, почему бы Русская Правда, какъ справедливо замѣчаютъ нѣкоторые наши изслѣдователи, умолчала о раздѣлѣ ея по случаю наслѣдства, когда она такъ подробно говоритъ о вознагражденіяхъ за пользованіе чужимъ конемъ, животными разнаго рода, оружіемъ и т. д., а слѣдовательно и о переходѣ этого имущества по наслѣдству? Объяснить этого случайностію невозможно; а потому и должно принять, что не наступилъ еще порядокъ вещей, который бы требовалъ опредѣленій законодателя относительно поземельнаго обладанія [1].

Общее обладаніе родовымъ имуществомъ, изчезнувши вмѣстѣ съ паденіемъ родоваго быта въ общей народной массѣ, *выразилось* впослѣдствіи *въ отношеніяхъ княжескаго рода къ* подвластнымъ имъ *землямъ славянскимъ.* «Князья считаютъ

ственность называлась *огпит* и ставила своего владѣльца въ положеніе, совершенно отличное отъ того, какое онъ занимаетъ въ родномъ селеніи. Онъ выходилъ изъ-подъ опеки родовой общины и дѣлался полнымъ хозяиномъ, собственникомъ въ настоящемъ значеніи слова. Еще большее подтвержденіе Цезаревыхъ и Тацитовыхъ извѣстій находимъ мы въ самой Германіи. Въ прошломъ столѣтіи крестьяне Фрикгофской общины (Frickhofen), въ Нассаускомъ герцогствѣ, ежегодно дѣлили по жребію принадлежавшія ихъ общинѣ земли. На Гундсрюкенѣ подобный обычай сохранился до сихъ поръ: тамъ въ округахъ Мерцигъ, Отвейлеръ и Саарлуи есть общины, въ которыхъ земля переходитъ отъ одного владѣльца къ другому, въ опредѣленные сроки отъ 3 до 18 лѣтъ. Она не составляетъ частной собственности и принадлежитъ селенію или общинѣ въ болѣе обширномъ смыслѣ. Наконецъ, не далѣе какъ въ 1805 году, крестьяне селенія Трантовъ, что на рѣкѣ Пенѣ, въ Сѣверной Германіи, еще смотрѣли на землю какъ общую собственность и ежегодно дѣлили ее между собою. Въ раздѣлѣ участвовалъ также пасторъ селенія. Очевидно, это слѣды родоваго владѣнія». (Тамъ же с. 161—163).

[1] Опытъ исторіи рос. гос. и граж. законовъ Рейца, с. 10 и 11, пр. 9.

всю Русскую землю въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи цѣлаго рода своего, причемъ старшій въ родѣ, Великій Князь сидитъ на старшемъ столѣ, другіе родичи, смотря по степени своего старшинства, занимаютъ другіе столы, другія волости болѣе или менѣе значительныя; связь между старшими и младшими членами рода чисто родовая, а не государственная; единство рода сохраняется тѣмъ, что когда умретъ старшій или Великій Князь, то достоинство его вмѣстѣ съ главнымъ столомъ переходитъ не къ старшему сыну его, но къ старшему въ цѣломъ родѣ княжескомъ; этотъ старшій перемѣщается на главный столъ, причемъ перемѣщаются и остальные родичи на тѣ столы, которые теперь соотвѣтствуютъ ихъ степени старшинства [1].» Когда княжескій родъ, наконецъ, совершенно распался и отдаленнѣйшіе его члены, утративъ свою независимость, перешли въ служебное сословіе московскаго государства, то первоначальное нравственное единеніе рода выразилось въ *мѣстничествѣ*, и общность родоваго имущества была перенесена на имущества родовыя, которыя и въ настоящее время еще не совсѣмъ утратили свое первоначальное значеніе.

До сихъ поръ мы дѣлали заключенія посредствомъ наведенія отъ предъидущаго и послѣдующаго, нисходя отъ общаго быта нашихъ восточныхъ славянъ къ частнымъ его явленіямъ, въ особенности же къ нашему вопросу объ имуществѣ и видѣли, что всѣ данныя и соображенія заставляютъ насъ признать общее, нераздѣльное обладаніе имуществами у славянскихъ родовъ. Но независимо отъ предложенныхъ выводовъ, есть и положительныя, прямыя свидѣтельства того, что означенный нами порядокъ вещей дѣйствительно существовалъ нѣкогда у Славянъ вообще, а слѣдовательно, судя по аналогіи, и у нашихъ восточныхъ, ибо главныя основанія внутренней славянской жизни, особенно въ разсматриваемое нами время, когда славянскія племена еще не успѣли утратить близкаго своего сродства, были у всѣхъ ихъ одинаковы.

[1] Исторія Россіи г. Соловьева т. I. изд. I. с. VII. — Современникъ 1847 г. № 1. Взглядъ на юрид. бытъ древней Россіи г. Кавелина.

Приведемъ же аналогическія свидѣтельства объ отношеніяхъ къ имуществу Славянъ этого времени:

I. Прагскій прелатъ Козма, жившій въ началѣ XII столѣтія, описывая славянскіе нравы, между прочимъ говоритъ: *Omnia erant eis communia: nec meum quisquam dicere norat, sed ad instar monasticae vitae, quidquid habebant, nostrum ore, corde et opere sonabant* [1]. Хотя Маціевскій и отвергаетъ [2] достовѣрность его показаній на томъ основаніи, что они выражены въ поэтической формѣ, однако основаніе это не имѣетъ въ себѣ ничего прочнаго. Если поэтическія произведенія, особенно народныя древнѣйшія, принимаются за историческія свидѣтельства, то почему же мы заподозримъ показанія тѣхъ лѣтописцевъ, которые любили выражать свои свѣдѣнія въ поэтическимъ образахъ? Правда, что между народнымъ поэтическимъ произведеніемъ и личнымъ большая разница; но въ послѣднемъ нужно только отличить личное отъ народнаго, что не составляетъ большаго труда, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ случаѣ. Личная поэтическая форма, въ которую Козма облекъ свои свѣдѣнія о первоначальномъ бытѣ Славянъ, не уничтожаетъ общей, основной мысли его повѣствованія, т. е. что въ древнѣйшее время у Славянъ все было общее—omnia erant eis communia.

II. Но особенно важны для насъ извѣстія о домашнемъ бытѣ Славянъ, сохранившіяся въ древней чешской пѣснѣ о судѣ Любуши, княжившей по преданію въ VIII вѣкѣ [3]. Пѣсня эта

[1] Scriptorum rerum Bohemicarum, T. I. Cosmae Pragensis chronicon. Pragae, 1783, p. 8—9.

[2] Slavische Rechtsgeschichte, von W. Alex. Macieiowski, B. II. S. 242.

[3] Народныя преданія чешскія говорятъ о Крокѣ, котораго золотой столъ стоялъ на Вышеградѣ надъ Влатовою (Молдавою). Крокъ оставилъ по себѣ трехъ вѣщихъ дочерей; младшую изъ нихъ Любушу народъ выбралъ на отцовское мѣсто; Любуша отдала руку свою и власть надъ Чехами Пршемыслу, который пахалъ, когда пришли къ нему послы Любуши съ этимъ предложеніемъ. Пршемыслъ былъ родоначальникомъ всѣхъ послѣдующихъ владѣльцевъ чешскихъ; княженіе его относятъ къ первой четверти VIII вѣка. Исторія Россіи г. Соловьева т. I, изд. I. с. 93.

представляетъ намъ въ поэтическомъ изображеніи споръ двухъ братьевъ стараго рода Тетвы Попелова о наслѣдствѣ дѣдовской отчины. Это драгоцѣнный юридическій [1] памятникъ IX—X вѣка, въ которомъ изложено судопроизводство того времени отъ начала до конца въ живомъ, драматическомъ его теченіи. Онъ имѣетъ видъ вѣчевой судной грамоты, довольно правильно составленной. Форма изложенія его столько же замѣчательна, сколько и важно содержаніе. Такъ какъ памятникъ этотъ въ высшей степени интересенъ для юридическаго быта нашихъ предковъ, весь непосредственно относится къ нашему предмету и подвергся различнымъ объясненіямъ со стороны изслѣдователей, то мы изложимъ его вполнѣ, вмѣстѣ съ главнѣйшими замѣчаніями, сдѣланными на него г. Шафарикомъ [2].

Пѣсня начинается введеніемъ, содержащимъ въ себѣ общій законъ, по которому долженъ рѣшиться и дѣйствитель-

[1] Мы вопреки замѣчанію г. Шафарика (Die äeltesten Denkmähler der böhmischen Sprache. Von P. S Safarik und F. Pulcky, Prag. 1840 г. S. 90), не боимся назвать пѣснь о судѣ Любуши юридическимъ памятникомъ, хотя она и есть произведеніе народной поэзіи. Во 1-хъ не форма, а содержаніе памятника опредѣляетъ его значеніе; во 2-хъ народъ въ младенческомъ состояніи и религію, и право, и знаніе, однимъ словомъ, всю нравственную свою жизнь выражаетъ, по свойству юной своей натуры, въ поэтическомъ созерцаніи, но это однако не мѣшаетъ намъ различать предметы этого созерцанія по существу ихъ.

[2] При разсмотрѣніи этого памятника мы будемъ руководствоваться изданіемъ г-дъ Шафарика и Палацкаго «Die älteten Denkmäler der böhmischen Sprache, Prag. 1840, и переводомъ пѣсни о судѣ Любуши на болгарское нарѣчіе, съ приложеніемъ старославянскаго чтенія, помѣщеннымъ въ Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ) т. I. (Прибавленія по отд. Рус. яз. и слов). с. 11 — 28. — Для большаго же удобства, при повѣркѣ нашего разбора сего памятника, мы не излишнимъ сочли помѣстить, въ приложеніяхъ къ настоящему труду, текстъ его съ подстрочнымъ латинскимъ переводомъ по г. Шафарику, присоединивъ къ нему написаніе русскими буквами, заимствованное изъ вышеприведенныхъ Извѣстій Академіи. См. Приложеніе подъ № I.

но рѣшается спорный вопросъ о наслѣдствѣ. Составляетъ ли это введеніе нераздѣльную часть самой пѣсни, или оно есть отрывокъ изъ другаго какого нибудь памятника, случайно сюда вставленный, какъ думаетъ г. Шафарикъ,[1] это

[1] «Эта пѣсня», говоритъ г. Шафарикъ, «содержитъ въ себѣ отрывки двухъ стихотвореній, изъ которыхъ первое простирается отъ 1 до 9 строки, второе же отъ 10 до 129.

Такъ какъ отъ перваго стихотворенія сохранился только конецъ, то объ его содержаніи мало можно сказать опредѣленнаго. Обыкновенно принимаютъ, что предметомъ его было народное собраніе, на которомъ были обсужены и утверждевы законы о *наслѣдствѣ богемскихъ родовъ*. Такъ какъ здѣсь область возможнаго слишкомъ велика, то ни pro, ни contra нельзя сказать ничего основательнаго.

Второе стихотвореніе, лишенное конца, описываетъ ссору за наслѣдство между братьями, которая собраннымъ народомъ была рѣшена на основаніи дѣйствовавшаго у Богемцевъ, и въ концѣ перваго стихотворенія приведеннаго, закона; при чемъ первородный (братъ), не довольный состоявшимся приговоромъ, поноситъ княжну; что могло быть поводомъ ко вступленію княжеской дочери въ замужство съ Пршемысломъ. Это, вѣроятно, и восполнялъ недостающій конецъ пѣсни.

Оба стихотворенія представляются намъ отрывками изъ большаго цикла народныхъ пѣсенъ, предметы которыхъ были заимствованы изъ древнихъ богемскихъ сказаній сагъ): эти же послѣднія, вслѣдствіе сродства ихъ содержанія, находились между собою въ извѣстной связи. Въ пѣсняхъ этого рода вдохновенные народные поэты (Краледворская рукопись сохранила намъ въ одномъ изъ древнѣйшихъ стихотвореній имя такого прославленнаго пѣвца Люмира могли сохранить память о подвигахъ и мудрости отцовъ и предать ихъ *младшимъ родамъ* для подражанія и поученія.

Нѣкоторые пытались первый отрывокъ присоединить къ концу втораго и думали получить такимъ образомъ цѣлое стихотвореніе. Это похоже на подтасовку картъ и столькоже идетъ къ дѣлу, сколько вообще приставленіе къ человѣческому тѣлу ногъ другаго человѣка: серіозно между людьми, знающими объ этомъ, не можетъ быть и рѣчи.» Die ält. Denkm. S. 83.

Не смотря на это рѣшительное осужденіе, произнесенное первымъ знатокомъ нашихъ древностей, мы однако не видимъ осно-

для насъ не имѣетъ большой важности, когда мы знаемъ, что по содержанію и духу обѣ части пѣсни составляютъ одно цѣлое, взаимно объясняютъ и дополняютъ одна другую. А потому мы, для большей правильности, относимъ его къ концу пѣсни, гдѣ видимымъ образомъ дѣлается ссылка на этотъ общій законъ.—Вотъ что поетъ эта замѣчательная народная пѣсня:

Ай Ултава, что ты мутишь воду?
Что ты мутишь воду сребропѣнную?
За что всколебала тебя лютая буря,
Согнавшая тучи широкаго неба,
Оплакавшая вершины зеленыхъ горъ,
Выплакавшая златопесчаную глину?
Какъ же мнѣ воды не мутити,
Когда враждуютъ родные братья,
Братья родные о дѣдинѣ отчей?
Враждуютъ злобно между собою,
Лютый Хрудошъ, что на кривой Отавѣ,
На Отавѣ кривой, златоносной,
Съ храбрымъ Стяглавомъ, что на хладной Радбузѣ,
Они оба-братья, оба Кленовичи,
Стараго рода Тетвы Попелова [1],

ванія, почему бы первый отрывокъ нельзя было присоединить къ концу втораго, если не какъ нераздѣльную часть сего послѣдняго, то, по крайней мѣрѣ, какъ законъ, который обыкновенно приводится въ концѣ приговора, какъ основаніе рѣшенія. Дѣло въ томъ, что согласно этому закону, состоялось рѣшеніе снема о томъ спорѣ, который составляетъ содержаніе пѣсни; слѣдовательно, законъ этотъ необходимъ для пѣсни; приведеніеже закона въ началѣ сужденія о тяжбѣ или послѣ него зависѣло отъ судебныхъ формальностей, или могло быть дѣломъ случая, произвола переписчика.

[1] Бальбинъ (Balbin) упоминаетъ о Кленѣ между спутниками Чеха. Гаекъ (Hajek) считаетъ его сыномъ Чеха. Попелъ и родъ его же имени признавался владѣтельнымъ въ Польшѣ прежде Піастовъ; однако въ древнѣйшее время имя Попелъ было очень употребительно также и въ Богеміи. Die ält. Denkm. S. 91. v. 23. 24.

25. Который пришелъ [1] съ толпами Чеховъ
Въ эти тучныя страны чрезъ три рѣки.

Вотъ какія явленія вызвала ссора братьевъ! Вся природа содрогнулась: рѣки возмутили воду, лютая буря пронеслась надъ Богеміею, оплакала главы зеленыхъ горъ, выбила изъ нихъ златопесчаную глину . . . Отсюда видно, какъ свято понимались родственныя чувства и отношенія, бывшія въ то отдаленное время основаніемъ и условіемъ жизни человѣка. Нарушеніе ихъ считалось не только преступленіемъ, но какимъ-то страшнымъ событіемъ, [2] производящимъ переворотъ во всей природѣ, которая находилась въ тѣсномъ, неразрывномъ сочувствіи съ человѣкомъ, составляя съ нимъ одно цѣлое.—Вражда идетъ въ *старомъ родѣ* (слѣдовательно были и младшіе роды?) *Тетвы Попелова, который пришелъ, вмѣстѣ съ толпами, праотцами Чеховъ, въ новое отечество, въ эти жирныя земли чрезъ три рѣки.* Въ этихъ словахъ, очевидно, сохранилось воспоминаніе о переселеніи Чеховъ въ Богемію изъ странъ придунайскихъ, первоначальной, общей родины всѣхъ славянскихъ племенъ, [3] принужденныхъ, по словамъ Нестора, [4] оставить этотъ благословенный край и разселиться въ другія страны. Для насъ особенно важно въ этомъ народномъ воспоминаніи то, что пересепереселеніе Чеховъ совершалось родами, тѣми родственными союзами, въ которыхъ жилъ человѣкъ того времени, тѣми народными массами, которыя только и держались кровными связями: ибо, кромѣ этихъ связей, никакихъ другихъ

[1] См. Приложеніе I. стх. 25. Ien-že pride, который пришелъ, г. Шафарикъ относитъ не къ роду, а къ Тетвѣ (Die ält. Denkm. S. 59. § 12.) tetui. Слѣдовательно, родъ былъ ведомъ своимъ родоначальникомъ?

[2] Исторія древ. наслѣд. права у Славянъ I. Губе с. 63.

[3] Шафарикъ въ этомъ не сомнѣвается. Трудно только съ достовѣрностію опредѣлить, какимъ именно путемъ шли Чехи въ Богемію и чрезъ какія три рѣки переходили они при своемъ путешествіи. Тамъ же. S. 92. V 26.

[4] П. С. Л. т. I. с. 3.

еще не было. Переселившись на новое мѣсто, Чехи, разумѣется, повели и здѣсь прежній образъ жизни и устроили свой бытъ на тѣхъ же началахъ, которыя принесли съ собою.

Прилетѣла мирная ласточка [1],
Прилетѣла съ извивистой Огавы,
Сѣла на растворенномъ окнѣ
Въ златомъ отчемъ Любушинѣ жилищѣ,
Отчемъ жилищѣ—святѣ Вышеградѣ,
Бѣдуя и возвѣщая смуту.
Когда услышала это родная ихъ сестра,
Родная сестра въ Любушиномъ дворѣ,

[1] Družna vlastovica. Прил. I, стх. 27.

«Ласточка, объясняетъ Шафарикъ, птичка, пользующаяся во всѣхъ славянскихъ земляхъ большимъ уваженіемъ у народа; оскорблять ее считалось грѣхомъ, приносящимъ бѣдствія. Она спокойно могла вить свои гнѣзда даже на головахъ священныхъ статуй въ славянскихъ храмахъ. Sax. gramm. I. VIII. p. 327. Подъ образомъ ласточки здѣсь, вѣроятно, разумѣется вторая, въ домѣ Любуши находящаяся, сестра враждующихъ братьевъ. Впрочемъ, милый поэтическій вымыселъ давать вѣсть посредствомъ птицъ очень древенъ и обыкновененъ. Въ индѣйской поэмѣ Магабарата отправляетъ эту службу гусь, въ сѣверныхъ сагахъ воронъ. Въ Краледворской рукописи жаворонокъ служитъ вѣстникомъ дѣвушкамъ, точно такъ, какъ голубь Анакреону. «Освѣдомиться чрезъ птицъ» (dowědeti se po ptáěku) есть ежедневная богемская поговорка.» Die ält. Denkm. S. 92 v. 27.—Выборъ животныхъ вѣстниковъ, какъ у поэтовъ, такъ въ особенности въ произведеніяхъ народной поэзіи, не есть однако дѣло случая; онъ условливается возрѣніемъ на міръ и народными вѣрованіями, которыя соединяются, по народной миѳологіи, съ извѣстными родами животныхъ. Не говоря о національныхъ различіяхъ, въ этомъ отношеніи замѣтимъ, что нѣкоторымъ животнымъ почти вездѣ даютъ одно и тоже значеніе. Такъ голубь, обыкновенно, есть выраженіе чистой супружеской любви; воронъ -вражды и несчастія; гусь—дружбы, ласточка—семейнаго, братскаго мира и согласія. Вотъ почему сестры и олицетворяются въ видѣ ласточки.

35. То взмолила Княжну въ самомъ Вышеградѣ
Возстановить нарушенную правду,
Призвать обоихъ ея братьевъ
И разсудить ихъ по закону.

Домовитая, мирная (дружна) ласточка, символъ семейнаго, братскаго согласія и любви, первая даетъ горькую вѣсть о семейной ссорѣ, враждѣ. Подъ этимъ поэтическимъ представленіемъ кроется, понашему, замѣчательная черта древнеславянской жизни, еще не переступившей грани кровныхъ, родственныхъ отношеній. Семейное согласіе, краеугольный камень быта того времени, было охраняемо богами [1] внутри каждаго рода и скрѣплялось общею порукою всѣхъ родственныхъ союзовъ племени. При такомъ порядкѣ вещей, простаго извѣщенія, слуха, молвы, окрыленной въ видѣ ласточки, достаточно было для того, чтобы семейное дѣло, дѣло родственныхъ чувствъ, сдѣлалось предметомъ народнаго совѣщанія и суда: такъ важно было въ то время нарушеніе родственнаго мира, какъ теперь нарушеніе общественнаго и государственнаго спокойствія. Семейныя ссоры тогда не были дѣломъ частнымъ, какъ теперь, ибо родъ и родственныя отношенія составляли для человѣка все [2]. Ласточки, слѣдовательно, вѣсть, слухъ. Но, кромѣ этого общаго значенія, она очевидно имѣетъ и другой, ближайшій къ нашему вопросу,

[1] Повѣрія о домовыхъ, дѣдушкѣ, щурѣ. См. ниже.

[2] Въ послѣдствіи времени (Рядъ земскаго права, во вр. Карла IV), при дальнѣйшемъ развитіи гражданственности, высшая законодательная и судебная власть принадлежала у Богемцевъ Земскому Суду. Подъ предсѣдательствомъ короля, засѣдали здѣсь четыре высшіе чиновника: бургграфъ пражскій, найвысшій коморникъ, найвысшій судья, и писарь найвысшій. За ними слѣдовали 12 пановъ и 8 владыкъ; а если дѣло шло о благѣ всей земли: то должны были присутствовать *вѣсь роды чрезъ своихъ представителей* (Wsїchni rodowé) Ond. z D. mnoholi trěba panów z nalogu. Rucopis kraїod. 1835. с. 109. См. Древнее право Чеховъ г. Иванишева. Жур. Мин. Нар. Прос. 1841 г. Іюнь. от. II. с. 105. пр. 1.

смыслъ: она олицетворяетъ сестеръ ссорящихся братьевъ, которыя загоревались и забились, какъ ласточки, когда начали враждовать ихъ братья. Поэтическій переходъ отъ ласточки—вѣстницы къ родной ея сестрѣ въ Любушиномъ домѣ, которая въ свою очередь является сестрою братьевъ, не оставляетъ въ этомъ сомнѣнія. Пѣсня намекаетъ, такимъ образомъ, что у братьевъ были сестры. Этотъ намекъ чрезвычайно важенъ для нашего вопроса, ибо содержитъ новое, едва ли замѣченное, подтвержденіе основной нашей мысли относительно положенія женщины въ родовомъ быту; а именно, что она не имѣла другихъ имущественныхъ правъ, кромѣ содержанія. Братья, представители стараго рода Тетвы Попелова, возбужденные нѣмецкой правдой, спорятъ о наслѣдствѣ дѣдовской отчины; родныя же ихъ сестры не предъявляютъ никакихъ своихъ правъ; объ нихъ въ цѣломъ спорѣ нѣтъ болѣе и помину: онѣ стараются только прекратить вражду братьевъ.

Княжна велѣла отправить пословъ
Къ Святославу, что на Любицѣ бѣлой,
Гдѣ юныя дубравы;
Къ Лютобору съ Доброславскаго холма,
Гдѣ Лаба пьетъ Орлицу;
Къ Ратибору съ горъ Креконоши (Судетскихъ),
Гдѣ Трутъ убилъ лютую змѣю;
Къ Родовому отъ Каменнаго моста,
Къ Ярожиру, что на горахъ ключевыхъ (многоводныхъ).
Къ Стрезибору съ прозрачной Сазавы,
Къ Самороду со Мжи сребропосной,
Ко всѣмъ кметамъ, лехамъ и владыкамъ,
И къ Хрудошу со Стяглавомъ братьямъ,
Спорящимъ о дѣдовской вотчинѣ.

По случаю нарушенія родственнаго мира въ одномъ изъ родовъ, кличь брошенъ по всей Чешской землѣ, зовутъ судей со всѣхъ сторонъ и собираются представители цѣлаго

племени [1]. Кто были эти судьи, о томъ скажетъ, какъ увидимъ ниже, сама пѣсня; здѣсь же не можемъ не замѣтить, что помимо всякихъ историческихъ изысканій о значеніи кметовъ, леховъ и владыкъ, въ этомъ поименномъ перечисленіи ихъ, такъ и слышатся слова Нестора: «Живяху кождо съ своимъ родомъ на своихъ мѣстѣхъ, володѣюще своимъ родомъ». При каждомъ имени стоитъ обозначеніе мѣстности. Нѣтъ сомнѣнія, что имена, которыя переходили по преданію изъ рода въ родъ, принадлежали представителямъ родовъ, болѣе другихъ извѣстныхъ своею древностію, на что намекаетъ пѣсня: Хрудошъ и Стяглавъ, принадлежали къ старому роду Тетвы Попелова. Это наши: Кій сѣдяще на горѣ, гдѣ же нынѣ увозъ Боричевъ, и Щекъ сѣдяще на горѣ, гдѣ нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ него же прозвася Хоревица [2]. Разница въ томъ, что наши три брата живутъ мирно, въ полномъ семейномъ согласіи, признавая главою своею старшаго брата, который «*княжаше въ родѣ своемъ*»; Чехи же ссорятся, смущенные вліяніемъ своихъ сосѣдей, нѣмецкою правдою.

Историческія изслѣдованія, сдѣланныя на эту строфу первымъ знатокомъ славянскихъ древностей, Шафарикомъ, не смотря на особенность его воззрѣнія, не только не противорѣчатъ родовому значенію Любушиныхъ судей, но даже подтверждаютъ его. Вотъ такъ объясняетъ Шафарикъ значеніе словъ: кметъ, лехъ и владыка:

Po vsie Kmeti, Lechi i wladyky. Прил. I. стх. 50.

«Очевидно, говоритъ Шафарикъ, что здѣсь, равно въ слѣдующихъ, а также и въ 50, 65, 72 и 109 стихахъ, поименованы три различныхъ класса свободныхъ—будетъ ли это на основаніи достоинства, должности или состоянія, и при-

[1] Такъ точно въ другой богемской пѣснѣ «Людиша и Люборъ,» по зову Князя:

Все боярство собиралося
Изъ земель и странъ далекихъ . . .

Московскій Литтературный и Ученый Сборникъ. Москва 1846 г. Краледвор. рукопись, перев. г. Берга. с. 241, 242

[2] П. С. Л. т. I. с. 4.

томъ въ одной градаціи a majori ad minus, какъ мы сейчасъ это покажемъ. Что *кметы*, которые назначались государю (герцогу, бану, королю) для высшаго управленія государственными дѣлами, *были земскіе старшины* (Landesältesten), на это мы имѣемъ для Богеміи ясныя доказательства. Касательно значенія этихъ кметовъ, число которыхъ въ древнѣйшее время было 12 (dwanáct prǰsežnych kmetów, kn. ps. zems. Ms.), въ послѣдствіи же измѣнялось, кажется, различно, мы ссылаемся на извлеченіе въ богемскомъ словарѣ Юнгмана подъ словомъ kmet, далѣе на разсужденіе Палацкаго въ Časop. česk. museum. 1835 г. H. 4. S. 432—434, 440—441, гдѣ этотъ предметъ изслѣдованъ основательно и снабженъ надлежащими приложеніями. Особенно важно свидѣтельство Далемиля (Cap. 27 и 66). Богемскіе кметы, какъ земскіе старѣйшины, близко стоящіе къ бану и его роду, упоминаются нѣсколько разъ въ одномъ подлинномъ актѣ бана Матѳея (Matthaeus) отъ 1249 г. м. мар: naši k'meti, od našich k'meti, od našich dět i od našich uničije i od našich k'meti, ili naš syn ili naši unučije ili naši k'meti. и т. д. Богемскіе кметы еще въ XIV и XV ст. *образовали* первостепенный *трибуналъ* (судилище) государства и имѣли также вѣсъ въ политическомъ управленіи страны. Они *были избираемы изъ самыхъ значительныхъ мужей страны, столько же изъ леховъ* (позднѣе пановъ), *сколько изъ владыкъ* (свободныхъ, позднѣе — всадниковъ, рыцарей). Недостаетъ только ближайшихъ данныхъ относительно рода и пространства ихъ дѣятельности въ древнѣйшее время. Что уже въ ранніе средніе вѣка слово кметъ употреблялось у Славянъ въ другомъ, менѣе ясномъ смыслѣ, что оно мало по малу переносилось на деревенскихъ старшинъ, и въ Польшѣ на каждаго крестьянина, то это не можетъ ослабить нашего яснаго и положительнаго доказательства о высокомъ положеніи прежнихъ кметовъ въ богемской странѣ. Подобную судьбу испытали и другія, первоначально весьма почтенныя имена и слова, напр. kniaz' или kniez', которое, будучи одного происхожденія и значенія съ нѣмецкимъ König, первоначально

означало владѣтеля (Fürsten), и теперь означаетъ въ Лаузаціи вообще господина (въ титулованіи даже крестьянина), въ Богеміи, Моравіи и Славоніи священника, въ Сербіи же деревенскаго судью.—Производство слова kmet' сомнительно: обыкновенно его соединяютъ съ латинскимъ comes, или греческимъ *κωμήτησ*, въ обоихъ случаяхъ безъ правильнаго основанія. Соотвѣтственнаго выраженія для древнѣйшаго времени нѣтъ: однако латинскіе хронисты, чтобы передать ближайшимъ образомъ нашихъ кметовъ, употребляютъ выраженія *consiliarii, seniores*. Въ одномъ нѣмецкомъ памятникѣ короля Сигизмунда 1396 г. мар. 19., встрѣчается извѣстіе о земскихъ судьяхъ (Zantscheppfen), которые называются кметами. Въ древнѣйшемъ богемскомъ псалтирѣ, пс. 104. ст. 22, *senes переведено словомъ kmeti*: oby zučil kniezata jeho jako sam sebe a *kmetie* jeho v mudrosti učil, ut erudiret principes ejus sicut semet ipsum et *senes* ejus prudentiam doceret. — О глубокой, до языческаго времени восходящей, древности учрежденія кметовъ у Славянъ, говоритъ одно мѣсто у Богухвала: sed tum (т. е. въ языческой, древней Польшѣ), duodecim discretiores et locupletiores ex se eligebant, qui questiones inter se conjungentes diffiniebant et rempublicam gubernabant. Sommersberg II. 20, 21. О Болеславѣ храбромъ Март. Галлій говоритъ ясно: Habebat rex amicos XII consiliarios, cum quibus regni et consilli ministeria familiarius pertractabat. Это замѣчательное согласіе въ числѣ кметовъ (ибо ясно, что Богухвалъ и Галлій говорятъ объ нихъ) у Поляковъ и Богемцевъ показываетъ уже само по себѣ глубокую древность ихъ учрежденія у Славянъ. У юговосточныхъ Славянъ, а именно у Сербовъ и Болгаръ, мы встрѣчаемъ на мѣсто ихъ бояръ, образующихъ Княжескій Сенатъ, которыхъ число въ Сербіи при королѣ Стефанѣ Душанѣ достигало 24-хъ (Кантакузенъ у Стриттера II. 256, 262)» [1].

«Древнее слово *лехъ*, кромѣ сей пѣсни, встрѣчается еще только у Далеминя, гдѣ оно, какъ приложеніе (преди-

[1] Die ält. Denk. S. 86—88.

катъ), присоединяется къ вождю Богемцевъ въ ихъ теперешнее отечество, Чеху. Вотъ слова Далемиля: V srbském jazyku jest' zemie, Iejžto Charvati jest' imie: V tej zemie běše lěch, Jemuž imie běše lěch, и т. д. Древній нѣмецкій переводчикъ этой стихотворной хроники, жившій въ одно столѣтіе съ Далемилемъ, перевелъ слово lěch просто словомъ «мужъ»; въ одной рукописи читаемъ: «muž lěch,» гдѣ muž очевидно есть глосса слова lěch; Гешинъ (Gešjn 1920) и Добровскій объяснюютъ это слово выраженіемъ: *свободный*, *доблестный мужъ*. Что у Далемиля (который, замѣтимъ мимоходомъ, какъ богемскій рыцарь, черпалъ свои свѣдѣнія изъ живаго родника народныхъ преданій и поэзіи и сохранилъ намъ столь многія драгоцѣнныя древнія слова, какъ напр. batia nava, и т. д.) въ приведенномъ мѣстѣ мы имѣемъ предъ собою нарицательное, а не собственное имя народа Lěch=Pole, это доказывается во 1-хъ, выраженіемъ нѣмецкаго переводчика, какъ ближайшаго свидѣтеля, и во 2-хъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что поэтъ лѣтописецъ производитъ своего Чеха изъ Хорватіи, а не изъ Польши. Впрочемъ, принимая положеніе, что у Далемиля Lěch есть собственное имя народа, мы только приходимъ къ вопросу: что значило слово Lěch прежде, нежели оно сдѣлалось собственнымъ народнымъ именемъ? Ибо ясно, что наши древнія народныя названія: Lěch, Srb, Chorvat и т. д. прежде имѣли такое же значеніе, какъ Lučane, Dreviane, Polane, Lužane и т. п. имена, произведенныя отъ drevy, luky, pole, luh. Такъ какъ о словѣ, подлежащемъ здѣсь нашему разсмотрѣнію, мы уже подробно изложили наше мнѣніе въ другомъ мѣстѣ (Slawanské starožitnosti Pr. 1837. 8. S. 752—755) и даже теперь, послѣ вторичной повѣрки, остаемся при томъ же мнѣніи, то мы изложимъ здѣсь вкратцѣ только главные пункты. По нашему мнѣнію, a) нарицательное lěch у Далемиля и въ нашей пѣснѣ и собственное имя Lěch, или чрезъ правильную перестановку е въ ia, Liach т. е. Pole — суть тождественны по происхожденію; b) нарицательное lěch сродственно распро-

страненному въ большой части славянскихъ нарѣчій слову Lecha-борозда, areola, равно какъ позднѣйшему польскому и богемскому Slecha (Sliachta) или Šlechta, дворянство, nobilitas, не смотря на связь послѣдняго съ древне-верхне-нѣмецкимъ словомъ Slahta, genus происходитъ ли это сродство въ слѣдствіе племеннаго сродства обоихъ языковъ, или чрезъ заимствованіе нѣмецкаго слова изъ славянскаго; с) понятіе землевладѣльцевъ, въ возрастающемъ значеніи, большій, болѣе могущій, вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе значительный землевладѣлецъ, прежде всего и первоначально равно нарицательному lech, если принять въ соображеніе слѣдующія славянскія слова: zemanin или zemĕnin (отъ zemĕ, terra, fundus), baštinnik (отъ baština, patrimonium), dĕdinnic (отъ dĕdina, aviatum patrimonium), древне нѣмецкое adaling, adeling (отъ древне-верхне-нѣмецкаго uodal, uodil, англо-саксонскаго ôdhel, êdhel, сканд. ôdhal, praedium avitum, terra hereditaria), которыя находятся въ подобномъ же отношеніи къ своимъ корнямъ. *Мы признаемъ въ нашихъ лехахъ предковъ позднѣйшихъ богемскихъ пановъ* (Pani); послѣднее названіе заступало мѣсто перваго по мѣрѣ того, какъ оно теряло мало по малу свое свѣжее и живое значеніе. Что въ Богеміи уже въ глубокую старину были такія фамиліи, которыя отличались своею большою поземельною собственностію и вліяніемъ въ странѣ и образовали званіе, посредствующее между князьями и народомъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія въ противность яснымъ и положительнымъ свидѣтельствамъ исторіи. Самъ Козма упоминаетъ, какъ современниковъ Любоши: duos cives *opibus* et *genere* eminentiores, qui videbantur populi esse rectores—доказательство, что даже по его мнѣнію, которое относительно этого пункта не можетъ стоять высоко, *въ то древнее время opes et genus*, т. е. большое, обширное, *поземельное владѣніе и родъ* (rod) *что нибудь значили.*—Современныя чужія страны называли этихъ значительныхъ мужей то reguli, то duces, primores, optimates; въ позднѣйшихъ отечественныхъ источникахъ права (изъ XIV ст.) *Šlechtic* объясняется посредствомъ «*magnifice no-*

bilis» въ противоположность *vladyka* (владыкѣ) *«minus nobilis.»* Объ ихъ отношеніяхъ къ князьямъ и къ народу, ихъ числѣ и имени у насъ нѣтъ болѣе полныхъ изслѣдованій; немногое, что могло быть изслѣдованнымъ, можно найти въ F. Palacky, s. Geschichte von Böhmen. Bd. I, S. 166—168» [1].

«Владыки, о которыхъ ниже будетъ сказано подробнѣе, имѣли значенія старѣйшинъ или *родоначальниковъ*, меньшихъ свободныхъ богемскихъ землеобладателей. Они принимали участіе въ земскихъ сходкахъ и публичныхъ собраніяхъ и *представляли* на оныхъ *народъ вообще*. Число этихъ меньшихъ, свободныхъ землевладѣльцевъ, вѣроятно, многочисленнѣйшаго класса богемскихъ жителей, въ то время болѣе и болѣе уменьшалось; изъ нихъ произошли позднѣе съ одной стороны нисшее дворянство въ Богеміи, а съ другой, кажется, непосредственными потомками ихъ были, еще и въ настоящее время такъ называемые, свободные поселяне (Freisassen). Въ заключеніе замѣтимъ, что еще въ новѣйшее время у нѣкоторыхъ родовъ въ Богеміи владѣтели майоратства назывались владыками».

«Если мы по этому, вслѣдствіе всего вышесказаннаго, уже въ то древнее время, къ которому по составленію своему пѣсня наша относится, точно отличимъ три различныхъ класса избираемыхъ кметовъ (consiliarii, seniores, Landesältste), образующихъ княжескій совѣтъ, наслѣдственныхъ, богатыхъ, сильныхъ леховъ (proceres, optimates), менѣе богатыхъ свободныхъ домостарѣйшинъ или владыкъ; если мы, далѣе, полагаемъ, что должны признать въ лехахъ предковъ позднѣйшихъ пановъ, слѣдовательно, уже зачатки высшаго дворянства,—то должны однако сознаться, что мы мало знаемъ изъ источниковъ объ отношеніяхъ ихъ съ одной стороны къ князьямъ, съ другой самихъ между собою, и о пространствѣ ихъ правъ и обязанностей, чтобы отвѣчать на всѣ частные вопросы, которые по поводу нашей пѣсни здѣсь представляются, какъ напр., почему ст. 78 упоминаетъ толь-

[1] Ibid. S. 88—89.

ко леховъ и владыкъ, а 89 только однихъ леховъ и т. д. Мы странствуемъ здѣсь въ слишкомъ темной древности и хотимъ лучше ждать, пока послѣдующее всесторонее изысканіе и сравненіе или счастливый случай ниспошлютъ намъ нѣкоторые уясняющіе дѣло лучи нежели давать свободный ходъ фантазіи, чтобы ея образами восполнить пробѣлы нашего положительнаго историческаго знанія. По этому мы не осмѣлились перевести словъ — кметы, лехи и владыки, ни въ нашемъ латинскомъ подстрочномъ переводѣ, ни въ болѣе свободномъ нѣмецкомъ, такъ какъ нельзя было найти равносительнаго имъ выраженія, чтобы не навести читателя, мало знакомаго съ богемскимъ языкомъ, на невѣрныя, близко подходящія понятія. Въ отношеніи вышеприведенныхъ вопросовъ мы хотимъ сдѣлать два замѣчанія: первое, что въ позднѣйшемъ богемскомъ правѣ панамъ и владыкамъ предоставлены были, частію общія, частію особенныя отправленія при судахъ; второе, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ пѣснію, но никакъ не съ юридическимъ памятникомъ, а потому, по справедливости, не можемъ понимать или давать выраженіямъ пѣсни юридическаго смысла и значенія» [1].

Не смотря на это роковое запрещеніе прародителя славянскихъ древностей, мы думаемъ, что не вдадимся въ крайности и частности, если замѣтимъ, что по его же собственнымъ изслѣдованіямъ родственный, кровный характеръ сильно просвѣчиваетъ въ кметахъ, лехахъ и владыкахъ. Что владыки были родоначальники, это прямо признаетъ Шафарикъ; а кметы выбирались въ древнѣйшее время изъ леховъ и владыкъ: слѣдовательно, они были такіе же родоначальники, какъ лехи и владыки. Основаніе градаціи между ними a majori ad minus должно, слѣдовательно, заключаться не во внѣшнемъ ихъ положеніи относительно князя, но въ тѣхъ родахъ, представителями которыхъ они были: чѣмъ знатнѣе т. е. древнѣе родъ, тѣмъ значительнѣе, выше его представитель. Отсюда будущія сословія.

[1] Ibid. S. 89—90.

Но самое лучшее объясненіе значенія кметовъ, леховъ и владыкъ заключается, кзкъ намъ кажется, въ общемъ духѣ самой пѣсни, которая дышетъ родственными чувствами, мыслитъ родственными понятіями, поетъ о предметахъ домашняго быта... Эти тревоги за родственное согласіе братьевъ, эта больная кровному чувству ссора за дѣдину—отчину, это стараніе смирить враждующихъ братьевъ и т. д., обозначая нравственный уровень Чеховъ того времени, вмѣстѣ съ тѣмъ осязательнымъ образомъ указываютъ на первоначальное, родовое значеніе собранныхъ Любушею на снемъ судей. Впрочемъ, это общее впечатлѣніе возрастетъ у каждаго безпристрастнаго читателя до полнаго убѣжденія, по мѣрѣ того, какъ онъ будетъ подвигаться къ концу пѣсни, которая въ каждой строфѣ содержитъ на это новыя подтвержденія. Такъ она говоритъ:

Когда сошлись лехи и владыки
Въ Вышеградѣ
Каждый занялъ мѣсто *по рожденію своему.*
Княжна вышла въ блистающей бѣлизною одеждѣ
И сѣла на отцовскомъ столѣ среди славнаго собранія,
(При ней) [1] двѣ разумныя дѣвы
Вѣщія въ судебныхъ дѣлахъ[1].
У одной были правдодатныя доски, [2]
У другой мечъ — каратель кривды:
Предъ ними пламень правдовѣстный;
Позади же ихъ святочистительная вода.

Вотъ и новое подтвержденіе сейчасъ нами сказанному.

Въ этой строфѣ въ особенности останавливаетъ наше вниманіе то основаніе, по которому распредѣлялись мѣста собравшихся на судъ судей. Когда собрались лехи и владыки, говоритъ пѣсня, то «каждый занялъ мѣсто по рожденію своему»:

«Prokni stupi rozenia dlie svego:» Прил. I. стх. 55.

1 Здѣсь пропускъ; для полноты смысла мы прибавили: при ней.

2 Журналъ Мин. Народ. Просв. 1841. Іюнь. Отд. II. Древнее право Чеховъ, г. Иванишева с. 122—123.

Но какъ понимать это выраженіе? Шафарикъ говоритъ, что «rozenia dlie svego» значитъ по лѣтамъ рожденія (nach den Iahren der Geburt), а не какъ понимали его до сихъ поръ «по рожденію или состоянію» (nach dem Geburts—oder Standesrange). Такъ опредѣляетъ, по крайней мѣрѣ, позднѣйшій, всѣми замѣчаемый, обычай въ Богеміи. Такую же формулу встрѣчаемъ мы въ краледворской рукописи, въ пѣсни Лудиша и Люборь: Za prĕdlúhé stoly siedu' prokný rozonie dlie svého [1].

Уважая авторитетъ великаго знатока нашей древности, мы позволяемъ себѣ однако думать, что и другое, отвергаемое имъ объясненіе, по крайней мѣрѣ, для насъ не лишено довольно прочнаго основанія. Мы полагаемъ, что въ разсматриваемомъ нами случаѣ выраженію prokni stupi rozenia dlie svego приличнѣе значеніе *по старшинству рожденія, какъ рода*. Переселеніе Чешскаго племени изъ первоначальной общеславянской ихъ родины въ новое отечество, въ Богемію, совершалось, какъ указываетъ сама пѣсня, родами подъ предводительствомъ родоначальниковъ, во главѣ которыхъ, можетъ быть, стоялъ Чехъ. Поселившись на новомъ мѣстѣ, пришлые роды продолжали свою жизнь на прежнихъ началахъ. Отъ времени до времени они постепенно размножались, дѣлились въ слѣдствіе своей многочисленности, распадались на отрасли, которыя, въ свою очередь, пока родовое начало было крѣпко въ чувствѣ и сознаніи народа, превращались въ самостоятельные роды. Такимъ образомъ племя росло и росло, страна заселялась все гуще и гуще. Но понятно, что при такомъ постепенномъ распространеніи племени, *старые роды*, (какимъ былъ на прим. *старый родъ* Тетвы Попелова), которые пришли съ праотцами Чеховъ разсматриваемаго времени въ эти тучныя земли, въ Богемію, чрезъ три рѣки, у потомковъ своихъ, родовъ отъ нихъ происшедшихъ, должны были пользоваться и дѣйствительно, какъ видно, пользовались особымъ уваженіемъ, равно какъ

1 Die ält. Denk. S. 94.

и ихъ представители. Такъ образуются мало по малу знатные роды, первое основанiе знатности которыхъ, разумѣется, древность происхожденiя, старшинство рода, а потомъ происходящее отсюда, накопившееся въ продолженiи долгаго времени, богатство, лучшiя земли, поля: ибо за ними былъ первый выборъ, между тѣмъ какъ происшедшiе отъ нихъ роды, не имѣя этихъ условiй, поселялись на худшихъ мѣстахъ, заводились новымъ хозяйствомъ. Эти младшiе роды, ихъ бытъ, вѣра, преданiя, и т. д., были въ зависимости отъ предшественниковъ; отсюда меньшая знатность этихъ родовъ и значенiе ихъ представителей. Въ чисто племенно-родовомъ быту, какимъ, очевидно, живутъ въ это время Чехи, *старшинство въ племени* держалось не лицами, не лѣтами ихъ, какъ, можетъ быть, было внутри каждаго рода, по древностiю всего рода. Мы знаемъ, что у Славянъ бывали *младые старѣйшины* [1], какими, можетъ быть, были и наши два враждующiе о дѣдовской вотчинѣ брата, оба Кленовичи, стараго рода Тетвы Попелова. Тѣмъ не менѣе они были знатны древностiю своего рода, преданiе сохранило ихъ имена и съ особымъ уваженiемъ говоритъ о старомъ ихъ родѣ. Вотъ основанiе, по которому мы думаемъ, что выраженiе «rozenia dlie svego» скорѣе можетъ имѣть значенiе «по старшинству рода своего», нежели «по старшинству лѣтъ своихъ представителей». Позднѣйшiе споры мѣстничества велись на этомъ же основанiи, т. е. относительномъ между-родовомъ старшинствѣ: доказывали не личное стар-

[1] Архивъ г. Калачева, книги 2-й пол. 2-я. — Русскiя пословицы, г Буслаева, с. 28.

[2] «И бояре и окольничiе, и думные люди... говоритъ Котошихинъ, бьютъ челомъ царю и подаютъ челобитные... и пишутъ въ челобитьѣ своемъ другъ на друга, что имъ быти съ ними кому съ кѣмъ велятъ мочно, *потому что отцы ихъ или дѣды или прадѣды*, или кто нибудь *роду ихъ, ихъ роду* со отцы и съ дѣды или съ прадѣды бывали безспорно... Гл. IV. с. 34... А лучится имъ сѣдѣти въ думѣ съ царемъ вмѣстѣ: и они *садятся по породѣ своей* — prokni stupi rozenia dlie svego — и по чести, кто кого честняя породою, а

шинство лѣтъ, не возрастъ — старъ или молодъ, — а старшинство по родовой лѣстницѣ, что одинъ родъ искони больше (старше) другаго [2]. Вотъ почему, далѣе, и племянникъ, сынъ старшаго брата, могъ быть не только равнымъ своему старшему дядѣ, но больше его мѣстомъ, а младшихъ дядей многими мѣстами, ибо онъ происходилъ отъ старшей изъ тѣхъ линіи, на которыя раздробился родъ и которыя сами отъ времени до времени принимали видъ самостоятельныхъ родовъ [1]. На болгарское нарѣчіе этотъ стихъ переведенъ такъ: «*секи влезе споредъ стари родъ свой*; или *секи влезе според род'ат си*» [2]. Послѣднее выраженіе г. Срезневскій переводитъ: «всякій вошелъ (занялъ пѣсто) по своему роду;» [3] значитъ—по старшинству своего рода (?) Выраженіе «по роду» приняло производное значеніе «по рожденію», по происхожденію, въ смыслѣ сословій, уже въ позднѣйшее время, когда понятія кровныя, послуживши основаніемъ гражданскому порядку вещей, замѣнились понятіями юридическими. Такъ въ «Рядѣ земскаго права» говорится: и если равный позоветъ равнаго роду въ судъ за убійство, напр. панъ пана или владыка владыку, то они должны выходить на поединокъ съ мечами и щитами. А если низшій по роду позоветъ высшаго, напр. владыка шляхтича... то отвѣтчикъ биться съ истцемъ не будетъ, потому что истецъ ниже его по роду [4], т. е. по происхожденію. Намъ кажется, что здѣсь замѣтно сохрани-

не потому, кто кото старѣе въ чину, *хотя кто и сегодня пожалованъ, наутрѣе по породѣ своей учнетъ сидѣти выше...* А которые бояре царю свойственные по царицѣ, и они въ думѣ и у царя за столомъ не бываютъ, потому что имъ подъ иными боярами сидѣть стыдно, а выше не умѣстно, что породою не высоки. Тамъ же с. 36.

[1] Историко-критическіе отрывки, г. Погодина. Москва 1846 г. О мѣстничествѣ с. 173—224. Изслѣдованія, замѣч. и лекціи, его же т. IV. гл. V.

[2] Извѣстія Академіи, т. I. Прибавл. по Отд. Русск. яз. и слов.

[3] Тамъ же, с. 26, пр. 55.

[4] Журналъ М. Н. П. 1841 г. Іюнь. Отд. II. Древнее право Чеховъ, г. Иванишева, с. 122, 123.

лась мысль, что сословія произошли по старшинству древнихъ родовъ.

Что касается до аттрибутовъ суда, то въ нихъ ясно, со всею свѣжестію младенческихъ народныхъ вѣрованій, выражается благоговѣйное сознаніе правды божественной. Эти чистыя дѣвы—дѣвственницы, жрицы и пророчицы священныхъ велѣній правды, эти правдодатныя доски, народныя скрижали, на которыхъ были отмѣчены законы вѣкожизненныхъ боговъ, этотъ мечъ каратель кривды, эта святая вода—очистительница.... всѣ эти священные символы указываютъ на древнѣйшій, первоначальный бытъ народа, когда онъ непосредственно живетъ чувствомъ, вѣрованіями, возникшими подъ вліяніемъ окружающей его жизни и природы. Все это достаточно опредѣляетъ періодъ народнаго возраста и даетъ невидимое, но вѣрное для историческаго чутья основаніе почувствовать себя именно въ этомъ возрастѣ, не переходя въ другой, не занося въ него несвойственныхъ ему представленій изъ міра нравственной, умственной и общественной жизни. Изслѣдованія Шафарика проливаютъ въ этомъ отношеніи сильный свѣтъ, низводя насъ къ процессу образованія первоначальныхъ славянскихъ понятій о правдѣ и судѣ. Для полноты впечатлѣнія, мы приводимъ его изысканія его же словами.

1. Vyučeně věščbam vitiezovym — děvě sudně. Прил. I. стх. 59 и 87.

«Неоспоримо, говоритъ онъ, что это одно изъ самыхъ трудныхъ и сомнительныхъ мѣстъ нашей пѣсни. Второе слово не представляетъ однако никакой трудности, такъ какъ оно часто встрѣчается въ нашихъ древнихъ памятникахъ въ смыслѣ предсказанія. Mater. Ver. «Vaticinia, poetarum carmina» объясняетъ посредствомъ věščby, и въ этомъ же смыслѣ употребляется въ нашихъ древнѣйшихъ легендахъ, у Далемиля, Ститни и многихъ другихъ. Оно происходитъ отъ větu, věsti, fari, отсюда далѣе věcati, славян. věščati, и находится въ связи съ vitija (orator), vět въ s-vět

(consilium), otvět, privět, и т. д. (что нужно отличать отъ vedĕti). Здѣсь можно принимать это слово въ дальнѣйшемъ его значеніи — знанія, науки, искусства и т. д., потому что въ то древнее время предсказаніе было существенною частью религіи, вѣнцомъ мудрости, высшимъ человѣческимъ вѣдѣніемъ. Самъ Ститни (около 1375), кажется, употреблялъ слова věšěba и vědmo (отъ vĕdĕti), какъ синонимы.—Третье слово происходитъ отъ vitiez' и по своей формѣ можетъ быть принято однозначущимъ съ vitiezsky; ибо прилагательная форма — ovy въ древнебогемскомъ языкѣ употреблялась тамъ, гдѣ мы теперь употребляемъ-sky. Слово vitiez', кир. витязь, древнепол. (по Линде) witez, новопол. zwycieżca, илл. vitez, значитъ у Богемцевъ побѣдителя (victor), у другихъ Славянъ героя (heros), и это значеніе, какъ древнѣйшее, мы должны удержать здѣсь. По существу и формѣ оно сходно съ гот. vithiggs—собственнымъ именемъ народа, а въ послѣдствіи названіемъ судьи.... Основываясь на этомъ, мы принимаемъ за вѣроятное, что древніе Богемцы съ словомъ vitiez (heros) соединяли также понятія мудраго и судьи и *что выраженіе věščby vitiezove въ нашей пѣсни однозначуще съ věščby sudne*, что подкрѣпляется и ниже слѣдующимъ dĕvĕ sudnĕ, гдѣ очевидно слово sudnĕ есть синонимъ vyucěnĕ věščbam vitiezovym» [1].

2. Desky dravdodatne. Прил. I, стх. 60.

«Законныя, правдодатныя доски, которыя содержали заповѣди божества, и безъ сомнѣнія съ изваяніемъ, представляющимъ изображеніе главнаго божества, можетъ быть, были покрыты рунами или вообще письменными знаками. Извѣстно, что у большей части древнихъ народовъ законныя доски были въ употребленіи, какъ дѣйствительнѣйшее символическое средство, чтобы выдать положенія права за непосредственныя заповѣди Божіи. Чтобы взять примѣръ вблизи, вспомнимъ о священныхъ руническихъ

[1] Die ält. Denk. S. 97.

доскахъ Азовъ, которыя, по скандинавской сагѣ, были изсѣчены Аллфадуромъ и служили основаніемъ божескаго могущества, но потомъ были похищены у Азовъ тремя дѣвственными волшебницами изъ Іотунгейма. Въ отношеніи слова desky (ср. discus и двн. disk, Tisch), мы замѣтимъ, что оно искони было употребительно, не только у Богемцевъ, когда говорилось о земскихъ и ленныхъ доскахъ, но замѣчательнымъ образомъ встрѣчается также въ Новгородской лѣтописи подъ № 1208 г., гдѣ долговой списокъ посадника Дмитрія Мирошкина упоминаетъ dešt'ky: и что на дъщькахъ, а то князю оставиша.... и даша дъщькы Дмитровы Святославу, а бяше на нихъ безъ числа. (Новгор. Лѣт. с. 30).... Въ богемской библіи читается: Napsali na dskách mosaznýcb, — mědĕnýcb. Что Славяне еще во время язычества знали письменныя буквы и, по крайней мѣрѣ, при языческомъ богослуженіи и предсказаніяхъ употребляли ихъ, въ этомъ знатоки едва ли усомнятся, хотябы мы и не могли привесть на это другихъ доказательствъ, (въ которыхъ впрочемъ не нуждаемся) кромѣ ясныхъ и положительныхъ словъ Дитмара Мерзебургскаго («interius dii stant manufacti, singulis nominibus insculptis.» VI p. 15) и болгарскаго монаха Храбра («čr' tami i rězami č'těcha i gataacha pogani sašte». Калайдовича Іоаннъ Екзархъ. с. 189). Они (Славяне) называли буквы měty, mětky (notae, signa) и (покрайней мѣрѣ въ позднѣйшее время), писца mětelnik (notarius scriba). Послѣднее выраженіе (mětelnik) встрѣчается въ Русской Правдѣ 1016 г., гдѣ оно объяснителями не правильно понимается» [1].—Правдодатныя доски могли имѣть и другое значеніе; на нихъ, по словамъ г. Иванишева, записывались судебныя рѣшенія, имѣвшія силу закона. Во второмъ отдѣленіи толкованій Чешскаго права (Wyklad prawa Českého) Андрея изъ Дубе, около 1400 г., говорится о дѣйствіяхъ, которыя относятся собственно къ записнымъ доскамъ (dsky zapisné). Викторинъ Корнелій изъ Вшегордъ,

[1] Ibid. S. 98.

написавшій «Девять книгъ о правахъ земли Чешской (Kniĥy dewatery o prawjach Zeme Ceské 1493 — 97)», говоритъ, что источниками его были новыя и старыя, сгнившія даже отъ древности, земскія доски. Кромѣ досокъ, въ которыя вносились рѣшенія пановъ, были также «записныя доски (dsky zapisné)», которыя раздѣлялись на большія и малыя. Въ большихъ записывались сдѣлки, которыя имѣли предметомъ переходъ правъ одного лица къ другому въ слѣдствіе договора или по наслѣдству [1].

3. Plamen pravdozvêsten — svatocudna voda. — Прив. I. стх. 62 и 63.

«Здѣсь поименованы, продолжаетъ Шафарикъ, два главнѣйшіе способа суда Божія — испытаніе огнемъ, judicium ignis, и испытаніе водою, judicium aquae, безъ сомнѣнія, самые древнѣйшіе и употребительнѣйшіе. Позднѣе упоминается у нѣкоторыхъ славянскихъ отраслей судебный поединокъ, jud. pugnae или duelli. Такъ какъ мы находимъ суды Божіи у Славянъ въ глубокой древности въ столь всеобщемъ употребленіи, а вѣру въ дѣйствительность ихъ столь глубоко укоренившеюся въ народномъ духѣ, то можемъ принять, что они столько же и въ нашемъ племени, сколько у Германцевъ, Кельтовъ, Грековъ, Индійцевъ и др., имѣютъ языческое происхожденіе и образуются въ самой отдаленной древности. По этой причинѣ, такъ какъ ихъ не возможно извлечь изъ народной вѣры, то христіанство и позднѣйшее законодательство сначала и даже нѣкоторое время въ послѣдствіи терпятъ, а церковный обычай освящаетъ ихъ. Древнѣйшее опредѣленное извѣстіе о судахъ Божіихъ въ Богеміи мы находимъ въ законахъ Братислава I 1039 г. у Козмы р. III: Si mulier proclamaverit pari vice non amari, sed inclementer a viro suo affligi et profligari, detur inter eos judicium Dei, et qui inventus fuerit reus, solvat paenam rei. Similiter et de his, qui

[1] Журналъ М. Н. П. 1841. Іюнь. отд. II Древнее право Чеховъ. г. Иванишева.

homidiciis infamantur, archipresbyter comiti illius civitatis nomina eorum asscribat, et comes eos conveniat; et si sunt rebelles, in carcerem ridigat, donec aut paenitentiam dignam agant, aut si negant, ignito ferro sive adjurata aqua, utrum culpabiles sint examinentur. Конрадовы статуты такъ же содержатъ въ себѣ объ нихъ постановленія. Совершенно отмѣнены они были только въ половинѣ XIV ст. архіепископомъ Ернстомъ Пардубицкимъ , по свидѣтельству двухъ современниковъ, Вильгельма Газенбургскаго и Томаса Ститни. Первый говоритъ: Hic (Arnestus) etiam judicia peregrina, videlicet candentis ferri et aquae frigidae, quibus Bohemi usque ad ipsius tempora utebantur, exercеri prohibuit, et eadem totaliter, baronum resistentia non obstante, suppressit (Balbini Miscell. lib. IV. p. 85). Ститни, утверждая тоже самое, вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ: суды Божіи въ Богеміи были остатками языческой древности. (Časopis Česk. Mus. 1838 I. 6.) Слово—cudna въ svato cundna находится въ этимологической связи съ cud — судомъ чистоты, цѣломудрія, cuda — судомъ окружнымъ въ средніе вѣка, cudar — окружной судья и съ cúditi— чистить» [1].

Вотъ въ какую древность низводятъ насъ изслѣдованія Шафарика! Неужели, по одному внутреннему чувству, которое зараждается въ насъ отъ присутствія при процессѣ образованія этихъ начальныхъ понятій народа, мы не можемъ понять того, что говорить о гражданственности Богемцевъ этого времени какъ-то неловко, не оскорбляя ихъ дѣвственныхъ понятій и вѣрованій. Гражданственность эта только зачиналась, показались только первыя ея формы. Но объ этомъ мы скажемъ ниже, а теперь послѣдуемъ за дальнѣйшимъ развитіемъ нашей драмы.

Княжна начала съ золотаго отчаго стола:
65. Мои кметы, лехи и владыки!
Вотъ разъясните правду братьямъ,

1 Ibid. S. 99.

Которые тягаются здѣсь о дѣдинѣ,
Объ дѣдовской отчинѣ между собою.
По закону вѣкожизненныхъ боговъ,
Они должны быть (да будутъ) въ общемъ владѣніи,
Или не раздѣлиться ли имъ поровну?
Мои кметы, лехи и владыки!
Рѣшите на основаніи моихъ словъ,
Если они будутъ согласны съ вашимъ разумѣньемъ,
Если же они не согласны съ вашимъ разумѣньемъ,
То сдѣлайте новое постановленіе,
Которое смирило бы враждующихъ братьевъ.

Въ этихъ словахъ Любуши содержится, понашему, неопровержимое доказательство, что, по закону вѣкожизненныхъ боговъ, т. е. той правды, которую, какъ увидимъ ниже, принесли съ собою отцы Чеховъ въ новое ихъ отечество изъ общей колыбели всѣхъ славянскихъ племенъ, общее нераздѣльное обладаніе родовымъ достояніемъ было кореннымъ, первоначальнымъ обычаемъ у Богемцевъ, изъ котораго развились потомъ всѣ имущественныя ихъ отношенія. На основаніи этого вѣковѣчнаго закона, собранный Любушею снемъ рѣшаетъ, по большинству голосовъ, споръ братьевъ о наслѣдствѣ; эта же святая, чисто славянская правда и приводится въ концѣ пѣсни, какъ общее господствующее правило, уже безъ личнаго мнѣнія княжны о раздѣлѣ наслѣдства. Что предложеніе о раздѣлѣ наслѣдства между братьями по равнымъ частямъ есть ни болѣе, ни менѣе, какъ личное мнѣніе княжны, это едвали можетъ подлежать сомнѣнію. Рѣшите, говоритъ она, на основаніи моихъ словъ, если они будутъ согласны съ вашимъ разумѣніемъ; если же нѣтъ, то сдѣлайте новое постановленіе. Очевидно, что послѣднія слова могутъ относится только къ личному ея мнѣнію, которое она предлагаетъ, какъ примиреніе между закономъ и требованіемъ старшаго брата, но никакъ не къ самому закону вѣкожизненныхъ боговъ, правдѣ, принесенной отцами Чеховъ, которая, какъ правда святая, не могла быть не по разуму домовладыкъ, этихъ храни-

телей народныхъ обычаевъ, вѣрованій и преданій. Согласно этому внутреннему смыслу разбираемой строфы и развитію вопроса о наслѣдствѣ въ цѣлой пѣснѣ, мы видимъ въ словахъ Любуши о раздѣлѣ наслѣдства вопросительной смыслъ: «Po zakonu věkožiznych bohov: Budeta im oba v jendo vlasti» [1], пусть будутъ, да будутъ они въ общемъ владѣніи; «či (?) sie rozdělita rovnu meru?» [2], или не раздѣлиться ли имъ по равнимъ частямъ? Даже частица či, какъ намъ кажется, имѣетъ вопросительное значеніе [3].

Поклонились лехи и владыки,
Стали тихо говорить;
Говорить тихо между собою
И хвалить слова ея.
Всталъ Лютоборъ съ Доброславской горы,
(и) Началъ говорить такое слово:
Славная Княжна на золотомъ отчемъ столѣ!
Рѣчи твои мы размыслили,
Собери голоса по народу своему.
И собрали голоса судныя дѣвы,
Собрали ихъ въ святой сосудъ
И отдали ихъ лехамъ для объявленія.
Всталъ Родованъ съ Каменнаго моста,
Началъ пересчитывать эти голоса
И большинство ихъ объявлять народу,
Народу собранному на снемъ для разсужденія:
Оба родные брата Кленовичи,

[1] Стх. 69 и 70, прил. I.

[2] Стх. 71, ibid.

[3] Въ Малороссіи и нѣкоторыхъ уѣздахъ Смоленской губерніи частица эта и въ настоящее время имѣетъ вопросительное значеніе, замѣняясь иногда частицею *ти*, совершенно ей равносильной. Такъ напр. выраженія: чи или ти быв ты; чи или ти і-ета ты сдѣлав— значатъ: былъ ли ты, это ли ты сдѣлалъ?

95. Стараго рода Тетвы Попелова,
Который пришелъ съ толпами Чеховъ
Въ эти тучныя страны чрезъ три рѣки,
Помиритесь такъ на счетъ вашей дѣдины:
Да будете вы оба въ одномъ (общемъ) владѣніи.

Изъ этого краткаго описанія судопроизводства на снемѣ, мы видимъ, что главными, дѣйствующими лицами этого времени суть родовладыки. Объясняя слова текста «Po naradu svemu» (стх. 89), Шафарикъ говоритъ: «по нашему мнѣнію здѣсь разумѣются голоса только тѣхъ членовъ собранія, которые имѣли право подавать голосъ, а не голоса цѣлаго племени. Народъ, собранный на снемъ, былъ представляемъ своими радовладыками».[1] Въ рукахъ этихъ домовладыкъ вся общественная, т. е. племенная, вѣчевая власть: они, и только они одни пока, сходятся на снемы, думаютъ, судятъ и рядятъ;[2] народъ же — всѣ прочіе члены родовыхъ союзовъ—только присутствовалъ на снемахъ, чтобы знать составлявшіяся на нихъ постановленія, безъ всякаго вліянія на сіи послѣднія[3]. Въ позднѣйшее время, съ паденіемъ родоваго быта, это первоначальное значеніе снемовъ измѣнилось: ослабленіе власти радоначальниковъ, а потомъ и совершенное исчезновеніе сихъ послѣднихъ, открыло путь къ участію на снемахъ, вѣчахъ цѣлой народной массѣ и потому вѣчевыя собранія сдѣлались

[1] Die ält. Denk. S. 101 v. 86.

[2] Исторія древ. наслѣд. права у Славянъ, Г. Губе. с. 64.

[3] Такое значеніе имѣло у древнихъ Грековъ ἀγορά—народное вѣче во время племенно-родоваго быта. «Царь, глава родоначальниковъ, вождей, открывалъ совѣщаніе сообщеніемъ своего предложенія; потомъ начинали разсуждать вожди и старики и воодушевляли народъ къ ревностному исполненію царской воли. Этимъ вѣче и оканчивалось; о собираніи голосовъ Гомеръ не упоминаетъ; вѣче есть не болѣе, какъ средство гласности, и вызвано необходимостію времени, не знавшаго письма». Миѳическая Грецiя и Италія г. Леонтьева, Пропил. Книга II. Москва 1852 г. с. 75. отд. II.

особенно бурны, какъ это было у насъ въ Новгородѣ въ послѣдствіи времени. При дальнѣйшемъ развитіи общинной жизни, по мѣрѣ возрастанія общественной власти въ лицѣ князей, и эти народные снемы мало по малу исчезаютъ, замѣняясь особымъ правительствомъ, къ которому, между прочимъ, переходитъ и судебная власть. «Въ древнѣйшее время, говоритъ Палацкій, Славяне совершали судъ свой на вѣчахъ или сеймахъ подъ надзоромъ и начальствомъ государей. У Чеховъ обычай этотъ сохранился нѣкоторымъ образомъ до самаго XV столѣтія; тутъ въ Прагѣ, съ незапамятнаго времени, обыкновенные сеймы происходили во всѣ судебные дни, и сеймовники были вмѣстѣ и судьями. И такъ какъ первоначально каждая жупа имѣла въ опредѣленные дни свои собранія (placita provincialia), то и въ каждой жупѣ, съ древнѣйшихъ временъ, производился такъ же свой отдѣльный судъ. Эти суды, съ незапамятнаго времени, назывались у Чеховъ cudy (caudy) или porravy. Для сохраненія порядка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и закона, государи поставляли при нихъ особенныхъ чиновниковъ, цударей или судей, поправцевъ и такъ далѣе. По причинѣ равнодушія обитателей, часто считавшихъ присутствіе на сеймѣ бременемъ и не хотѣвшихъ тратить на него времени и издержекъ, суды начали рано переходить во власть государей и ихъ чиновниковъ, тѣмъ болѣе, что пеня, состоявшая почти всегда въ деньгахъ, доставляла не малые доходы. А потому, уже въ XII столѣтіи ясно видимъ, что судебная власть, особенно высшая, считалась у Чеховъ настоящимъ regale, хотя въ нихъ тогда и послѣ еще самый судъ совершался большинствомъ сеймовниковъ, рѣшавшихъ распри» [1]. И такъ сеймъ радоначальниковъ, собранныхъ Любушею для рѣшенія тяжбы о наслѣдствѣ, не смотря на предложеніе княжны— рѣшить дѣло равнымъ между братьями раздѣломъ, поста-

[1] Сравненіе законовъ царя Стефана Душана Серб. съ древ. земск. постановленіями Чеховъ. Ф. Палацкаго. Чтенія Общ. Ист. и Древ. Рос. Москва 1845 г. № 2, III. § 15. Суды.

новилъ, чтобы они оставались въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи.

Всталъ Хрудошъ съ извивистой Отавы.
Желчь разлилась въ утробѣ его,
Всѣ члены его тряслись отъ ярости.
Махнувъ рукою, заревѣлъ онъ ярымъ туромъ:
Горе птенцамъ, къ которымъ вползаетъ змѣя,
Горе мужамъ, которыми владѣетъ женщина!
Повелѣвать мужами прилично мужу!
По силѣ правды первенцу должно отдать дѣдину!

По поводу этой строфы сдѣлаемъ два замѣчанія: во 1-хъ, рѣшеніемъ сейма остался недоволенъ одинъ изъ тяжущихся братьевъ; но злоба его не противъ сейма, присудившаго братьямъ, по закону вѣкожизненныхъ боговъ, общее владѣніе дѣдовскою вотчиною, а противъ княжны, которую онъ торжественно поноситъ грубыми словами и объявляетъ неспособною править мужами. Не противъ закона, слѣдовательно, по которому сеймъ рѣшилъ тяжбу, возстаетъ онъ, а противъ личнаго мнѣнія княжны, которое было противно его видамъ болѣе, нежели постановленіе сейма. Такое открытое возстаніе едва ли бы могло быть, если бы, какъ думаютъ нѣкоторые, раздѣлъ наслѣдства признавался въ это время въ такой же силѣ, какъ и обычай общаго, нераздѣльнаго владѣнія. Кромѣ своего мнѣнія, княжна ни въ чемъ не была виновата предъ старшимъ братомъ, ибо рѣшить ихъ споръ по своему усмотрѣнію—такъ или иначе—она не могла своею властію, которая, какъ сейчасъ увидимъ, было весьма слаба. Слѣдовательно, еслибы раздѣлъ наслѣдства былъ также закономъ вѣкожизненныхъ боговъ, а не ея личнымъ мнѣніемъ, то ясно, что Хрудошу не за что было бы и поносить ее, ни въ чемъ предъ нимъ невиноватую.—Во 2-хъ, основываясь на томъ, что содержаніе пѣсни — споръ братьевъ о наслѣдствѣ, нѣкоторые заключаютъ, что, слѣдовательно, во времена Любуши раздѣлъ наслѣдства былъ уже возможенъ

и тѣмъ болѣе, что сама княжна предлагаетъ его снему для замиренія спорящихъ братьевъ. Но мы уже видѣли, что предложеніе княжны о раздѣлѣ наслѣдства нельзя понимать иначе, какъ личнымъ ея мнѣніемъ, вытекшимъ изъ естественнаго желанія найти средину между двумя крайностями, каково общее владѣніе и майоратъ. Что же касается до спора, то онъ вызванъ былъ не желаніемъ раздѣлиться по ровну, на основаніи позднѣйшаго общеславянскаго права, а соблазнительною для старшаго брата нѣмецкою правдою, правомъ первородства. Младшій братъ ничего не ищетъ, ничего не говоритъ; чего, разумѣется, не могло бы быть, если бы споръ возникъ вслѣдствіе обоюдной претензіи братьевъ. Все дѣло въ томъ, что желанія раздѣлиться въ отцовскомъ наслѣдіи въ то время еще не существовало. Хрудошъ ссылается не на право раздѣла, а на нѣмецкую правду: по силѣ правды первенцу должно отдать дѣдину, говоритъ онъ; а намъ извѣстно, чья правда давала предпочтеніе первородству.

Любуша встала съ отцовскаго золотаго престола,
(И) сказала: кметы, лехи и владыки!
Вы слышите здѣсь поношеніе мое.
Судите сами по закону правду,
Я уже не буду разбирать ваши тяжбы.
Избирите изъ среды себя равнаго вамъ мужа,
Который бы владѣлъ вами по желѣзу.......
Дѣвичья рука слаба для власти надъ вами.

Эта драматическая сцена между Любушей и Хрудошемъ достаточно показываетъ, на какой степени образованности и общественнаго развитія находились въ это время Чехи. Власть племено-начальника, сама по себѣ, не имѣла почти никакой силы: оскорбленная столь грубыми словами Хрудоша, княжна жалуется на него снему, который, какъ видно, совокупными силами родовъ и приводилъ свое рѣшеніе въ исполненіе. Что же бывало, когда рѣшительнаго большин-

ства голосовъ не составлялось, когда вѣче, снемъ раздѣлялся на нѣсколько партій, изъ которыхъ каждая старалась удержать свое мнѣніе? Возставалъ родъ на родъ и начинали воевать сами съ собою, по выражанію нашего лѣтописца, снемъ обращался въ побоище; шелъ конецъ на конецъ, стѣна на стѣну, какъ это случалось у насъ въ Новгородѣ даже въ позднѣйшее время. Но въ разбираемомъ нами случаѣ до побоища дѣло не дошло: рѣшеніе постановлено большинствомъ голосовъ по древнему. имѣвшему еще полную силу, закону вѣкожизненныхъ боговъ, который и приводится, какъ непоколебимая и несомнѣнная истина. Въ отвѣтъ на возраженіе Хрудоша, требовавшаго себѣ права перворондства,

Всталъ Ратиборъ съ горы Креконоши
(И) началъ говорить такое слово:
Не похвально намъ искать правды у Нѣмцевъ.
У насъ (своя) правда по закону святому,
Которую принесли отцы наши въ эти [1]..... .

[1] Ju—že prinesechu otci naši. Прил. I. стх. 120.

«Древній славянскій народъ, взросшій на постоянномъ мѣстожительствѣ, въ своемъ замкнутомъ общественномъ быту, выразившійся въ тихихъ, кроткихъ нравахъ, цвѣтущей народной поэзіи и знаменательной религіи, конечно, уже въ древнѣйшее время, даже въ язычествѣ, не могъ не имѣть нужды въ правѣ, установленномъ и освященномъ законами. Слово законъ, общее всѣмъ отраслямъ великаго племени, служитъ доказательствомъ, что понятіе закона и его существованіе у Славянъ древнѣе, нежели всѣмъ извѣстное, весьма раннее распаденіе ихъ на отрасли. У Прокопія упоминается при переселеніи Славянъ (около 546 г.) объ отечественныхъ законахъ (*κατὰ τὸν νόμον*, B. G. III. 14; Константинъ Порфирородный случайно сохранилъ намъ самое слово законъ (*κατὰ τὰ ζάκονα, καὶ ζάκονον*, De adm Imp. c. 8. 38). Думаемъ также, что мы имѣемъ достаточное основаніе, съ одной стороны, рѣшительно отвергнуть ошибочное, (основанное на ложномъ предположеніи скотской дикости переселявшихся Богем-

На этой рѣчи прерывается пѣсня; какія были бы послѣднія слова Ратибора, строго говоря, мы не знаемъ, тѣмъ не менѣе правда Чеховъ, по закону святому, ясна: она выражена въ началѣ пѣсни, какъ общее правило для приложенія къ частному случаю, событію, воспѣваемому въ пѣснѣ, была похвалена, признана всѣми кметами, лехами и владыками и, наконецъ, принята въ основаніе рѣшенія сейма. Содержаніе этой правды слѣдующее:

1. *Всякой отецъ владѣетъ своими домочадцами.*
Мужчины пашутъ, жены готовятъ одежду.
Если же умретъ глава домочадцевъ,
То всѣ дѣти владѣютъ имуществомъ вмѣстѣ,
5 *Выбирая себѣ изъ рода владыку,*
Который для пользы (рода) ходитъ на славные сеймы
Вмѣстѣ съ кметами, лехами и владыками.
Встали кметы, лехи и владыки
Похвалили правду по закону [1].

Такъ какъ эта присносущая славянская правда по закону подверглась различнымъ объясненіямъ со стороны ученыхъ,

цевъ), мнѣніе Козмы о происхожденіи богемскаго права во время Пршемысла и Любуши, съ другой—признать вѣрными тѣ понятія, которыя даетъ намъ пѣсня и которыя, какъ видно, господствовали въ народѣ; что, впрочемъ, не мѣшаетъ намъ признать заслуги Пршемысла относительно очищенія и составленія богемскихъ законовъ. Въ противномъ случаѣ, можно ли достаточно объяснить поражающее насъ сходство древнихъ богемскихъ, сербскихъ, польскихъ и русскихъ постановленій относительно многихъ существенныхъ предметовъ, сходство, выражающееся даже въ однихъ и тѣхъ же формахъ права и изрѣченіяхъ, не принимая одного древняго, общаго всѣмъ вѣтвямъ племени права, образовавшагося еще до періода переселенія? Нѣтъ, Чехи могли быть до Пршемысла, во время ихъ переселенія въ Богемію, недикою, не имѣющею законовъ толпою, точно такъ, какъ и Сербы жили безъ писанныхъ законовъ до законника Стефана или Русскіе до Правды Ярослава».—Die ält. Denk. S. 101.

[1] См. Приложеніе по № I. строка 1—10.

то, чтобы уяснить по возможности смыслъ ея, приведемъ во 1-хъ, для сравненія старославянское чтеніе этой строфы и болгарскій ея переводъ, изданные въ прибавленіяхъ къ т. I. Извѣстій Акад. Наукъ с. 11—28, и 2-хъ, объясняніе Шафарика главнѣйшихъ, входящихъ въ нее понятій; тогда мы будемъ имѣть болѣе основаній судить о значеніи самой правды.

Въсіакъ отець своіѫ челѧдь водить.	Въ своя куħа секи татко глава.
Мѫжи пашѫть, женъі рѫбы строіѧть.	Мажи орать, жени руби праватъ.
И оумреть ли глава челѧдина,	А кол' умре глава домаħинска
Дѣти вьс і-а тоу събожьемъ въ і-едно владѫть,	Тога найдно деца стока владать
Владъікѫ си изъ рода изберѫще,	Избиратъ си владика изъ рода,
Къіи пльзьне дѣлі-а въ сънь-мы славьнъі ходить,	Кой за користь на сабори ходи,
Ходить с кметы, зь лѣхъі, владыками.	Ходи съ кмети, лехи и владики.

Шафарикъ, разбирая эту строфу, остановился на слѣдующихъ понятіяхъ и даетъ имъ такое объясненіе:

1. «*Čeliedi*—(Прил. I. стх. I.)—это въ первоначальномъ, благородномъ смыслѣ слова-*родъ, фамилія, домъ*. Въ нашемъ Mater Werborum слова prosapia, familia переведены чрезъ čelied'; у Далемиля во введеніи къ его стихотворной хроникѣ читаемъ: Ten Čech imĕješe bratrov šest, Pro niež imĕješe moc i čest, A ot nich mnoho čeliedi, Iež jednej noci Čech oslĕdi и т. д.» [1].

2. *Ženy ruby stroja*. Прил. I, стх. 2. «Для сравненія приведемъ мѣсто изъ малороссійской народной пѣсни, которая поется у Гукуленовъ (Huculen), одной карпатской отрасли восточногалицкихъ малороссовъ:

1 Die ält. Denk. S 85, 86.

Oj vsadyv try seła z lud'my,
A jedno seło s starymy lud'my,
A druhe seło z parubočkamy,
A tretie seło z panienočkamy:
Staryi lude usim sudyły,
A parubočky v vojsku służyły,
A panienocky śytit'ka śyły [1].

Děti sbožiem v jedno vladu. Прил. I. стх. 4.

«Хотя по славянскому закону раздѣлъ наслѣдства между дѣтьми обоего пола по равнымъ частямъ былъ позволителенъ, но *обычай общаго, нераздѣльнаго владѣнія* всѣхъ наслѣдниковъ, *часто* въ продолженіе многихъ поколѣній, такъ глубоко коренился въ патріархальныхъ чувствахъ народа, что *былъ господствующимъ*» [2].

Vladyka. Прил. 1. стх. 5.

«Это родоначальникъ, который въ 5 стихѣ называется glava čeliedina. У теперешнихъ Сербовъ греческаго исповѣданія, на южной сторонѣ Дуная, гдѣ обычай избирать домоначальниковъ, домостарѣйшинъ и передавать имъ управленіе всѣми семейными и домашними дѣлами, вѣроятно, всего долѣе сохранился,—*этотъ родоначальникъ теперь называется* starěšina, *старѣйшиною* (senior), владыкою же называютъ тамъ епископа. Въ Далмаціи, у Иллирійцевъ латинскаго исповѣданія, *домохозяйка* (mater-familias) всегда называется *vladyka*, какъ и въ законникѣ Стефана Душана. Срав. также кирилицкое vladyčica, производное отъ vladyca, и употребляемое *κατ' ἐξοχὴν* о Дѣвѣ Маріи. Интересно извѣстіе о старѣйшинахъ, которое сообщаетъ Вукъ Стефановичъ Караджичъ въ своемъ сербскомъ словарѣ, Вѣна 1818 г. с. 792: «Старѣйшина (starešina) владѣетъ и управляетъ всѣмъ имуществомъ дома; онъ приказываетъ мужчинамъ и подросткамъ, что каждому изъ нихъ дѣлать; онъ

1 Ibidem. S. 86.
2 Ibidem.

заботится объ отправленіи общественныхъ податей и повинностей. Онъ начинаетъ, онъ и оканчиваетъ домашнюю молитву. Когда приходятъ въ домъ гости или незнакомецъ, то только онъ одинъ разговариваетъ съ ними и угощаетъ ихъ. Онъ не всегда старшій лѣтами въ домѣ; если отецъ состарѣется, то онъ передаетъ достоинство старѣйшины болѣе другихъ благонадежному своему сыну, брату или племяннику, хотя бы этотъ былъ и младшій. Если старѣйшина дурно управляетъ домомъ, то родичи выбираютъ на его мѣсто другаго»[1]. Впрочемъ, обыкновенно, выбирался старшій изъ рода[2].

И такъ, вотъ въ чемъ состоялъ законъ вѣкожизненныхъ боговъ, правда, принесенная отцами Чеховъ! Онъ повелѣваетъ, чтобы, по смерти главы рода, челядинцы его, домочадцы не дѣлились, а оставались въ общемъ, нераздѣльномъ обладаніи родовымъ имуществомъ, выбирая себѣ владыку изъ рода. Эту правду по дѣйствовашему закону и похвалили кметы, лехи и владыки. По содержанію своему, этотъ законъ обнимаетъ собою не только все семейное право, но и все законодательство того времени. Права и обязанности каждаго члена рода выражены въ немъ общими положеніями, изъ которыхъ, при обычномъ порядкѣ вещей, легко опредѣлялись всѣ частныя явленія. Вѣкожизненная правда, признанная, одобренная всѣми кметами, лехами и владыками, опредѣляетъ власть, значеніе и права родоначальника, занятіе и значеніе мужескаго и женскаго половъ въ родовомъ быту и, наконецъ, отношенія челяди, домочадцевъ, родичей, какъ къ своему главѣ, владыкѣ, такъ и къ родовому имуществу. Что же нужно еще для опредѣленія быта, основаннаго на кровныхъ, родственныхъ началахъ, въ то время, когда каждый жилъ съ родомъ своимъ, на своихъ мѣстахъ? Частности, при немногосложности, естественной простотѣ быта, опредѣлялись самою жизнію. Родоначальникъ властвовалъ надъ

1 Ibidem. S. 68. v. 5.

2 Исторія древ. наслѣд. права г. Губе. с. 64.

своею челядью—домочадцами, ходилъ, какъ глава и представитель ихъ, для родовой корысти на снемы, гдѣ и занималъ мѣсто по старшинству своего рода: «по имени можно мѣсто дать, по изотчеству пожаловати» говорили наши предки. Неужели отсюда не понятенъ объемъ его правъ и обязанностей, еслибы мы даже не имѣли выше приведеннаго извѣстія Вука Стефановича и разсказа Чапловича, который изложимъ ниже? Прочіе члены рода, домочадцы имѣютъ, соотвѣтственно своему полу и даже возрасту, особыя занятія: мужчины занимаются тяжелыми работами, обработкою полей, постройками; женщины шьютъ платье, готовятъ пищу; однимъ словомъ, имѣютъ особое женское хозяйство (внутри самаго жилища), на которое имѣемъ нѣсколько указаній, что и подало нѣкоторымъ поводъ подозрѣвать собственность у славянскихъ женъ въ древнѣйшее время. Само собою разумѣется, что, смотря по занятіямъ, и различныя предметы домашняго имущества, находившагося въ общемъ пользованіи, подъ главнымъ управленіемъ владыки рода, состояли притомъ въ ближайшемъ завѣдываніи тѣхъ лицъ, въ рукахъ которыхъ они находились. Такъ напр., занимаясь обработкою полей, ловлею звѣрей, рыбъ, постройкою жилищъ, рубкою лѣса и т. д., мужеской полъ имѣлъ въ непосредственномъ своемъ вѣдомствѣ, какъ орудія своихъ занятій, такъ и добытое посредствомъ ихъ имущество; то же должно сказать и о женщинахъ. Отсюда, какъ плугъ, соха, топоръ, коса, хлѣбъ, сѣно, лѣсъ, дрова и т. д. считаются принадлежностію мужчины, такъ, напротивъ, конопля, ленъ, полотна, шерсть, сукна, корова, овца, молоко, вообще все, что относится къ кухнѣ, печкѣ и одеждѣ, находилось въ ближайшемъ завѣдываніи женскаго пола [1]. Тѣмъ не менѣе

1 Слѣды особаго женскаго хозяйства замѣтны и въ древнѣйшихъ нашихъ историческихъ памятникахъ: въ уставѣ Ярослава: «аже мужъ имѣть красти коноплю; аже мужъ крадетъ бѣлые порты»; въ вопросахъ Кирика: «а порты ея (т. е. жены) грабити начьнетъ, или пропивать, или ино зло».... Подобный порядокъ хозяйства и внутреннее распредѣленіе имущества между членами дома

всѣ эти предметы домашняго имущества не принадлежали никому въ частную собственность, съ правомъ исключительнаго владѣнія, пользованія и распоряженія, но составляли общее достояніе рода, подъ управленіемъ домовладыки. Смерть

сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи и до сего времени. «У русскихъ (жителей, пришельцевъ Трехъ-избянской слободы, Харьковской губерніи, Старобѣльскаго уѣзда) большая тяжесть возложена на женщинъ. Правда, что приданаго за дѣвками не берутъ, напротивъ, рѣдкій не приплатится еще при сватаньи на наряды. Сговоры играются на счетъ жениха. За то женившись, мужъ не заботится уже, во что одѣваться самому, женѣ и семейству. Зипунъ, поясъ, онучи для черевикъ, рубаху и штаны (портки) для мужа и сыновей, а также сарафаны, рубахи (ср. «жены роубы строіа», пр. I. стх. 2) и прочее платье для дочерей приготовляетъ жена. Добрый мужъ, если захочетъ, хлопочетъ объ обуви для семьи, а если нѣтъ, такъ и обувь, и все, что нужно для платья, должна промыслить жена. И это соблюдается чрезвычайно строго. Когда не достаетъ у ней домашней шерсти для сукна и сарафанины, а также прядева для полотна, то и это рѣдко покупается мужемъ, а больше заработываетъ сама жена по людямъ. И горе женѣ, которая не умѣетъ, или плохо умѣетъ ткать, прясть, шить, или лѣнива, или же по хворости не успѣваетъ одѣвать свою семью. Бабы пекутъ и варятъ, если семейство большое, по очереди; когда же въ семьѣ душъ около сорока, то одна назначается для печенья, а другая для варенья, и очередная пользуется или расположеніемъ или ненавистью работниковъ, смотря по своему искусству въ стряпнѣ»... Записки Рус. Геогр. Общества за 1855 годъ. книж. IV, С. Петербургъ, 1855 г. Слобода Трехъ-избянская г. Павлова.

Но особенно важно здѣсь свидѣтельство г. Миличевича о положеніи женщинъ въ теперешней сербской «задругѣ». «Права и обязанности раздѣлены между женщинами задруги. Онѣ по очереди отправляютъ всѣ домашнія должности: такъ по очереди сырятъ сыръ, т. е. каждая должна одинъ годъ ходить за скотиной, доить, сырить, собирать масло и сливки; а другія, остающіяся дома, въ теченіи этого срока обязаны *рядить* домъ, держать *нарядъ*, а именно: каждая изъ нихъ въ теченіи недѣли, начиная съ утра понедѣльника, мѣситъ хлѣбъ, варитъ кушанье, носитъ его тѣмъ, кои находятся на работѣ. Во все это время, пока одна изъ нихъ *рядитъ*, свою недѣлю, она не идетъ уже на работу, если задруга побольше;

родоначальника не разрушала такого порядка вещей. Когда умиралъ глава челядинцевъ, то послѣдніе не дѣлились, а оставались въ общемъ владѣніи и выбирали себѣ новаго владыку изъ рода. Это свидѣтельство Любушиной пѣсни такъ ясно и опредѣленно, что послѣ него, не смотря на существующія подозрѣнія и толкованія, едва ли еще можетъ оставаться, какое бы то ни было, сомнѣніе объ общемъ владѣніи имуществомъ у Славянъ во время господства родоваго быта: по крайней мѣрѣ, для насъ оно рѣшаетъ этотъ вопросъ окончательно.

Тѣмъ не менѣе пѣснь о судѣ Любуши возбудила различныя объясненія, которыхъ мы не можемъ обойти молчаніемъ. Здѣсь, разумѣется, первое мѣсто принадлежитъ Шафарику[1].

Объясняя 70, 71 и 106 стихи пѣсни:

«Budeta im oba v jedno slasti;
Či sie rozdělita rovnu měru
Pr' vencu dědina dati pravda»,

онъ говоритъ: «наслѣдство и истекающіе изъ него законы и отношенія,—главная точка, около которой вращается все стихотвореніе. Рѣшеніе, которое оно даетъ намъ, проливаетъ неожиданный свѣтъ на одинъ изъ сомнительныхъ и важнѣйшихъ вопросовъ древности. Хрудошъ, какъ первородный,

а не велика задруга—тогда, сколько поспѣетъ, и она помогаетъ въ полевыхъ работахъ. Отъ очереди здѣсь освобождается только *свекровь* и новоприведенная *молодица:* первая навсегда, а вторая годъ со дня вступленія въ домъ мужа; впрочемъ то и другое встрѣчается въ задругахъ, въ которыхъ царствуетъ любовь и согласіе, и случается—въ нѣкоторыхъ домахъ свекровь гоняютъ *рядить,* покуда она въ силахъ, а *молодой,* какъ говорится, *третій день — руки въ тѣсто;* но эти оба случая однако не заслуживаютъ одобренія задруги, и если можно такъ выразиться, общее мнѣніе не одобряетъ подобныхъ поступковъ». Русская Бесѣда, Москва, 1858 г. III, книга вторая, с. 103.—Ср. расказъ Чапловича нижеприведенный.—Путешествіе въ Черногорію г. Попова С. Петербургъ, 1847 г. стр. 160—163.

[1] Мацѣевскій утверждаетъ, что Славяне искони знали наслѣдство «dziedzictwo». Slavische Rechtsgeschichte, Zweit. Theil. S. 237—246. Но о возраженіяхъ противъ общности владѣнія мы будемъ говорить ниже.

хочетъ дать себѣ больше значенія и требуетъ предпочтенія, которое младшій братъ оспариваетъ у него. Хотѣлъ ли Хрудошъ получить все наслѣдство, или только бо́льшую часть его, объ этомъ неопредѣленно выражено Его требованіе основывалось на германскомъ, а не славянскомъ правѣ, такъ какъ это послѣднее никакого предпочтенія первородцу не давало. Такимъ образомъ, здѣсь славянскія и германскія правовыя воззрѣнія и обычаи входятъ между собою въ столкновеніе.

По германскому порядку наслѣдованія (говоритъ г. Филлипсъ, Deutsche Geschichte, Berlin 1832, Bd. I. S. 142, Anm. 53. S. 166—167, Anm. 3), каждому отцу наслѣдуютъ прежде всѣхъ сыновья, способные носить оружіе. Они, какъ ближайшіе по крови, исключаютъ прежде всего внуковъ, а потомъ, по способности своей носитъ оружіе, и младшихъ своихъ братьевъ, не достигшихъ еще этой способности. Отсюда ясно высказывается то направленіе, въ слѣдствіе котораго германское право даетъ предпочтеніе первородному. Эго древнегерманское предпочтеніе перворoccurrence сохранилось въ Англіи въ особенности. Норманны принесли сюда этотъ принципъ изъ ихъ родины, гдѣ онъ продолжалъ существовать, хотя и въ феодальной оболочкѣ, покрывавшей все землевладѣніе. (Ср. Guil. Gemetic. Histor. Norman. I. 4. «Quae gens idcirco sic multiplicabatur, quoniam nimio dedita luxui mulieribus jungebatur multis. Nam per adultos filios cunctos a se pellebat, *praeter unum*, quem heredem sui juris reliquebet). И германское ленное право содержитъ въ себѣ слѣды таковаго же предпочтенія первородства, происхожденія котораго однакожъ не должно искать въ ленномъ правѣ.

Тирбахъ, который въ своемъ сочиненіи о наслѣдствѣ благородныхъ (дворянъ) въ Германіи (Gotha 1835 г. 8. v.), подвергъ этотъ предметъ основательному изслѣдованію, обнаружилъ, что наслѣдство первороднаго есть древнегерманскій институтъ.

Въ древнебогемскихъ законахъ и обычаяхъ (напротивъ) нельзя найдти никакого слѣда, чтобы первородный при

наслѣдствѣ получалъ какое-либо преимущество. Такъ было во все время до XVI го столѣтія, когда установленъ былъ первый отказъ (Fideicommisse), разумѣется, исключая ленной системы, которая, по германскимъ постановленіямъ, образовалась въ XIV столѣтіи и въ Богеміи. По закону и обычаю, въ Богеміи дѣти обоего пола наслѣдовали равныя части. Но такъ какъ обычай общаго нераздѣльнаго владѣнія всѣхъ, участвующихъ въ наслѣдствѣ, преобладалъ иногда въ продолженіи многихъ поколѣній, (что называли» nedjlnost, hromada, spolck), дочери же и сестры посредствомъ брака выходили изъ круга «hromadnici», то онѣ, выдачею *приданаго*, навсегда устранялись отъ наслѣдства (wybyty), а потому и при позднѣйшихъ раздѣлахъ уже не принимались во вниманіе. Никакой сонаслѣдникъ (hromadnjk) не могъ управлять своею наслѣдственною частію прежде совершенія дѣйствительнаго раздѣла; онъ не имѣлъ никакой личной собственности, а потому ему безусловно *наслѣдовали* пережившіе его родственники. Каждый раздѣлъ наслѣдственнаго имущества происходилъ только предъ судомъ и только по желанію всѣхъ сонаслѣдниковъ. Старшій изъ нихъ назначалъ жребій, обыкновенно письменно, въ раздѣльномъ актѣ (dilěj cedule); младшій бралъ свою часть первый, потомъ слѣдовали ближайшіе къ нему по лѣтамъ, и самому старшему приходилась та часть, которая оставалась. Этотъ первоначальный юридическій обычай сохранялся даже до XVI столѣтія.

Разсматриваемый нами споръ братьевъ о наслѣдствѣ могъ разрѣшиться троякимъ образомъ: 1, или безъ раздѣла сохранить доселѣ бывшую общность наслѣдства, 2, или раздѣлиться по равнымъ частямъ, или 3, наконецъ, раздѣлиться по неравнымъ частямъ, давши предпочтеніе первородному.

Рѣшеніе Любуши столько же скромно, сколько справедливо и умно; она говоритъ, что по законамъ божескимъ (по древнеобычному славянскому праву) допускается только первое и второе; впрочемъ народное собраніе, сеймъ можетъ рѣшить, которое изъ этихъ двухъ положеній должно принять, равно какъ можетъ устранить доселѣ дѣйствующіе законы

и сдѣлать новое постановленіе, т. е. ввести германское право первородства» [1].

Противъ этого мнѣнія можно сдѣлать слѣдующія возраженія:

1., Первая строфа пѣсни, которую мы привели, въ концѣ ея изложенія, цитуя общій законъ, обнимающій собою, какъ мы видѣли, все семейное право того времени, не только ничего не говоритъ о какомъ бы то ни было—равномъ или неравномъ раздѣлѣ наслѣдства; но даже видимымъ образомъ отвергаетъ его, противополагая ему общность владѣнія: по смерти главы домочадцевъ, всѣ дѣти владѣютъ имуществомъ вмѣстѣ, выбирая себѣ изъ рода владыку. Эту «правду по закону» всѣ собранные на снемъ кметы, лехи и владыки похвалили.—одобрили, признали, и, положивъ ее въ основаніе рѣшенія тяжбы, утвердили своимъ приговоромъ, который уже самъ по себѣ имѣлъ силу закона. Слѣдовательно, общее, нераздѣльное обладаніе родовымъ имуществомъ было не только господствующимъ, но и исключительнымъ обычаемъ того времени.

2. Шафарикъ говоритъ, что какого раздѣла хотѣлъ Хрудошъ, о томъ не ясно выражено въ пѣснѣ. Мы думаемъ, что сказать этого никакъ нельзя. Пѣсня прямо свидѣтельствуетъ, что Хрудошъ требуетъ не раздѣла наслѣдства, а права первородства, майората. Онъ не доволенъ не столько рѣшеніемъ сейма, опредѣлившимъ общее владѣніе, при которомъ онъ, какъ старшій, все таки имѣлъ бы больше правъ, сколько мнѣніемъ княжны, которую и поноситъ за то, что она предложила равный раздѣлъ. Первенцу, кричитъ онъ, должно отдать дѣдину, слѣдовательно, всю безъ раздѣла.

3. Итакъ, дѣйствительно, въ самой пѣснѣ предлагаются три рѣшенія: 1, или общее владѣніе, на основаніи господствующей правды, принесенной отцами Чеховъ въ *сіе-же* [2]... или 2, раздѣлъ наслѣдства поровну, какъ предлагаетъ снему

[1] Die âlt. Denk. S. 99—100.

[2] Стх. 120 и 121 прил. I.

княжна, желая смирить враждующихъ братьевъ, или наконецъ 3, майоратство, котораго требуетъ Хрудошъ по праву первородства. Но снемъ не принялъ ни мнѣнія Любуши, ни требованія Хрудоша: мнѣнію первой онъ противопоставилъ вѣковѣчную правду отцевъ своихъ, по которой всѣ члены рода, по смерти домовладыки, остаются въ общемъ владѣніи; на требованіе втораго онъ отвѣчаетъ: непохвально намъ искать правды у Нѣмцевъ, когда у насъ есть своя правда, а потому и рѣшаетъ тяжбу по общему, одобренному имъ, обычаю: «да будутъ оба брата въ общемъ владѣніи.» Еслибы, какъ думаетъ Шафарикъ, раздѣлъ наслѣдства былъ въ то время столько же употребителенъ, какъ и общее владѣніе родовымъ имуществомъ, т. е. еслибы, какъ говоритъ онъ, по закону вѣкожизненныхъ боговъ (древнеобычному праву), допускалось въ равной силѣ то и другое, то почему бы снемъ отдалъ предпочтеніе общему владѣнію предъ раздѣломъ, который предлагала сама княжна и который, по существу спора, болѣе удовлетворялъ бы интересамъ братьевъ, какъ нѣчто среднее между общимъ владѣніемъ и майоратомъ?[1] Очевидно, что раздѣлъ наслѣдства, кромѣ мнѣнія княжны, мнѣнія, вызваннаго желаніемъ смирить враждующихъ братьевъ, не имѣлъ за себя предъ народнымъ собраніемъ ничего; ибо снемъ имѣлъ полную свободу не только рѣшать на основаніи старыхъ законовъ, но уставлять новый налезъ—постановленіе.

На этихъ основаніяхъ, мы думаемъ, что въ то время, къ которому, по происхожденію своему, относится наша пѣсня, общее, нераздѣльное обладаніе родовымъ имуществомъ было не только господствующимъ, но и исключительнымъ обычаемъ, и что раздѣлъ наслѣдства тогда еще не допускался. Даже не знаемъ, на сколько можно согласиться съ замѣчаніями гг. Губе и Повова, которые думаютъ, что пѣсня эта стоитъ на «рубежѣ двухъ эпохъ законодательства и показываетъ, что древнее родовое устройство начинаетъ колебаться и

[1] Исторія Россіи, г. Соловьева т. IV., допол. и поправки

вызываетъ явленіе новыхъ началъ» [1]. Намъ кажется, что если въ пѣснѣ о судѣ Любуши и можно отыскать признаки зарожденія новаго порядка вещей (о чемъ мы скажемъ ниже), то, по крайней мѣрѣ, не по отношенію къ вопросу о наслѣдствѣ, ибо споръ этотъ возникъ во 1-хъ, не вслѣдствіе внутреннихъ требованій быта, а по внѣшнему для него побужденію, соблазну нѣмецкой правды, и во 2-хъ, онъ произвелъ такое страшное возмущеніе въ племенной крови, что оно отозвалось во всей природѣ Чешской страны и явнымъ образомъ обличаетъ, что семейныя распри по этому предмету—дѣло неслыханное!

Въ противоположность нашему, сейчасъ высказанному, мнѣнію о бытѣ Чеховъ временъ Любуши, одинъ изъ нашихъ изслѣдователей видитъ, въ разбираемой нами пѣснѣ, изображеніе быта общинно - семейнаго. Объясняя эту пѣсню такъ, чтобы доказать общинно - семейный бытъ, г. К. Аксаковъ выводитъ слѣдующее, рѣшительное заключеніе: «стало быть, говоритъ онъ, Чешская пѣсня «судъ Любуши» приводитъ насъ къ заключеніямъ, совершенно противоположнымъ мнѣнію о родовомъ бытѣ: 1. споръ идетъ о семейномъ наслѣдствѣ; 2. древній обычай указываетъ на семейное устройство; 3. владыки были избираемы отъ семействъ; 4. снемъ или сходка называется народомъ, дѣйствуютъ свободно и съ полнымъ равенствомъ и ясно обнаруживаетъ общественное устройство, представляемое самостоятельною общиною и княземъ. И такъ, на основаніи этой пѣсни, мы видимъ, что родоваго устройства не было, а видимъ семью и общину» [2].

Откуда эти заключенія? Въ отвѣтъ мы можемъ только сослаться на сейчасъ указанную нами статаю г. Аксакова: «О древнемъ бытѣ у Славянъ вообще и у русскихъ въ особенности», ибо буквально изложенная нами пѣсня о

[1] Исторія древн. наслѣд. права у Славянъ г. Губе, Ист. и ст. сбор. Д. В. Москва 1845 г. ст. 65. 71. — Объ опекѣ и наслѣдствѣ, во вр. Рус. правды г. Попова, тамъ же с. 105.

[2] Московскій Сборникъ, Москва, 1852. т. I. с. 89.

судѣ Любуши совершенно невинна по отношенію къ этимъ заключеніямъ.

Споръ идетъ, говоритъ г. Аксаковъ, о семейномъ наслѣдствѣ потому, что спорятъ только два брата и при томъ объ отцовской дѣдинѣ. Но противъ этого замѣтимъ, во 1-хъ, что г. Аксаковъ, требуя точнаго опредѣленія понятій рода и семьи, постоянно смѣшиваетъ ихъ самъ, что мы яснѣе увидимъ ниже, а главное то, что онъ не различаетъ рода первобытнаго отъ современнаго понятія о родѣ. Спорятъ два брата — такъ: но какое значеніе имѣютъ эти братья къ своимъ домочадцамъ, на это не обращаетъ вниманія г. Аксаковъ. Старшій изъ нихъ Хрудошъ, очевидно, есть тотъ глава челядинцевъ, который избирался для управленія общимъ домашнимъ имуществомъ. Онъ, слѣдовательно, есть представитель родоваго старшинства, какъ Кій, княжившій въ своемъ родѣ какъ нашъ великій князь. Мы знаемъ, что у Славянъ были *молодые старѣйшины*, т. е. молодые люди, на которыхъ переносилось родовое старѣйшинство; дѣло значитъ не въ лицѣ, а въ значеніи, съ нимъ соединяемомъ. Слѣдовательно, въ этомъ спорѣ двухъ братьевъ за дѣдовскую вотчину, и нужно обращать вниманіе не столько на лица, сколько на значеніе ихъ; а это значеніе, какъ особенное, слишкомъ ярко высказано въ пѣснѣ: братья были представители стараго рода Тетвы Попелова — вотъ что важно. Неужели, по всякому спору между челядинцами, въ каждой семьѣ, хотя бы и за наслѣдство, собиралось у Богемцевъ того времени вѣче? На такое допущеніе едва ли можно рѣшиться. Но во 2-хъ, значеніе тяжбы за наслѣдство выясняется и предметомъ наслѣдства, который имѣетъ значеніе, соотвѣтственное значенію спорящихъ лицъ. Споръ идетъ не объ *отцовской дѣдинѣ*, а о *дѣдовской вотчинѣ*. Эта, по видимому, ничтожная перестановка двухъ словъ имѣетъ однако свое значеніе; понятія одни и тѣже, но смыслъ выраженія измѣняется. Спорное наслѣдство пѣсня вездѣ называетъ *дѣдовскою отчиною* или просто дѣдиною, т. е. имуществомъ, которое досталось дѣду отъ его предковъ, — другими

словами,—имуществомъ родовымъ, переходящимъ безъ раздѣла изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію. Хрудошъ хотѣлъ владѣть имъ по праву собственности; но ему не дозволили на томъ основаніи, что родовое имущество не есть собственность одного лица, хотя бы и старшаго въ родѣ, но что оно принадлежитъ всѣмъ челядинцамъ, которые владѣютъ имъ сообща, выбирая себѣ владыку изъ рода. И такъ, не смотря на видимые признаки семейнаго начала, которыми увлекся г. Аксаковъ, семьи у Чеховъ этого времени пока не видно. Пѣсня вездѣ говоритъ *о родѣ, главѣ челядинской, челяди, о выборѣ владыки изъ рода* и т. д. Голословное же объясненіе г. Аксакова, что будто бы слово «родъ означаетъ семью или происхожденіе» [1], не имѣетъ за себя ни основанія, ни доказательствъ.

Таже внѣшняя сторона увлекала г. Аксакова и при разсмотрѣніи имъ общественнаго быта Чеховъ того времени. «Снемъ или сходка, говоритъ онъ, называется народомъ, дѣйствуетъ свободно и съ полнымъ равенствомъ и ясно обнаруживаетъ общественное устройство, представляемое самостоятельною общиною и княземъ». Изъ того, что снемъ или сходка называется народомъ, никакъ не слѣдуетъ, чтобы онъ имѣлъ общинное, т. е. въ обширномъ смыслѣ неродственное основаніе и устройство. Пѣсня прямо говоритъ, что на снемы эти ходятъ только владыки, представители родовой корысти, какими, слѣдовательно, были кметы и лехи; ибо они, дѣйствительно, ничѣмъ не отличаются отъ владыкъ и дѣйствуютъ съ ними на равныхъ правахъ. Внѣ этого кровнаго представительства, какъ прямо и ясно выражаетъ пѣсня, никто на снемѣ не имѣлъ значенія и голоса; всѣ остальные члены родовъ—мужи, челядь, жены—въ противоположность владыкамъ, имѣютъ свои опредѣленныя занятія, но на снемы не ходятъ, т. е. не имѣютъ права поголовно участвовать въ нихъ, хотя и могли, можетъ быть, присутствовать на нихъ безгласно, для того, чтобы знать постанов-

[1] О древ. бытѣ у Славянъ, с. 89.

ленія вѣча. Въ отношеніи къ народнымъ собраніямъ Чеховъ этого времени вполнѣ можно приложить нашу позднѣйшую юридическую формулу о городахъ: «что старѣйшіе (города) сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ» [1]. Самостоятельной общины, слѣдовательно, какую желаетъ видѣть въ снемѣ г. Аксаковъ, вовсе нѣтъ, ибо основаніе этого снема есть чисто родовое, кровное. Община — союзъ людей, связанныхъ между собою, какими бы то ни было интересами, только не кровными, не родственными; это условіе для понятія общины — conditio sine qua non. А гдѣ же эти общественные интересы, когда вся пѣсня съ первой строки до послѣдней только и поетъ о родѣ, о владыкѣ, о родственной враждѣ, для замиренія которой поднялось, въ лицѣ своихъ представителей, все племя, въ слѣдствіе которой возмутилась вся природа? Вражда идетъ за дѣдовскую отчину, враждуютъ братья стараго рода Тетвы Попелова... Однимъ словомъ, гдѣ неродственная, общественная основа сейма, когда вся пѣсня дышетъ родствомъ, кровными чувствами, семейнымъ миромъ?

Если и можно было подозрѣвать здѣсь зачатки общественнаго быта, такъ это въ князѣ, кметахъ и лехахъ, о которыхъ пѣсня только что упоминаетъ. Но и эти названія даютъ намъ только понятіе о междуродовой, т. е. племенной жизни, а никакъ не объ общинной, хотя г. Аксаковъ рѣшительно утверждаетъ ее на этихъ шаткихъ основаніяхъ. «Сверхъ снема, говоритъ онъ, видимъ общую для всѣхъ княжескую власть, созывающую этотъ снемъ; стало кромѣ сходки, здѣсь еще, при родоначальникахъ (если принять ихъ съ г. Соловьевымъ?)—власть князя, становящая въ свою очередь родовое устройство на второмъ планѣ... Кромѣ владыкъ, на снемъ собираются кметы и лехи; они поставлены рядомъ, какъ бы особыя сословія. Еслибы на снемъ собирались только главы родовъ, и эти главы родовъ назывались бы владыками, то было бы просто сказано, что собирались владыки. Почему же здѣсь, кромѣ владыкъ, кметы и лехи?

[1] П. с. л. т. 1. с. 160.

Эго обстоятельство намекаетъ на сословія и, такимъ образомъ, еще съ другой стороны заподозрѣваетъ родовое устройство. Могутъ сказать намъ, что кметы и лехи были званія, не исключавшія собою званія владыкъ. Но почему въ пѣснѣ сказано вообще: всякій отецъ и т. д., сказано объ избраніи владыкъ вообще, а потомъ уже говорится, что они ходятъ въ снемы съ кметами и лехами? Почему владыки упоминаются отдѣльно, состоятъ ниже кметовъ и леховъ»? [1]. Итакъ, княжеская власть съ одной стороны и сословія съ другой—вотъ признаки общественнаго быта, на которые указываетъ г. Аксаковъ. Но дѣло въ томъ, что признаки эти только кажущіеся, чисто внѣшніе, увлекающіе только видимымъ сходствомъ. Они выражаютъ не общинную, сложившуюся въ послѣдствіи, во имя интересовъ, достигаемыхъ совокупными усиліями людей, а племенную, между-родовую жизнь, въ основаніи которой опять лежитъ кровное, безсознательное, родственное начало: сознаніе племеннаго единства, въ слѣдствіе общаго происхожденія отъ однихъ предковъ. Сознаніе это очевиднымъ образомъ выражается въ преданіи о Чехѣ, общемъ родоначальникѣ Богемцовъ. Князь ни болѣе, ни менѣе—представитель этого единства племени, но не общины: точно такъ, какъ владыка—представитель единства рода и его интересовъ. По этому и значеніе князя не имѣетъ ничего властительнаго, отличается патріархальнымъ характеромъ. Родственныя чувства,—основаніе и мѣрка всего въ это время, — прежде всего выражаютъ благодушіе, общее признаніе по живому чувству, въ противоположность всякаго рода другимъ, неродственнымъ отношеніямъ, которыя образуются по понятію силы и слабости, власти и подчиненія. Изъ пѣсни видно, какъ мало власти имѣла Любуша: на Хрудоша она жалуется самому снему. Власть общинная не такова: какъ только исчезли имена и сложилась общинная жизнь, то славянскіе князья являются уже неограниченными властителями. — Итакъ, присутствіе князя между Чехами, разсматриваемаго време-

[1] О древ. бытѣ Славянъ, с. 86.

ни, еще не доказываетъ общиннаго быта; общинное значеніе князь получитъ въ послѣдствіи, когда исчезнетъ племя. Не названіе, слѣдовательно, представителя, а существо его значенія рѣшаетъ вопросъ о бытѣ.

Болѣе существенный признакъ общественнаго быта это сословія, еслибы мы знали, что кметы, лехи и владыки дѣйствительно представляютъ собою сословія. Но въ томъ то и дѣло, что мы не можемъ этого сказать, не только на основаніи показаній пѣсни, но даже при соображеніи и другихъ, сюда относящихся, данныхъ. Изъ приведенныхъ выше объясненій Шафарика видно, что во времена, ближайшія къ пѣснѣ, *кметами* назывались *сельскіе старшины*, близко стоящіе къ бану-князю и его роду и притомъ первоначально въ числѣ не болѣе 12. У Славянъ южныхъ, Сербовъ и Болгаръ имъ соотвѣтствовали *бояре*, образовавшіе княжескій совѣтъ; при Душанѣ ихъ было 24. У насъ на мѣсто ихъ можно поставить *старѣйшинъ*, старцевъ градскихъ, упоминаемыхъ на первыхъ страницахъ лѣтописи, въ родовомъ происхожденіи которыхъ не сомнѣваются.

Если мы съ этими понятіями обратимся къ тому времени, въ которое происходилъ споръ за наслѣдство, описанный въ судѣ Любуши, то можемъ придти къ тому заключенію, что первоначальные богемскіе кметы суть представители старшихъ родовъ Чешскаго племени, представители, можетъ быть, тѣхъ родовъ, которые совершили путешествіе изъ-за Дуная въ Богемію и первые заняли новое отечество. Что касается до враждующихъ брвтьевъ, то объ нихъ пѣсня прямо говоритъ, что они были представителями такого рода, и именно—стараго рода Тетвы Попелова, который былъ приведенъ Тетвою съ другими родами Чеховъ въ эти тучныя земли. Вѣроятно, и *созванные* поименно Любушею судьи: Святославъ, Лютоборъ, Ратиборъ и т. д., которыхъ прославляетъ пѣсня и указываетъ на мѣста, гдѣ они жили (съ своими родами), были представителями этихъ старыхъ, болѣе извѣстныхъ, почетныхъ въ племени родовъ. При дальнѣйшемъ размноженіи племени, отъ нихъ произошли другіе роды, младшіе и т. д.

Съ теченіемъ времени и эти производные роды, опять, частію по старшинству происхожденія отъ древнихъ, первоначальныхъ родовъ, а частію по большему или меньшему богатству, многочисленности, силѣ, естественнымъ образомъ подраздѣлялись на два разряда. Представителями древнѣйшихъ, богатѣйшихъ, сильнѣйшихъ изъ нихъ являются въ пѣснѣ лехи, — младшихъ же, не столько знатныхъ и сильныхъ — владыки. То были люди сильные opibus et genere, а эти только землевладѣльцы. И такъ кметы, лехи и владыки суть лица, которыя различались скорѣе кровнымъ началомъ, нежели сословнымъ. По старшинству своихъ родовъ, по рожденію своему, какъ говоритъ пѣсня, они занимали мѣста и, можетъ быть, на снемѣ—судѣ имѣли нѣкоторые отдѣльныя функціи. Изъ этихъ родоначальниковъ развились въ послѣдствіи различныя достоинства, чины, правительство, а члены ихъ родовъ образовали различныя сословія; въ настоящее же время ни тѣ, ни другіе не имѣютъ еще общиннаго значенія, но развѣ представляютъ только его зародыши. [1].

[1] Для поясненія, сейчасъ сказаннаго нами, приведемъ аналогію изъ древнегреческой исторіи. «Въ гомерическое время», говоритъ г. Леонтьевъ, «мы встрѣчаемъ не отдѣльныхъ героевъ (племенныхъ вождей), добывающихъ себѣ признаніе собственною доблестію; мы видимъ героевъ, происходящихъ изъ греческихъ родовъ, а это показываетъ, что въ это время героизмъ былъ уже не новостію, и что уже успѣли выступить цѣлые роды, въ которыхъ жилъ героизмъ, какъ наслѣдственное качество. Эти героическіе роды могли выдѣлиться изъ простыхъ родовъ, или какъ старшія линіи, или вслѣдствіе большей доблести своихъ представителей... Достовѣрно то, что члены героическихъ родовъ вступили во время Гомера, относительно народонаселенія своей страны, въ права прежнихъ родоначальниковъ или старшинъ. На это указываетъ имя, которое имъ дается у Гомера, γέροντες, старики, хотя они по большей части еще далеко не достигли старческаго возраста. Какъ наслѣдники власти прежнихъ старшинъ, они являются представителями тѣхъ племенъ, которыми владѣютъ и народъ, λαός повинуется имъ, какъ владыкамъ. Пропилеи г. Леонтьева, т. II, Отд. II, с. 74. Москва 1852 г.

Въ заключеніе нашего разбора пѣсни о судѣ Любуши, считаемъ необходимымъ сдѣлать замѣчаніе объ аналогической ея доказательности. Письменный памятникъ этотъ относится къ IX—X вѣку [1], но пѣснь, въ немъ выразившаяся, ко временамъ гораздо древнѣйшимъ, какъ всякое народное вѣрованіе или поэтическое представленіе древнѣе своего художественнаго, а еще болѣе литературнаго выраженія. Что же касается до самаго содержанія пѣсни, т. е. быта, который въ ней воспѣвается, то онъ совершенно уходитъ за предѣлы исторической памяти, что краснорѣчиво выражаетъ и самая пѣсня. О законѣ, по которому долженъ былъ рѣшиться споръ братьевъ о наслѣдствѣ, она говоритъ, что это законъ вѣкожизненныхъ боговъ, правда по закону святому, «юже принесеху отцы наши въ сіе же»... Когда именно сложилась эта пѣсня, опредѣлить трудно, чтобы не сказать невозможно, ибо, какъ всякое народное произведеніе, она лишена хронологическихъ указаній. Замѣтимъ только, что по крайней мѣрѣ правда, которая въ ней воспѣвается, принесена отцами Чеховъ изъ первоначальной общей родины Славянъ, откуда разошелся по словамъ Нестора, славянскій языкъ, т. е. съ береговъ Дуная, гдѣ исторія впервые открываетъ Славянъ. Это соображеніе придаетъ еще большее, важнѣйшее значеніе, сохранившимся въ пѣснѣ, извѣстіямъ и окончательно уничтожаетъ всякое возраженіе противъ аналогической ихъ доказательности: ибо первоначально всѣ Славяне жили сплошною массою по берегамъ Чернаго моря и Дуная, имѣли, слѣдовательно, одинакій образъ жизни, одинакое устройство семейнаго быта, общіе обычаи, права, вѣрованія и т. д.; однимъ словомъ, еще не различались рѣзкими особенностями, какъ въ послѣдствіи. Возродившись, такимъ образомъ, въ нѣдрахъ общеславянской жизни, эта правда вѣкожизненныхъ боговъ, законъ, который принесли съ собою отцы Чеховъ VIII вѣка, продолжаетъ жить между ними въ новомъ ихъ отечествѣ, какъ основаніе ихъ жизни и

[1] Die ält. Denkmäler c. 31—94.

ставится въ противоположность праву первородства, правдѣ нѣмецкой, которая своимъ вліяніемъ извнѣ и возмутила семейное согласіе Чеховъ. Теперь, если эту правду вѣкожизненныхъ боговъ принесли съ собою Славяне въ Чехію, то почему бы они не принесли ее съ собою и на востокъ? Сходство быта Чеховъ, изображеннаго въ пѣснѣ о судѣ Любуши, съ бытомъ нашихъ восточныхъ Славянъ, который описалъ Несторъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что правда, о которой идетъ рѣчь въ разбираемой нами пѣснѣ, не есть явленіе частное, исключительно принадлежащее только одному какому-либо славянскому племени, а напротивъ, есть явленіе общее всѣмъ славянскимъ племенамъ, слѣдовательно и восточнымъ. Въ этомъ не трудно убѣдиться изъ самаго общаго сравненія: Чехи и Славяне этого времени, т. е. VIII—IX вѣка, живутъ подъ формами племенно-родоваго быта. Племя состояло изъ родовъ; каждый родъ жилъ, по свидѣтельству Нестора, отдѣльно, на своемъ мѣстѣ. То же самое говоритъ и пѣсня о судѣ Любуши, только говоритъ своимъ особеннымъ поэтическимъ языкомъ, представляя сказанное Несторомъ въ картинѣ. Созывая на снемъ родовладыкъ, пѣсня прямо обозначаетъ мѣсто, на которомъ жили роды: звали на судъ судей Святослава, что на Любицѣ Бѣлой, гдѣ прекрасныя дубравы, Лютобора съ Доброславскаго холма, гдѣ Лаба пьетъ Орлицу, Ратибора съ горы Крконоши, гдѣ. . . При каждомъ имени родовладыки непремѣнно слѣдуетъ обозначеніе мѣста его жительства. Что же это значитъ, какъ не то, что каждый жилъ съ родомъ своимъ, на своемъ мѣстѣ, владѣя родомъ? Въ каждомъ родѣ—глава, владыка, который владѣлъ родомъ, ходилъ для корысти на снемы, вѣча, и челядь, домочадцы, избиравшіе изъ рода себѣ владыкъ и находившіеся въ общемъ пользованіи родовымъ имуществомъ. Дѣла, не разрѣшенныя въ родахъ, какъ на прим., споръ Хрудоша со Стягловомъ, переносились на вѣча, снемы, сеймы—общее собраніе родовладыкъ[1].

[1] Исторія Россіи, г. Соловьева т. I. с.

Общее племенное единство выражалось въ князѣ также избираемомъ, который, по дѣламъ касающимся спокойствія и безопасности всѣхъ родовъ, созывалъ сеймы и наблюдалъ за исполненіемъ вѣчевыхъ постановленій; личная же его власть, какъ мы выше видѣли, была незначительна. Древлянскій князь Малъ имѣлъ такое же значеніе у нашихъ Славянъ. Такимъ образомъ весь бытъ основанъ былъ пока на чисто-кровныхъ, родственныхъ началахъ. Отсюда, изъ этого самаго общаго очертанія, уже достаточно видно, что первоначальный бытъ древнихъ Чеховъ и бытъ современныхъ имъ нашихъ восточныхъ Славянъ, въ главныхъ основаніяхъ, были совершенно одинаковы, а потому мы имѣемъ полное право свѣдѣнія объ одномъ изъ нихъ переносить на другой. Здѣсь нѣтъ даже аналогіи, а есть тождество, особенно если принять во вниманіе, что древніе Чехи съ особою строгостію хранили завѣтъ своихъ отцевъ. «Въ законахъ древнихъ Чеховъ», говоритъ г. Иванишевъ, «славянское право сохранилось въ большемъ объемѣ, нежели въ законодательствахъ другихъ славянскихъ народовъ. Законодательная власть принадлежала Земскому суду, въ которомъ паны имѣли свои совѣщанія (polaz), и изъ этихъ совѣщаній выходили всѣ законы въ видѣ панскихъ рѣшеній (nález), составлявшихъ единственную форму, въ которой являлось древнее законодательство Чеховъ. Паны не допускали никакихъ нововведеній, старались сохранить старое, утвержденное обычаемъ право. Къ этому должно прибавить нетерпимость къ чужеземцамъ, которая возникла отъ близкаго соприкосновенія къ враждебнымъ въ то время племенамъ германскимъ и продолжалась чрезъ всю исторію Богеміи. Все это способствовало тому, что законодательство развивалось (даже въ послѣдствіи!) болѣе изъ древнихъ, утвержденныхъ обычаевъ, чисто Славянскихъ началъ, и долго противилось нововведеніямъ и вліянію правъ чужеземельныхъ. Викторинъ изъ Вшегордъ удивляется неизмѣнности древняго чешскаго права, и готовъ думать, что это право дано было его предкамъ свыше. Онъ говоритъ: «не одной, не двухъ и не трехъ, а безчисленныхъ похвалъ

достойны древніе Чехи, которые такія справедливыя и совершенныя права вымыслили. Часто и долго думалъ я объ этомъ и мнѣ ничего другаго на мысль не приходило, какъ только то, что право земли Чешской дано старымъ князьямъ самимъ Богомъ. Что не отъ Бога, то скоро исчезаетъ, а право земли Чешской безъ всякой перемѣны, какъ сначала установлено, такъ и доселѣ сохраняется». [1].

III. Что обычай общаго нераздѣльнаго обладанія родовымъ имуществомъ былъ первоначальнымъ, изъ котораго раздѣлъ произошелъ уже въ послѣдствіи, въ томъ кромѣ общихъ основаній, приведенныхъ нами для русскаго права, свидѣтельствъ западныхъ лѣтописцевъ и пѣсни о судѣ Любуши, можно убѣдиться изъ однихъ *позднѣйшихъ постановленій* о наслѣдствѣ у Славянъ, которыя предполагаютъ въ своемъ основаніи это общее владѣніе всѣхъ и каждаго члена рода. Не имѣя возможности самостоятельно заняться изслѣдованіемъ нашего вопроса по источникамъ права родственныхъ намъ славянскихъ племенъ, мы приведемъ здѣсь результаты изысканій другихъ ученыхъ, спеціально занимавшихся этимъ предметомъ.

1. Изъ собранія позднѣйшихъ XII и XIII вѣк. законовъ богемскихъ, сдѣланнаго секретаремъ королевства Вольфомъ Врезовице, говоритъ Губе, видно, какъ долго существовали въ Богеміи понятія объ общемъ семейномъ имуществѣ. Въ титулѣ и раздѣлахъ (Rozdijlech) находимъ мы слѣдующія постановленія, которыми еще болѣе подтверждается наше мнѣніе. Во-первыхъ, семейные раздѣлы между отдѣльными членами должны быть утверждаемы гражданскимъ порядкомъ въ гражданскихъ земскихъ актахъ. [2] Кто не представлялъ такого акта, тотъ разсматривался какъ бы неотдѣльный. [3]. Потому сынъ у отца не могъ требовать раздѣла,

[1] Жур. Мин. Нар. Пр. 1841 г. іюнь. Отд. II. Древнее право Чеховъ И. Иванишева.

[2] Выше мы видѣли, какъ этотъ актъ и раздѣлъ по немъ совершались.

[3] Стр. 110. A kdož tak rozdjlu nie pokaže ten kazdy, w niedjlu skazdym zostanie, bud po otcy, po bratru nebo yakž koli. —

ни сестра у брата [1]. Всѣ оставшіеся въ семействѣ представляли единство, нераздѣльность общаго семейнаго имущества, что означалось техническимъ терминомъ spólek. Такое единство существовало, не только между нераздѣленными членами семейства, но даже и совершившіе раздѣлъ могли снова, въ присутствіи короля и земскаго суда, возстановить между собою такъ называемый spólek (нераздѣльность). Извѣстія о такихъ семейныхъ общинахъ относятся къ отдаленнѣйшимъ временамъ. Въ древнѣйшемъ земскомъ правѣ Богеміи, § 3, отношеніе неотдѣленнаго сына къ отцу называется spólek. Тоже и въ Ordo judicii terrae, во второмъ титулѣ de divisione hereditatis: Item si quis habens partem hereditatis aliquem *fratrem* vel *alium parentem* suum pro portione sua aliarum hereditatum patrimonialium citare voluerit, ante omnia partem suam predictam, quam possidet, *ad communitatem* ipsius citati et suam exhibere debet et tunc pro aliis omnibus divisionem equalem postulare, т. е. Если кто, уже владѣя частію недвижимаго имущества, захочетъ вызвать брата, или кого другаго изъ своихъ кровныхъ для раздѣла остальнаго, или другаго наслѣдства, прежде всего долженъ свою вышереченную часть, которой уже владѣетъ, приложить къ общности наслѣдства вызваннаго и тогда уже во всемъ остальномъ требовать равнаго раздѣла [2].

Здѣсь communitas citati et sua означаетъ ту первоначальную нераздѣльность, то общее состояніе (spólec), которое должно прекратиться чрезъ наступающій раздѣлъ. Равнымъ образомъ и богемскіе дипломы упоминаютъ о такихъ наслѣдствахъ. Въ примѣръ можно привести дипломъ 1356 г., въ которомъ сказано: Cunegundis relicta Vilhelmi dicti lepus quondam de Crassowicze protestata et coram beneficiariis prangensibus, quod patrem suum Conradum dictum Kemnader de Hanczek ad se in veram unionem seu *prawi Spolec* suscepit

[1] Ст. 110. Законъ говоритъ: aby syn od otce djlu zadaty nie mohl.

[2] Исторія древ. наслѣд. права, Губе, с. 71, 72. Archiv Český, w. Prage, 1842. II. Ordo judicii terrae, § 72.

т. е. когда наслѣдство послѣ такого-то было объявлено предъ судьями, то и отца своего принялъ въ одно правое единенье (имущества), или *правый сполекъ*.

Не смотря на столь очевидныя доказательства, нѣкоторые могутъ подумать, что въ этихъ семейныхъ общинахъ не сохранилась нераздѣльность древняго славянскаго имущества. Но слѣдующія мѣста изъ Вольфова собранія удостовѣрятъ насъ въ совершенно противномъ. Имущество не составляло собственности одного лица, но принадлежало всей семейной общинѣ (spolek) [1], точно такъ, какъ и все то, что пріобрѣталось однимъ изъ ея членовъ. По смерти члена семейства, жившаго съ нимъ въ нераздѣльности, имѣніе умершаго не переходило къ ближайшимъ наслѣдникамъ его, т. е. къ дѣтямъ, но оставалось во владѣніи своей семейной общины[2]. Только вѣно (wiano) жены принадлежало исключительно ей одной [3]. Между множествомъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о древней нераздѣльности имуществъ, мы встрѣчаемъ въ богемскихъ законахъ ранніе слѣды семейныхъ раздѣловъ и образовавшейся въ слѣдствіе того частной собственности. Андрей Дубе, жившій въ XIII столѣтіи и писавшій коментаріи на древніе богемскіе законы говоритъ: może otec synom diel dati kdyz chce, adluzen jest im dali wszeho statku bud postupny neb przidobyty pravy diel, bud na czemz bud. Kromie vieno zeny sve. т. е. отецъ всегда можетъ совершить раздѣлъ между сыновьями своими, но въ такомъ случаѣ долженъ отдать все пріобрѣтенное и наслѣдственное, кромѣ вѣна жены своей.

[1] Стр. 103. 1. 48. Здѣсь сказано, что если неотдѣленный (niedzielnу) сынъ, живущій въ семейномъ союзѣ «Spólek», пріобрѣтаетъ что нибудь чрезъ наслѣдство, то онъ не можетъ имъ распоряжаться.

[2] Стр. 113 К. 9. Законъ говоритъ: Kdyžby klery (spolechznik) umrzel: tehdy wszecken statek po niem zaustaly, yakizby koli byl, a odkud koli gemu prziszel na gine spolek zriki ziwe przipadnauti ma.

[3] Стр. 113. К. 9. Законъ говоритъ: kromie toho statku kleryzby po ziene wzal.—

Итакъ, заключаетъ Губе, въ древнѣйшихъ законахъ рядомъ съ первоначальною нераздѣльностію имуществъ, мы встрѣчаемъ и семейные раздѣлы. Андрей Дубе далѣе говоритъ, что сынъ могъ требовать отъ отца раздѣла имѣнія. Изъ перваго собранія богемскихъ законовъ мы видѣли, что такіе раздѣлы должны были утверждаться гражданскимъ порядкомъ въ гражданскихъ земскихъ актахъ. [1].

Въ заключеніе словъ Губе сдѣлаемъ два замѣчанія: а. Какъ изъ приведенныхъ имъ свидѣтельствъ позднѣйшаго времени, такъ равно изъ изслѣдованій Шафарика, выше нами изложенныхъ, ясно открывается, что spolek есть ничто иное, какъ та общность имуществъ, о которой свидѣтельствуетъ пѣснь о судѣ Любуши, слѣдовательно общность родовыхъ имуществъ, а не семейныхъ, ибо spolek обнималъ собою не только нисходящихъ, но восходящихъ отца и боковыхъ—дядей, или другихъ родичей, какъ это мы видѣли. Эта первоначальная нераздѣльность родовыхъ имуществъ, существуя первоначально какъ фактъ, непосредственное дѣло жизни, въ послѣдствіи перешла въ народное сознаніе, выразилась въ юридическомъ опредѣленіи и переставши, такъ сказать, жить живою жизнію, на самомъ дѣлѣ (ибо появились выдѣлы) продолжала свое бытіе какъ мысль, какъ начало, принципъ. Выше разсмотрѣнное нами постановленіе изъ Ряда земскаго права (Ordo Iudiecii terrae) не оставляетъ въ этомъ никакого сомнѣнія. Въ этомъ видѣ, какъ сознаніе, юридическое опредѣленіе, принципъ, общность имуществъ существовала въ Богеміи до позднѣйшаго времени, XVI вѣка, когда въ жизни образовалось и окрѣпло другое начало, противоположившее ей раздѣлъ.

б. Но это новое начало—*раздѣлъ* стало проявляться не прежде, какъ старое—*общность* отжило свой вѣкъ, потеряло въ жизни свою исключительную силу: о раздѣлахъ богемскіе законы говорятъ, какъ мы видѣли, неранѣе XII—XIII вѣка, и притомъ рядомъ съ нераздѣльностію—śpolec. Отсюда двой-

[1] Исторія древненаслѣд. права у Славянъ, Губе, с. 71-73.

ственность: старое отжило, но не исчезло, новое возникло но не установилось. Признается общность семейныхъ имуществъ, но эта общность не есть болѣе необходимая, какъ была во времена Любуши, а свободная: въ ней оставался кто хотѣлъ (spolek). Существуетъ и раздѣлъ, но раздѣлъ не свободный, а казенной: предъ судомъ, при извѣстныхъ условіяхъ и формахъ и т. д. По закону «aby syn od otce dilu ẑadaty nie mohl'», сынъ не могъ требовать у отца раздѣла; по свидѣтельству же Андрея Дубе—могъ. Отецъ могъ располагать имуществомъ, но не иначе какъ съ согласія сонаслѣдниковъ въ этомъ имуществѣ. Не ранѣе XIV столѣтія мы находимъ, наконецъ, и акты о продажѣ недвижимаго имѣнія, не скрѣпленные согласіемъ семейства [1].

Причину такой двойственности и колебанія между общностію и раздѣломъ, мы видимъ въ борьбѣ двухъ кровныхъ началъ семейнаго быта: родоваго и семейнаго. Выраженіемъ перваго былъ spólek, втораго—раздѣлъ Само собою разумѣется, что послѣдній могъ появиться тогда, когда родовыя узы начали ослабѣвать: въ разсматриваемое же время его еще не было, ибо, какъ мы видѣли, богемскій сеймъ утвердилъ общность обладанія семейнымъ имуществомъ, а слѣдовательно и призналъ господство въ домашнемъ быту родовыхъ понятій.

2) По отношенію къ сербскому праву, мы должны ограничиться одними позднѣйшими постановленіями о домошнемъ бытѣ, ибо первоначальное законодательство Сербовъ теряется въ глубокой древности. Сами Сербы обратили на себя вниманіе историковъ не ранѣе XIV столѣтія. Въ 1319 году Душанъ издалъ собраніе законовъ въ систематическомъ порядкѣ. Оно содержитъ въ себѣ чисто народныя характеристическія постановленія, и составляетъ потому весьма важный памятникъ для славянской исторіи [2].

[1] Губе, с. 73.

[2] Сравненіе Сербскихъ законовъ Царя Душана съ др. богем. постановленіями Палацкаго, въ пер. г. Бодянскаго.—Lex Stephani Dušani. ed. Fr. Miklosich. Vindobonae. 1856.

Уставами Душана подтверждается все то, что мы сказали о главныхъ основаніяхъ быта Славянъ русскихъ и богемскихъ. Хотя законникъ этотъ относится къ позднѣйшей эпохѣ, нежели въ которой мы теперь находимся, а именно ко времени господства общиннаго быта, когда Сербскіе роды потеряли свое самостоятельное существованіе и раздробились на свои составныя части—семейства; однако эта новорожденная, первобытная семья хранитъ на себѣ признаки родоваго происхожденія. Ниже мы поговоримъ обстоятельнѣе о значеніи первобытнаго семейства у Славянъ; теперь же, находясь въ эпохѣ господства родоваго быта, скажемъ словами Губе, что неограниченное единеніе (имущественное и личное) этой первоначальной сербской семьи является и въ законодательствѣ Душана главнымъ основаніемъ домашняго быта Сербовъ. Понятіе о нераздѣльности, замкнутости и цѣлости первоначальныхъ родственныхъ союзовъ такъ глубоко укоренилось въ Сербахъ, что когда образовалось, выдѣлилось изъ нихъ семейство, то всѣ лица, составляющія его, разсматривались какъ бы члены нравственнаго лица, и за преступленіе, совершенное однимъ, отвѣчало все семейство. Только тогда отвѣчалъ каждый за себя, когда члены семьи уже раздѣлились. Въ раздѣлѣ объ измѣнѣ мы читаемъ законъ: «за измѣну братъ за брата, отецъ за сына, дѣти за отца не платятъ, если преступникъ былъ отдѣленъ и совершилъ преступленіе не въ ихъ домѣ.»

Гдѣ начало семейнаго единства имѣетъ такую силу, что за преступленіе одного отвѣчаетъ все семейство, тамъ и всѣ другія семейныя отношенія должны быть подчинены ему. Потому нѣтъ никакого сомнѣнія, что нераздѣльность имущества была и въ древнѣйшее время такимъ же неотъемлемымъ свойствомъ семейной жизни Сербовъ, какъ и всѣхъ Славянъ. Пока продолжалось такое состояніе, Сербы не могли имѣть понятіе о наслѣдствѣ. Бѣдность и неполнота позднѣйшихъ извѣстій не позволяютъ намъ съ точностію опредѣлить, какъ долго существовали здѣсь эти первоначальныя понятія. Но можно утвердительно сказать, что мысль, вы-

раженная Душаномъ въ вышеприведенномъ законѣ, и возможность высказать такую мысль, еще не доказываетъ чтобы они въ то время уже исчезли [1].

3. Тотъ же племенно-родовой бытъ и тотъ же порядокъ вещей относительно нашего вопроса, какой существовалъ, какъ мы видѣли, въ древнѣйшую первоначальную эпоху у Славянъ русскихъ, богемскихъ и сербскихъ, новѣйшіе изслѣдователи польскаго права Лелевель, Губе и Репелль находятъ и въ древней Польшѣ.

«Много столѣтій, говоритъ Репелль, прошло съ перваго водворенія Славянъ въ странахъ между Одеромъ и Вислою до того времени, пока они выступили на поприще исторіи. Прошелъ, слѣдовательно, долгій періодъ народнаго развитія, въ которомъ могли окрѣпнуть главныя основанія позднѣйшаго состоянія ихъ жизни. Конечно, мы можемъ знать только то, что было, дѣлалось, но не какъ было, дѣлалось. Ни исторія, ни преданія не даютъ намъ достаточныхъ на это извѣстій. Не остается ничего другаго, какъ попытаться начертать себѣ картину первобытнаго нашего состоянія посредствомъ заключеній, выводимыхъ частію изъ позднѣйшихъ бытовыхъ отношеній и указаній, частію же изъ сравненія быта другихъ славянскихъ племенъ.

Такъ какъ во всемъ славянскомъ мірѣ, мы находимъ дѣленіе большихъ народныхъ отраслей на многочисленныя, другъ отъ друга независящія вѣтви,—какъ это было у Славянъ приэльбскихъ, въ отдаленной Россіи и у пруско-латышскихъ племенъ,—то въ этомъ самомъ заключается основаніе принять подобной же бытъ и для Славянъ польскихъ. Преданія подтверждаютъ сказанное нами. Изъ позднѣйшихъ областей малой Польши достовѣрно извѣстно, что они первоначально не принадлежали къ царству Піастовъ. Вѣроят-

[1] Губе Истор. наслѣд. права у Славянъ Ист. и Стат. Сборникъ Д. В. Москва 1845 г. с. 69, 70.—Должно замѣтить, что Губе, не дѣлая различія между семьею и родомъ, вездѣ говоритъ о родственныхъ отношеніяхъ въ смыслѣ послѣдняго.

но и позднѣйшія земли Польши, каковы: Куявія, Мозовія и др., которыя являются отдѣльными другъ отъ друга цѣлыми, сохранили имена небольшихъ племенъ, бывшихъ самостоятельными.

Эти племена перешли въ теченіе многихъ столѣтій отъ полупастушеской, кочевой жизни къ осѣдлой. Они поселились у источниковъ и рѣкъ, около озеръ и въ лѣсахъ. Земледѣліе и скотоводство были главными основаніями ихъ новаго образа жизни. Первоначально семейная, родственная связь соединяла недѣлимыхъ въ одно цѣлое. Вездѣ, чѣмъ дальше заходятъ наши изслѣдованія въ древность извѣстнаго народа, тѣмъ крѣпче и шире повсюду представляется намъ эта кровная связь, которую позднѣйшее историческое развитіе, обыкновенно, скорѣе ослабляетъ, нежели усиливаетъ. Поэтому, если мы встрѣчаемъ и у Поляковъ XIII и XIV столѣтій (съ этихъ поръ начинаются древнѣйшіе изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ) многіе слѣды такой же глубоко укоренившейся, строгой и обширной семейной или родовой связи; если, далѣе, тождественная или сходная съ нею семейная связь является у другихъ славянскихъ племенъ, какъ на пр. у русскихъ, сербскихъ, богемскихъ [1], то можемъ не рискуя сдѣлать заключеніе, что бытъ этотъ принадлежалъ также древнѣйшему времени и польской народной жизни. О приднѣпровскихъ Славянахъ Несторъ свидѣтельствуетъ, что они живутъ особо, каждый на своемъ мѣстѣ, въ своемъ родѣ, и этими словами онъ изображаетъ то состояніе жизни, которое первоначально, вѣроятно, существовало у польскихъ племенъ, жившихъ по берегамъ Варты и Вислы.

Остается только не доказаннымъ, что у Поляковъ, родственные союзы составляли до такой степени цѣлое, какъ по мнѣнію нѣкоторыхъ у Богемцевъ и Сербовъ, что поземельная собственность и у нихъ находилась въ нераздѣльномъ владѣніи

[1] Ср. Исторія древн. наслѣд. права у Славянъ Губе. с. 66—76.

всего рода и всѣ распоряженія по этой собственности, назначенной для общаго пользованія, дѣлались избираемыми изъ среды членовъ семейства. Видно однако, что покрайней мѣрѣ понятіе объ этой первоначальной общей собственности семейства служитъ основаніемъ многихъ постановленій позднѣйшаго польскаго права. Право сына, брата, племянника, вообще родственника на выкупъ родоваго имущества, въ слѣдствіе котораго свободное распоряженіе владѣльца имущества ограничивалось при покупкѣ, мѣнѣ, дареніи и т. п., — право наслѣдованія цѣлаго семейства, даже членовъ рода до отдаленнѣйшей степени родства, — предпочтеніе членовъ рода при продажѣ или залогѣ родоваго имущества, — право родственника выкупать посредствомъ взноса покупной суммы приданое женщины, не взирая ни на какую давность, — исключеніе дочери изъ наслѣдства въ отцовскомъ имѣніи въ пользу брата, а въ случаѣ неимѣнія братьевъ въ пользу дяди и всякаго дальнѣйшаго въ родѣ, — еще въ XIV стол. часто встрѣчающійся обычай, по которому братья и сестры оставались въ нераздѣльномъ владѣніи родовымъ имуществомъ, — особенное вниманіе, которое обращаютъ на эту общность владѣнія, правила судопроизводства, — древнія постановленія, въ слѣдствіе коихъ съ одной стороны отецъ за сына, братъ за брата, родственникъ за родственника принимали судебное представительство, а съ другой стороны, виры за убитаго, при недостаткѣ ближайшихъ членовъ семейства, должны были уплачиваться отдаленнѣйшими родственниками, — наконецъ, позднѣйшее юридическое воззрѣніе, по которому всѣ благородныя фамиліи, сколько бы ихъ ни было, имѣя одинъ гербъ, составляли одинъ и тотъ же родъ, — *все это указываетъ* на первоначальную, твердую, широкую и долговѣчную *родовую связь, которая смѣло можетъ быть разсматриваема, какъ основное начало всѣхъ частныхъ и общественныхъ юридическихъ отношеній того времени* [1].

[1] См. приложеніе къ сему труду подъ № II: О родовомъ союзѣ у Поляковъ.

Съ достовѣрностію можно утверждать, что индивидъ только потому получалъ извѣстное правомѣрное положеніе относительно цѣлаго, что былъ членомъ рода. Отдѣльные роды, изъ размноженія семьи происшедшіе, составляли единство. Оскорбленіе одного члена этого единства, его убійство, или увѣчье и т. п., считалось оскорбленіемъ цѣлаго рода. На этомъ воззрѣніи основывался институтъ кровной мести, къ которой у Славянъ, столько же какъ и у Германцевъ, призывалось родство оскорбленнаго[1]. Позднѣйшее время, на мѣсто кровной мести, поставило институтъ выкуповъ, виръ, который существовалъ въ Польшѣ еще въ XIV стол., а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже въ XVIII. Въ силу этихъ институтовъ, при каждомъ правонарушеніи, отвѣчала за виновнаго цѣлая семья. Видно, что и право защиты, которымъ пользовался каждый индивидъ, существенно основывалось на его родственномъ положеніи.

Родственная связь не только первоначально связывала индивидовъ въ одно цѣлое и опредѣляла положеніе ихъ къ чужеродцамъ, но кажется, что и позднѣйшее образованіе общественныхъ юридическихъ отношеній получило свое органическое развитіе изъ того же тѣснаго родоваго союза. А именно, въ XII и XIII ст. появляется институтъ подъ латинскимъ названіемъ *vicinia*, попольски *opole*, который состоялъ въ соединеніи многихъ общинъ цѣлаго дистрикта въ одно юридическое цѣлое. Во многихъ юридическихъ отношеніяхъ жители *viciniae* разсматривались, какъ одно цѣлое. Они платили штрафъ за совершенное въ ихъ дистриктѣ убійство, вѣроятно, въ томъ случаѣ, когда виновный не найденъ былъ; они должны были взнести обокраденному понесенный имъ вредъ, когда не исполняли требованія его относительно общаго преслѣдованія вора; они подвергались штрафу, если не поспѣвали, въ случаѣ призыва, на помощь при на-

[1] Ср. Slavische Rechtsgeschichte von W. Alex. Macieiowski. zweiter Theil. S. 125, § 139.

паденіи на общественной дорогѣ; платили общую извѣстную подать князю и исполняли сообща различныя общественныя повинности, которыхъ князь въ правѣ былъ отъ нихъ требовать, какъ напр: построекъ и помостовъ, доставленія подводъ, вожатыхъ, вѣстовыхъ и лошадей, содержанія его лошадей, охотничьихъ собакъ и слугъ, охотниковъ и т. д. [1]. Если не подлежитъ никакому сомнѣнію, что послѣдняя обязанность—платить дань и нести повинность—можетъ быть разсматриваема, какъ плодъ окрѣпшей княжеской власти, то другая сторона этого института—круговая порука на случай убійства, воровства и т. п., короче, сохраненіе общественнаго спокойствія во всей opole, — можетъ быть еще древнѣе самой княжеской власти, какъ учрежденіе, вполнѣ соотвѣтствующее потребности того времени. Въ это время еще никакая власть не приняла на себя общественной защиты правъ, принадлежавшей, поэтому, единственно членамъ свободной общины, которые ничѣмъ лучше не могли ее для себя обезпечить, какъ только посредствомъ такой взаимной обязанности. [2] Кромѣ того, принимая въ соображеніе, что тотъ же самый институтъ, подъ совершенно подобнымъ же названіемъ, встрѣчается у Богемцевъ и Сербовъ, и находится также въ древнѣйшемъ русскомъ законодательномъ памятникѣ, [3] мы готовы, принять его за институтъ обще-

[1] Geschichte Polens von Roepell, Gamburg, 1840. Zweite Beilage: «Ueber vicinia oder opole».

[2] Штенцель «Urkundenbuch zur Geschichte des Ursprungs der Städte u. s. w. S. 25. сравниваетъ это учрежденіе vicinia съ мѣрами, которыя съ пользою принимали для уничтоженія разбоевъ Французы во время владычества ихъ въ Италіи.

[3] Относительно Богеміи, гдѣ это учрежденіе называется *okolina* полатынѣ vicinia, с. Palacky, Geschichte von Böhmen, 2. B. S. 40. —О Сербіи и Россіи см. Сравненіе законовъ Царя Стефана Душана Сербскаго съ древнѣйшими земскими постановленіями Чеховъ, его же пер. г. Бодянскаго. Чтенія Моск. Общества Ист. и Др. 1846 г. № 2 с. 9—13. Слова: opole, okolina, значатъ: околица, окрестность.

древне - славянскій. Образованіе его въ Польшѣ должно быть отнесено къ древнѣйшему времени народной жизни. Княжеская власть воспользовалась имъ только въ позднѣйшее время, чтобы основать на немъ правильный порядокъ въ отправленіи службы и податей. Все въ этомъ институтѣ представляетъ права жителей вицины въ замкнутомъ, правомѣрномъ единствѣ, какъ будто бы это былъ одинъ родъ. Аналогія ведетъ къ тому, чтобы искать происхожденіе этого института не въ чуждомъ ему, абстрактномъ, заранѣе составленномъ какомъ нибудь учрежденіи, но разсматривать его единственно какъ дальнѣйшее органическое развитіе родоваго союза. Семейства извѣстнаго рода, постепенно заселяя дистриктъ, жили вмѣстѣ. При дальнѣйшемъ размноженіи ихъ, тѣ члены, которые нуждались въ новомъ мѣстожительствѣ, поселялись вблизи отъ стараго ихъ родства, и такимъ образомъ дистриктъ мало по малу распространялся. Эти отдѣлившіяся семейства, замыкаясь около своего ближайшаго центра, оставались въ извѣстномъ правовомъ отношеніи къ своему старому роду, отъ котораго получили во владѣніе земли. Но съ теченіемъ времени сознаніе о принадлежности къ этому роду въ нихъ терялось, къ нимъ присоединялись другія, чуждыя семейства, и такимъ образомъ дистриктъ превращается въ общину — vicinia, opole [1].

[1] Позднѣйшее распространеніе благородныхъ фамилій представляетъ съ этимъ аналогію. Такъ, во многихъ изъ нихъ можно прослѣдить, какъ онѣ въ началѣ находятся въ одной землѣ и только въ послѣдствіи постепенно переселяются въ другія земли. Подобный примѣръ представляетъ родъ Nałęcz. Изъ 152 фамилій этого рода, которыя приводитъ Нѣзѣцкій (Niesięcky) въ своей «Korona polska», всѣ тѣ, которыхъ имена онъ могъ прослѣдить до XV стол., проживали въ Великой Польшѣ, исключая одной фамиліи, которая во 1436 г. является въ Лембергской странѣ. Этѣ фамиліи распространяются въ другія земли только въ XVI и XVII стол. Точто такъ же въ Мазовіи и Сирадзѣ живетъ наибольшее число фамилій рода Гржимала (Grzymała), существованіе которыхъ во XIV стол. можно доказать документами.—

Дальнѣйшее единство роды находили во своемъ отношеніи къ племени, къ которому они принадлежали. Интереснѣе всего было бы узнать, какъ изъ этого единства развились дальнѣйшія правовыя отношенія у польскихъ племенъ; но, къ сожалѣнію, для этого нѣтъ никакихъ извѣстій. Не достаетъ даже той исходной точки изъ позднѣйшаго времени, которою, обыкновенно, пользовались доселѣ для освѣщенія древнѣйшихъ временъ. Организація судовъ, судопроизводство, однимъ словомъ, все племенное устройство, равно какъ и языческая религія Поляковъ, до сихъ поръ не изслѣдованы научнымъ путемъ. Поэтому мы и не хотимъ переносить на Поляковъ извѣстій, доставшихся намъ на этотъ счетъ отъ другихъ славянскихъ племенъ, а ограничимся однимъ общимъ замѣчаніемъ, что отдѣльныя племена, изъ которыхъ, посредствомъ завоеванія Піастовъ, сложилась и польская нація, первоначально жили при демократическомъ устройствѣ. Не подлежитъ только никакому сомнѣнію, что подлѣ свободныхъ членовъ племени находились также въ древнѣйшее время и несвободные, невольники (первоначально военно-плѣнные, ихъ потомки и купленные изъ чужихъ краевъ); что чистыя формы демократіи рано подверглись измѣненію и что, наконецъ, земледѣліе и скотоводство способствовали къ раннему происхожденію сословій. Извѣстенъ общій ходъ развитія подобныхъ отношеній. Первоначальное неравенство поземельной собственности, образовавшееся при первомъ занятіи земли отдѣльными родами, — обѣднѣніе нѣкоторыхъ въ слѣдствіе дурнаго хозяйства, многочисленнаго потомства, неурожаевъ и тому подобныхъ случайностей, — увеличеніе богатства другихъ черезъ наслѣдство, счастіе войны и другія обстоятельства — производили фактическое различіе въ значеніи бѣдныхъ и богатыхъ родовъ, даже въ то время, когда въ сознаніи существовало еще представленіе о юридическомъ равенствѣ всѣхъ членовъ племени. Съ одной стороны бѣдный въ то время не могъ долго удерживать своей свободной собственности: частію изъ нужды, частію отъ притѣсненій богатыхъ и сильныхъ, онъ уступалъ ее этимъ

послѣднимъ. Съ другой стороны богатый, владѣвшій обширными землями, не могъ самъ заниматься хозяйствомъ и отдавалъ свои земли бѣднымъ подъ условіемъ платы податей и службы, сохраняя впрочемъ право собственности за собою. Естественно, что такимъ образомъ бѣдные изъ свободныхъ, равноправныхъ, дѣлались потомъ подчиненными, зависимыми. На этомъ пути, между свободными и несвободными, выступаетъ третій, средній классъ, который хотя лично свободенъ, но, говоря нѣмецкимъ выраженіемъ, вещественно несвободенъ. Въ Польшѣ онъ является такъ рано, какъ только появляются юридическіе памятники, подъ общимъ именемъ cmetones, kmieci, кметы. Въ противоположность этому класу всѣ тѣ, которые сберегли свою личную и вещественную свободу, принимаютъ характеръ и имя благородныхъ (szlachta). Польская шляхта есть первоначально ничто другое, какъ свободные. Личная и имущественная свобода суть двѣ характерическія черты этого понятія» [1].

4. Подобные же остатки родоваго быта и общаго родоваго обладанія имуществами, или лучше сказать, явленія изъ нихъ возникающія, находитъ Рейцъ и въ средневѣковыхъ статутахъ прибрежныхъ островозъ и городовъ Далмаціи, несмотря на то, что статуты эти образовались подъ ближайшимъ вліяніемъ римскаго и итальянскаго правъ. Сдѣлавши подробный обзоръ семейнаго права прибрежныхъ жителей Далмаціи, онъ заключаетъ: «изъ всего сказаннаго нами можно видѣть, что родственный союзъ, какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны, имѣлъ большое вліяніе на всѣ семейныя отношенія. Власть и право матери-вдовы надъ оставшимся имѣніемъ были ограничены вліяніемъ родственниковъ; также и права вдовца, особенно когда онъ, пользуясь имѣніемъ, разстроивалъ его сущность, отчуждая и проч. Родственники должны были смотрѣть за порядкомъ въ домѣ и за хорошимъ пове-

[1] Geschichte Polens von Roepell S. 82—91.

деніемъ жены умершаго; въ противномъ случаѣ могли выгнать ее. Они могли давать совѣты малолѣтнимъ, даже противъ опекуна; имѣли голосъ при замужствѣ дочерей, особенно сиротъ. Мѣсто вдовы заступали передъ судомъ отецъ, братья и сыновья. Въ Каттаро дѣвушка, безъ согласія двухъ ближайшихъ родственниковъ, не могла вступать въ обязательства. Даже двѣ сестры, въ сдѣлкахъ между собою, должны были призывать родственниковъ. Къ Каттаро братья, выдавая сестеръ замужъ, надѣляли ихъ, по возможности, приданымъ и, если не дѣлали этого, то эта обязанность падала на остальныхъ родственниковъ. Всѣ такія постановленія указываютъ на тѣсный родственный союзъ; но кажется, что это только отдѣльныя явленія, остатки древняго славянскаго семейнаго права, въ которомъ личность отдѣльныхъ членовъ поглащалась началами родовымъ и семейственымъ. Римское право, стремящееся къ развитію правъ *отдѣльнаго физическаго лица* и промышленное направленіе городской жизни, должны были необходимо имѣть здѣсь разрушительное вліяніе. Не смотря на это, уцѣлѣли нѣкоторые слѣды общей собственности, одного изъ первыхъ условій славянскаго быта. По законамъ Трау, когда дѣти владѣютъ сообща имѣніемъ отцовскимъ или материнскимъ, то каждый изъ нихъ, умирая, можетъ оставить на поминъ души только нѣкоторую часть, а прочее идетъ братьямъ. Если кто умретъ не старше 14 или 12 лѣтъ, то все его имѣніе принадлежитъ тѣмъ, съ которыми онъ жилъ. Если ему болѣе 12 и 19 лѣтъ, онъ можетъ оставить половину имѣнія на поминъ души, а остальная половина идетъ тѣмъ, съ котороми онъ жилъ всего долѣе. Но тѣ, съ которыми онъ не жилъ вмѣстѣ, ничего не получаютъ. Отдѣльно живущій могъ завѣщать, какъ хотѣлъ» [1].

[1] Полит. устройство и права прибреж. островов и городовъ Далмаціи, Рейца, въ Сборникѣ ист. и стат. свѣдѣній о Россіи, Д. В. Москва 1845 г. с. 148.

IV. Изъ предшествующаго изложенія мы видѣли, что родовое устройство и соотвѣтствующее ему общее обладаніе имуществами легли въ основаніе всей славянской жизни, безъ различія странъ и племенъ. Отъ этого общаго уровня пошло дальнѣйшее развитіе славянской гражданственности. Въ послѣдствіе времени, родовой бытъ, какъ неспособный удовлетворить главнѣйшей цѣли человѣческаго существованія — всестороннему развитію народныхъ силъ, почти незамѣтно исчезъ, смѣнившись другими, высшими общественными формами. Но будучи коренымъ, общимъ основаніемъ всеславянской жизни, онъ, разумѣется, не могъ исчезнуть безъ слѣдовъ въ позднѣйшей исторіи славянскихъ племенъ, особенно въ тѣхъ сферахъ жизни, которыя болѣе закрыты отъ враждебныхъ ему вліяній, какова напр. сфера семейнаго быта. Не говоря пока о тѣхъ явленіяхъ, въ которыхъ *родовой бытъ* отразился у насъ въ дальнѣйшемъ развитіи нашей семейной жизни, что увидимъ ниже, въ послѣдующую эпоху, замѣтимъ здѣсь, что *у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ*, благодаря особымъ обстоятельствамъ, онъ *сохранился* въ значительной силѣ еще *и въ настоящее время*. Южные Славяне (о горькой исторической судьбѣ которыхъ мы упомянули выше), а именно: Сербы, Кроаты, Словаки и др., еще и теперь сохраняютъ отчасти родовое устройство домашняго быта и пользуются общимъ, нераздѣльнымъ домашнимъ достояніемъ, какъ это извѣстно изъ разсказовъ Вука Стефановича, Чапловича [1], Попова [2] и наконецъ Миличевича [3]. Подъ какими бы заглавіями и съ какими бы объясненіями не сообщали намъ эти разсказы, они сами говорятъ за себя, лучше всякихъ объясненій, вскрывая предъ нами родовое устройство со всѣми его имущественными и личными отношеніями. Хотя настоящее не всегда можетъ служить доказательствомъ въ про-

[1] Эверсъ. Древ. рус. право, с. 306—308. — Исторія древ. наслѣд. права у Славянъ I. Губе, с. 64.

[2] Путешествіе въ Черногорію г. Попова. С.-Петербургъ, 1847 г.

[3] «Задруга» у Сербовъ, г. Миличевича, Русская Бесѣда, 1858 г. III, книга вторая. —

шедшемъ, тѣмъ не менѣе и оно, при другихъ историческихъ свидѣтельствахъ, не лишено доказательной силы, по крайней мѣрѣ, можетъ служить объясненіемъ.

Итакъ всѣ соображенія и историческія указанія, какъ мы видѣли, ведутъ насъ къ тому убѣжденію, что Славяне, во время господства родовыхъ началъ, знали только общее, нераздѣльное обладаніе родовыми имуществами. Въ этомъ согласны почти всѣ наши извѣстнѣйшіе ученые [1].

Каковы же были отношенія родоваго союза къ его общему имуществу? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы укажемъ на отношенія нашего княжескаго рода къ Россіи со временъ Ярослава [2] и приведемъ слова Чапловича о Словоніи, изъ которыхъ можно составить ясное представленіе о томъ, какимъ образомъ общеродовое имущество пріобрѣталось, управлялось, распредѣлялось и потреблялось внутри рода. «Въ сей области, по всему ея пространству, не исключая и самой границы, еще и въ наши времена господствуетъ такъ называемое патріархальное домоправленіе, съ которымъ соединены весьма многія выгоды, но вмѣстѣ и нѣкоторыя невыгоды. Всѣ члены фамиліи живутъ нераздѣльно, вмѣстѣ, подъ управленіемъ домоначальника (господаря); потому тамъ нерѣдкость видѣть домъ, состоящій изъ 60 и болѣе душъ. Бываетъ даже, хотя не часто, болѣе 100 человѣкъ въ одномъ домѣ, а отъ 20 до 50 человѣкъ можно встрѣтить почти въ каждой семьѣ. Родовой домъ занимаетъ одинъ домоначальникъ съ своимъ семействомъ. Каждая брачная чета живетъ въ собственномъ, особомъ домикѣ, исключительно для нея предназначенномъ и называющемся *креветъ;* но такъ какъ сіи креветы построены безъ печей, то на зиму всѣ

[1] Эверсъ, Древ. русск. право с. 19 и 20. Ср. 108, 239, 306, 355.— Рейцъ, Опытъ исторіи рос. госуд. и граж. закон., пер. Морошкина с. 10 и 11. — Г. Соловьевъ: Исторія Россіи, т. I. с. 54—4. — Г. Кавелинъ, Взглядъ на юрид. бытъ древ. Россіи. Современникъ 1847 г. № 1. —

[2] Исторія отношеній между Русскими князьями Рюрикова дома, г. Соловьева, Москва 1847.

члены семейства перебираются въ одну общую теплую избу, каждый съ своею семьею, почему въ ней часто помѣщается до 12 и болѣе кроватей.

Домоначальникъ — господарь и жена его — господарица управляютъ всею фамиліею; тотъ распредѣляетъ занятія между мущинами, а эта между женщинами. Жены фамиліи понедѣльно готовятъ кушанье и смотрятъ за хозяйствомъ; чередная женщина, въ теченіе недѣльной своей службы, называется *редуссою* [1] отъ слова *редъ*, рядъ, очередь. Называютъ ее также уменьшительнымъ именемъ отъ слова мати (мать) маія. Смотря потому, въ большей или меньшей милости у господарицы бываетъ редусса, и столъ въ домѣ бываетъ или лучше или хуже.

Домоначальникъ избирается цѣлою фамиліею; онъ управляетъ домомъ въ теченіе всей своей жизни, и развѣ въ слѣдствіе важныхъ какихъ нибудь обстоятельствъ можетъ быть лишенъ своей власти. Всѣ члены семейства безпрекословно должны повиноваться его распоряженіямъ; въ случаѣ непослушанія, они могутъ быть принуждены къ исполненію его приказаній властію гражданскаго начальства, которое всегда готово оказывать ему помощь. *Имущество* дома, состоящее главнымъ образомъ въ скотѣ, есть *собственность* общая: господарь только управляетъ онымъ и, по требованію семейственнаго общества, обязанъ дать ему отчетъ въ своемъ управленіи; на немъ лежитъ долгъ пещись о всемъ

[1] Замѣчательно, что самое слово *обрядъ* (отъ рядить—дѣлать, а также и судить, что видно изъ тавтологическаго выраженія: *судить* — *рядить*) въ рус. народномъ языкѣ употребляется просто въ значеніи или *одѣянія*, именно женскаго, въ Псковской губерніи, или же дѣла; въ Вологодской губерніи говорится въ множ. числѣ: *обряды*, въ значеніи всякаго занятія по кухнѣ, въ значеніи стряпни, откуда въ Арханг. губерніи, *обрядиха*—хозяйка: что можетъ быть указываетъ и на домашнюю жертву, которая совершалась въ кругу домочадцевъ самимъ старѣйшиною, а также и на приготовленіе яствъ или покорма богамъ. — Рус. пословицы и поговорки, ст. г. Буслаева, Архивъ г. Калачева, книги 2-й половина 2-я. Москва 1854 г. с. 43 и 44.

нужномъ для дома. Остающіяся за расходами деньги *дѣлятся* между поколѣніями семейства. Частныя стяжанія, пріобрѣтаемыя собственнымъ каждаго промысломъ и торговлею, остаются частнымъ достояніемъ пріобрѣтателя и называются *перхія*. Такая общность имѣній, прибавляетъ Эверсъ, существуетъ у всѣхъ грубыхъ народовъ; право собственности у нихъ состоитъ только въ исключительномъ правѣ пользонаслажденія; всѣ, кои совокупно владѣютъ какимъ либо имѣніемъ, считаются общими его хозяевами» [1].

Изъ всего сказаннаго нами доселѣ видно, что родовой бытъ Славянъ необходимо условливалъ общую, нераздѣльную собственность, которая, будучи слѣдствіемъ цѣлости и замкнутости рода, вполнѣ соотвѣтствовала понятіямъ и потребностямъ народа, находящагося на первой ступени общественной жизни. Собственность эта, составляя достояніе цѣлаго родоваго союза, находилась въ завѣдываніи родоначальника, который былъ главнымъ управителемъ и распорядителемъ ея между членами рода. Каждый членъ родоваго союза получалъ изъ общаго родоваго достоянія столько, сколько было нужно для удовлетворенія его потребностямъ, и сколько могло быть ему предоставлено, смотря по величинѣ общаго достоянія и степени его родоваго старѣйшинства.

Само собою разумѣется, что, при нераздѣльности имущества, о самопроизвольномъ распоряженіи имъ не могло быть и рѣчи; даже самъ домовладыка — родоначальникъ ничѣмъ не отличался въ этомъ отношеніи отъ другихъ родичей и былъ, какъ это мы сейчасъ видѣли изъ современной жизни Славянъ, только главнымъ распорядителемъ имущества внутри рода: по общему требованію родичей, онъ обязанъ былъ давать отчетъ въ его управленіи. Подобное же значеніе имѣлъ у насъ и великій князь въ нашемъ княжескомъ родѣ.

[1] Древ. русс. право Эверса, пер. Платонова. Москва 1835 г. с. 306—308. — Ср. описаніе домашняго и вообще частнаго быта Сербовъ, сдѣланное Ранке въ его исторіи Сербіи, пер. г. Бартенева, 1837 г. Гл. IV.—См. Описаніе сербской «Задруги» г. Миличевича. Русская Бесѣда, 1858 г. III. Книга вторая, с. 98.

Такое устройство первоначальной жизни нашихъ предковъ основывалось на твердомъ сознаніи родоваго единства и крѣпости родственныхъ узъ. Пока сознаніе это было твердо, до тѣхъ поръ, разумѣется, не могло быть раздѣла имущества, самовольнаго распоряженія имъ; слѣдовательно, не могло быть наслѣдованія по закону, а тѣмъ болѣе по завѣщанію. Раздѣлъ имущества, наслѣдство и въ особенности завѣщаніе — право неограниченнаго личнаго распоряженія и отчужденія имущества, не стѣсняясь никакими опредѣленіями, кромѣ нашей личной воли, желанія — суть явленія гораздо позднѣйшія, когда кровныя связи, которыми только и держится начальный бытъ народа, на столько ослабѣютъ, что индивидъ, доселѣ нераздѣльная часть своего родственнаго союза, обособится и почувствуетъ потребность въ своей личной жизни. А до этого состоянія человѣкъ доходитъ не вдругъ, но путемъ постепеннаго возрастанія, точно такъ, какъ и младенецъ не вдругъ дѣлается возмужалымъ, совершеннымъ человѣкомъ [1].

[1] Сначала, въ первобытной жизни, у народовъ вообще не бываетъ завѣщательнаго права. Гансъ, изслѣдуя наслѣдственное право въ общеисторическомъ его развитіи, открываетъ это основное положеніе въ законахъ Индіи, Китая, Зороастра и Моисея. Завѣщанія показываются въ постановленіяхъ Талмуда и Правѣ Мусульманскомъ. Das Erbrecht in weltgeschichtlicher entwickelung—von Eduard Gans. Berlin. 1824. I. S. 251, 258, 266, 270, 272, 276. Онъ дѣлаетъ тоже замѣчаніе въ отношеніи законовъ Исландіи, Норвегіи и Даніи Ibid. IV. S. 521 и 626. Тацитъ свидѣтельствуетъ, что завѣщаніе не было извѣстно древнимъ Германцамъ: heredes successoresque sui cuique liberi et nullum testamentum. Si liberi non sunt, proximus gradus in possessione, fratres, patrui, avunculi (Tacitus germ. XX). По законамъ Солона Аѳиняне не могли дѣлать завѣщаній, а Монтескье думаетъ, что тоже самое было и у Римлянъ до законовъ 12 таблицъ: Ante Solonem neminem licebat extra gentem et familiam suam heredem scribere: cujus ratio est apud Platonem, libro XI, de legibus quia bona testantis non sunt, sed gentis et familiae. Petit: Commentarius in leges atticas 1635, lib. VI. tit. VI. art. I. Montesquieu: Esprit des lois, liv. XXVII, chapitre unique. Dans les prémiers temps de Rome, il ne devait pas être permis de faire un testament. ibid. liv. XXVII,

Переходя, наконецъ, къ *имуществамъ*, которыя были въ первоначальномъ домашнемъ быту нашихъ предковъ предметомъ обладанія, видимъ, что эти имущества соотвѣтствовали самому быту. Славяне начинаютъ свою историческую жизнь земледѣліемъ. Земля, слѣдовательно, и ея естественныя произведенія: хлѣбъ, пенька, ленъ, сѣно и т. д., домашнія и дикія животныя, птицы, рыбы, пчелы, медъ, воскъ и т. д.—вотъ имущественное достояніе того времени. Встрѣчаются коекакія простыя издѣлія ремеслъ; произведеній искусствъ, мануфактуръ не было. Торговля, большею частію, естественными произведеніями земли и кое-какими издѣліями, напр. лодками, которыя строили Древляне и Кривичи на Днѣпрѣ, зачалась впослѣдствіи, и то подъ руководствомъ чужеземцевъ Норманновъ, которые открыли чрезъ земли Славянъ, по воднымъ сообщеніямъ, путь «изъ Варягъ въ Греки». Разумѣется, условія мѣстности и другія благопріятныя вліянія у однихъ племенъ скорѣе, у другихъ медленнѣе вызвали торговлю. Первые предметы этой торговли, даже въ позднѣйшее время, опять-таки были изъ сельскаго земледѣльческаго быта: медъ, воскъ, кожи, и т. п. «Рече Святославъ къ матери своей и къ болярамъ своимъ: не любо ми есть въ Кіевѣ быти, хочю жити въ Переяславци на Дунаи, яко то есть середа въ земли моей, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина, овощеве разноличныя, изъ Чехъ же, изъ Угоръ серебро и комони, изъ Руси же скора и воскъ, медъ и челядь» [1]. Слѣдовательно, въ Кіевѣ, этой матери городовъ Русскихъ, чувствовался во всѣхъ этихъ произведеніяхъ недостатокъ, иначе Святославъ не жаловался бы. Тѣ же предметы т. е. кожи, воскъ и т. д. привозили изъ Руси и Варягъ тор-

chapitre unique. — Послѣ приведенныхъ свидѣтельствъ, мы никакъ не можемъ понять, какимъ образомъ г. Бѣляевъ, задавшись вопросомъ: «*которое наслѣдованіе старше, по закону или по завѣщанію*»? могъ такъ рѣшительно отвѣчать, что «*прямыхъ историческихъ указаній на это нѣтъ; но не противорѣча истинѣ должно допустить, что наслѣдованіе по завѣщанію должно было явиться прежде наслѣдованія по закону*». Наслѣдованіе безъ завѣщанія, 1858 г. с. 7.

[1] П. С. Л. т. I. с. 28.

говцы къ Болгарамъ, въ Итиль, на Волгу, къ Грекамъ въ Константинополь. Русская Правда—памятникъ гораздо позднѣйшаго времени—исчисляетъ почти тѣже предметы имущества: кони, овцы, свиньи, рогатый скотъ, гуси, утки и т. п., однимъ словомъ, предметы земледѣльческаго быта, домашняя рухлядь, товаръ....

Изъ этого общаго обозрѣнія имущественнаго достоянія нашихъ предковъ оказывается, что первоначальными предметами обладанія были *имущества движимыя;* о недвижимыхъ же до самой Русской Правды, и то позднѣйшей Правды (въ которой впрочемъ упоминается только объ одномъ домѣ), — нѣтъ и помину. Изъ этого, разумѣется, не слѣдуетъ, чтобы имуществами недвижимыми не обладалъ человѣкъ того времени. Нѣтъ, они также служили къ удовлетворенію его потребностей по слову Божію: наполняйте землю и обладайте ею, но служили не какъ предметы его имущества, а какъ стихіи—вода, воздухъ, земля и т. д. Сознательное освоеніе этихъ тяжелыхъ, недвижимыхъ имуществъ, н ложеніе на нихъ рубежей и границъ, превращеніе ихъ изъ стихій въ доли, предметы, вещи—есть дѣло уже позднѣйшей жизни. Такой ходъ развитія человѣческаго обладанія отъ движимости къ недвижимости весьма естественъ, а потому и есть явленіе общее всѣмъ младенческимъ народамъ.

Изложивши основанія, на которыхъ мы признаемъ въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи, во время господства у Славянъ родоваго быта, общее, нераздѣльное обладаніе родовыми имуществами, разсмотримъ теперь противоположное нашему мнѣніе о существованіи частнаго имущества у отдѣльныхъ лицъ въ это время. Такъ какъ мнѣніе это, высказанное учеными въ разныхъ мѣстахъ, по различнымъ поводамъ, представлено въ послѣднее время съ новою силою Неволинымъ, то мы и обращаемся къ нему.

«По отношенію къ частнымъ имуществамъ, говоритъ Неволинъ, мы встрѣчаемся съ важнымъ вопросомъ: когда на-

чалось у насъ право обладанія имуществами для отдѣльныхъ лицъ? Эверсъ пустилъ въ обращеніе мысль, что въ древнія времена въ Россіи существовали только семейныя и родовыя имущества, что образованіе имуществъ у отдѣльныхъ лицъ принадлежитъ уже временамъ довольно позднимъ, именно времени послѣ Ярослава и сыновей его. Свое мнѣніе Эверсъ основывалъ: 1) на общемъ порядкѣ развитія собственности у народовъ; 2) на обычаѣ разныхъ славянскихъ народовъ, у которыхъ члены семей и родовъ владѣли и отчасти до сихъ поръ владѣютъ имуществами совокупно; 3) на молчаніи Правды Ярослава и дѣтей его объ открытіи и раздѣлѣ наслѣдства, — молчаніи, которое само собою объясняется изъ того, что у отдѣльныхъ лицъ не было имуществъ, въ которыхъ бы, по смерти ихъ, могло открываться наслѣдство. Другіе писатели, какъ напр. Рейцъ, на основаніи тѣхъ же доказательствъ принимали, что по крайней мѣрѣ земля долго находилась у Русскихъ въ нераздѣльномъ обладаніи родовъ. Для насъ не имѣютъ убѣдительной силы приведенныя доказательства. Общая исторія положительныхъ законодательствъ ни мало не подтверждаетъ мнѣнія, что образованію правъ отдѣльныхъ лицъ на имущества долженъ предшествовать періодъ общаго, семейнаго или даже родоваго обладанія имуществами. Она, конечно, показываетъ намъ, что у народовъ близкихъ къ природѣ, семьи и роды обыкновенно находятся въ общемъ обладаніи имуществъ; но она представляетъ намъ также народовъ, хотя живущихъ въ первобытномъ состояніи, у которыхъ однако же семейное и родовое обладаніе имуществами не получило развитія. Но и тамъ, гдѣ это общее обладаніе имуществами составляетъ господствующій обычай, оно никогда не простирается на всѣ роды имуществъ и никогда не уничтожаетъ возможности существованія имуществъ у отдѣльныхъ лицъ» [1].

Съ своей стороны, мы не можемъ признать доводовъ Неволина справедливыми, по слѣдующимъ основаніямъ:

[1] Исторія рос. гр. зак. т. II. с. 7 и слѣд.

1. Первое и главное основаніе—это общій законъ, по которому все сущее проявляется первоначально въ массѣ, въ безразличіи; обособленіе, развѣтвленіе его частей и различныя формы его суть дѣло дальнѣйшаго жизненнаго процесса. Человѣкъ, въ своемъ историческомъ бытіи, не составляетъ исключенія изъ этого закона, ибо и онъ прежде всего—существо. Вездѣ, гдѣ бы мы ни разсматривали человѣка на первой ступени его быта, видимъ его погруженнымъ въ массу себѣ подобныхъ, гдѣ онъ, какъ индивидъ, не существуетъ, составляя нераздѣльную часть своего цѣлаго. Исторія, по крайней мѣрѣ, извѣстнѣйшихъ народовъ свидѣтельствуетъ несомнѣнно объ этомъ законѣ развитія человѣка. Древне-греческій *γένος*, римскій *gens*, древне-германскіе Sippe, Sippschaft, Genossenschaft, славянскій *родъ*, какое бы значеніе въ частностяхъ и въ самыхъ формахъ ни имѣли, общимъ своимъ значеніемъ достаточно доказываютъ эту мысль. Первоначально они суть тѣ первобытныя массы, даже не союзы (а просто *кучи*, какъ называетъ ихъ болгарское нарѣчіе) [1], изъ которыхъ въ послѣдствіи уже выдѣляются сперва семейства, а потомъ и индивиды. Даже въ настоящее время можно указать на подобное состояніе индивида у народовъ, находящихся еще въ первобытномъ состояніи. Знаменитый естествоиспытатель Александръ Гумбольдъ открылъ въ Америкѣ людей, живущихъ группами на деревьяхъ. Что такое эти группы, какъ не зачатки тѣхъ же *γένος*, gens, родъ? Этотъ общій законъ развитія индивида въ исторіи признаетъ и Неволинъ. На 396-й страницѣ 1-го тома того же труда, разсуждая о правахъ и обязанностяхъ родственнаго союза, онъ, между прочимъ, говоритъ: «здѣсь замѣтимъ только общій законъ историческаго развитія, состоящій въ томъ, что чѣмъ далѣе мы углубляемся въ древность, тѣмъ болѣе крѣпкими представляются намъ родственныя связи, тѣмъ болѣе вліянія имѣетъ союзъ родственный на права и обязанности; напротивъ съ теченіемъ времени онъ все болѣе и бо-

[1] См. выше болгарскій текстъ пѣсни о судѣ Любуши, с. 78.

лѣе слабѣетъ. Въ особенной силѣ союзъ родственный существуетъ у народовъ, близкихъ еще къ природѣ, потому что у нихъ, внѣ этого союза, нѣтъ другихъ могущественныхъ связей, въ которыхъ бы человѣкъ находилъ для себя опору, и которыми бы ослаблялись и замѣнялись узы родственныя. Напротивъ съ успѣхами, дѣлаемыми народомъ на пути гражданскаго образованія, связи родственныя теряютъ свой прежній вѣсъ и значеніе: съ одной стороны правительство пріобрѣтаетъ силу, заботясь о благосостояніи отдѣльныхъ членовъ гражданскаго общества, защищая ихъ отъ обидъ, вступая въ тѣ права и обязанности, которыя прежде принадлежали роду: съ другой стороны частное лицо сознаетъ свою самостоятельность (замѣтимъ, которой не было, слѣдовательно, прежде, когда онъ былъ погруженъ въ этотъ родственный бытъ) и стремится освободить себя отъ стѣсненій, въ которыя поставлялъ его союзъ родственный. Этотъ общій законъ историческаго развитія повторился и въ исторіи отечественнаго законодательства» [1].

2. Второе основаніе — это также общій законъ историко-юридическій, который, если нигдѣ въ указанномъ сочиненіи Неволина не выраженъ такъ ясно и опредѣленно, какъ предшествующій, то подразумѣвается, судя по тѣмъ общеюридическимъ началамъ, которыя признаетъ онъ. Мы говоримъ о законѣ сочувствія между нравственнымъ лицомъ, личностію человѣка, и вещественнымъ ея осуществленіемъ — имуществомъ. Человѣкъ или, по крайней мѣрѣ, гражданинъ безъ имущества не мыслимъ. Чтобы существовать и выполнять свое назначеніе, ему необходимъ матеріальный, внѣшній міръ, имущество, которымъ онъ овладѣваетъ, пользуется и распоряжается, какъ и сколько можетъ, соотвѣтственно своимъ потребностямъ и силамъ. Имущество его, слѣдовательно, въ своемъ количествѣ, качествѣ и формахъ отпечатлѣваетъ его духовную личность: каковъ человѣкъ, такова его и имущественная сторона. Будучи необходимымъ элементомъ суще-

[1] Ср. вышеприведенныя слова Репелля, с. 105.

ствованія человѣка, имущество его, разумѣется, проходитъ въ своемъ историческомъ движеніи тѣ же фазы, черезъ которыя проходитъ и нравственная личность человѣка. Этотъ первоначальный законъ сочувствія идетъ чрезъ всю исторію развитія индивида, и въ каждое данное время всегда соотвѣтствуетъ нравственному, политическому и юридическому состоянію лица. А если это такъ, т. е. если мы признаемъ изложенные вкратцѣ два закона, то

3. Положеніе, что образованію правъ отдѣльныхъ лицъ на имущества долженъ предшествовать періодъ общаго—семейнаго ли, родоваго ли, или на какомъ-либо другомъ основаніи — обладанія имуществами, доказано (логически — a priori), хотя бы прямыхъ, историческихъ данныхъ было недостаточно для полной убѣдительности въ этомъ, также, по нашему мнѣнію, общеюридическомъ законѣ развитія имуществъ. Ибо извѣстная мысль возводится на степень достовѣрности, сколько положительными свидѣтельствами, столько же и апріорными, мышленіемъ, съ помощію аналогіи, наведенія и другихъ логическихъ пріемовъ. Если мы знаемъ теперь, что въ первобытномъ состояніи человѣкъ, являясь въ массѣ себѣ подобныхъ, не сознаетъ своей индивидуальности, то, слѣдовательно, онъ и не выдѣляетъ себѣ особаго, частнаго имущества, которое свойственно только человѣку, при сознаніи имъ своей отдѣльной личности. А такъ какъ имущественная сторона человѣка всегда равна нравственной, то, какъ себя первобытный человѣкъ сознаетъ въ общности себѣ подобныхъ, такъ и имущество въ общемъ съ ними обладаніи.

4. Но дѣло въ томъ, что, для подтвержденія нашего мнѣнія, нѣтъ недостатка въ данныхъ изъ общей исторіи положительныхъ законодательствъ, чего не отрицаетъ и самъ Неволинъ, говоря, что «исторія положительныхъ законодательствъ, конечно, показываетъ намъ, что у народовъ, близкихъ къ природѣ, семьи и роды обыкновенно (пояснимъ: т. е. почти всегда) находятся въ общемъ обладаніи имуществъ». И такъ, даже и по началамъ Неволина, общее обла-

даніе имуществами, въ первобытномъ состояніи человѣка, есть основной историко-юридическій законъ, который имѣетъ однако исключенія; ибо исторія законодательствъ, какъ далѣе замѣчаетъ Неволинъ, «представляетъ намъ также народовъ, хотя живущихъ и въ первобытномъ состояніи, у которыхъ однако же семейное и родовое обладаніе имуществами не получило развитія». Положимъ такъ. Но спрашивается, почему же, по отношенію къ нашей исторіи, дается преимущество исключенію предъ общимъ правиломъ, если бы даже исключеніе это имѣло столь же твердое основаніе, какъ и общій законъ? Почему нашъ народъ есть исключеніе изъ общаго, обыкновеннаго порядка въ развитіи имуществъ, т. е. не представляетъ намъ, въ начальный періодъ историческаго существованія, общаго, родоваго или семейнаго, обладанія имуществами, когда извѣстно, что славянскій народъ есть по преимуществу, даже исключительно родовой, образовавшійся нарожденіемъ, безъ примѣси чуждыхъ народностей? А у такихъ народовъ, по собственному замѣчанію Неволина, родственныя, кровныя связи особенно крѣпки въ глубокой древности, особенно стѣсняютъ, подавляютъ отдѣльную личность. Намъ кажется, что разсматриваемый законъ развитія имуществъ, даже по началамъ Неволина, имѣетъ на приложеніе къ нашей исторіи болѣе основаній, нежели исключеніе изъ него. А потому мы, по слѣдамъ ученаго Эверса и другихъ, принимаемъ его при изслѣдованіи нашего вопроса, если не доказательствомъ, то, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ прямыхъ основаній, къ признанію у насъ, при равенствѣ доказательствъ pro и contra, общаго родоваго обладанія имуществами, особенно, если уже доказано, что первоначальный бытъ нашихъ предковъ есть бытъ родовой, чего не отвергаетъ и Неволинъ [1].

«Но и тамъ, продолжаетъ Неволинъ, гдѣ это общее обладаніе имуществами составляетъ господствующій обычай, оно никогда не простирается на всѣ роды имуществъ, и никогда

[1] Исторія рос. гражд. законовъ. т. III. с. 345.

не уничтожаетъ возможности существованія имуществъ у отдѣльныхъ лицъ». И такъ опять, во 1-хъ, изъ господствующаго обычая бываютъ исключенія, во 2-хъ, при существованіи одного начала возможно существованіе другаго. Но что же изъ этого? Неужели отсюда непремѣнно слѣдуетъ, что исключенія эти были у насъ и что возможность одного начала, при дѣйствительномъ бытіи другаго, непремѣнно осуществилась? Наконецъ, если и дѣйствительно были у насъ частныя имущества извѣстнаго рода, при господствующемъ обычаѣ общаго обладанія въ остальныхъ родахъ имуществъ, то неужели отъ этого общій законъ становился на второмъ мѣстѣ, а возможность болѣе имѣла силы, нежели дѣйствительность? Но этого именно нельзя допустить, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ быту нашихъ предковъ. На это мы имѣемъ и логическія и историческія основанія. При господствѣ извѣстнаго обычая исключеніе изъ него возможно; также, какъ при дѣйствительномъ существованіи одного начала, возможно существованіе другаго; но было ли на самомъ дѣлѣ это исключеніе, возможность переходила ли въ дѣйствительность? A posse ad esse non valet concequentia. Все, что можно здѣсь допустить, такъ это то, что при общемъ обладаніи, нѣкоторыя имущества находились въ исключительномъ пользованіи извѣстныхъ лицъ, и что изъ этого пользованія, въ послѣдствіи времени, при ослабленіи господствующаго обычая, начало мало по малу развиваться отдѣльное обладаніе, въ слѣдствіе появившейся къ нему возможности, которая, наконецъ, и превратилась въ дѣйствительность. Но отъ возможности до дѣйствительности проходятъ въ исторіи цѣлые вѣка!

Второй доводъ, приведенный Неволинымъ въ опроверженіе мысли Эверса объ общности у насъ владѣнія во время родоваго устройства нашего быта, слѣдующій: «заключеніе, дѣлаемое отъ того, что было или есть у нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, нельзя признать совершенно основательнымъ: весьма часто у народовъ одного племени, стоящихъ на одной ступенени образованія, встрѣчаются весьма различ-

ныя юридическія установленія. Какъ, на прим., различны были установленія народовъ греческаго и германскаго племени» [1]! Противъ логическаго построенія этого силлогизма, мы ничего не можемъ сказать: дѣйствительно, отъ частнаго къ общему не всегда можно восходить. Но по этому же и нельзя заключать, что если семейное или родовое обладаніе имуществами не получило развитія у нѣкоторыхъ народовъ, то оно не получило или не могло получить развитія и у насъ: это будетъ непослѣдовательно. И наоборотъ: если отъ быта народовъ разнородныхъ можно дѣлать взаимныя заключенія, то почему же нельзя дѣлать подобныхъ заключеній между народами одноплеменными, каковы, напр., Славяне, и притомъ въ начальное время ихъ исторіи, когда они близки къ первоначальному своему единству, только что разошлись по землѣ изъ общей своей родины и не успѣли, подъ вліяніемъ новыхъ мѣстностей и историческихъ судебъ, придти къ тѣмъ различіямъ, при которыхъ замѣчаемъ ихъ въ послѣдующія времена? Мы думаемъ, что если аналогія считается историческимъ пріемомъ, то сила ея въ исторіи преимущественно зависитъ отъ слѣдующихъ двухъ условій: 1) однородности предметовъ и 2) одновременности ихъ. Особенную же силу она имѣетъ въ древнѣйшіе періоды народной жизни, когда однородность предметовъ особенно близка, сильна, доходитъ иногда до отождествленія, какъ у Славянахъ того времени, въ которомъ мы теперь находимся. Одинаковость явленій внутренней, особенно семейной жизни, вскрываемая изслѣдователями Славянской старины, поразительна. Благодаря этимъ изслѣдователямъ мы знаемъ, что западные и южные Славяне, не смотря на чужеземное вліяніе на нихъ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, во внутренней своей жизни хранятъ залоги духовнаго съ нами единенія и отсюда, по крайней мѣрѣ, въ наукѣ, разъ навсегда, сняты раздѣляющія насъ грани: исторія русскаго народа, какъ наука, безъ исторіи Славянъ южныхъ и западныхъ невозможна.

[1] Тамъ же. т. 2. с. 8.

«Наконецъ—третій доводъ Неволина—молчаніе древнѣйшихъ русскихъ законодательныхъ памятниковъ объ открытіи и раздѣлѣ наслѣдства также ничего не доказываетъ. Въ древнѣйшихъ законахъ опредѣляются только тѣ юридическія отношенія, опредѣлить которыя надобно было по особеннымъ какимъ-нибудь причинамъ, напр. по причинѣ возникшихъ сомнѣній относительно обязательной силы, существовавшаго до тѣхъ поръ, обычая, по причинѣ оказавшейся необходимости прежнее установленіе замѣнить новымъ. Если этихъ причинъ не было, то законодатель проходитъ предметъ молчаніемъ. Такимъ образомъ извѣстныя юридическія установленія могли уже давно существовать на дѣлѣ, хотя законы ничего объ нихъ въ себѣ не содержатъ. Напр. нельзя сомнѣваться въ древнейшемъ существованіи у насъ помѣстій. Но еще въ Судебникѣ Іоанна III упоминается не болѣе, какъ слово помѣщикъ. Только въ уложеніи Царя Алексѣя Михайловича являются подробныя объ нихъ постановленія» [1]. Истина сказаннаго не подлежитъ сомнѣнію, по крайней мѣрѣ, мы вполнѣ раздѣляемъ ее. Но сила ея тогда бы имѣла и для насъ значеніе, когда бы она была единственною причиною молчанія древнѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ о спорномъ предметѣ. Но этого-то именно и нельзя доказать, ибо памятники древнѣйшаго законодательства могутъ молчать объ искомомъ предметѣ и потому, что его въ ихъ время вовсе не было. Слѣдовательно, возраженіе Неволина тогда бы могло имѣть силу, если бы предварительно было доказано, что открытіе и раздѣлъ наслѣдства существовали у насъ въ древнѣйшее время. А такъ какъ это не доказано, то, при равныхъ условіяхъ на вѣроятность, отрицаніе Неволина равносильно утвержденію Эверса, если бы послѣднее даже не имѣло за себя выше разсмотрѣнныхъ нами основаній. Да и независимо отъ другихъ соображеній мнѣніе Эверса имѣетъ болѣе вѣроятія, ибо оно естественнѣе: во всякомъ случаѣ, легче объяснить молчаніе памятника

[1] Тамъ же.

тѣмъ, что раздѣла наслѣдства не было, нежели предположить, что онъ былъ, но не было нужды объ немъ говорить. Первое допущеніе проще, второе сложнѣе, а слѣдовательно и вѣроятности больше въ пользу перваго.

Представивши разсмотрѣнныя нами общія основанія, Неволинъ обращается къ историческимъ свидѣтельствамъ.

«Но не только нѣтъ, говоритъ онъ, доказательствъ, которыя бы оправдали мысль, что въ древнія времена имущество отдѣльныхъ лицъ поглощалось у насъ семейнымъ и родовымъ имуществомъ, а напротивъ можно привести положительныя доказательства противнаго. Съ самыхъ древнѣйшихъ временъ Русская исторія представляетъ многочисленные слѣды существованія отдѣльныхъ имуществъ у частныхъ лицъ. Въ баснословномъ извѣстіи о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, оно уже предполагается: три брата живутъ другъ отъ друга отдѣльно, на особыхъ мѣстахъ, особыми хозяйствами. Оно предполагается въ извѣстіи о поселеніи каждаго изъ трехъ братьевъ, призванныхъ Новгородцами и союзниками ихъ на княженіе, въ особомъ городѣ. Оно предполагается во всѣхъ извѣстіяхъ о назначеніи князьями сыновьямъ своимъ, за долго до своей кончины или при кончинѣ, особыхъ участковъ во владѣніе. О лицахъ съ ихъ особенными имуществами повсюду говорится въ договорахъ Руссовъ съ Греками, особенно же въ тѣхъ статьяхъ, которыми опредѣляется отвѣтственность виновныхъ въ преступленіяхъ. По второму договору Олега, частному лицу принадлежитъ даже право дѣлать о своемъ имуществѣ завѣщаніе. При раздѣленіи дани и добычи, которую получили Русскіе князья во время походовъ отъ Грековъ, обращалось вниманіе непосредственно на лица, участвовавшія въ походѣ, и только о Святославѣ Лѣтописецъ замѣчаетъ, что онъ бралъ дань «и на убьеныя, глаголя: яко родъ его возметъ». Въ княжескихъ дружинахъ было много лицъ совершенно безсемейныхъ, безродныхъ; что̀ они пріобрѣтали своею службою, то пріобрѣтали, конечно, для себя, въ свою отдѣльную собственность. Князь жаловалъ главнѣйшимъ членамъ своей дружины право собирать дань съ под-

властныхъ народовъ; это право и выгоды, отъ него проистекавшія, обращались въ пользу тѣхъ, кому оно было даровано. У Ольги, по свидѣтельству Нестора, были: свой особенный городъ, свое село, свои особыя мѣста рыбной и звѣриной ловли. То же намъ извѣстно о другихъ княжескихъ супругахъ и вдовахъ. Когда явилось Христіанство, когда съ тѣмъ вмѣстѣ возникло и размножилось особое сословіе духовныхъ лицъ, которыя жили преимущественно подъ господствомъ Грекоримскихъ законовъ, то между этими лицами понятіе отдѣльной собственности должно было развиться въ такой же обширности, какую давали ему законы Грекоримскіе. Со времени Ярослава I, изданная имъ Русская Правда, дополнительныя къ ней постановленія сыновей его, пространная Русская Правда представляютъ намъ безчисленныя указанія на существованіе имуществъ у отдѣльныхъ лицъ. Въ пространной Русской Правдѣ говорится даже объ открытіи и раздѣлѣ наслѣдства послѣ родителей, при чемъ младшему сыну именно назначается домъ. Изъ XI вѣка мы имѣемъ извѣстіе о пожертвованіи однимъ лицомъ своихъ селъ въ пользу Печерскаго монастыря [1]. Съ XII вѣка начинаются акты, дошедшіе въ подлинникахъ или спискахъ до нашего времени, объ отчужденіи своихъ недвижимыхъ имѣній, именно земель, отдѣльными лицами. Сюда относятся прежде всего купчая грамота Преподобнаго Антонія Римлянина, 1107 года, [2] въ которой онъ пишетъ, что онъ купилъ для монастыря своего землю у Смехна и Прохна, дѣтей посадничихъ, и вкладная грамота Преподобнаго Варлаама Хутынскаго, 1192—1207 года, [3] которою онъ пожертвовалъ основанному имъ монастырю земли и рыбныя ловли. Особенно же, изъ

[1] Лаврент. с. 108 г. 6694: и Олегъ же повелѣ зажещи Суждаль городъ, токмо остася дворъ монастырьскій Печерьскаго монастыря и церкви, яже тамо есть святаго Дмитрея, юже бѣ далъ Ефремъ и съ селы».

[2] Отпеч. въ Истор. рос. іерархіи, ч. 3. ст. 123 и у Карамз. т. 2. пр. 210.

[3] Отпеч. въ Допол. къ А. И. т. I. № 5.

XIV и XV вѣка,—не говоримъ о временахъ позднѣйшихъ, — мы имѣемъ множество актовъ, которыми отдѣльныя лица распоряжаются о своихъ земляхъ. Независимо отъ того, изъ договоровъ между Новгородомъ и князьями и княжескихъ духовныхъ завѣщаній съ очевидностію явствуетъ, что во время составленія тѣхъ и другихъ, именно съ XIII вѣка, отдѣльныя лица не только имѣли въ своемъ обладаніи земли, но и свободно переуступали ихъ другъ другу». Приведя всѣ эти доказательства, Неволинъ дѣлаетъ, наконецъ, слѣдующую оговорку: «принимая существованіе имуществъ у отдѣльныхъ лицъ съ древнѣйшихъ временъ, мы не отвергаемъ, что съ древнѣйшихъ также временъ члены семей и родовъ могли находиться въ нераздѣльномъ обладаніи ихъ имуществъ. Наши законы никогда безусловно не обязывали наслѣдниковъ дѣлиться между собою и они даже теперь могутъ оставаться безъ раздѣла въ наслѣдственномъ ихъ имуществѣ. Но это общее владѣніе никогда не исключало возможности имуществъ у отдѣльныхъ лицъ. Даже нельзя положительнымъ образомъ доказать, чтобы оно когда нибудь было господствующимъ обычаемъ» [1].

Не приступая къ разсмотрѣнію приведенныхъ Неволинымъ доказательствъ, сдѣлаемъ сперва два общихъ замѣчанія:

1. Длинный, непрерывный рядъ доказательствъ, приведенныхъ Неволинымъ, начинается съ первыхъ страницъ лѣтописи Нестора, съ доисторическихъ, баснословныхъ преданій и оканчивается XIV и XV вѣкомъ. Чрезъ весь этотъ огромный періодъ времени, въ продолженіе котораго восточные Славяне, отъ дикаго племеннаго состоянія, перешли наконецъ къ правильной общественной жизни, чрезъ весь этотъ періодъ, безъ различія времени, эпохъ, формъ быта, проведена одна общая мысль, а именно, что частныя лица обладали отдѣльными имуществами. Живая жизнь того времени, т. е. періода, чрезъ который проходятъ безличныя, какъ математическія числа, доказательства, какъ

[1] Истор. рос. гражд. законовъ Неволина, т. 2. с. 8—11.

будто вовсе не касалась того человѣческаго лица, которое во все это время однако владѣло имуществомъ, было въ непрестанномъ отношеніи къ этому важнѣйшему историческому элементу. Ничто изъ этой жизни не отразилось въ правомѣрности индивида: какою она была во время историческихъ преданій, такою осталася и до конца. Равнымъ образомъ и лицо — какое? трудно опредѣлить — съ своей стороны осталось съ начала до конца совершенно неизмѣннымъ само въ себѣ, и равнодушнымъ къ прошедшимъ надъ нимъ судьбамъ и вѣкамъ. Между лицомъ и исторіею нарушена всякая связь. Далѣе, и понятіе обладанія отдѣльными имуществами столь неопредѣленно, что, видоизмѣняясь въ каждомъ приводимомъ свидѣтельствѣ, оно, наконецъ, становится совершенно темнымъ. Уже одинъ этотъ способъ доказыванія не вѣренъ, а потому и безуспѣшенъ, какъ увидимъ ниже.

2. Поставивши во главу своего разсужденія «объ имуществахъ частныхъ лицъ» задачу—опровергнуть мысль Эверса объ общности у насъ семейныхъ и родовыхъ имуществъ въ періодъ до Ярослава, Неволинъ не ограничился опроверженіемъ только мнѣнія Эверса, но доказалъ гораздо болѣе, нежели сколько нужно, а именно, что у насъ частныя имущества были не только въ древнѣйшія времена до Ярослава, но и послѣ него, въ продолженіе всей исторіи. А доказать болѣе, нежели сколько нужно, значитъ не доказать ничего. Кто же сомнѣвался въ томъ, что со временъ Правды у насъ появляются частныя имущества? А между тѣмъ доказательства идутъ и за Правду, проходятъ XIII, XIV, XV вѣка и, наконецъ, чрезъ всю исторію. Доказываетъ ли это, что во времена господства родоваго быта, до призванія князей, и во времена постепеннаго паденія его, до періода Правды — у насъ существовали отдѣльныя имущества у частныхъ лицъ? Нисколько. Что было во времена позднѣйшія, того легко могло не быть во времена первоначальныя.

Послѣ общихъ замѣчаній на возраженіе Неволина противъ мнѣнія Эверса, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію приводимыхъ имъ доказательствъ въ частности. Мы разберемъ до-

казательства существованія у насъ частныхъ имуществъ только до временъ Правды, ибо только относительно древнѣйшихъ временъ нашей исторіи и состоитъ весь вопросъ. Притомъ здѣсь мы коснемся только тѣхъ изъ нихъ, которыя не подвергнутся въ послѣдующемъ нашемъ изложеніи особому, болѣе подробному разсмотрѣнію, въ слѣдствіе ихъ важности для нашего предмета.

«Съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, говоритъ Неволинъ, Русская исторія представляетъ многочисленные слѣды существованія отдѣльныхъ имуществъ у частныхъ лицъ. Посмотримъ, какіе же эти слѣды:

1. «Въ баснословномъ извѣстіи о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, оно уже предполагается: три брата живутъ другъ отъ друга отдѣльно, на особыхъ мѣстахъ, особыми хозяйствами» [1]. Уже не входя въ подробное разсмотрѣніе этого баснословнаго сказанія, видно, что на основаніи его едва ли можно сдѣлать предположеніе объ отдѣльности имуществъ у частныхъ лицъ того времени. Кій, Щекъ и Хоривъ не суть дѣйствительныя лица, а только представленіе народной фантазіи, разумѣется, образовавшееся согласно съ бытомъ, въ которомъ возникла эта легенда. Слѣдовательно, чтобы сдѣлать окончательный выводъ о правахъ этихъ лицъ, необходимо сперва опредѣлить существо самихъ лицъ. Но, положимъ, что для нашего вопроса важенъ общій смыслъ, по которому три лица, даже три брата живутъ другъ отъ друга отдѣльно, на особыхъ мѣстахъ, особыми хозяйствами. Неужели отсюда непремѣнно должно заключить, что, слѣдовательно, они имѣли отдѣльныя имущества? Неужели, даже въ наше время, когда раздѣльность имуществъ составляетъ главный законъ, по одному тому, что три брата живутъ отдѣльно, на особыхъ мѣстахъ, особыми хозяйствами, можно, не опасаясь сдѣлать ошибку, предположить, что они непремѣнно имѣютъ отдѣльныя имущества? Развѣ они не могутъ быть не въ раздѣлѣ? Отдѣльное хозяйство не есть отдѣльное имущество, точно

[1] Лаврент. с. 4.

также, какъ и отдѣльность мѣстожительства. Одинъ внѣшній фактъ, оторванный отъ лицъ и быта, самъ по себѣ ничего не значитъ, и дѣлать по немъ предположенія въ одну сторону, когда у него есть, или могутъ быть и другія—несправедливо, невѣрно. Уже на этомъ основаніи баснословное извѣстіе о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, даже взятое въ томъ смыслѣ, какъ представляетъ его Неволинъ, не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ къ предположенію отдѣльности частныхъ имуществъ; ибо на равныхъ правахъ изъ него можно вывести и другое предположеніе, противоположное, объ общности родовыхъ имуществъ. Какое же изъ этихъ предположеній имѣетъ за себя болѣе вѣроятія—этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только при ближайшемъ разсмотрѣніи историческихъ данныхъ того времени, на чемъ мы и остановимся. Прежде всего приведемъ преданіе о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ словами Нестора, и притомъ въ той связи, въ какой оно находится съ предшествующимъ и послѣдующимъ его повѣствованіемъ.

«Поляномъ же живущемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху Поляне, и живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще каждо родомъ своимъ. Быша три братья, единому имя Кій, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Сѣдяще Кій на горѣ, гдѣ же нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяще на горѣ, гдѣ нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ него же прозвася Хоревица; и створиша градъ, во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Кіевъ. Ини же не свѣдуще рекоша, яко Кій есть перевозникъ былъ; у Кіева бо бяше перевозъ тогда съ оноя стороны Днѣпра, тѣмъ глаголяху: на перевозъ на Кіевъ. Аще бо бы перевозникъ Кій, то не бы ходилъ Царюгороду; но сей Кій княжише въ родѣ своемъ; приходившю ему ко царю, якоже сказаютъ, яко велику честь пріялъ отъ царя, при которомъ приходивъ цари. Идущю же ему опять, приде къ Дунаеви, възлюби мѣсто и сруби градокъ малъ, хотяше сѣсти съ родомъ своимъ, и не даша ему тутъ близъ живущіи; еже и

донынѣ наричютъ Дунайци городище Кіевецъ. Кіеви же пришедшю въ свой градъ Кіевъ, ту животъ свой скончa; а братѣ его Щекъ и Хоривъ и сестра ихъ Лыбедь ту скончашася» [1]. Разсказавши преданіе объ основаніи Кіева, Несторъ продолжаетъ: «и по сихъ братьи держати пачаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ; въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое». Это преданіе очень важно по отношенію къ разсматриваемому нами предмету; на него не даромъ ссылаются защитники и гонители воззрѣнія Эверса; по этому мы разберемъ его обстоятельнѣе.

Прежде всего замѣтимъ, что преданіе о построеніи Кіева тремя братьями: Кіемъ, Щекомъ и Хоривомъ находится у Нестора въ тѣсной, непосредственной, не только по внѣшнему ходу разсказа, но и по внутреннему его значенію, связи съ описаніемъ устройства быта Полянъ того времени. Это ясно. Сказавши, что Поляне живутъ родами на отдѣльныхъ мѣстахъ, Несторъ тотчасъ же продолжаетъ «быша три братья.... Отношеніе между общимъ описаніемъ быта и преданіемъ объ основаніи Кіева точно такое же, какое между извѣстною мыслію и подтвержденіемъ ея частнымъ примѣромъ: вотъ какъ жили Поляне вообще, а вотъ изъ этого быта три брата — частное явленіе. Если такова зависимость между этими извѣстіями, то слѣдовательно преданіе объ основаніи Кіева можетъ быть объясняемо только въ духѣ описанія, сказанія о бытѣ Полянъ вообще. И дѣйствительно, преданіе о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ есть частный случай изъ жизни того времени, украшенный въ послѣдствіи народною фантазіею. Освобождаясь отъ поэтическихъ прикрасъ, это событіе получаетъ слѣдующій чистый, голый видъ: три родича—братья, дяди, дѣды, но не отецъ съ сыновьями — живутъ на трехъ горахъ, отдѣльныхъ мѣстахъ. Старшій изъ нихъ Кій, какъ прямо свидѣтельствуетъ преданіе, владѣетъ родомъ своимъ: «*княжаше въ родѣ своемъ*». Эти три брата, не смотря на то, что живутъ отдѣльно, особыми хозяйствами, находятся въ тѣс-

[1] П. С. Л. I. с. 4.

номъ между собою родственномъ, родовомъ единеніи, которое высказывается въ преданіи самымъ ощутительнымъ образомъ. Между ними есть родовое старшинство, которое имѣетъ свои права: во имя старшаго брата названъ городъ, старшій княжилъ въ родѣ своемъ, т. е. предводительствовалъ своимъ родомъ на войнѣ, водилъ его къ Царьграду (Vsiak ot svei celiedi voievodi), хотѣлъ поселиться съ нимъ на Дунаѣ... Всѣ три брата общими силами построили городъ, участвовали въ походѣ и, наконецъ, всѣ три брата и сестра ихъ скончалися въ Кіевѣ: «братъ его Щекъ и Хоривъ и сестра ихъ Лыбедь ту скончашася». Это послѣднее обстоятельство, по видимому случайное, сильно говоритъ въ нашу пользу, ибо оно можетъ быть объяснено: во 1-хъ, или тѣмъ, что, по возвращеніи изъ похода, братья больше не разлучались, жили въ одномъ городѣ и потому всѣ въ немъ и скончались; или во 2-хъ, тѣмъ, что, по смерти старшаго въ родѣ, происходило такое же перемѣщеніе въ жилищахъ членовъ рода, какое мы въ послѣдствіе замѣчаемъ въ нашемъ княжескомъ родѣ. Родовой домъ, какъ старшій столъ, всегда былъ мѣстопребываніемъ старшаго въ родѣ, родоначальника. Не мудрено, по этому, что по смерти Кія, по родовому старшинству, переселился въ Кіевъ Щекъ, потомъ и Хоривъ. Сестра при братьяхъ безъ отца была всегдашнею спутницею ихъ судьбы. Вотъ, понашему, значеніе преданія.

Теперь спрашивается—можно ли изъ баснословнаго извѣстія о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ дѣлать предположеніе объ обладаніи отдѣльными имуществами въ это время? Смѣемъ положительно сказать, что нѣтъ; ибо безъ всякихъ предположеній это извѣстіе прямо свидѣтельствуетъ, что объ отдѣльномъ имуществѣ въ то время и рѣчи не было. Пользованіе движимыми вещами или, вѣрнѣе, потребленіе ихъ, разумѣется, было отдѣльное, но не исключительное. Да при томъ, о какомъ имуществѣ, по отношенію къ этому времени, говорить можно? Лукъ, стрѣлы и добытое ими—вотъ и все. «Бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяща (Поляне) звѣрь». Вотъ уровень общественнаго развитія этого времени. Вся жизнь

держалась не имуществомъ, а кровными, родственными связями, о которыхъ только и говоритъ преданіе. Кто имѣлъ родство, сознавался, какъ родственникъ, тотъ само собою имѣлъ имущество, былъ обезпеченъ общимъ достояніемъ. Кто не имѣлъ родства, затерялся въ родственной лѣстницѣ, не сознавался массою, какъ родственникъ, тотъ былъ рабъ, работникъ, нисходилъ самъ на степень имущества. Вотъ почему и преданіе, вѣрное духу своего времени, только и говоритъ о томъ, какъ жили братья, родичи, въ какихъ личныхъ отношеніяхъ стояли между собою, а объ имуществѣ— ни слова. Такой же личный характеръ имѣетъ и разсказъ Нестора о трехъ братьяхъ—князьяхъ, пришедшихъ въ Русь отъ Варяговъ; равно и всѣ извѣстія объ отношеніяхъ первыхъ нашихъ князей къ сыновьямъ ихъ, какъ это мы сейчасъ увидимъ

2. «Существованіе отдѣльныхъ имуществъ у частныхъ лицъ предполагается, продолжаетъ Неволинъ, въ извѣстіи о поселеніи каждаго изъ трехъ братьевъ, призванныхъ Новгородцами и и союзниками ихъ на княженіе, въ особомъ городѣ.» Чтобы судить, на сколько вѣрно и это предположеніе, выпишемъ изъ лѣтописи подлинныя слова Нестора объ этомъ событіи. Разсказавши о томъ, какъ совершилось призваніе варяжскихъ князей, Несторъ продолжаетъ: «и изъбрашася 3 братья *съ роды своими*, пояша по собѣ всю Русь, и придоша. *Старѣйшій* Рюрикъ сѣдѣ въ Новѣградѣ, а другій Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій — Изборсте Труворъ.... По дву же лѣту Синеусъ умре, и братъ его Труворъ, и прія власть Рюрикъ; и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро» [1]. Уже по одному первому впечатлѣнію, между преданіемъ объ основаніи Кіева и этимъ разсказомъ видна строгая аналогія, давно уже замѣченная. Которое изъ двухъ преданій послужило основаніемъ другому? — этотъ вопросъ насъ не касается. Для насъ важно только то, что они близки другъ другу, имѣ-

[1] П. С. Л. т. I. с. 8 и 9.

ютъ одно общее значеніе и смыслъ, нѣсколько измѣненный въ послѣднемъ сказаніи вліяніемъ новаго, варяжскаго элемента, который, втекая съ того времени въ нашу исторію, не можетъ не обращать на себя вниманія. Въ слѣдствіе этой аналогіи разбираемаго нами свидѣтельства съ предшествующимъ и нѣкотораго отличія отъ него, возраженія наши будутъ частію тѣже, какія мы привели относительно преданія о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, а частію особенныя, по отношенію къ варяжскому элементу. А именно: изъ того, что призванные три брата, пришедшіе къ намъ съ роды своими, сѣли въ различныхъ городахъ, никакъ не слѣдуетъ предположить у каждаго изъ нихъ отдѣльнаго имущества. Изъ предшествующаго разбора преданія о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ мы видѣли, что родичи могли жить на отдѣльныхъ мѣстахъ, отдѣльными хозяйствами и тѣмъ не менѣе находиться въ неразрывномъ личномъ и имущественномъ единеніи. И здѣсь опять на сценѣ братья, опять между ними братское, слѣдовательно, родовое, а не сыновнее, семейное старшинство, опять родовой столъ — Новгородъ, въ которомъ сидѣлъ старѣйшій братъ, Рюрикъ. Вѣрный этому народному воззрѣнію на семейный бытъ того времени и задачѣ своего повѣствованія — разсказать, «откуду есть пошла руская земля и кто въ ней нача княжити первѣе,» нашъ лѣтописецъ имѣетъ постоянно въ виду только старшихъ родичей княжескаго рода, бывшихъ единственными дѣятелями въ тогдашнемъ быту и двигателями нашей исторіи, оставляя совершенно безъ вниманія младшихъ, отдаленнѣйшихъ членовъ. О сихъ послѣднихъ онъ какъ бы нехотя роняетъ изрѣдка кое-какія указанія, намекая, что кромѣ этихъ старшихъ и главныхъ членовъ княжескаго рода, имена и дѣянія которыхъ сохранило ему народное преданіе, были и другіе, отдаленнѣйшіе родичи, не имѣвшіе самостоятельной личности и значенія. Если въ разсматриваемомъ преданіи сохранилось менѣе слѣдовъ родственнаго единства, то это еще не имѣетъ большаго значенія, когда общій смыслъ, характеръ и духъ обоихъ сказаній одинъ и тотъ же. Видимая холодность род-

ственныхъ чувствъ, лежащая во всемъ разсказѣ о пришествіи князей, много зависитъ и отъ того, что братья эти не Славяне, а Варяги, люди чуждые славянскому племени во всѣхъ отношеніяхъ. Отъ того народный эпосъ, облекая это событіе въ родныя формы, не могъ однако совершенно изгладить и чуждыхъ ему красокъ, ибо какъ бы ни были близки Варяги по степени своего образованія къ призвавшимъ ихъ Славянамъ, все же они отличались отъ послѣднихъ, какъ народъ другой крови и страны, и отличались очень рѣзко.

3. «Существованіе отдѣльныхъ имуществъ у частныхъ лицъ предполагается, по мнѣнію Неволина, во всѣхъ извѣстіяхъ о назначеніи князьями сыновьямъ своимъ, за долго до своей кончины или при кончинѣ, особыхъ участковъ во владѣніе.» Не говоря о томъ, что мы вообще не понимаемъ, о какомъ обладаніи отдѣльными имуществами идетъ рѣчь у Неволина, мы становимся, наконецъ, въ недоумѣніе предъ этимъ новымъ доводомъ: отъ управленія областями или, по крайней мѣрѣ, отъ временнаго владѣнія ими дѣлается заключеніе къ частному имуществу. Принять извѣстія о назначеніи князьями своимъ сыновьямъ участковъ такъ, какъ понимаетъ ихъ Неволинъ, нѣтъ никакой возможности, никакого основанія, ибо они имѣютъ совсѣмъ иной смыслъ и значеніе Противъ этого положенія Неволина мы приведемъ слова г. Калачева, который въ примѣчаніи своемъ къ статьѣ «Несторъ и Карамзинъ» Неймана говоритъ: «мы находимъ несправедливымъ мнѣніе, будто во времена В. Князя Святослава дѣленіе государства между сыновьями считалось такъ же законнымъ, какъ теперь наслѣдованіе одного. Вопреки автору (Нейману), мы думаемъ, что еслибъ и могло быть такое убѣжденіе о необходимости раздѣла Руси между ближайшими потомками князя, оно не выразилось однако ни въ какомъ фактѣ со стороны котораго либо изъ великихъ князей до Ярослава I. Можно напротивъ сказать смѣло, что ни Святославъ, ни Владиміръ не дѣлили своихъ владѣній между дѣтьми своими. Порученіе ими тому или другому изъ сыновей въ управленіе какой либо отдѣльной обла-

сти, по нашему мнѣнію, ничего не доказываетъ. Въ этомъ случаѣ они, очевидно, отдавали извѣстную область въ завѣдываніе своему сыну на томъ же основаніи, какъ прежніе князья и они сами поручали отдѣльные города намѣстникамъ и посадникамъ. Такое предположеніе подтверждается не однимъ фактомъ, приводимымъ въ лѣтописи. Можно ли въ самомъ дѣлѣ сказать, что, наприм. Святославъ, отправляясь въ Болгарію, раздѣлилъ свои владѣнія между Ярополкомъ и Олегомъ, когда, напротивъ, лѣтописецъ упоминаетъ только, что онъ посадилъ одного въ Кіевѣ, другаго въ Древлянской землѣ, и когда мы знаемъ, что онъ послѣ того предлагалъ имъ обоимъ отправиться къ Новгородцамъ? и что могло заставить Святослава отдать Кіевскую область сыну, пока Болгарія не была за нимъ окончательно утверждена и пока онъ могъ ее лишиться, какъ это случилось? Про Владиміра говорится въ лѣтописи точно такъ же, что онъ посадилъ одного сына въ Новгородѣ, другаго въ другомъ городѣ и т. д., а потомъ переводилъ ихъ изъ одной области въ другую. Но еще яснѣе опредѣляется такое дѣйствіе его извѣстнымъ отношеніемъ, которое въ слѣдствіе этого возникло между имъ и сыномъ его Ярославомъ. Послѣдній долженъ былъ платить отцу такой же урокъ, *какой давали ему посадники Новгородскіе*. Ярославъ отказался, и Владиміръ рѣшился идти на него войной. Ясно, что *посаженіе*, во всѣхъ настоящихъ случаяхъ, должно принимать въ томъ же значеніи, какъ посаженіе мужей или посадниковъ В. Княземъ Олегомъ въ Смоленскѣ и Любечѣ, Ярополкомъ въ Новгородѣ.... Утверждая это, продолжаетъ г. Калачевъ, мы не отвергаемъ однако того, что по смерти великаго князя, управлявшаго такимъ образомъ своими областями посредствомъ сыновей, должно было весьма естественно произойти настоящее отдѣленіе одной области, находившейся въ завѣдываніи одного сына, отъ другой, управившейся другимъ сыномъ. Такъ дѣйствительно и случилось и по смерти Святослава, и по смерти Владиміра. Но раздѣлъ въ настоящемъ случаѣ основывался не на прежнемъ раздѣлѣ отца,

противномъ родовымъ отношеніямъ, пока они еще были въ полной силѣ, а на стремленіи отдѣльныхъ членовъ семейства къ самостоятельности подъ вліяніемъ особности, уже испытанной во время прежняго управленія каждымъ изъ нихъ своей области. Здѣсь начало отдѣльной поземельной собственности, которое не замедлило высказаться въ понятіи объ отдѣльныхъ княжескихъ *отчинахъ* и подать поводъ къ сознательному раздѣленію Руси Ярославомъ между его сыновьями, хотя сначала подъ формами чисто родовыми. Отсюда слѣдуетъ, что посаженіе Святославомъ и Владиміромъ сыновей ихъ въ отдѣльныхъ областяхъ могло только служить основаніемъ къ удержанію каждымъ изъ нихъ, по смерти отца, той области, какою кто управлялъ, а отнюдь не самого раздѣла. Только посредственная связь между этими двумя фактами можетъ быть допущена; отождествленіе же ихъ противно, какъ мы думаемъ, прямымъ словамъ лѣтописи»[1]. Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ г. Калачева объ отношеніяхъ княжескаго рода къ Руси, прибавимъ, что и послѣ Ярослава, надѣленіе областями дѣтей имѣло пока этотъ посредственный характеръ родоваго владѣнія, назначенія участковъ владѣнія въ общей родовой собственности, пока, наконецъ, возникшее сознаніе о вотчинѣ перешло въ дѣйствительную жизнь у князей сѣверной Руси. Отсюда семейное начало и начинаетъ все болѣе и болѣе крѣпнуть, получать дѣйствительное бытіе въ жизни, а потомъ постепенно смѣняться началомъ государственнымъ, сознаннымъ московскими великими князьями[2]. Только со временъ, слѣдовательно, Андрея Боголюбскаго и можно указать на княжескій родъ въ подтвержденіе мысли объ отдѣльности частныхъ имуществъ. Но такое указаніе будетъ уже анахронизмомъ,

[1] Архивъ историко-юрид. свѣд. г. Калачева, кн. 1, 1850 г. Несторъ и Карамзинъ, Неймана пер. съ нѣм. г. Наумова.—Ср. Древ. рус. право, Эверса, с. 93—107.

[2] Исторія отношеній между русск. князьями рюрикова дома, г. Соловьева. Москва, 1847 г.

ибо въ народной массѣ родовыя понятія и соединенная съ нимъ общность владѣнія давно уже потеряли свою исключительную силу, господство. Только княжескій родъ, замкнутый внутри самого себя, могъ хранить и дѣйствительно хранилъ родовое сознаніе до этого позднѣйшаго времени, наслѣдовавъ его отъ своего народа въ то время, когда оно было у него еще довольно крѣпко, т. е. въ эпоху отъ призванія князей до Русской Правды.

4. «О лицахъ съ ихъ особенными имуществами, полагаетъ Неволинъ, повсюду говорится въ договорахъ Руссовъ съ Греками, особенно же въ тѣхъ статьяхъ, которыми опредѣляется отвѣтственность виновныхъ въ преступленіяхъ. По второму договору Олега, частному лицу принадлежитъ даже право дѣлать о своемъ имуществѣ завѣщаніе. При раздѣленіи дани и добычи, которую получали Русскіе Князья во время своихъ походовъ отъ Грековъ, обращалось вниманіе непосредственно на лица, участвовавшія въ походѣ, и только о Святославѣ лѣтописецъ замѣчаетъ, что онъ бралъ «и на убьеныя, глаголя: яко родъ его возметъ». Всѣ эти извѣстія будутъ разобраны нами въ своемъ мѣстѣ съ надлежащею подробностію, такъ какъ онѣ непосредственно касаются нашего вопроса. Здѣсь же, по отношенію ихъ къ мысли Неволина, мы ограничимся только общими замѣчаніями. Во 1-хъ, что касается до договоровъ Олега и Игоря, то въ нихъ говорится только о Варягахъ, которые первоначально, какъ народъ иной крови, религіи, быта и т. д., рѣзко отличались отъ Славянъ. Слѣдовательно, по нимъ нельзя дѣлать заключенія къ Славянамъ, по крайней мѣрѣ, въ первыя времена ихъ поселенія у Славянъ, пока они не слились съ ними болѣе тѣснымъ образомъ. Во 2-хъ, толпа, дружина, но никакъ не цѣлое племя Варяговъ Руси, въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, т. е. въ походахъ, находилась въ особенномъ, исключительномъ положеніи, въ которомъ она, можетъ быть, не совсѣмъ была похожа на себя во время обыкновенной, мирной своей жизни. Это военное положеніе есть исключеніе, а по исключенію нельзя выво-

дить общаго правила не только для цѣлой страны, для всей народной ея массы, но даже для самихъ Варяговъ. Уже одни эти общія соображенія достаточно показываютъ, что по тѣмъ извѣстіямъ, на кои ссылается Неволинъ, не должно дѣлать прямыхъ заключеній объ имущественныхъ отношеніяхъ Славянъ того времени, не говоря о томъ, что при ближайшемъ разсмотрѣніи сихъ извѣстій, онѣ имѣютъ, какъ увидимъ ниже, другое значеніе и говорятъ гораздо больше въ пользу Эверса; ибо приведенныя слова Святослава прямо показываютъ, что при полученіи окупа, а слѣдовательно и при раздѣленіи добычи, обращалось вниманіе не непосредственно на лица, а на роды ихъ.

5. Что же касается до тѣхъ безсемейныхъ, безродныхъ дружинниковъ, о которыхъ упоминаетъ Неволинъ, то они, разумѣется, пріобрѣтали и пользовались своимъ пріобрѣтеніемъ, какъ собственностію: ибо имъ не съ кѣмъ было дѣлиться своимъ достояніемъ. Но этотъ возможный, крайній изъ крайнихъ случаевъ, именно потому ничего и не доказываетъ, что стоитъ внѣ всякихъ законовъ и опредѣленій. Адамъ до рожденія дѣтей, само собою разумѣется, одинъ обладалъ всей вселенной, однако на этомъ фактѣ никто не основываетъ заключеній объ имуществѣ того времени. Подобную же силу имѣетъ и замѣчаніе о пожалованіи князьями главнѣйшимъ членамъ своей дружины права собирать дань, которая, по заключенію Неволина, обращалась въ пользу тѣхъ, кому было даровано это право. Положимъ такъ. Но дань — не имущество, а содержаніе, кормъ, кормленіе. Если разсуждать такимъ образомъ, т. е. обезразличивая всѣ понятія, то можно дойти до того, что и содержаніе жены, дѣтей и т. д., однимъ словомъ, все то, что потреблялъ каждый членъ семейства, было его отдѣльнымъ имуществомъ.

6. Отъ безродныхъ дружинниковъ и главнѣйшихъ членовъ дружины доказательства переходятъ къ великой княгинѣ Ольгѣ, у которой, по свидѣтельству Нестора, были: свой особенный городъ, свое село, свои особыя мѣста рыбной и звѣриной ловли. То же, замѣчаетъ Неволинъ,

намъ извѣстно о другихъ княжескихъ супругахъ и вдовахъ и при этомъ ссылается на духовную грамоту великаго князя Василія Дмитріевича, 1406 г. Не говоря о томъ, что наведеніе чрезъ такое огромное пространство времени, безъ посредствующихъ членовъ, непозволительно, замѣтимъ еще, что оно невѣрно и доказываетъ совершенно другое, а именно, что у княгинь нашихъ, а не у Ольги, Марѳы и т. д, были имущества, съ которыхъ онѣ получали доходы, при жизни мужей, на домашнія потребности, на расходы по женскому хозяйству въ домѣ, а по смерти мужей, имущества эти оставались въ пожизненномъ ихъ пользованіи, переходя послѣ нихъ опять къ женщинамъ. Это явленіе, непосредственно исходящее изъ женскаго хозяйства въ родовомъ быту, обусловливалось у Варяговъ, какъ увидимъ ниже, особеннымъ положеніемъ ихъ семействъ, которое нуждалось въ особенномъ обезпеченіи, во время вѣчной отлучки ихъ изъ домовъ. Имущества, слѣдовательно, которыми владѣла княгиня Ольга, не были ея частною собственностію, отдѣльными ея имуществами, но были княгининскими пошлыми, какъ это прямо говоритъ приводимая Неволинымъ грамота Василія Дмитріевича: «А што села Княгининские пошлые, то ее и есть, а вѣдаетъ тѣ села пошлые Княгининские дотоле Княгини моя, доколѣ дастъ Богъ женится сынъ мой, а потомъ и на дастъ тѣ села сына моего Княгинѣ, своей сносѣ, которые были издавна за Княгинями» [1]. Все дѣло, слѣдовательно, состояло только въ особомъ завѣдываніи этими имуществами, ибо доходы съ нихъ поступали на удовлетвореніе общихъ домашнихъ нуждъ.

7. Какъ не различаетъ Неволинъ норманскаго, варяжскаго элемента, такъ не различаетъ онъ въ отношеніи къ положенію, которое доказываетъ, и другаго важнѣйшаго, византійскаго, который, со временъ введенія христіанства, начинаетъ такъ сильно дѣйствовать на бытъ нашихъ Славянъ. Какъ Варяги, такъ еще болѣе Греки рѣзко отличались въ

[1] Собр. Румянц. Ч. I. с. 72. Духов. грамот. В. К. Вас. Дмитр. 1406 г.

то время отъ Славянъ не только своею національностію, но и неизмѣримо высшимъ образованіемъ, не говоря о томъ, что они были христіане. Само собою разумѣется, что Греки, особенно духовенство, переселившись въ землю славянскую, принесли съ собою христіанскія и византійскія понятія, которыя не только не затерлись въ нравахъ и обычаяхъ туземцевъ, но, напротивъ, какъ высшія, постоянно, постепенно подчиняли себѣ языческій міръ. Ниже мы увидимъ, какое вліяніе имѣлъ этотъ византійскій элементъ на развитіе нашего вопроса о наслѣдствѣ; теперь же замѣтимъ только, что въ существованіи у нашего греческаго духовенства отдѣльнаго, частнаго имущества, съ полнымъ юридическимъ сознаніемъ о собственности, никогда и никто не сомнѣвался, даже и самъ Эверсъ. Само собою разумѣется, что «когда явилось христіанство, когда съ тѣмъ вмѣстѣ возникло и размножилось особое сословіе духовныхъ лицъ, которыя жили преимущественно подъ господствомъ грекоримскихъ законовъ, то между этими лицами понятіе отдѣльной собственности должно было развиться въ такой же обширности, какую давали ему законы грекоримскіе.» Но дѣло въ томъ, что Греки—христіане не Славяне—язычники, между ними въ разсматриваемое время нѣтъ никакой параллели. Не-ужели на томъ основаніи, что Греки жили въ Россіи по своимъ правамъ и понятіямъ о собственности, можно сказать, что въ Россіи въ то время, были частныя имущества у частныхъ лицъ? Очевидно, что такихъ заключеній дѣлать нельзя.

8. Преслѣдуя, какъ мы уже замѣчали, общую мысль, что «съ самыхъ древнѣйшихъ временъ русская исторія представляетъ многочисленные слѣды существованія отдѣльныхъ имуществъ у частныхъ лицъ», Неволинъ доходитъ до Русской Правды. Такъ называемый, древнѣйшій періодъ нашей исторіи, по отношеніи къ которому Эверсъ только и утверждалъ общность имуществъ, оканчивается; съ этого времени, и по мнѣнію Эверса, и общему убѣжденію всѣхъ принявшихъ его мысль, родовой бытъ въ народной массѣ окончательно распадается, семейное начало беретъ верхъ и выводитъ

отдѣльное свое имущество, а между тѣмъ доказательства Неволина идутъ далѣе и далѣе, чрезъ всю исторію. Важнѣйшая, переходная эпоха нашей исторіи, положившая основаніе всей нашей жизни, осталась какъ бы незамѣченною: она ничѣмъ не отразилась въ имущественномъ быту нашихъ предковъ, несмотря на то, что такъ богата указаніями на переходное состояніе и быта семейнаго, и быта общественнаго, и міра имущественнаго. «Со времени Ярослава I, продолжаетъ Неволинъ, изданная имъ Русская Правда, дополнительныя къ ней постановленія сыновей его, пространная Русская Правда, представляютъ намъ безчисленныя указанія на существованіе имуществъ у отдѣльныхъ лицъ. Въ пространной Русской Правдѣ говорится даже объ открытіи и раздѣлѣ наслѣдства послѣ родителей, при чемъ младшему сыну именно назначается домъ»... Но кто же въ этомъ сомнѣвался, кто не признавалъ этого?

9. Вполнѣ соглашаясь съ послѣдними словами Неволина и не имѣя нужды доказывать, что общность имуществъ оставалась и послѣ временъ Правды въ той силѣ, какую имѣла въ эпоху господства родоваго быта, мы однако не можемъ оставить безъ замѣчанія его указаній на тѣ лица, которыя имѣли въ XI и XII столѣтіяхъ отдѣльныя имущества и объ отчужденіи ихъ оставили намъ акты. Мы думаемъ, что ближайшее разсмотрѣніе этихъ актовъ не открываетъ въ нихъ той рѣшительной силы, которую придаетъ имъ Неволинъ. «Изъ XI вѣка мы имѣемъ извѣстіе, говоритъ Неволинъ, о пожертвованіи однимъ лицомъ своихъ селъ въ пользу Печерскаго монастыря [1]. Съ XII вѣка начинаются акты, дошедшіе, въ подлинникахъ или спискахъ, до нашего времени, объ отчужденіи своихъ недвижимыхъ имуществъ, именно земель, отдѣльными лицами. Сюда относятся прежде все-

[1] Полн. собр. грам. т. 1. с. 108. г. 6694 (1096): Олегъ же повелѣ зажещи Суждалъ городъ, токмо остася дворъ монастырскій Печерьскаго монастыря, и церквы, яже тамо есть святаго Дмитрея, *юже бѣ далъ Ефремъ и съ селы.*

го купчая грамота Преподобнаго Антонія Римлянина, 1107 года, [1] въ которой онъ пишетъ, что онъ купилъ для монастыря своего землю у Смехна и Прохна, дѣтей посадничихъ и вкладная грамота Преподобнаго Варлаама Хутынскаго, 1192—1207 года, [2] которою онъ пожертвовалъ основанному имъ монастырю земли и рыбныя ловли». Во 1-хъ замѣтимъ, что акты объ отчужденіи имуществъ не суть достаточное доказательство отдѣльности имуществъ у частныхъ лицъ; ибо и при общемъ родовомъ или семейномъ обладаніи имуществами, отчужденіе ихъ возможно по различнымъ случаямъ и на различныхъ основаніяхъ, какъ это было у древнихъ Ляховъ[3]. Во 2-хъ, всѣ указанныя Неволинымъ лица, были люди нарочитые, не принадлежавшіе къ общенародной массѣ, а главное не туземцы. Ефремъ владѣлъ селами, слѣдовательно, былъ *мужъ*, т. е. одинъ изъ слугъ княжескихъ, которымъ князья сперва раздавали области въ управленіе съ предоставленіемъ извѣстныхъ доходовъ, потомъ стали давать села въ кормленіе, и наконецъ въ вотчины. Но спрашивается, на сколько возможно заключать отъ дружинниковъ къ народной массѣ? Особность имущественныхъ правъ дружинниковъ обусловливалась исключительнымъ ихъ положеніемъ среди туземнаго племени и очень рано выразилась въ постановленіи объ особомъ у нихъ порядкѣ наслѣдства. Антоній Римскій прибылъ чудеснымъ образомъ изъ Италіи въ Новгородъ, купилъ землю для обители, соорудилъ на ней каменную церковь и скончался въ 1147 г. Въ купчей своей грамотѣ онъ говоритъ: «Се трудъ, Госпоже моя Пресвѣтая Богородица, имъ же трудихся на мѣстѣ семъ. Купилъ есма землю Пречистыя въ домъ *у Смехна и у Прохна у Ивановыхъ дѣтей Посадничихъ*, а далъ есми сто рублевъ».... Въ духовной же грамотѣ онъ пишетъ: «Се азъ Антоній, худшій во мнасѣхъ, изыдохъ на мѣсто се, *не пріяхъ имѣнія ото князя, ни отъ*

[1] Истор. рос. іерарх. ч. 3. 123 и у Карамз. т. 2. пр. 210.
[2] Дополн. къ А. И. т. 1. № 5.
[3] См. приложеніе подъ № 1.

Епископа, но токмо благословеніе отъ Никиты Епископа, и *паша по чюжей земль*, ни вдвое, ни воедино, ни себѣ покоя не дахъ, и братьи, и *сиротамъ*, и здѣ крестьяномъ досаждая; да то управитъ Мати Божія, что есмь бѣды принялъ о мѣстѣ семъ.» [1] Изъ этихъ грамотъ видно, что Антоній былъ монахъ, родомъ изъ Италіи, весь вѣкъ трудился для дѣла Божія и все отдалъ дому Господню. Слѣдовательно, онъ былъ мужъ чужой земли. По отношенію же къ продавцамъ, дѣтямъ посадничьимъ, Смехну и Прохну, грамота положительно говоритъ, что они находились въ нераздѣльномъ обладаніи проданною землею, ибо купчая совершена отъ имени обоихъ. Въ такомъ же родѣ былъ и Преподобный Варлаамъ; впрочемъ въ его грамотѣ говорится о селѣ, слѣдовательно онъ былъ мужъ княжъ.

Такимъ образомъ ближайшее разсмотрѣніе древнѣйшихъ актовъ пріобрѣтенія и отчужденія имуществъ убѣждаетъ насъ только въ томъ, что если въ XII столѣтіи и могло существовать частное, единичное обладаніе особенными землями и селами, то не болѣе, какъ въ видѣ первыхъ зачатковъ, какъ исключенія, и притомъ только у извѣстныхъ, нѣкоторыхъ лицъ, а именно у лицъ чужеземнаго происхожденія, принадлежавшихъ къ дружинѣ и церкви, что и указываетъ на вліяніе въ разсматриваемомъ вопросѣ чуждыхъ, не туземныхъ элементовъ—варяжскаго и византійскаго. Что же касается до имуществъ, которыя находились во владѣніи этихъ лицъ, то всѣ они благопріобрѣтенныя, т. е. или пожалованныя отъ князя (не пріяхъ имѣнія ото князя, ни отъ епископа) или купленныя, [2] съ которыхъ, обыкновенно, и

[1] Карамзинъ, т. II прим. 210 и 225 (с. 128). Замѣтимъ, что Карамзинъ сомнѣвается въ достовѣрности этихъ грамотъ.

[2] Въ этомъ смыслѣ, какъ намъ кажется должно понимать и слѣдующее мѣсто лѣтописи: «И да (Андрей Боголюбскій) ей (Десятинной церкви Богоматери во Владимірѣ) много имѣнья (т. е. движимаго) и свободы купленья и съ даньми и села (тоже купленныя) лѣпшая» (П С. Л. Т. 1. С. 149). Ибо очевидно, князь совершаетъ здѣсь даръ церкви изъ собственнаго имѣнія, по соб-

начинается частное имущество человѣка. Первые зачатки этого имущества образуются, какъ это можно видѣть изъ современнаго быта южныхъ Славянъ, еще въ нѣдрахъ родоваго быта, въ видѣ свободнаго распоряженія тою частію денегъ, которая достается на долю каждаго члена рода, при распредѣленіи общеродовой добычи, и тою движимостію, которую каждый родичъ пріобрѣтаетъ своимъ особеннымъ трудомъ, работая внѣ урочныхъ обязанностей къ своему роду. Слѣдовательно, если въ 12 столѣтіи, въ эпоху окончательнаго разложенія первоначальной родовой жизни нашихъ предковъ, и показывается, наконецъ, частное имущество у отдѣльныхъ лицъ, то первыми предметами его являются: во 1-хъ имущества движимыя и во 2-хъ благопріобрѣтенныя, какъ и должно было быть въ слѣдствіе обыкновеннаго, естественнаго хода развитія имущественныхъ отношеній человѣка.

Итакъ, всѣ «безчисленные слѣды» существованія у насъ, въ древнѣйшія времена нашей исторіи, отдѣльнаго имущества у частныхъ лицъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ, оказываются или признаками совсѣмъ противнаго, или же до того слабыми и сомнительными, что не могутъ вести ни къ какому прямому заключенію на счетъ происхожденія своего и значенія. Притомъ же эти слѣды представлены Неволинымъ до того безразлично, что кажутся отвлеченными, безъ всякаго наименованія, единицами, которыми возможно доказать все, а слѣдовательно и ничего нельзя доказать.

10. Тоже должно сказать и насчетъ общей голословной оговорки Неволина, которою онъ заключилъ свои доказательства о возможности имуществъ у частныхъ лицъ въ древнѣйшее время. «Принимая существованіе имуществъ у отдѣльныхъ лицъ съ древнѣйшихъ временъ, заключаетъ Неволинъ, мы

ственному личному желанію, какъ частный человѣкъ, а не надѣляетъ церковь необходимымъ, въ слѣдствіе общественной потребности, содержаніемъ, что дѣлали иногда князья, въ качествѣ представителей верховной власти.

не отвергаемъ, что съ древнѣйшихъ также временъ члены семей и родовъ *могли* находиться въ нераздѣльномъ обладанiи ихъ имуществъ. *Наши законы* (?) никогда безусловно *не обязывали* наслѣдниковъ дѣлиться между собою и они даже *теперь* (!) могутъ оставаться безъ раздѣла въ наслѣдственномъ имуществѣ. Но это общее владѣнiе никогда не *исключало возможности* имуществъ у отдѣльныхъ лицъ. Даже нельзя положительнымъ образомъ доказать, чтобы оно когда нибудь было господствующимъ обычаемъ.» Не говоря о томъ, что послѣднее положенiе, какъ мы видѣли, совсѣмъ несправедливо, и что Неволинъ положительнымъ образомъ не доказалъ своего мнѣнiя, онъ, наконецъ, признаетъ и то, что такъ рѣшительно отвергалъ, и признаетъ на томъ единственномъ отрицательномъ основанiи, что наши законы никогда безусловно не обязывали наслѣдниковъ дѣлиться между собою, и что они даже теперь (!) могутъ оставаться безъ раздѣла въ наслѣдственномъ ихъ имуществѣ! Отъ отрицательнаго Неволинъ прямо идетъ къ положительному, что разумѣется не всегда возможно. Положимъ, что законы наши не запрещали общаго обладанiя имуществами; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы оно могло быть: оно могло быть, но также могло и не быть. Далѣе допустимъ, что могло быть и то, могло быть и другое. Но что же дѣйствительно было и притомъ, что было дѣломъ случая, фактомъ и что было общимъ обычаемъ, закономъ того времени? Область возможнаго слишкомъ велика.

ОТДѢЛЕНІЕ II

Разложеніе родоваго быта.

Вышеизложенный нами порядокъ вещей, конечно, можетъ относиться только къ глубокой древности, когда народъ живетъ и управляется, большею частію, физіологическими началами, не зная иныхъ общественныхъ связей, кромѣ кровныхъ, родственныхъ, каковъ напр. бытъ нашихъ Славянъ, когда, по выраженію Нестора, они жили каждо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстахъ, т. е. въ болѣе или менѣе изолированномъ, разъединенномъ состояніи. Какъ же скоро народъ размножается, разъединенныя части его приходятъ въ соприкосновеніе между собою и къ единенію кровному присоединяются другія связи общественной жизни, однимъ словомъ, какъ скоро народъ, въ слѣдствіе различнаго рода причинъ, восходитъ на высшую ступень нравственнаго развитія, начинаетъ жить не одними физіологическими началами, то съ тѣмъ вмѣстѣ мѣняется и весь первобытный порядокъ его жизни.

«Дѣйствительно, говоритъ Губе, долгій періодъ семейнаго согласія и единодушія скоро кончился, и настало время, когда возрастающая потребность независимости заставила Славянъ возненавидѣть прежнюю семейную жизнь. Ссоры польскихъ Попеловъ (Popiel), судъ Любуши въ Богеміи, по случаю раздѣла наслѣдства между двумя братьями, и въ Россіи семейныя ссоры, воздвигавшія родъ на родъ, суть памятники, достойные особеннаго вниманія. Они живо представляютъ намъ періодъ разрушенія прежнихъ семейныхъ отношеній. Одинаковость этихъ явленій, повторившихся въ Польшѣ, Богеміи и Россіи, даетъ имъ характеръ полной исторической правдоподобности: въ нихъ сохранилась для насъ

память прежняго славянскаго быта и происшедшихъ въ немъ переворотовъ. Съ этихъ поръ у Славянъ начинаетъ утверждаться новое понятіе объ имѣніи, какъ собственности одного лица, съ чѣмъ вмѣстѣ и понятія о наслѣдствѣ должны были опредѣлиться. Новый представитель семейства сталъ избираться уже не по старшинству и способности управлять общимъ имѣніемъ, а на основаніи кровнаго родства съ умершимъ, такъ что младшій членъ могъ уже заступить его мѣсто въ семействѣ и владѣніи имѣніемъ» [1].

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вражда нашихъ родовъ—*въста родъ на родъ* [2]—выражаетъ недовольство Славянъ ихъ прежнимъ бытомъ; тѣмъ не менѣе справедливо и то, что обновленіе ихъ жизни, водвореніе новаго порядка вещей не могло совершиться разомъ, вдругъ, но, разумѣется, происходило постепенно, по мѣрѣ исчезновенія старыхъ началъ и устройства быта. Много нужно времени и труда народу, чтобы изжить до конца одно начало и зародить, на смѣну его, другое новое, болѣе соотвѣтствующее его высшей, дальнѣйшей жизни. Разложеніе стараго начала, обыкновенно, происходитъ сперва въ той сферѣ, гдѣ начало это болѣе всего неумѣстно, стѣснительно. Отсюда омертвѣніе его идетъ въ другія сферы, ближайшія къ первой, и т. д. пока, оно вымретъ до конца въ цѣлой народной жизни. Особенно медленно идетъ развитіе у народовъ замкнутыхъ, лишенныхъ постороннихъ историческихъ

[1] Исторія древ. наслѣд. права у Славянъ І. Губе с. 65. — Характеризуя это время, Козьма Пражскій говоритъ: «скоро прошло у нихъ время невинности, появились несогласія; общность имущества исчезла, частныя нарушенія права вызывали власть и тогда, для рѣшенія споровъ, стали прибѣгать къ достойнѣйшимъ мужамъ, каждый въ своемъ племени или родѣ. Изъ числа такихъ мужей прославился Крокъ; къ нему прибѣгали отовсюду и такимъ образомъ сталъ онъ творить судъ не только въ своемъ племени, но и во всемъ народѣ». Scriptorum rerum Bohemicarum. T. I. Cosmae Pragensis chronicon, Pragae, 1783. p. 9. — Общественная жизнь и земскія отношенія въ древ. Руси. А. Тюрина. С.-Петербургъ. 1850. с. 13.

[2] П. С. Л. т. І. с. 8.

вліяній. Вотъ почему и наша исторія такъ медленно шла до Петра Великаго. Долго, по всѣмъ признакамъ, существовалъ у насъ бытъ племеннородовой: объ немъ говорятъ еще греческіе писатели VI и VII вѣка; не мало продолжался бытъ общиннородовой (переходный, которымъ открывается исторія нашихъ восточныхъ Славянъ, съ призванія князей) и еще долѣе общинный. Только въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича мы видимъ отреченіе общинъ отъ своего самовластія, представители которыхъ подписались на соборномъ Уложеніи, чтобы впредь оно было твердо и неподвижно и чтобы тарханнымъ и жалованнымъ грамотамъ не быти. Это значило, что отнынѣ впредь будетъ одно единаго государя государство.—Народы западные были далеко счастливѣе насъ въ этомъ отношеніи. Не говоря о томъ, что у нихъ, при началѣ исторической ихъ жизни, произошло богатое смѣшеніе крови, они и начали съ богатой исторической почвы—Италіи. У нихъ все было: и дѣвственность натуры первобытнаго народа, и разнообразіе мѣстности, и смѣшеніе племенъ, одно на другія насѣвшихъ, и, наконецъ, богатое наслѣдство человѣческой жизни всего древняго міра отъ Рима.—Всѣхъ этихъ важныхъ историческихъ условій лишены были мы, обитатели безконечной равнины отъ моря до моря и отъ горъ до горъ, отрѣзанной отъ непосредственнаго столкновенія съ другими народами и устраненной, удаленной отъ исторической жизни того времени. Мы единокровны: пришлые, чужеземные элементы были у насъ, какъ капля въ морѣ. Мѣстность наша безконечная, однообразная равнина. Мы не нашли такаго богатаго наслѣдства, въ которое непосредственно вступили Германцы, у насъ не было предшественниковъ. Мы начали сами и начали съ начала, сами переносили все къ себѣ и ростили среди насъ собственными силами. Намъ нужно было разводить у себя хозяйство, между тѣмъ какъ западные народы нашли его готовымъ. Византія, конечно, передала намъ христіанскую религію, но передала ее намъ, какъ зажженный свѣточъ, которому трудно было бороться съ окружающею тьмою, въ удаленіи отъ первоначальнаго источника своей

силы и теплоты Поэтому нужно было много времени, чтобы изъ собственныхъ своихъ силъ создать для себя все то, что необходимо для жизни народа. Отсюда наша самобытность. Не нужно упускать изъ виду и историческихъ, враждебныхъ намъ, обстоятельствъ: чрезъ насъ прошли всѣ азіатскія орды, не ставя намъ ничего, кромѣ угнетенія и разрушенія. Вотъ главныя причины медленнаго нашего историческаго развитія и объясненіе того явленія, что родовой бытъ, потерявъ свое господство со временъ призванія чужеземныхъ властителей, окончательно разложился только въ періодъ Правды, завѣщавъ послѣдующей исторіи свое кровное воззрѣніе, свое родственное пониманіе общественной и частной домашней жизни, которыя живы еще и до сего дня.

Какъ совершилось распаденіе племянно-родоваго устройства жизни нашихъ восточныхъ Славянъ и какъ оно мало по малу, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ историческихъ обстоятельствъ, наконецъ перешло, съ одной стороны, въ общинное, а съ другой, въ сферѣ домашней, въ семейное, объ этомъ внутреннемъ процессѣ разложенія родоваго быта въ цѣлой народной массѣ исторія не могла оставить намъ яркихъ, останавливающихъ на себѣ извѣстіи: ибо онъ совершился незамѣтно, растительно. А потому мы можемъ только обозначить главныя причины этого явленія и потомъ подмѣчать исчезающіе его слѣды.

Первая, главная причина распаденія родоваго быта — это безъ сомнѣнія, внутренняя его несостоятельность, такъ какъ эта форма быта не даетъ всѣхъ условій, необходимыхъ для всесторонняго развитія народныхъ силъ. Разложеніе родоваго быта, разумѣется, началось естественнымъ размноженіемъ членовъ каждаго рода, въ слѣдствіе чего, по мѣрѣ затемнѣнія сознанія объ общемъ происхожденіи, родовыя связи все болѣе и болѣе оказывались несостоятельными. Объ этомъ естественномъ исчезновеніи племянно-родоваго быта въ общей народной массѣ, мы можемъ судить потому, какъ совершилось разложеніе родоваго начала въ нашемъ княжескомъ родѣ, о которомъ лѣтопись сохранила намъ прямыя извѣстія.

По мѣрѣ постепеннаго размноженія членовъ княжеской семьи, родъ дробился на отрасли, напр. Ольговичей и Мономаховичей, которыя сначала сознавали свое родовое единство и вели счетъ родоваго старѣйшинства по близости къ своему общему родоначальнику. Въ послѣдствіе времени, съ дальнѣйшимъ размноженіемъ и разселеніемъ по Россіи, эти отрасли сами превратились въ роды, такъ что каждая изъ нихъ, составляя какъ бы цѣлое, въ противоположность другой, имѣла свой особый счетъ родства, по степени близости или отдаленности не къ общему всей линіи родоначальнику, а къ родоначальнику своему собственному, стоящему во главѣ ея. Эти вторыя отрасли или роды втораго образованія въ свою очередь дробились, расходились, подраздѣлялись, пока наконецъ, съ помощію разнаго рода обстоятельствъ, родовое пониманіе отношеній смѣнилось съ общественной точки зрѣнія сословнымъ—князья-бояре, а въ домашнемъ быту—семейнымъ [1]. Споры мѣстничества также указываютъ на этотъ постепенный законъ размноженія и дѣленія.

Разумѣется, подобнымъ же образомъ совершилось распаденіе родовой жизни и въ цѣлой народной массѣ, конечно съ меньшею правильностію и послѣдовательностію, въ слѣдствіе иныхъ мѣстныхъ и историческихъ условій, имѣвшихъ вліяніе на каждое племя. Такъ мы знаемъ, что однѣ племена скорѣе перешли къ общинному быту, другія медленнѣе [2]. Здѣсь мы скажемъ нѣсколько словъ, для полноты и связи нашего разсужденія, о постепенномъ переходѣ племеннаго быта въ общинный. Что же касается до претворенія родоваго начала въ семейное въ частной, домашней жизни нашихъ Славянъ, то объ немъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, такъ какъ на него, кромѣ общихъ условій, имѣли вліяніе и свои особенныя.

[1] Исторія отношеній между русскими князьями рюрикова дома, г. Соловьева, Москва 1847 г. — Разборъ сего сочиненія г. Кавелина, въ Современникѣ 1847.

[2] Исторія Россіи г. Соловьева т. I. стр. 211—213. —

Разложеніе родовъ, распаденіе ихъ на отрасли, поколѣнія необходимо влечетъ за собою потемнѣніе и ослабленіе родственныхъ связей, которыя прежде, при свѣжести сознанія, соединяли всѣхъ родичей въ одно замкнутое цѣлое. Сознаніе родоваго единства въ каждомъ родовомъ союзѣ, въ слѣдствіе его размноженія, мало по малу слабѣетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе дѣлается возможнымъ распаденіе родовыхъ союзовъ на составныя части. Начинается дробленіе: представители старшихъ линій, которыя въ свою очередь превратились въ огромные родственные союзы, отдѣляются, дѣлаются самостоятельными на занимаемой ими землѣ, или выселяются на другое мѣсто. Внутри этихъ *второобразныхъ* союзовъ продолжаетъ существовать тотъ же родовой порядокъ вещей, какъ и въ первоначальномъ родѣ, отъ котораго они произошли. Эти второобразные родовые союзы, въ свою очередь, размножаются нарожденіемъ, увеличиваются все болѣе и болѣе въ числѣ своихъ членовъ, пока наконецъ опять послѣдуютъ новыя отъ нихъ отдѣленія, новыя отпрыски и переселеніе ихъ на новыя мѣста. Такимъ образомъ народонаселеніе страны растетъ, сгущается особенно на благопріятныхъ для жизни человѣка мѣстахъ [1], удерживая пока внутри себя отвѣка возникшій порядокъ и устройство своего быта.

Пора раздѣльной, уединенной жизни родовъ проходитъ. Поставленные силою естественнаго размноженія въ соприкосновеніе, роды уже не могутъ продолжать, какъ прежде, своей замкнутой жизни и волею или неволею входятъ во взаимныя сношенія. Образуется общая междуродовая жизнь, первымъ выраженіемъ которой являются сходки, сеймы, вѣча [2]. Эти

[1] Исторія Россіи г. Соловьева т. I. с. 3, 4, 51, 52. —

[2] «Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне и Полочане, и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригороди станутъ; а здѣ городъ старый Ростовъ и Суждаль, и вси боляре, хотяще свою правду поставити, не хотяху створити правды Божья, но «како намъ любо» рекоша,

общія совѣщанія, на которыя, разумѣется, первоначально сходятся только представители родовъ, домовладыки [1], и суть начатки будущей общественной народной жизни [2].

При такомъ положеніи устройства общественной жизни, при разрозненности родовыхъ интересовъ и при отсутствіи высшей единой власти, которая бы замиряла, была посредницею въ сношеніи между родами, непріязненныя столкновенія родовъ неизбѣжны. Открываются не скончаемыя ссоры, вражды, усобицы: «вста родъ на родъ, говоритъ Несторъ, описывая это состояніе Славянъ, и не бѣ правды въ нихъ, быша усобицы и поча воезати сами въ себѣ» [3].

Само собою разумѣется, что такое страшное состояніе племенной жизни долго продолжаться не могло. И дѣйствительно, безсильные справиться сами съ собою, водворить въ своей междуродовой жизни миръ, правду и нарядъ, на основаніи тѣхъ кровныхъ, родовыхъ началъ, которыя хранила въ себѣ эта жизнь, наши Славяне привносятъ къ себѣ чуждую имъ доселѣ власть, не состоявшую съ ними ни въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ, основанную только на началѣ свободнаго выбора. Нѣсколько славяно-финскихъ племенъ призываютъ къ себѣ владыкъ чужеземныхъ, князей варяжскихъ, говоря имъ: «земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ, придите судить и рядить насъ по праву [4].

Призваніемъ чужеземныхъ князей былъ нанесенъ новый ударъ кровному, родовому быту: самовластіе родовъ посте-

«такоже сотворимъ, Володимеръ есть пригородъ нашъ». П. С. Л. т. I. 160. Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религіи славянъ, г. Соловьева. Архивъ г. Калачева 1850 г. книжка 1 я с. 19, 20. Исторія Россіи его же т. I. с. 51 и слѣд.

[1] Исторія Россіи г. Соловьева т. I. с. 88 и 89. См. выше разборъ пѣсни о судѣ Любуши.

[2] Современникъ 1848 г. N 4, Разборъ г. Кавелина книги Терещенко «Бытъ Русскаго народа с. 103.

[3] П. С. Л. т. I. с.

[4] П. С. Л. т. I. с. 8.

пенно уничтожается, образуется новое правительство и такимъ образомъ Славяне вступаютъ въ новый періодъ общественной жизни. На мѣсто прежняго племеннородоваго быта который условливалъ непримиримую вражду и усобицы, возникаетъ мало по малу жизнь чисто общинная. Основаніемъ, связью этой новой общественной жизни служитъ не прежнее, ограниченное кровное начало, а болѣе широкое начало необходимости общественной жизни, во главѣ которой стоятъ не родоначальники отдѣльныхъ родовъ, но владыки, призванные и уполномоченные общею волею нѣсколькихъ племенъ. Съ этого момента вся физіономія общественнаго быта измѣняется: племена исчезаютъ (упоминаніе объ нихъ встрѣчаемъ только при первыхъ князьяхъ и то какъ бы мимоходомъ); роды замиряются высшею единою властію, предъ которой представители ихъ, старѣйшины, старцы градскіе, владыки, лишаются самовластія, становятся на второмъ планѣ, отходятъ, такъ сказать, во внутреннюю домашнюю жизнь. На мѣсто племенъ и родовъ появляются общины, связанныя единствомъ власти въ лицѣ призванныхъ князей. Эти послѣдніе на первомъ планѣ, отъ нихъ все движеніе; за ними слѣдитъ лѣтопись: Русь смѣнила Славянъ, о внутренней жизни которыхъ мы находимъ уже только намеки. Князья сначала покоряютъ племена и черезъ себя соединяютъ ихъ, за тѣмъ образуютъ общее всѣмъ племенамъ правительство — мужи княжи; далѣе сосредоточиваютъ разбросанное народонаселеніе въ города, даютъ судъ и расправу, думаютъ о земскомъ строѣ. Однимъ словомъ, съ призваніемъ князей повсюду видимъ зачатки новой общественной жизни [1]).

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы прежняя частная, внутренняя жизнь родовъ разомъ исчезла, прекратила свое существованіе, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ. Такихъ явленій въ исторіи нѣтъ; въ ней все идетъ растительно,

[1] Взглядъ на юрид. бытъ древ. Россіи г. Кавелина. Современникъ 1847 г. N 1, отдѣл. II. с. 17, 18 и 19. Исторія Россіи г. Соловьева т. I. с. 210—214.

Съ водвореніемъ у себя новой власти на новомъ началѣ свободнаго избранія, т. е. съ призваніемъ чужеземныхъ князей, роды, конечно, лишились своей самостоятельности и того значенія, какое имѣли прежде; но внутри себя они остались еще довольно крѣпкими и продолжали, какъ увидимъ ниже, довольно долго свою частную жизнь, въ параллель съ новою возникавшею общественною жизнію; они только стали на второмъ планѣ; образовали собою внутреннюю, частную жизнь Славянъ [1]. Что именно такъ было, о томъ свидѣтельствуетъ Несторъ, говоря: *«и вста родъ на родъ»*. О враждѣ внутри родовъ онъ не говоритъ ни слова, а свидѣтельствуетъ только о враждѣ родовъ между собою. Что жъ это значитъ? не болѣе какъ то, что роды такъ размножились въ племени, что не могли болѣе оставаться въ изолированномъ состояніи, вошли между собою въ болѣе тѣсныя отношенія и такимъ образомъ почувствовали необходимость другой, болѣе широкой общественной жизни, которая бы не стѣсняла ихъ. Но установить этой новой формы своего общественнаго быта они, разумѣется, не могли на основаніи родоваго старшинства, которое было краеугольнымъ камнемъ устройства внутри каждаго рода. Здѣсь это старшинство поддерживалось пока и могло поддерживаться, если не сознаніемъ дѣйствительнаго родства, то, покрайней мѣрѣ, преданіемъ и вѣрою въ него. Но примѣнить понятіе старшинства ко взаимнымъ отношеніямъ родовъ цѣлаго племени или даже нѣсколькихъ племенъ, когда они разрослись слишкомъ широко—было дѣломъ невозможнымъ, какъ это и происходило на глазахъ исторіи, когда родъ Рюриковъ разросся, въ свою очередь, на отдѣльные роды. Миры, сходки, вѣча, которыми держалась до сего времени междуродовая жизнь славянскихъ племенъ, были теперь также недостаточны, какъ въ послѣдствіи княжескіе съѣзды, тѣмъ болѣе, что и самыя племена вошли между собою во взаимныя сношенія. Отсюда борьба родовъ: «вста родъ на родъ

[1] Исторія Россіи г. Соловьева т. I. с. 211.

и не бѣ правды въ нихъ» [1]. Борьба эта, какъ мы знаемъ, прекратилась признаніемъ новой высшей формы общественной жизни, въ слѣдствіе подчиненія родовъ одной общей имъ всѣмъ власти, поставленной на новомъ, некровномъ началѣ, на началѣ свободнаго призванія, точно такъ, какъ родовыя распри нашихъ князей начали затихать предъ высшею властію монгольскаго хана и исчезли окончательно предъ самодержавіемъ московскаго царя.

И такъ, призваніемъ князей иноземныхъ, не состоящихъ ни въ какихъ родственныхъ счетахъ съ родоначальниками отдѣльныхъ родовъ, роды замирились, перешли въ новую сферу общественной жизни. Частная же, внутренняя ихъ жизнь, разумѣется, опять пошла по прежнему, по старинѣ и пошлинѣ, особенно у племенъ болѣе удаленныхъ. Нѣтъ, слѣдовательно, пока никакого достаточнаго основанія отвергать родовую жизнь нашихъ Славянъ и по призваніи князей. Призваніе это, новое правительственное начало, какъ мы знаемъ, коснулось только поверхности славянской жизни и имѣло на нее вліяніе только съ политической стороны [2]. Внутренняя, домашняя наша жизнь осталась, какъ и была, на прежнемъ основаніи родовомъ. Въ этой внутренней своей жизни роды судились, рядились, добывали имущество и пользовались имъ по прежнимъ своимъ понятіямъ, преданіямъ отцовъ, обычаямъ... По прежнему во главѣ рода стоялъ родоначальникъ, домовладыка, распорядитель, судья своихъ домочадцевъ и жрецъ; по прежнему ближе къ нему стояли представители старшихъ линій, почти равные ему по родовому старшинству и ограничивали его власть надъ родомъ, между тѣмъ какъ власть отцовъ семействъ была неограниченна и широка; наконецъ, по прежнему жили пока всѣ родичи вмѣстѣ, на своихъ

[1] Тоже явленіе повторилось и въ исторіи другихъ славянскихъ племенъ. І. Губе. Истор. и ст. сборн. Д. В. Москва 1843 г. ст. 65.

[2] Изслѣдованія замѣчанія и лекціи о русс. исторіи, г. Погодина 1846 г. т. 3. с. 57, 58. Die Blut-Rache nach altem Russischen Rechte E. S. Tobien. Dorpat. 1840. S. 107—123.

мѣстахъ, пользовались общимъ родовымъ достояніемъ, безъ раздѣла и наслѣдственности. Объ измѣненіяхъ во внутреннемъ быту этого времени мы не имѣемъ пока никакихъ извѣстій, а если они и были, то не существенныя. Новая форма, новый общественный бытъ не могли разомъ измѣнить домашней жизни: измѣненіе это шло медленно и ясно выразилось только въ послѣдствіи. Однимъ словомъ, и по призваніи князей все еще оставалось во внутренней славянской жизни по прежнему, пока не наступилъ съ теченіемъ времени, медленно подготовленный органическими причинами, иной образъ мыслей, понятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и иной порядокъ вещей. Тѣмъ не менѣе однако призваніемъ князей былъ нанесенъ чувствительный ударъ родовому быту и въ сферѣ домашней жизни. Верховная власть, общая въ лицѣ князей всѣмъ родамъ, вскрыла ихъ замкнутость; съ этого времени члены родовъ получили возможность и свободу дѣйствовать болѣе самостоятельно въ общественной жизни. Притомъ же нѣтъ сомнѣнія, что Варяги принесли къ намъ нѣсколько иныя понятія какъ о домашней, такъ и объ общественной жизни.

Новый порядокъ вещей опять-таки водворялся постепенно, тѣмъ же историческимъ возрастаніемъ, по мѣрѣ исчезновенія стараго. Когда совершилось окончательное разложеніе родоваго устройства въ домашней жизни нашихъ предковъ, этого точно мы опредѣлить не можемъ, какъ не можемъ вообще въ исторіи провести рѣзкихъ чертъ. Обновленіе народной жизни мы замѣчаемъ уже довольно поздно, когда увидимъ ясно, осязательно всю измѣнившуюся внѣшнюю обстановку. Особенно же, по отношенію къ нашему вопросу, это сдѣлать трудно; ибо во 1-хъ, онъ мало освященъ историческими показаніями и во 2-хъ, вопросъ о наслѣдованіи есть по преимуществу вопросъ глубоко-внутренней жизни. Онъ уходитъ въ область самую укромную, семейную, куда глазъ изслѣдователя менѣе всего способенъ проникнуть, и гдѣ, по существу самой среды, измѣненія совершаются невидимымъ путемъ. Тѣмъ не менѣе, если мы сообразимъ, имѣющіяся у насъ подъ рукою, данныя, то можемъ сказать, хотя приблизи-

тельно, что послѣдняя грань родоваго устройства въ частной жизни нашихъ Славянъ есть періодъ Русской Правды, слѣд. конецъ XII и начало XIII вѣка, когда очевидно выступаетъ въ семейномъ быту другое начало, а именно начало семейное. «Трудно опредѣлить, говоритъ Губе, какія были понятія о наслѣдствѣ и семейномъ имуществѣ въ XI и XII столѣтіи, тѣмъ болѣе, что въ Русской Правдѣ XI и XII вѣка нѣтъ объ этомъ ни слова. Только Правда XIII вѣка упоминаетъ о наслѣдствѣ. Это молчаніе можетъ служить доказательствомъ того, что единство семейства и имущества долго хранилось въ русскихъ нравахъ. Карамзинъ не можетъ понять, почему въ Правдѣ 1020 и 1054—1068 г. ничего не сказано о наслѣдствѣ. Но намъ это молчаніе нисколько не кажется страннымъ: въ немъ высказывается продолженіе прежнихъ славянскихъ началъ» [1]. И дѣйствительно, не смотря на бѣдность извѣстій относительно развитія нашего вопроса въ это время, сохранились, какъ увидимъ ниже, историческія указанія, изъ которыхъ видно продолженіе началъ, доселѣ дѣйствовавшихъ въ семейномъ быту нашихъ предковъ.

Выше мы сказали, что съ пришествіемъ князей начинается новая эпоха общественной жизни нашихъ Славянъ, и обозначили значеніе призваннаго княжескаго рода съ общественной точки зрѣнія. Но князья пришли къ намъ не одни; они пришли съ родами своими, пояша по себѣ всю Русь. Къ славянской народности присоединяется съ этого времени другая, ей чуждая. Каково же было вліяніе этой послѣдней на развитіе нашего вопроса? Это зависѣло: во 1-хъ, отъ взаимныхъ отношеній, въ которыя стали между собою обѣ народности и во 2-хъ, отъ тѣхъ понятій о наслѣдствѣ, которыя принесли съ собою пришельцы.

Что касается до перваго положенія, то мы знаемъ, что первоначальное соединеніе Славянъ и Варяговъ было чисто

[1] Тамъ же с. 67.

механическое, что срощеніе между ними, хотя и довольно быстрое, совершилось однако не разомъ, а постепенно. Первоначально, слѣдовательно, обѣ эти народности оставались вѣрными своему быту, пока не произошло между ними болѣе тѣснаго внутренняго единенія [1]. Начатки такого единенія дѣлаются замѣтными со временъ Святослава, развиваются все болѣе и болѣе при Владимірѣ, и наконецъ при Ярославѣ обѣ народности теряютъ раздѣльное свое бытіе и обезразличиваются [2]. Періодъ Правды представляетъ уже намъ одну пеструю народную массу, внутренно объединившуюся, но еще сохранившую съ внѣшней стороны слѣды первоначальнаго различія. Сообразно этому общему ходу нашей исторіи, мы разсмотримъ состояніе нашего вопроса до временъ Правды, сперва отдѣльно у Варяговъ, а потомъ у Варяговъ и Славянъ въ совокупности.

Благодаря многолѣтнимъ и опытнымъ трудамъ г. Погодина, мы уже знаемъ теперь, откуда и кто были наши Варяго-Руссы. Скандинавскіе выходцы, они пришли къ намъ, разумѣется, съ своими законами и обычаями, точно такъ, какъ съ своими именами, вѣрованіями, своимъ языкомъ, образомъ дѣйствій [3]. Каковы же были ихъ обычаи и законы о наслѣдованіи имуществъ въ разсматриваемое время? На это намъ даютъ прямой отвѣтъ постановленія исландскихъ Grágás—обычаевъ, принесенныхъ на этотъ островъ норвежскими выходцами, бѣжавшими изъ немилаго отечества [4]. Чтобы опредѣлить отношеніе этихъ постановленій къ нашимъ Варяго-Руссамъ, приведемъ слова Грановскаго о состояніи европейскаго сѣвера въ IX и X вѣкахъ и образованіи исландской письменности.

[1] Изслѣдованія, замѣч. и лек. г. Погодина, т. III, с. 43.

[2] Исторія Россіи г. Соловьева, т. I. II. — Юрид. бытъ др. Россіи г. Кавелина.

[3] Изслѣдованія г. Погодина т. III, с. 359, 360.

[4] Grágás. Pars-1-ma, XV: Novi coloni (т. е. Норвежцы) non solum veterem Deorum cultum sed et eandem juris administrationem, cui hujusque assuefacti erant, hic instituerant.

«Заселеніе Исландіи началось въ одно время съ разложеніемъ древняго языческаго и гражданскаго быта на Скандинавскомъ полуостровѣ. Въ концѣ IX вѣка по Р. Х. пали мѣлкія владѣнія прежнихъ конунговъ, уступая мѣсто единодержавію Эйриха Упсальскаго въ Швеціи, Горма Стараго въ Даніи и Горальда Прекрасноволосаго въ Норвегіи. Тогда же проникли въ пустыни и лѣса Скандинавіи первые проповѣдники христіанства, Св. Ансгарій и его послѣдователи. Царствованію Одина и Азовъ наступилъ конецъ. Но этотъ переворотъ въ народныхъ вѣрованіяхъ и привычкахъ не могъ совершиться безъ мучительной и упорной борьбы. Многочисленные приверженцы старины ушли добровольными изгнанниками отъ новаго, возникающаго на ихъ родинѣ порядка вещей. Исландія была для нихъ тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась Америка для гонимыхъ сектъ и мнѣній Западной Европы въ XVII столѣтіи. Далекій, бѣдный дарами природы островъ принялъ на свою почву не бездомовныхъ бѣглецовъ, спасавшихся отъ преслѣдованій закона или отъ голодной смерти, а цвѣтъ норвежскаго и вообще скандинавскаго племени, потомковъ древней аристократіи, ведшихъ свое происхожденіе отъ Азовъ, и не хотѣвшихъ измѣнить религіознымъ и политическимъ преданіямъ, съ которыми связано было значеніе ихъ родовъ. Они принесли съ собою въ новое отечество, вмѣстѣ съ прекраснымъ и звучнымъ языкомъ, цѣлую вымиравшую въ собственной Скандинавіи миѳологію и изумительное богатство героическихъ пѣсенъ и преданій.

Такимъ образомъ, Исландіи досталось на долю быть послѣднимъ убѣжищемъ скандинавскаго язычества и связаннаго съ нимъ гражданскаго быта. Отрѣшенная своимъ положеніемъ отъ живаго движенія исторіи, страна въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ хранила этотъ бытъ, какъ поучительную для будущихъ поколѣній окаменѣлость. Даже по принятіи христіанства, Исландцы остались вѣрны обычаямъ старины. Тамошнее духовенство не принимало участія въ честолюбивыхъ стремленіяхъ римско-католической іерархіи, и предпочитало родной языкъ латинскому, сковавшему на

долго самостоятельное развитіе западныхъ литературъ. Исландскіе священники не только не истребляли, по примѣру своихъ южныхъ собратій, памятниковъ языческой старины, но тщательно собирали ихъ и хранили при помощи ими же введенной азбуки. Такъ образовалась исландская литература, главныя произведенія которой принесены были на этотъ островъ колонистами IX и X столѣтій, хранились долго въ памяти народа, и потомъ уже въ эпоху христіанства и грамотности преданы письму»[1].

Однимъ изъ древнѣйшихъ сборниковъ такого рода, первое основаніе которому положено было Ульфліоромъ еще въ 928 году, считается и сборникъ древнихъ законовъ, записанныхъ въ началѣ XII вѣка, а именно въ 1117 году (Логзогомардомъ) Бергторомъ и братомъ его Галфидомъ, однимъ изъ знатнѣйшихъ исландскихъ мужей. Сборникъ этотъ послужилъ основаніемъ исландскому своду законовъ, извѣстному подъ названіемъ Grágás[2].

Grágás, относительно порядка наслѣдованія, постановляетъ слѣдующія правила:

Имущество, оставшееся послѣ отца или матери, переходитъ къ благородному сыну, способному къ принятію наслѣдства, если же его нѣтъ, то къ дочери. Затѣмъ имущество это идетъ сперва къ отцу, потомъ къ брату отъ отца, потомъ къ матери, потомъ сестрѣ отъ отца, послѣ которой къ брату отъ матери и наконецъ сестрѣ отъ матери[3].

Если нѣтъ никого изъ означенныхъ восьми наслѣдниковъ, то къ наслѣдству призывается незаконное родство: сперва не-

[1] Пѣсни Эдды о Нифлунгахъ Грановскаго. Альманахъ «Комета», Москва 1851 г. с. 183—185.

[2] Codex juris Islandorum antiquissimus, qui nominatur Grágás: Commentatio historica et critica XXIV. § 7. — Gans, B. IV. S. 461—466.—

[3] Bona patris matrisve relicta ad ingenuum et haereditatis capacem filium (primum) deveniat. Filio deficiente haereditas ad filiam devolvitur, (quae si defuerit) pater primum ad haereditatem vocatur, tum frater ex patre, deinde mater, tum soror ex patre, post eam frater ex matre, deinde soror ex matre. — Gragas. Pars I. p 170.

законный сынъ, потомъ незаконная дочь, потомъ незаконный братъ отъ отца, затѣмъ незаконная сестра отъ отца, далѣе незаконный братъ отъ матери, наконецъ незаконная сестра отъ матери [1].

Если умершій, при недостаткѣ братьевъ и сестеръ, оставилъ родственниковъ дальнѣйшихъ степеней, то къ наслѣдству допускаются уже только одни законнорожденные. Здѣсь первое мѣсто занимаютъ дѣды отцовскій и материнскій, внуки отъ сына и дочери. За ними слѣдуютъ бабки по отцу и матери, внучки отъ сына и дочери. Наконецъ къ наслѣдству призываются дяди по отцу и матери, двоюродные (братья и сестры) отъ обоихъ ихъ, тетки по отцу и матери и внучки отъ брата и сестры [2].

При недостаткѣ этихъ послѣднихъ, дальнѣйшіе родственники отцовской и материнской стороны участвуютъ въ наслѣдствѣ по равнымъ частямъ. Впрочемъ, если бы при этомъ одному родственнику съ отцовской стороны приходилось столько же, сколько всѣмъ другимъ съ материнской стороны или обратно, то въ такомъ случаѣ одинъ получаетъ такую же часть, какъ всѣ прочіе вмѣстѣ. Наконецъ, если не будетъ никого изъ таковыхъ наслѣдниковъ, то оставшееся имущество переходитъ къ остальнымъ дальнѣйшимъ законнымъ родственникамъ, способнымъ къ принятію наслѣдства. Мужчина предпочитается женщинѣ, если она состоитъ съ нимъ въ одной и той же степени родства по отношенію

[1] (His omnibus deficientibus) nonus ex ordine filius naturalis haereditatem adeat, quem filia naturalis proxime subsequatur, tum frater ex patre spurius, deinde soror ex patre sed spuria, tum frater ex matre spurius, tum soror ex matre spuria. Ibidem.

[2] Si demortuus gradu tantum remotiore cognatos reliquerit ingenui unice ad haereditatem ejus capiundam et alendos suscipiendos, fratribus et sororibus deficientibus, admittuntur. Horum tenent locum primarium avus paternus et maternus, nepos ex filio et filia; hos subsequuntur avia et paterna et materna, neptis ex filio et filia. Deinde ad haereditatem admittuntur patruus et avunculus, patruelis et consobrinus; et amita et matertera neptisque e fratre vel sorore. Ib.

къ умершему; но между линіями наслѣдство дѣлится поровну, такъ что линіи отъ сестеръ или братьевъ признаются равноправыми [1]. Когда наслѣдуетъ нѣсколько женщинъ, состоящихъ съ умершимъ въ одинаковой степени родства, то наслѣдство дѣлится между ними по равнымъ частямъ, но первые четырнадцать родственниковъ до soror uterina et naturalis призываются къ наслѣдству силою закона и потому для нихъ степень родства не имѣетъ значенія [2].

На основаніи буквально изложенныхъ постановленій Grágás г. Бѣляевъ вывелъ слѣдующій порядокъ наслѣдованія: «по смерти отца и матери сперва наслѣдуютъ сыновья, за сыновьями идутъ въ наслѣдованіи законныя дочери, потомъ отецъ, далѣе братъ (?), потомъ мать, потомъ сестра отцова, потомъ материна сестра (?), за ними по порядку девятый, сынъ незаконный, далѣе незаконная дочь, и послѣ ихъ допускаются къ наслѣдству другіе родственники, agnati потомъ cognati» [3]. Намъ кажется, что это не такъ. Какого брата разумѣетъ здѣсь г. Бѣляевъ, откуда взялись сестра отцова и материна сестра? По смыслу подлинника наслѣдство прежде всего идетъ въ нисходящую линію — сыну, потомъ дочери, останавливается на первой степени этой линіи и возвращается въ восходящую линію—къ отцу. Отсюда оно поворачиваетъ въ бокъ—къ брату отъ отца—ex patre, «къ брату со стороны отца»,

[1] His deficientibus agnati cognatique ex aequis sortibus haereditatis participes sint, nisi e patris matrisve familia unus tantum cum pluribus ex altera patre concurrerit, quo casu ille parem ac caeteri omnes portionem reportet Nullo horum superstite, bona relicta ad (reliquos) propinquos, cum demortuo proxime cognatos, et ingenuos et hareditatis capaces deveniunt. Si foemina et mas in eodem gradu cum demortuo conjuncti sint, hic (praefertur). Cuivis lineae haereditas aeque defertur. Linea vero a sororibus vel fratribus computatur. Gragas, Pars I, p. 171.

[2] Ubi plures foeminae pari gradu ad demortuum proxime accedunt, haereditas ejus etiam inter eas justis portionibus dividantur. Decemquatuor cognati primi memorati, e legum praescriptis ad haereditatem vocantur, quoad eos enim gradus propinquitatis non valet. Eorum primus est filius ingenuus, supremus vero soror uterina et naturalis. Ib.

[3] Наслѣдованіе безъ завѣщанія, г. Бѣляева, 1858 г. с. 13.

какъ переводитъ Гансъ [1]. Но кого разумѣть подъ этимъ названіемъ—брата ли отца, слѣдовательно дядю или роднаго брата? неизвѣстно. Не смотря, слѣдовательно, на видимую точность и подробность изложенныхъ постановленій Grágás, самый порядокъ наслѣдованія представляется въ запутанномъ видѣ, а потому и нуждается въ объясненіи.

Если принять, что выраженіе frater ex patre означаетъ дядю, то въ такомъ случаѣ нужно будетъ признать, что родные братья умершаго устранялись отъ наслѣдства, по крайней мѣрѣ, въ ближайшихъ степеняхъ родства до двоюродныхъ внучатъ — neptis ex fratre vel sorore, которые стоятъ послѣдними въ родственной номенклатурѣ лицъ, призываемыхъ къ наслѣдству. Очевидно, что уже на одномъ этомъ основаніи подъ frater ex patre, лицомъ, наслѣдующимъ непосредственно послѣ отца, нельзя разумѣть дядей, не говоря о томъ, что они призываются, какъ мы выше видѣли, къ наслѣдству въ числѣ послѣднихъ родственниковъ, а именно послѣ незаконнаго родства, восходящихъ и нисходящихъ второй степени: deinde ad haereditatem admittuntur patruus et avunculus.. Но если frater ex patre не дядя, то съ другой стороны его нельзя признать и роднымъ братомъ, ибо въ такомъ случаѣ выраженіе: «frater ex matre — братъ отъ матери» не имѣло бы смысла, такъ какъ здѣсь братъ отъ отца frater ex patre и сестра отъ отца soror ex patre, очевидно, противополагаются брату отъ матери frater ex matre и сестрѣ отъ матери soror ex matre. Итакъ если выраженія: «братъ отъ отца и сестра отъ отца, братъ отъ матери и сестра отъ матери» не означаютъ ни дядей и тетокъ, ни родныхъ братьевъ и сестеръ, то спрашивается: кого же должно разумѣть подъ этими выраженіями? По нашему здѣсь можно принять одно объясненіе, а именно, что подъ выраженіями: «братъ отъ отца — frater ex patre и сестра отъ отца — soror ex patre разумѣются *единокровные* братья и сестры, а подъ выраженіями: «братъ отъ матери—

[1] Gans Das Erbrecht IV S. 510, 511.

frater ex matre и сестра отъ матери soror ex matre—*единоутробные* братья и сестры, которые и дѣйствительно должны первые, какъ ближайшіе по крови, призываться къ наслѣдству, при несуществованіи родныхъ братьевъ и сестеръ. Понять иначе этотъ порядокъ наслѣдованія Grágás мы не можемъ, ибо не можемъ допустить, чтобы родные братья исключались изъ наслѣдства единокровными и единоутробными братьями и сестрами, или еще болѣе дядями и тетками, когда эти последніе призываются къ наслѣдству въ числѣ самыхъ отдаленныхъ родственниковъ.

Принятый нами порядокъ наслѣдованія совершенно оправдывается и порядкомъ призванія къ правамъ и обязанностямъ мести, о которой также находимъ въ Grágás обширныя постановленія. Вира у Скандинавовъ дѣлилась на кольца. Хотя всѣхъ колецъ было десять, но главныхъ только четыре: первое—въ три марки, второе въ двадцать унцій, третье въ двѣ марки и четвертое въ двѣнадцать унцій [1]. Къ первому кольцу присоединялось еще подъ особымъ именемъ (annulinstratum) шесть унцій и сорокъ восемь оболовъ; ко второму — полмарки и тридцать два обола; къ третьему три унціи и двадцать четыре обола, наконецъ, къ четвертому—двѣ унціи и шестнадцать оболовъ [2]. Первое изъ главныхъ колецъ приходилось какъ платить, такъ и получать отцу, сыну и брату; втрое — дѣдамъ съ отцовской и материнской стороны и внукамъ отъ сына и дочери; третіе—дядьямъ и племянникамъ; четвертое—двоюроднымъ братьямъ и сестрамъ [3]. За этими главными кольцами слѣдовали ос-

[1] Annuli legales quatuor sunt: primus trimarcalis, secundus viginti unciarum, tertius bimarcalis, quartus duodecim unciarum. Grágás Pars II p. 171. Tit. CXIV Recensus annulorum.

[2] Ibidem.

[3] Tres numerantur necessarii, qui annulum maximum et solvant et capiant, pater, filius et frater. Viginti unciarum annulum quatuor et solvant et capiant: avus paternus et nepos ex filio, avus maternus et nepos ex filia. Annulum porro bimarcalem quatuor etiam et solvant et capiant: patruus et fratruelis, avunculus et consobrinus. Duodecem unciarum annulum pa-

тальныя шесть, нисходя отъ одной марки до унціи, отъ степени къ степени, до шестой линіи боковаго родства [1]. Если было много участвовавшихъ въ убійствѣ, то истецъ могъ выбрать изъ нихъ любаго, родственники котораго и должны были платить выкупъ [2].

Сколько бы ни было платящихъ и получающихъ виру, но всѣ кольца должны быть выплачены и притомъ такъ, чтобы каждый получалъ столько, сколько другой въ подобномъ случаѣ долженъ заплатить. А именно: самое большое кольцо получаетъ отецъ, сынъ и братъ отъ отца, сына и брата убійцы. Каждый изъ получающихъ въ этомъ кольцѣ беретъ по одной маркѣ, двѣ унціи и шестнадцати оболовъ; по стольку же долженъ взнести и каждый изъ платящихъ, если всѣ эти лица находятся на той и другой сторонѣ. Но если убитый оставитъ одного сына и нѣсколько братьевъ, тогда братья получаютъ только одну марку, точно такъ какъ и сыновья при одномъ братѣ также получаютъ одну марку. Подобнымъ же образомъ и родственники убійцы дѣлятъ между собою уплату, хотя бы братьевъ не столько было, сколько сыновей. Если у убитаго останется *братъ единокровный frater ex patre* и *братъ единоутробный—frater ex matre*, то послѣдній получаетъ двѣ части марки, а первый три части и, кромѣ того, беретъ весь аннулинстратъ и оболы. Когда нѣтъ сына, то отецъ получаетъ двѣ части кольца; если же нѣтъ отца, то столько же получаетъ сынъ [3].

Если бы въ первомъ кольцѣ находился только одинъ преемникъ, то въ такомъ случаѣ онъ одинъ получаетъ цѣлое кольцо со всѣми прибавленіями къ нему. Но если у убитаго не будетъ въ живыхъ ни отца, ни сына, а останутся только единокровные братья — fratres ex patre

truorum filii, amitini et materterarum filii tum capiant et solvant. Ibi annuli (legales) cessant.—Ibidem.

[1] Ibidem p. 172, 173.

[2] Ibidem p. 173.

[3] Ibidem. p. 174—175.

и единоутробные — uterini; тогда эти послѣдніе получаютъ двѣ части перваго кольца, братья же единокровные три и, кромѣ того, всѣ прибавленія, т. е. аннулинстратъ и оболы. При совмѣстничествѣ отца и сына съ единоутробнымъ братомъ, этотъ послѣдній получаетъ часть (роднаго) брата, точно такъ, какъ и единокровный братъ, ежели бы онъ былъ одинъ при означенныхъ лицахъ (т. е. отцѣ и сынѣ) [1]. Но еслибы не осталось въ живыхъ никого изъ главныхъ участниковъ перваго кольца, кромѣ единоутробнаго брата (frater uterinus), тогда онъ получаетъ цѣлое кольцо и аннулинстратъ, но прибавочные оболы не принадлежатъ ему [2].

Съ такою же подробностію и точностію опредѣляютъ исландскіе законы порядокъ полученія и уплаты виры для родственниковъ втораго, третьяго и слѣдующихъ колецъ, нисходя до самаго отдаленнаго родства. Всѣ эти кольца принадлежали однако только кровнымъ родственникамъ мужскаго пола; женскій же полъ исключался изъ круга мести, кромѣ одной дочери, которая имѣла право на извѣстную часть виры. Между же остальнымъ (некровнымъ) родствомъ только пять родственниковъ имѣли право на участіе въ вирѣ, а именно: рожденный отъ рабы или незаконный сынъ, пасынокъ и три ближайшихъ свойственика, а именно: мужья матери, дочери и сестры [3].

Сравнивая постановленія Grágás о наслѣдствѣ съ постановленіями о мести, порядокъ наслѣдованія у древнихъ Скандинавовъ можно представить въ слѣдующемъ видѣ:

1. Къ наслѣдству призываются прежде всего родные дѣти, между которыми мужескій полъ исключаетъ женскій: наслѣдуютъ сыновья, а за недостаткомъ ихъ дочери. Права представленія нѣтъ: внучата исключаются другими, ближайшими по закону родственниками, а именно: послѣ родныхъ дѣтей, т. е. послѣ нисходящихъ первой степени, наслѣдство возвращается

[1] Ibidem. p. 175.

[2] Ibiden.

[3] Ibidem p. 183.

въ восходящую линію по мужскому колѣну—къ отцу; затѣмъ, на основаніи счисленія мстителей перваго кольца, если нѣтъ родныхъ братьевъ, т. е. первой боковой, то къ единокровному брату, послѣ котораго къ матери, слѣдовательно, опять въ восходящую, но уже по женской линіи; далѣе къ единокровной сестрѣ, потомъ къ единоутробнымъ сперва братьямъ, потомъ сестрамъ.

2., Послѣ роднаго, единокровнаго и единоутробнаго родства первыхъ степеней идетъ родство незаконное въ томъ порядкѣ, какъ и ближайшее законное родство. А именно: незаконный сынъ, за нимъ слѣдуетъ незаконная дочь, далѣе незаконный братъ отъ отца—frater ex patre spurius, потомъ незаконная сестра отъ отца—soror ex patre sed spuria, наконецъ незаконный братъ отъ матери—frater ex matre spurius, за которымъ незаконная сестра отъ матери—soror ex matre spuria. Все различіе въ наслѣдованіи этого не законнаго родства состоитъ въ томъ, что восходящая линія т. е. незаконная мать и незаконный отецъ исключаются изъ наслѣдства, между тѣмъ какъ въ законномъ родствѣ отецъ стоитъ непосредственно за дѣтьми, а мать за единокровными мужскаго пола.

3. За этими шестью незаконными родственниками къ наслѣдству призывается уже только законное родство и при томъ въ слѣдующемъ порядкѣ: первое мѣсто занимаютъ здѣсь дѣды по отцу и матери совмѣстно съ внуками отъ сына и дочери, т. е. вторая степень восходящей и нисходящей мужескаго колѣна; затѣмъ идутъ бабки по отцу и матери совмѣстно съ внучками отъ сына и дочери, т. е. вторая же степень восходящей и нисходящей, но только по женскому колѣну.

4. Послѣ второй степени восходящей и нисходящей линіи призываются къ наслѣдству дяди по отцѣ и матери —patruus et avunculus, ихъ дѣти, т. е. двоюродные братья по отцу и матери—patruelis et consobrinus, другими словами, первыя двѣ степени вторыхъ боковыхъ линій по мужскому колѣну.

5. Наконецъ, за мужескимъ колѣномъ первой и второй степени второй боковой линіи слѣдуютъ тетки по отцу и матери—amita et matertera и внучки отъ брата и сестры—neptis ex fratre vel sorore, т. е. первая степень второй боковой линіи по женскому колѣну и третья степень первой боковой. Между этими послѣдними родственниками опять замѣчается безпорядокъ: соблюдая правильный ходъ степеней и линій, согласно даннымъ имъ направленіямъ, нужно бы полагать, что вмѣстѣ съ дядьями призывались не двоюродные братья, т. е. дѣти дядей, а дѣти родныхъ братьевъ, племянники, т. е. не patruelis, а fratruelis, какъ это именно и сказано при исчисленіи мстителей кольца [1], точно такъ, какъ совмѣстно съ тетками призываются двоюродныя внучки, т. е. внучки отъ брата и сестры, а не троюродныя внучки. Двоюродные же братья отъ дядей patruorum filii, согласно порядку мстителей, должны бы слѣдовать послѣ племянниковъ, наравнѣ съ дѣтьми тетокъ по отцу и матери, съ amitini и materterarum filii [2].

Таковы начала наслѣдованія, кроющіяся въ постановленіяхъ Grágás. Нѣтъ сомнѣнія, что начала эти получили такое логическое развитіе и выразились въ постановленіяхъ, при содѣйствіи римскихъ юридическихъ понятій, чрезъ посредство духовенства, которое прямо или косвенно принимало участіе въ ихъ редакціи [3]. Тѣмъ не менѣе, они носятъ слѣды глубокой древности, ибо хранятъ въ себѣ общіе германскіе элементы [4]. Въ этомъ не трудно убѣдиться изъ слѣдующаго за симъ сравненія ихъ съ постановленіями о наслѣдствѣ германскихъ племенъ.

[1] Patruus caesi et fratruelis, avunculus et consobrinus annulum bimarcalem a quatuor, cum occisore ejusdem propinquitatis viris capiant. Ibidem p. 177.

[2] Duodecem unciarum annulum capiant patruorum filii, amitini et materterarum filii... Ibid.

[3] Grágás, pars I. Commentario historica et critica de codicis origine.

[4] Gans, Erbrecht, IV, S. 458.

I. По законамъ Франковъ салическихъ и рипуерскихъ:

1. Если кто умретъ, не оставя сыновей, то имущество его принадлежитъ отцу и матери [1].

2. Если нѣтъ отца и матери, то наслѣдуютъ братья или сестры [2].

3. Если и этихъ нѣтъ, то въ наслѣдство вступаютъ сестры отца [3].

4. Если же нѣтъ сестеръ отца, то наслѣдуютъ сестры матери [4].

5. Наконецъ, если никого изъ означенныхъ наслѣдниковъ не будетъ, то наслѣдство получаетъ ближайшій родственникъ изъ рода отца [5].

6. Что же касается до салической земли, то женщина не имѣетъ въ ней никакой части; вся эта земля идетъ въ наслѣдство мужескому полу [6].

Изъ предложеннаго перевода франкскихъ постановленій открывается, что въ нихъ порядокъ наслѣдованія представляется еще въ болѣе запутанномъ видѣ, нежели въ постановленіяхъ скандинавскихъ. По изслѣдованію Пардессю постановленія эти имѣютъ слѣдующій смыслъ:

[1] Si quis homo mortuus fuerit, et filios non dimiserit, si pater aut mater superfuerint, ipsi in haereditate succedant.—Loi salique, par M. Pardessus. Paris 1842. p. 318.

[2] Si pater et mater non superfuerint, et fratres vel sorores reliquerit, ipsi haereditatem obtenant. Ibidem.

[3] Quod si nec isti fuerint, sorores patris in haereditatem ejus succedant. Ibidem.

[4] Si vero sorores patris non extiterint, sorores matris ejus haereditatem sibi vindicent. Ibidem.

[5] Si autem nulli horum fuerint, quicunque proximiores fuerint de paterna generatine, ipsi in haereditatem succedant. Ibidem.

[6] De terra vero salica, nulla partio haereditatis mulieri veniat: sed ad virilem sexum tota terrae haereditas perveniat. Ibid. Рипуерскій текстъ дѣлаетъ замѣчательное поясненіе въ этомъ постановленіи, выражая его такъ: Sed cum virilis sexus extiterit, femina in haereditatem aviaticam non succedat.

1. Прежде всего наслѣдуютъ дѣти мужескаго и женскаго пола, ибо слово filius употреблялось въ текстѣ Barbarorum leges древнегерманскихъ законовъ для означенія сыновей и дочерей [1]. Сыновья, какъ нужно полагать, исключали дочерей [2]. Права представленія не допускалось, что видно изъ самой строгости и опредѣленности текста [3].

2. Если не было дѣтей, къ наслѣдству призывались отецъ и мать, т. е. первая степень восходящей линіи. Хотя Тацитъ и говоритъ, что въ этомъ случаѣ у Германцевъ наслѣдовали боковые родственники [4], тѣмъ не менѣе салическій и рипуерскій законы призываютъ къ наслѣдству братьевъ и сестеръ только при недостаткѣ отца и матери, что согласуется и съ свидѣльствомъ Григорія Турскаго, Liv. IX chap. XXXIII. Этотъ порядокъ довольно долго сохранялся въ большей части обычаевъ Франціи относительно движимаго и благопріобрѣтеннаго имуществъ; онъ существуетъ отчасти и теперь. Права представленія и здѣсь, какъ въ нисходящей линіи, нѣтъ; наслѣдуетъ только первая степень pater aut mater и притомъ совмѣстно, кромѣ салической земли, въ которой женщина не имѣла участія [5].

3. Послѣ отца и матери слѣдовали братья и сестры умершаго, также совмѣстно, кромѣ салической земли. Въ законѣ Рипуаровъ именно сказано: fratres et sorores [6]. Права представленія не было и въ боковыхъ линіяхъ, ибо эдиктъ Хильберта, которымъ признано право представленія въ нисходящей линіи, именно прибавляетъ: «de illis tamen nepotibus

[1] Ibidem p. 695.

[3] Ibidem p. 697.

[5] Ibidem p. 699.

[4] Haeredes tamen successoresque sui cuique liberi et nullum testamentum. Si liberi non sunt, proximus gradus in possessione fratres, patrui, avunculi. Quando plus propinquorum, quo major affinium numerus, tanto gratiosior senectus, nec ulla orbitatis pretia. Tacitus, XX.

[5] Loi salique, par M. Pardessus, p. 700.

[6] Ibidem p. 702.

istud placuit observari qui filio vel filia nascuntur, non qui de fratre vel sorore [1].

4. Если не было братьевъ и сестеръ, то призывались къ наслѣдству дяди и тетки, сперва съ отцовской, а потомъ съ материнской стороны, хотя о первыхъ текстъ закона и не упоминаетъ. Монтескье хотѣлъ объяснить это предпочтеніе тетокъ дядямъ свидѣтельствомъ Тацита, гл. XX: sororum filiis idem apud avunculum, qui apud patrem honor. Quidam sanctiorem arcioremque hunc nexum sanguinis arbitrantur, et in accipiendis obsidibus magis exigunt; tamquam ii et animum firmius et domum latius teneant [2]. Но Пардессю даетъ постановленію о теткахъ иное толкованіе. По его мнѣнію, первоначально дяди исключали собою тетокъ. Когда же этимъ послѣднимъ даны были наслѣдственныя права, то чтобы означить это нововведеніе, объявили, что наслѣдуютъ и тетки, между тѣмъ, какъ права дядей были несомнѣнны, разумѣлись сами собою, а потому законъ и не сдѣлалъ объ нихъ упоминанія [3].

5. Послѣ означенныхъ родственниковъ, т. е. послѣ дядей и тетокъ, имущество умершаго переходило къ ближайшему родственнику изъ отцовскаго рода.

6. Таковъ общій порядокъ наслѣдованія у Франковъ салическихъ и рипуерскихъ. Но, кромѣ этого общаго порядка, у нихъ былъ и особенный относительно terra salica или terra aviatica, какъ говоритъ рипуерскій текстъ. Какая была это земля, до сего времени неизвѣстно. Большинство ученыхъ однако полагаетъ, что первоначально подъ словомъ terra salica разумѣлась земля, занятая Франками, при покореніи ими Галліи [4]. Земля эта, какъ первоначальная, переходила потомъ по наслѣдству и сдѣлалась такимъ образомъ terra

[1] Ibidem.

[2] Esprit des lois, lib. XVIII, chap. XXII.

[3] Loi salique, par M. Pardessus, p. 703.

[4] Ibidem, p. 704—702.

aviatica, дѣдовскою землею, дѣдиною, отчиною [1], въ противоположность движимости и всякому благопріобрѣтенному имуществу. Въ этой прародительской землѣ наслѣдовали только мужчины, носители оружія, которымъ она добыта; женщины же исключались изъ нея, не могли ея наслѣдовать.

II. Подобнаго же порядка наслѣдованія держались Англы и Верины.

1. Наслѣдство умершаго получалъ сынъ, а не дочь. Если сына не было, то деньги и драгоцѣнности доставались дочери; земля же поступала къ ближайшему родственнику со стороны отца [2].

2. Если не было дочери, то деньги и драгоцѣнности получала сестра умершаго; земля же поступала къ ближайшему родственнику изъ отцовскаго рода [3].

3. Если не было сына, дочери и сестры, но оставалось только мать, то она получала то, что слѣдовало бы дочери и сестрѣ, т. е. деньги и драгоцѣнности [4].

4. Еслибы не осталось ни сына, ни дочери, ни сестры, ни матери, то ближайшій родственникъ съ отцовской стороны дѣлался наслѣдникомъ во всемъ оставшемся имуществѣ, т. е. въ деньгахъ, драгоцѣнностяхъ и землѣ [5].

5. Кому достается по наслѣдству земля, тому принадле-

[1] Eichhorn Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte, I. s. 403.

[2] Haereditatem defuncti filius non filia suscipiat Si filium non habuit qui defunctus est, ad filiam pecunia et mancipia, terra vero ad proximum paternae generationis consanguineum pertineat.—Barbarorum leges antquae, cum notis et glossariis. Collegit Paulus Canciani. Volumen tertium. Venetiis 1785. p. 33. Tit VI. De alodibus.

[3] Si autem nec filiam habuit, soror ejus pecuniam et mancipia: terram proximus paternae generationis accipiat. Ibidem.

[4] Si autem nec filium, nec filiam, neque sororem habuit, sed matrem tantum superstitem reliquit, quod filia vel soror debuerunt, mater suscipiat, id est pecuniam et mancipia. Ibid.

[5] IV. Quod si nec filium, nec filiam nec sororem aut matrem dimisit superstites, proximus qui fuerit paternae generationis, heres ex toto succedat, tam in pecunia atque mancipiis, quam in terra. Ibidem.

жать и воинскіе доспѣхи, и панцыри, и право мести и полученія выкупа [1].

6. Умирающая мать оставляетъ землю, деньги и драгоцѣнности сыну: дочери же женскую одежду, наряды и украшенія [2].

7. Если нѣтъ сына и дочери, то деньги и драгоцѣнности получаетъ сестра, землю же ближайшій родственникъ со стороны отца [3].

8. Впрочемъ отцовское поколѣніе наслѣдуетъ только до пятой степени; послѣ же пятой степени дочь наслѣдуетъ во всемъ отцовскомъ и материнскомъ имѣніи и только отсюда наслѣдство идетъ ad fusum a lancea—отъ копья къ волнѣ [4].

И такъ наслѣдство у Англовъ и Вериновъ различается по имуществамъ: мужчины исключительно наслѣдуютъ въ землѣ, впрочемъ послѣ матери только до 5-го колѣна; женщины—въ движимомъ, а въ материнскомъ имѣніи послѣ 5-го колѣна и въ недвижимомъ. Но общій порядокъ наслѣдованія все-таки сходенъ съ Франскимъ. Сперва наслѣдуютъ дѣти, потомъ боковые: братья — въ землѣ, (ибо подъ ближайшимъ родственникомъ съ отцовской стороны болѣе разумѣть не кого, какъ брата); сестры—въ движимомъ. За тѣмъ въ движимомъ — мать, если только она одна оставалась, а слѣдовательно и отецъ въ недвижимомъ, землѣ, если онъ также находился въ живыхъ; ибо ближайшій родственникъ призывался къ наслѣдованію землею въ такомъ только случаѣ, когда мать оставалась одна: sed matrem tantum superstitem

[1] Ad quemcunque haereditas terrae pervenerit, ad illum vestis bellica, id est lorica, et ultio proximi, et solutio leudis, debet pertinere. Ibidem.

[2] Mater moriens filio terram, mancipia, pecuniam dimittat, filiae vero spolia colli, id est murenas, nuscas, monilia, inaures, vestes, armillas, vel quidquid ornamenti proprii videbantur habuisse. Ibidem.

[3] Sic nec filium, nec filiam habuerit, sororem vero habuerit, sorori pecuniam et mancipia, proximo vero paterni generis terram relinquat. Ibidem.

[4] Usque ad quintam generationem paterna generatio succedat. Post quintam autem filia ex toto, sive de patris sive matris parte, in hae reditatem succedat et tunc demum haereditas ad fusum a lancea transeat. Ibidem.

reliquit. Вся разница состоитъ въ томъ, что у Франковъ восходящіе, отецъ и мать слѣдуютъ непосредственно за дѣтьми, а у Англовъ и Вериновъ—за боковыми, братьями и сестрами, т. е. что у первыхъ восходящая линія стоитъ между нисходящею и боковой, а у послѣднихъ восходящая линія идетъ послѣ нисходящей и боковой. Права представленія также нигдѣ нѣтъ.

III. Постановленія Бургундовъ въ главныхъ основаніяхъ также вѣрны древне-германскому порядку наслѣдованія, какъ и законы Англовъ и Верінговъ. Они прежде всего призываютъ къ наслѣдству сыновей; а если сыновей нѣтъ, то мѣсто ихъ заступаютъ дочери, какъ въ отцовскомъ, такъ и материнскомъ имѣніи [1]. За дочерями слѣдуютъ сестры или ближайшіе родственники, или, какъ говоритъ текстъ, въ этомъ случаѣ ad sorores vel propinquos parentes haereditas redeat [2]. Мы уже видѣли, чѣмъ объясняется молчаніе закона о братьяхъ, которые, нѣтъ сомнѣнія, наслѣдовали бездѣтно-умершему прежде его сестеръ. Эти послѣднія по этому призываются къ наслѣдству уже вмѣстѣ съ ближайшимъ восходящимъ родствомъ. Выраженіе sorores vel propinquos parentes, заставляетъ предполагать дальнѣйшихъ восходящихъ, т. е. дѣдовъ. Признакъ, что ближайшіе восходящіе, отецъ и мать наслѣдовали прежде сестеръ, слѣдовательно, или непосредственно послѣ дѣтей умершаго или же послѣ братьевъ, если не совмѣстно съ ними. Мужъ, въ случаѣ смерти жены безъ сыновей, не можетъ требовать цѣны, платы за нее данной [3]. Равнымъ образомъ и жена или ея родители не имѣютъ права требовать того, что она принесла мужу, если бы этотъ по-

[1] Barbarorum leges. v IV. p. 17 и 18. tit. XIV, I. Inter Burgundiones id volumus custodiri, ut si quis filium non reliquerit, in loco filii filia in patris matrisque haereditate succedat.

[2] Si forte defunctus nec filium nec filiam reliquerit, ad sorores vel propinquos parentes haereditas redeat. Ibid. II.

[3] Illud etiam praesenti lege placuit contineri, ut si mulier maritum habens sine filiis de hac luce transierit, maritus defunctae uxoris pretium, quod pro illa datum fuerit, non requirat. Ibid. III.

слѣдній умеръ, не имѣя отъ нея сыновей [1]. Дѣвушки, посвятившіяся на служеніе Богу и обрекшія себя цѣломудрію, при (двухъ) братьяхъ получаютъ въ пользованіе извѣстную (третью) часть изъ отцовскаго наслѣдства; но это, впрочемъ, разумѣется относительно только той земли, которую отецъ, владѣя по праву первоначальнаго занятія (sortis jure), оставилъ послѣ себя въ день смерти [2].

По позднѣйшимъ бургунскимъ постановленіямъ, вдова послѣ бездѣтно-умершаго мужа, если не пойдетъ замужъ, получаетъ третью часть его имущества и владѣетъ ею пожизненно, но съ тѣмъ, чтобы по смерти ея часть эта возвратилась къ законнымъ наслѣдникамъ мужа [3]. Что же касается до утренняго подарка Morgengeba, то остается въ силѣ то, что объ немъ прежними законами постановлено, а именно: если бы жена въ теченіе перваго года по смерти мужа захотѣла опять выдти замужъ, то она имѣетъ на это полную свободу, но въ такомъ случаѣ она теряетъ третью часть имущества мужа, которая опредѣлена ей во владѣніе. Впрочемъ, если она пожелаетъ вступить въ новый бракъ, по истеченіи одного или двухъ лѣтъ, то удерживаетъ все то, что получила отъ перваго мужа, даже плату, которая была внесена за нее при выходѣ въ замужство; имущество же мужа принадлежитъ его родителямъ, родственникамъ (parentibus) [4]. Въ этихъ послѣднихъ постановленіяхъ уже чувствуется присутствіе римскихъ понятій, каковы напр. обезпеченіе жены пользованіемъ въ имуществѣ мужа и въ особенности римскій траурный годъ вдовы.

[1] Similiter quod mulier ad maritum veniens erogaverit, defuncto sine filiis marito mulier aut parentes mulieris non requirant. Ibid. IV.

[2] De his vero puellis, quae se Deo voverint, et in castitate permanserint, si una duos fratres habuerit, tertiam jubemus ut portionem de haereditate patris accipiat, hoc est, de ea tantum terra, quam pater ejus sortis jure possidens mortis tempore dereliquit.

[3] Ibidem p. 24, tit. XXII, I.

[4] Ibidem II.

IV. Саксонскіе законы соединяютъ наслѣдство съ опекою. Женщины состоятъ подъ опекою мужчинъ. Такъ умершій отецъ или мать оставляетъ свое наслѣдство не дочери, а сыну [1]. Вдова состоитъ подъ опекою сына отъ перваго брака; если его нѣтъ, то опекуномъ ея дѣлается братъ умершаго, а если и этого нѣтъ, то ближайшій родственникъ съ отцовской стороны [2]. Если умершій оставлялъ только дочерей, то все имущество поступало къ нимъ, опека же надъ ними принадлежала брату умершаго или ближайшему родственнику съ отцовской стороны [3]. Изъ этого порядка опеки открывается, что послѣ дѣтей къ наслѣдству призываются братья умершаго. Если сынъ умретъ при жизни отца, то наслѣдство идетъ къ внуку отъ сына, но не отъ дочери [4]. Кажется, что изъ всѣхъ германскихъ племенъ, только у Саксовъ допускалось право представленія. На саксонскихъ постановленіяхъ также уже замѣтно вліяніе римскихъ понятій. Если не perpetua tutella mulierum, то jus representationis, конечно, слѣды этого вліянія. Правда, что и у Германцевъ женщина находилась подъ вѣчнымъ попечительствомъ mundium, но, кажется, законы движенія этого mundium были нѣсколько иные, нежели тотъ порядокъ преемственности опеки, на который дѣлаютъ указаніе изложенныя постановленія Саксовъ.

V. У Лангобардовъ родство считалось до седьмой степени [5]. Сперва наслѣдовали законные сыновья вмѣстѣ съ

[1] Pater aut mater defuncti, filio, non filiae haereditatem relinquit. Barbarorum leges, volumen tertium p. 50. tit. VII, De haeredibus et viduis I.

[2] Qui mortuus viduam reliquerit, tutelam ejus filius, quem ex alia uxore habuit, accipiat. Si is forte defuerit, frater idem defuncti: si frater non fuerit, proximus paterni generis ejus consanguineus. Ibidem p. 51. II.

[3] Qui defunctus non filios, sed filias reliquerit, ad eas omnis haereditas pertineat, tutela vero earum, fratri, vel proximo paterni generis deputetur. Ibidem p. 52, II.

[4] Ibidem VIII.

[5] Barbarorum Leges. v. I p. 73. CLIII.

незаконными, которые однако получали меньшія части [1]. Сынъ отъ рабы получалъ свободу, но не имѣлъ права наслѣдовать; впрочемъ, давши свободу, отецъ могъ и ему удѣлить нѣкоторую часть имущества [2]. Если оставались только дочери, то вмѣстѣ съ ними наслѣдовали незаконные сыновья и ближайшіе родственники умершаго въ разныхъ доляхъ, а именно: первыя, т. е. дочери получали половину наслѣдства, вторые третью часть, а послѣдніе шестую [3].

VI. Но римское вліяніе еще болѣе ощутительно на постановленіяхъ о наслѣдствѣ Баварцевъ и особенно Визиготовъ. Причины понятны: племена эти находились въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Римлянами и записали свои законы тогда уже, когда римская цивилизація начала проникать въ средневѣковое варварство. Вліяніе это обнаружилось постепеннымъ расширеніемъ наслѣдственныхъ правъ женщины, какъ жены, вдовы и дочери. Мы видѣли, что, по чисто германскимъ понятіямъ, женщины сильно были ограничены въ правахъ наслѣдства, а о женѣ нигдѣ не было помину. По законамъ баварскимъ, братья должны раздѣлиться поровну, хотя бы у нихъ было много сестеръ и хотя бы въ материнскомъ имѣніи они получили не равныя части [4]. Сынъ, рожденный отъ рабы, не имѣетъ части между братьями, развѣ бы они дали ему что нибудь изъ милости, потому что въ древнемъ законѣ написано: «сынъ рабы да не будетъ сонаслѣдникомъ сыну отъ свободной (женщины) [5]. Вдова, если она, по смерти мужа, останется во вдовствѣ, получаетъ въ пользованіе изъ имущества мужа такую же часть, какъ и сыновья [6]. Если же она вступитъ во второй бракъ, то сы-

[1] Ibidem CLIV.

[2] Ibidem CLVI.

[3] Ibidem CLVIII.

[4] Barbarorum Leges v. II. p. 383. cap. VIII. I.

[5] Ibidem II. Вѣроятно здѣсь подъ именемъ древняго писанаго права, разумѣется римское право. Ср. Corpus juris civilis. Ed. Beck. Lipsiae, 1829 г. Inst. tit. IV. De ingenuis, tit. VI. De gradibus cognationis.

[6] Ibidem p. 383. cap. VI.

новья ея требуютъ отъ нея остальнаго отцовскаго имущества [1]. Мать же выходитъ замужъ съ своимъ собственнымъ имуществомъ, съ приданымъ, если таковое имѣетъ [2]. Тоже, что она принесла къ дѣтямъ отъ втораго брака, (вѣроятно часть, данную ей въ пользованіе изъ имущества перваго мужа), въ случаѣ ея смерти возвращается къ сыновьямъ отъ перваго брака [3]. Въ случаѣ смерти кого-либо безъ сыновей и дочерей, жена получала половину имущества, другая же половина принадлежала родственникамъ мужа [1]. Если бы вдова умерла или вступила во второй бракъ, то принадлежащимъ ей считается только то изъ мужняго имѣнія, что слѣдуетъ ей по закону, все же остальное идетъ къ родственникамъ мужа [4]. Если мужъ, не имѣя ни сыновей, ни дочерей, ни внуковъ, ни правнуковъ, все свое имущество или часть его передастъ своей женѣ посредствомъ дара, или завѣщанія, то она не только владѣетъ всѣмъ (мужнинымъ этимъ имуществомъ во время своего вдовства), но и въ правѣ передать его, кому захочетъ, если только сохраняла цѣломудренность изъ уваженія къ памяти мужа [5].

Въ постановленіяхъ этихъ мы уже замѣчаемъ значительныя отступленія отъ древне-германскаго порядка наслѣдованія. Оставаясь вѣрными сему послѣднему, относительно различія отцовскаго и материнскаго имѣній и предпочтенія мужескаго пола предъ женскимъ (сыновья, какъ должно полагать, исключали дочерей), они вводятъ уже новыя римскія и отчасти христіанскія понятія. Такъ наслѣдство идетъ не только къ дѣтямъ, сыновьямъ и дочерямъ, но и къ внукамъ, даже правнукамъ, о которыхъ упоминается мимоходомъ въ постановленіяхъ о женѣ умершаго безъ дѣтей. Право пред-

[1] Ibidem cap. VII. I.
[2] Ibidem — — II.
[3] Ibidem — — III.
[4] Ibidem p. 384. cap. IX. I.
[5] Ibidem p. II.
[6] Ibidem p III

ставленія, слѣдовательно, у Баварцевъ уже признается окончательно. За нисходящею линіею идетъ боковая-propinqui mariti — родственники бездѣтно-умершаго, о восходящей же уже нѣтъ и помину, тогда какъ отецъ и мать по древнегерманскимъ понятіямъ (у Франковъ, Англовъ, Вериновъ, Скандинавовъ) считались, какъ мы видѣли, ближайшими наслѣдниками. Далѣе постановленія о женѣ при дѣтяхъ и безъ дѣтей уже сильно отзываются римскимъ правомъ. Вдова при дѣтяхъ получаетъ въ пользованіе изъ имущества мужа часть равную съ сыновьями, безъ дѣтей—половину: постановленія, сходныя съ римскими, которыя были признаны, какъ увидимъ ниже, и нашею Русскою Правдою.

VII. Въ законахъ Визиготовъ о наслѣдствѣ мы встрѣчаемъ уже чисто римскія постановленія. Степени родства опредѣляются по римскому счету [1], порядокъ же наслѣдственности представляется въ слѣдующемъ видѣ: послѣ отца и матери въ одинакихъ доляхъ наслѣдуютъ сыновья и дочери, за дѣтьми идутъ внуки и правнуки, потомъ отецъ и мать; а наконецъ, если не будетъ ни нисходящихъ, ни восходящихъ родственниковъ, то наслѣдуетъ боковое родство [2].

Таковы постановленія германскихъ племенъ о наслѣдствѣ, записанныя латинскимъ языкомъ и притомъ подъ большимъ или меньшимъ вліяніемъ римскихъ понятій, видоизмѣнявшихъ коренныя германскія начала. Не смотря на то, что съ перваго раза они поражаютъ своимъ разнообразіемъ, запутанностію и неопредѣленностію, въ нихъ видны однако и общегерманскія черты, которыя мы и изложимъ теперь съ возможною краткостію.

1. У всѣхъ германскихъ племенъ, не исключая и Скандинавовъ, ближайшіе, первые наслѣдники—дѣти. Право представленія первоначально не допускалось. Это исключеніе

[1] Cp. Corpus juris civilis. Ed. Beck. Lipsiae. 1829. p. 26. Inst. III. tit. VI. De gradibus cognationis и Barbarorum Leges v. IV. Legis Visigothorum liber quatuor de origine naturali.

[2] Barbarorum Leges, v. IV. p. 104, tit. I. de successionibus.

внуковъ существовало довольно долго въ нѣкоторыхъ странахъ Европы, въ томъ числѣ и во Франціи [1]. Но если всѣ германскія племена согласны въ этомъ, то они очень различны въ способѣ раздѣла наслѣдства между дѣтьми умершаго. Одни, напр., допускаютъ къ наслѣдству дѣтей только отъ законнаго брака и отъ однихъ родителей, различая притомъ наслѣдованіе въ имуществѣ матери, отъ наслѣдованія въ имуществѣ отца; другіе признаютъ наслѣдниками единокровныхъ и единоутробныхъ; третьи, наконецъ, допускаютъ къ наслѣдству и дѣтей незаконныхъ—filii naturales [2]. Только дѣти отъ рабы всѣми германскими племенами единодушно исключаются изъ наслѣдства, ссылаясь на основное правило древняго міра [3].

2. Между дѣтьми сыновья исключаютъ дочерей—это почти общее правило въ постановленіяхъ древнихъ германскихъ законодательствъ. Дочери наслѣдуютъ только за неимѣніемъ сыновей и притомъ съ извѣстнымъ ограниченіемъ относительно имуществъ. Такъ, terra salica у Франковъ салическихъ, terra aviatica у рипуерскихъ, вообще terra у Англовъ и Рипуеровъ были не доступны для женщинъ, по крайней мѣрѣ, мужчины ближайшихъ степеней родства (до 5 степени у Англовъ и Вериновъ) исключали ихъ въ наслѣдованіи этими имуществами. Дочери, обыкновенно, наслѣдовали въ движимомъ имѣніи и преимущественно въ имѣніи матерей [4].

[1] Loi salique par M. Pardessus. p. 699. — Grundsätze des gemeinen deutschen privatrechts, von Mittermaier, Regensburg, 1847 г. II. S. 521, 522. — Deutsche Staats und Rechtsgeschichte, von K. F. Eichhorn, Göttingen 1834. I. S. 408—410.

[2] Западные ученые впрочемъ полагаютъ, что подъ словами filii naturales должно разумѣть не незаконныхъ дѣтей, а рожденныхъ отъ конкубинаты. Deutsche Rechtsgeschichte, von F. Walter, Bonn. 1857. Zweiter Band, S. 230.—Grundsätze des gemeinen deut. privatrechts, von Mittermaier, Zweiter Band, Regensburg, 1847 г. S. 516, 517.

[3] См. выше постановленія Баварцевъ.

[4] Pardessus, p. 697, 717, 718.

Вообще наслѣдственныя права женщинъ у германцевъ были сильно ограничены предпочтеніемъ мужчинъ въ извѣстныхъ степеняхъ родства и извѣстными родами имуществъ [1]. Тѣмъ не менѣе, говоря вообще, женщина у нихъ не устранялась отъ наслѣдства [2], особенно если оставалась необезпеченною, какъ напр. puellae santimoniales у Бургундовъ, которыя наслѣдовали даже въ землѣ [3]. Постановленія о вдовахъ—morgengeba—еще болѣе подтверждаютъ эту мысль, хотя можетъ быть они и образовались подъ вліяніемъ, если не христіанскихъ, то римскихъ понятій. Законы Баварцевъ и Бургундовъ опредѣляютъ положеніе вдовъ при дѣтяхъ и безъ дѣтей, назначая имъ въ томъ и другомъ случаѣ полное обезпеченіе. Тѣмъ не менѣе женщины далеко неполнокровны, надъ ними, какъ и у Римлянъ, лежала вѣчная опека — mundium, Formundschaft [4], о которой, какъ мы видѣли, говорятъ саксонскія постановленія.

3. Если нѣтъ дѣтей, то у однихъ племенъ, какъ напр. у Скандинавовъ, Франковъ салическихъ и рипуерскихъ, къ наслѣдству призывается первая степень восходящей линіи — отецъ и мать; у другихъ племенъ наслѣдуютъ въ этомъ случаѣ братья и сестры, у нѣкоторыхъ, напр. Англовъ и Вериновъ, отецъ съ матерью слѣдуютъ послѣ братьевъ и сестеръ, наконецъ у Визиготовъ восходящіе допускаются къ наслѣдству послѣ дѣтей, внуковъ и правнуковъ. Въ большинствѣ, слѣдовательно, германскихъ племенъ, послѣ дѣтей наслѣдуетъ восходящее родство первой степени — отецъ и мать; боковое же родство отнесено къ третьему розряду наслѣдниковъ [5]. Наслѣдованіе восходящихъ есть, какъ намъ кажется, замѣчательная и характеристическая черта въ гер-

[1] Eichhorn, I. S. 93—95.—Mittermaier, II. S. 510—514.

[2] Ibidem.

[3] Pardessus, p. 696.

[4] Eichhorn, I. S. 347—352.—Mittermaier, II, S. 273, 274, 343.—Walter, II, S. 121—134; 155—166.

[5] Eichhorn, I. S. 408—410. Mittermaier, II, S. 522.

манскомъ сознанiи родства, она указываетъ на самостоятельность дѣтей, какъ бы ни были велики права родителей; ибо при слiянiи личностей родителя и дѣтей, наслѣдованiя восходящихъ быть не можетъ. Власть отца надъ дѣтьми имѣла у Германцевъ опекунскiй характеръ—mundium, а потому она обыкновенно продолжалась только до возраста дѣтей [1].

4. Права представленiя ни въ нисходящей, ни въ восходящей, ни въ боковой не допускалось [2]. Исключенiя изъ этого правила рѣдки и относятся къ позднѣйшему времени [3]. Внуки и правнуки допускаются къ наслѣдству только у Саксовъ и Визиготовъ, и то, кажется, не безъ влiянiя римскихъ понятiй, особенно у наслѣдниковъ, на постановленiяхъ которыхъ вообще лежитъ римскiй типъ. Какъ наслѣдовали внуки: поголовно или поколѣнно? Этотъ вопросъ рѣшался различно, по крайней мѣрѣ, у Франковъ. Одинъ текстъ салическаго закона говоритъ, что внуки должны наслѣдовать: per capita et non per stirpes [4]. Впрочемъ прибавляетъ эдиктъ Хильберта, о которомъ мы упомянули выше, de illis tamen nepotibus istud placuit observari qui de filio vel filia nascuntur, non qui de fratre vel sorore [5]. Право представленiя, слѣдовательно, было допущено сперва только въ нисходящiй линiи.

5. За восходящимъ родствомъ—отцомъ и матерью, слѣдовало боковое; по крайней мѣрѣ, это правило было болѣе общимъ между германскими племенами. Исключали ли мужчины женщинъ въ боковой линiи? Кажется нѣтъ, особенно съ того времени, какъ наслѣдственныя права женщины все болѣе и болѣе признавались. Законы Скандинавовъ, Франковъ, Англовъ и Верииновъ говорятъ о наслѣдованiи сестеръ совмѣстно съ братьями [6]. Но само собою разумѣется, что и

[1] Mittermaier II, S. 312.
[2] Pardessus p. 699.
[3] Ibidem.
[4] Ibidem p. 700. — Eichhorn I, S. 409.
[5] Pardessus p. 702.
[6] Ibidem.

здѣсь женщины наслѣдовали, только въ имуществахъ извѣстнаго рода.

6. Въ дальнѣйшемъ порядкѣ наслѣдованія нѣтъ большаго сходства между германскими племенами. Иногда родственники нисходящіе, восходящіе и боковые смѣняютъ другъ друга по близости степеней родства къ умершему, какъ это было у Скандинавовъ, Франковъ обѣихъ отраслей, иногда же замѣтно предпочтеніе боковыхъ родственниковъ дальнѣйшимъ восходящимъ. Вѣрно то, что *все родство* умершаго, изъ какихъ бы членовъ оно ни состояло, имѣло право на наслѣдство и первоначально никакихъ ограниченій въ этомъ отношеніи не замѣтно [1]. Имущество дѣлалось выморочнымъ за не имѣніемъ вовсе родственниковъ, или же въ самыхъ отдаленныхъ степеняхъ родства [2].

Г. Бѣляевъ, замѣчая это явленіе, выводитъ изъ него слѣдующее заключеніе: что такъ какъ «по всѣмъ древнимъ германскимъ законодательствамъ право наслѣдованія не ограничивается одною семьею, или прямымъ нисходящимъ потомствомъ, а распространено на всѣхъ восходящихъ и боковыхъ родственниковъ, то у нихъ на первомъ планѣ стоитъ не семья, а родъ, и наслѣдство идетъ по крови, а не по семейнымъ отношеніямъ [3]. Вопервыхъ, мы совершенно не понимаемъ пояснительнаго выраженія г. Бѣляева, что наслѣдство у древнихъ Германцевъ шло «по крови, а не по семейнымъ отношеніямъ». Что значитъ, что въ родѣ наслѣдство идетъ по крови, а въ семьѣ по семейнымъ отношеніямъ? Развѣ семейныя отношенія не идутъ по крови? Что же такое будетъ семья, если отнять у нея кровный элементъ, кровное ея основаніе? Семейство обратится въ общину или правильнѣе сказать, мы примемъ общину за семью. Во вторыхъ, намъ кажется, что г. Бѣляевъ, произнося это сужденіе, не совсѣмъ правильно понимаетъ различіе началъ семейнаго и

[1] Eichhorn, I. S. 408.—Mittermaier, II. S. 519—528.

[2] Eichhorn, S. 412. § 66.

[3] Наслѣдованіе безъ завѣщанія с. 12, 13, 14.

родоваго. Начала эти различаются не числомъ родственниковъ и степеней родства, т. е. не тѣмъ, все ли или не все родство умершаго признано въ правѣ наслѣдовать, но порядкомъ призванія къ полученію наслѣдства, направленіемъ сознанія родства, линіями, смотря потому, въ какую сторону прежде всего идетъ наслѣдство отъ даннаго лица. Если наслѣдство идетъ прежде всего въ нисходящую линію, то это называется семейнымъ порядкомъ наслѣдованія; если же оно идетъ прежде всего, помимо дѣтей, въ боковую или восходящую, то такой порядокъ наслѣдованія называется родовымъ. Иного, какъ мы думаемъ, различія между этими началами наслѣдованія сдѣлать нельзя, не рискуя произвести смѣшеніе понятій. И въ настоящее время, не только въ законодательствахъ всѣхъ европейскихъ народовъ (за исключеніемъ майоратовъ и миноратовъ) [1], допускается къ наслѣдству все родство умершаго, но даже и въ нашемъ Сводѣ. Тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что г. Бѣляевъ не станетъ утверждать, что у насъ теперь существуетъ родовой порядокъ наслѣдованія и что родъ у насъ стоитъ на первомъ планѣ потому, что право наслѣдованія распространено на восходящихъ и боковыхъ. Родство, дѣйствительно, призывается къ наслѣдству *все*, но по началу семейному, а не родовому; родъ, слѣдовательно, стоитъ не на первомъ, а на второмъ планѣ. Этимъ отношеніемъ рода къ семьѣ и отличается, какъ у видимъ ниже, древнѣйшій родовой порядокъ наслѣдованія отъ смѣнившаго его порядка семейнаго.

Итакъ наслѣдованіе у германскихъ племенъ, въ томъ видѣ, какъ записали его Barbarorum leges идетъ уже по началу семейному, а не родовому, хотя и отличается отъ позднѣйшаго славянскаго семейнаго наслѣдованія многими характеристическими чертами и особенностями, унаслѣдованными отъ сѣдой древности, когда и у нихъ также господствовалъ родовой бытъ, какъ у нашихъ Славянъ того вре-

[1] Concordance entre les codes civiles étrangers et le code Napoléon, deuxième édition, par M. Anthoine de Saint-Joseph, T. I. Paris, 1856.

мени, въ которомъ мы теперь находимся. На эти-то особенности въ сознанiи родственныхъ отношенiй Германцевъ и Славянъ, коренящiяся въ существѣ домашняго быта той и другой народности, мы и хотимъ теперь обратить вниманiе.

Родовой бытъ, какъ мы уже не разъ сказали, есть возрастъ общiй всѣмъ историческимъ народамъ; имъ также начинается народная жизнь, какъ начинается съ кровныхъ основанiй и жизнь отдѣльнаго человѣка. Но будучи явленiемъ общимъ, у каждаго народа, онъ выразился въ различномъ сознанiи кровнаго родства и въ различныхъ формахъ внѣшняго устройства, проходилъ въ свою очередь различные перiоды, а равно и имѣлъ различное значенiе для послѣдующей за нимъ народной жизни. Согласно историческимъ свидѣтельствамъ, какъ народы германскаго племени, такъ и Славяне начинаютъ свою историческую жизнь съ кровныхъ началъ и формъ быта; но имѣя одно исходное основанiе, тѣ и другiе пошли отъ него различно на столько, на сколько были различны ихъ нацiональности, мѣстности и историческiя судьбы. Подъ влiянiемъ этихъ основныхъ условiй, кровныя начала, независимо отъ общаго нацiональнаго различiя германской и славянской народности, выразились еще у каждой изъ нихъ въ племенныхъ особенностяхъ, получили у каждаго племени особенныя отличiя, оттѣнки, не теряя однако общаго существеннаго сходства. Явленiе это мы замѣчаемъ одинаково, какъ на германской народности, т. е. въ племенахъ ее составлявшихъ, такъ и народности славянской. Въ этомъ отношенiи достаточно заглянуть съ одной стороны въ Barbarorum Leges, съ другой въ славянскiя правды, законники, статуты и другiя остатки отъ первоначальной жизни этихъ двухъ главныхъ рассъ, населяющихъ Европу.

Въ числѣ особенностей въ проявленiи кровныхъ началъ, разумѣется, занимаютъ первое мѣсто особенности, зависящiя отъ общаго характера и духа самыхъ нацiональностей, образовавшагося подъ влiянiемъ мѣстныхъ и временныхъ условiй [1].

[1] Ср. Slavische Rechtsgeschichte von W. A. Macieiowski. II. 12—18.

Германцы, пришедшіе прежде Славянъ въ Европу, заняли сѣверо-западную часть ея, поселились на мѣстности вообще гористой, чрезвычайно разнообразной, мало удобной, въ то время, для земледѣльческой жизни и мирныхъ занятій. Хлѣбъ, пропитаніе нужно было добывать не изъ земли, а промысломъ. Отсюда звѣроловскій образъ жизни, который преимущественно вели первоначально древніе Германцы [1] и который, какъ извѣстно, не способенъ воспитать привязанности къ одному мѣсту, крѣпости къ землѣ. Отсюда подвижность, бродяжничество и тотъ безпокойный духъ, которымъ отличалось въ послѣдствіи германское племя. Похоронившись въ горныхъ ущеліяхъ и лѣсахъ, они воспитывались въ тишинѣ, долго не были извѣстны исторіи, пока наконецъ стукъ римскаго оружія не разбудилъ ихъ предпріимчиваго духа и не вызвалъ на вѣчную съ собой барьбу.—Эти свойства мѣстности, опредѣлившія или, по крайней мѣрѣ, обусловившія народный характеръ, не остались, разумѣется, безъ вліянія и на первоначальный ихъ родственный бытъ. Безпрестанная отлучка, оставленіе дома за добычей, необходимость почти постоянно быть внѣ его и вести скитальческую жизнь, конечно, ослабляли силу родственныхъ чувствъ, отрывая ихъ отъ непосредственнаго питанія благодатью семейной жизни и перенося ихъ въ сознаніе, память, представленіе. Отсюда отрѣшеніе этихъ чувствъ отъ непосредственности, опредѣленіе ихъ мыслію, а слѣдовательно, и сознаніе своей особенности. Отсюда, далѣе, и необходимость въ раздѣльности имуществъ. Постоянно находясь внѣ дома, почти не живя вмѣстѣ съ родными, Германецъ, естественно скоро привыкъ смотрѣть на обладаемое имъ, по крайней мѣрѣ, добытое имъ имущество, какъ на свою частную исключительную принадлежность. Отсюда, наконецъ, скорое уничтоженіе общаго родоваго обладанія имуществомъ, о кото-

[1] «Agriculturae non student», говоритъ Цезарь. Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte von K. F. Eichhorn. Göttingen. 1834. Erster Theil S. 60.

ромъ упоминаютъ Цезарь и Тацитъ [1], и появленіе на мѣсто его того математическаго расчисленія частей, которыя причитаются изъ общеродоваго владѣнія каждому родичу. У Германцевъ въ этомъ отношеніи, начиная съ мести и до наслѣдованія, все вычислено, вымѣрено и опредѣлено въ видѣ долей, дробей [2].

Со всѣмъ другое находимъ у Славянъ. Придя въ Европу по слѣдамъ Германцевъ, Славяне и поселились на мѣстахъ ни кѣмъ не занятыхъ, свободныхъ. На долю ихъ выпали мѣстности, относительно болѣе ровныя (хотя первоначально и они перешли Карпаты) [3], но что главное—мѣстности плодородныя, удобныя для земледѣльческой жизни «эти жирныя, тучныя земли», какъ говоритъ старинная чешская пѣсня. Карпаты и Дунай вотъ эти благословенныя страны. Эта земля привязала къ себѣ Славянъ своею благодатью; они крѣпко держались за нее и только потѣсненные сильнымъ врагомъ разошлись отсюда по землѣ на юго-востокъ и сѣверо-востокъ, въ низменныя равнины по теченію рѣкъ нынѣшней Россіи. Первоначальное свободное поселеніе и свойство занятой ими мѣстности опредѣлили ихъ характеръ и образъ жизни. Мирные по духу, они скоро плотно осѣлись на обширныхъ пустопорожнихъ пространствахъ и прикрѣпились къ земли, къ домашнему очагу. Земледѣліе было ис-

[1] Sed privati ac separati agri apud eos nihil est, neque longius anno remanere uno in loco incolendi causa licet. J. Caesar de b. g. IV, 1. Neque quisquam agri modum certum aut fines habet proprios; sed magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum, qui una coierint, quantum, et quo loco visum est, agri attribuunt, atque anno post alio loco transire cogunt. Tacitus Germ. VI, 22. Agri pro numero cultorum ab universis per vices occupantur, quos mox inter se secundum dignationem partiuntur; facilitatem partiendi camporum spatia praestant. Arva per annos mutant et superest ager. Ibidem 26. — Deutsche Staats und Rechtsgeschichte von Eichhorn. Erst. Theil. S. 61—65.

[2] О платѣ за убійство, И. Иванишева. Кіевъ, 1840 г.—Grágás. T. I. p. 171. Tit. CXIV Recensus annulorum.

[3] Славянскія древности Шафарика, въ перед. г. Бодянскаго.

кони у Славянъ главнымъ образомъ жизни. Находясь постоянно въ стѣнахъ своего жилища, на родныхъ поляхъ, лугахъ и лѣсахъ, живя вмѣстѣ нераздѣльною жизнію, работая вмѣстѣ и общими силами добывая имущество, Славяне естественно привыкли смотрѣть на родственное достояніе, какъ на общую всѣхъ и каждаго собственность, изъ которой всякій получалъ, сколько ему нужно было, для удовлетворенія своихъ потребностей. Славянинъ никогда не отрѣшался отъ родственныхъ, живыхъ, непосредственно питающихъ человѣка чувствъ; сознаніе не было у него посредникомъ въ опредѣленіи его отношеній, правъ, оно не приводило все въ доли, мѣру, вѣсъ, какъ у Германцевъ. Да въ этомъ и не было, какъ мы видѣли уже, нужды: родные у Славянъ всѣ вмѣстѣ, на лицо, къ чему бы служило это вычисленіе, разграниченіе? Отсюда замкнутость, исключительность и общность славянскаго рода; въ немъ нѣтъ даже побужденій къ сознанію индивидуальности.

Эти коренныя свойства народностей славянской и германской еще сильнѣе выразились и развились въ послѣдствіи, когда народности эти, послѣ первоначальнаго безразличія, въ какомъ представляютъ ихъ первыя извѣстія, образовали изъ себя огромныя племена, сознавшія свое кровное и духовное единство. Германскія племена отличались духомъ подвижности, безпокойства; на нихъ лежитъ общій типъ—дружинный, воинственный [2]. Разъ всколебавшись, они пошли занимать съ боя новыя мѣстности, съ боя брать нажитое человѣчествомъ добро, завладѣвать имъ. Они долго ходили взадъ и впередъ, долго не могли усѣсться, ведя постоянную борьбу и съ древнимъ Римомъ и между собою, пока наконецъ насѣли другъ на друга. Этотъ воинственный, дружинный характеръ лежитъ и на домашнемъ бытѣ средневѣковыхъ Германцевъ, главныя понятія котораго и формы возникли изъ этой же вѣчной борьбы. Древнегерманское семейство, по существу своему, имѣетъ значеніе и даже видъ укрѣпленнаго мѣста, въ послѣдствіи

[1] Eichhorn, T. I. S. 60—65.

замка, крѣпости (Burg) [1]. Отецъ семейства — общій хранитель, опекунъ и предводитель на войнѣ [2]; онъ поэтому и былъ ближайшимъ наслѣдникомъ по смерти сына; отсюда предпочтеніе въ наслѣдствѣ восходящихъ боковымъ. Всѣ взрослые мужескаго пола — воины, съ первымъ возрастомъ готовые уйти на добычу, войну или защищать свое жилище. Отцу, поэтому, послѣдуютъ дѣти и братья; право представленія, въ смыслѣ права слабыхъ, малолѣтныхъ, не признавалось у Германцевъ [3]. Дома, обыкновенно, оставался старшій, какъ болѣе возмужалый и умнѣйшій сынъ, который, при неизвѣстности судьбы своихъ братьевъ, считается какъ бы обладателемъ всего семейнаго имущества — отсюда впослѣдствіи мысль о майоратѣ [4]. На отвѣтственности старшаго сына лежитъ охраненіе женскаго пола, который, при воинственномъ образѣ жизни Германцевъ вполнѣ нуждался въ

[1] Grundsätze des gemeinen deutschen Privatrechts, von Dr. C. J. A. Mittermaier, Regensburg, 1847. Zweiter Band, S. 273—277. — Eichhorn Erster Band, S. 337, §§ 52, 53. Mundium. Gans, Erbrecht. Vierter Band, § 139, 300, 500. — Deutsche Rechtsgeschichte von F. Walter, Bonn. 1857. II. S. 233.

[2] Исторія древ. наслѣд. права у Славянъ J. Губе.

[3] Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ древне-германскій обычай лишать жизни слабороժденныхъ дѣтей. Этотъ обычай развитъ въ древнегерманскомъ правѣ вообще и въ скандинавскомъ въ особенности во вредъ дочерямъ. Grimm: Deutsche Rechtsalth. S. 403, пр. 2. Въ Скандинавіи онъ долго противился христіанству. Всѣ саги наполнены разсказами о дѣтяхъ могилъ (Grabkinder) и дѣтяхъ лѣсовъ—несчастныхъ жертвахъ жестокаго обычай, (Michelet: origines du droit français p. 5, ed. de Brux.), слѣды котораго встрѣчаются еще въ 1000 году. Grimm, ibid. S. 457, Gans—Erbrecht, Virt. Theil. S. 495, 496, 568, 609.

[4] См. вышеприведенныя слова Филипса, Deutsche Geschichte, Berlin, 1832. Bd. I. s. 142. Anm. 53, s. 166—167, Anm. 3. Хотя Филипсъ и называетъ майоратъ древнегерманскимъ установленіемъ, тѣмъ не менѣе, установленіе это не есть обычай первоначальный, но производный, искусственный, ибо въ древнѣйшихъ германскихъ законахъ—Barburorum Leges, мы его не встрѣчаемъ.

обезпеченіи и призрѣніи. Отсюда раннее признаніе наслѣдственныхъ правъ женскаго пола въ тѣхъ имуществахъ, которые не добыты оружіемъ [1]. Такимъ образомъ по одному общему значенію первобытной германской семьи, тотчасъ понятны и смыслъ ея родственнаго сознанія, и положеніе ея членовъ, и дальнѣйшее развитіе родственныхъ отношеній.

Совсѣмъ иное сознаніе родства, иныя понятія о родственныхъ отношеніяхъ находимъ мы у первобытныхъ Славянъ. Въ противоположность Германцамъ Славяне — народъ мирный, неподвижный, любившій спокойствіе и семейную жизнь— родное пепелище. Ихъ родъ—не станъ, не крѣпость, а домъ, дымъ, огнище. Прототипы ихъ родства—отецъ, дѣти, жены, родственники и т. д. Это союзъ чисто родственный, мирный, безопасный и потому въ немъ ничего боеваго, воинственнаго. Родоначальникъ, слѣдовательно, какъ бы отецъ, родственники, какъ бы дѣти, женщины, какъ бы дочери. Всѣ остаются дома, ни на кого не нападаютъ, ни отъ кого не защищаются и живутъ такъ до скончанія вѣка, пока не вымрутъ или не разъединятся по множеству, тѣснотѣ, ссорамъ и подобнымъ побужденіямъ. Родоначальникъ, а въ послѣдствіи и отецъ никогда не наслѣдуютъ, ибо предполагается, что пока они живы, младшіе живутъ при нихъ. Прародительскій домъ поэтому достается тому, кто переживетъ другихъ, или по слабости, безпомощности болѣе другихъ нуждается въ немъ, т. е. младшему, а не старшему, какъ у Германцевъ. Майората нѣтъ и слѣдовъ, ибо предъ родственнымъ чувствомъ нѣтъ ни болѣе, ни менѣе способныхъ. Движеніе, выходъ изъ круга родства существуетъ только для женщинъ; онѣ и только однѣ онѣ смотрятъ вонъ изъ рода; объ нихъ, слѣдовательно, и заботиться нечего — ихъ мѣсто въ чужомъ родѣ, съ чужими людьми, на чужой сторонѣ; а пока онѣ дома, ихъ существованіе обезпечено общимъ сожительствомъ съ родными.

Всѣ эти характерическія особенности въ образѣ жизни,

[1] Loi Salique, par M. Pardessus p. 708—719.

сознаніи и устройствѣ домашняго быта сохранились и у сѣверныхъ германскихъ племенъ, Скандинавовъ. Уединенные мѣстностію, изолированные въ своихъ скалахъ, они дольше всѣхъ германскихъ племенъ оставались вѣрными своему первобытному образу жизни. До IX-го вѣка исторія почти не знаетъ Скандинавовъ. Общегерманскій ихъ характеръ получилъ въ этой негостепріимной странѣ особенно суровый и даже мрачный характеръ, а бѣдность ея естественныхъ произведеній заставила ихъ искать счастія на иной почвѣ. Не земля, а море сдѣлалось ихъ отечествомъ, берега котораго обратились въ пристани, временныя стоянки, откуда они собирали дань то насиліемъ, то подъ видомъ торговли. На своихъ утлыхъ челнахъ они обходили весь извѣстный тогда міръ, который въ ужасѣ молился: a furore Normanorum libera nos, Domine. О странахъ сосѣдственныхъ и говорить нечего: тутъ они были постоянными гостями и хозяйничали, какъ у себя дома. Такъ посѣщали они прибрежныхъ Финновъ и нашихъ сѣверныхъ Славянъ. По свидѣтельству Ибнъ-Фоцлана, они приходили по Волгѣ торговать въ Итиль, къ волжскимъ Болгарамъ; а чрезъ земли Славянъ, по теченію рѣкъ, проложили путь «изъ Варягъ въ Греки,» гдѣ встрѣчались съ своими единоземцами, приходившими въ Византію моремъ, обогнувши всѣ берега Европы. Сѣверная природа не сгладила, слѣдовательно, но сохранила и развила до крайнихъ размѣровъ дружинный, подвижной, бранный характеръ этого германскаго племени, который такъ ярко отражается въ разсказахъ арабскихъ писателей о Руссахъ. Хотя свѣдѣнія, почерпаемыя изъ этого источника, вообще темны, выражены въ поэтической формѣ и не даютъ положительныхъ данныхъ относительно нашего вопроса, тѣмъ не менѣе мы считаемъ не лишнимъ разсмотрѣть ихъ и, на сколько возможно, опредѣлить ихъ историческое значеніе. Описывая образъ жизни и нравы Руссовъ, приходившихъ по Волгѣ торговать съ Болгарами, Ибнъ-Фоцланъ, писатель X го столѣтія, между прочимъ говоритъ:

«Когда умираетъ у Руссовъ бѣдный человѣкъ, то они стро-

ять для него маленькую ладью, кладутъ его въ нее и сожигаютъ. По смерти же богатаго, они собираютъ все его имущество и дѣлятъ оное на три части. Одна часть идетъ семейству умершаго; на другую шьютъ покойнику платье; а на третію покупаютъ опьяняющій напитокъ, что бы пить его въ тотъ день, когда дѣвушка (служанка) убиваетъ себя и вмѣстѣ съ господиномъ своимъ сожигается. Руссы предаются наслажденію виномъ до безобразія и пьютъ его день и ночь; часто даже умираютъ со стаканомъ въ рукѣ».—[1] Желая пояснить эти показанія Ибнъ-Фоцлана, Якутъ, умершій въ 1229 году, продолжаетъ: «Руссы — это народъ, страна котораго граничитъ съ землями славянскою и турецкою. Они имѣютъ свой собственный языкъ, религію и божескій законъ, въ коихъ не сходны ни съ какимъ-другимъ народомъ. Мукандези говоритъ, что Руссы живутъ на островѣ Вабіи (Wabia), окруженномъ озеромъ, который служитъ имъ какъ бы крѣпостію, противъ того, кто бы захотѣлъ напасть на нихъ. Число ихъ полагаютъ во сто тысячъ. Они не имѣютъ ни стадъ, ни жатвъ. Славяне дѣлаютъ на нихъ набѣги и уносятъ съ собою ихъ имущество. Если у кого нибудь изъ Руссовъ родится сынъ, то отецъ бросаетъ ему мечь и говоритъ: твое только то, что пріобрѣтешь себѣ своимъ мечемъ. Когда кто-нибудь изъ тяжущихся недоволенъ судебнымъ рѣшеніемъ короля, то послѣдній имъ говоритъ: судитесь сами своими мечами. Чей мечъ острѣе, тотъ и побѣдитель» [2].

Не смотря на всѣ усилія нѣкоторыхъ доказать, что Арабы, говоря о поволожскихъ Руссахъ, разумѣли подъ ними Славянъ, изъ этого общаго, характеристическаго описанія, мы не можемъ не узнать въ нихъ нашихъ воинственныхъ Варяговъ, которые не сѣяли, не жали, а какъ природные моряки и жители негостепріимнаго края, все пріобрѣтали себѣ силою, изъ чужой страны. Это, очевидно, была одна

[1] Ibn—Foszlan von Tränn. St. Petersburg, 1823, S. II. und folg.

[2] Ibidem S. 3.

изъ тѣхъ дружинъ, которыя безпрестанно высылалъ въ это время скандинавскій сѣверъ. Все у нихъ было воинственное: мечъ добывалъ имущество, мечъ рѣшалъ споры и опредѣлялъ права. Родная страна давала Руссу жизнь, воспитывала въ немъ отважный духъ и передавала прародительскій мечъ съ завѣщаніемъ пролагать себѣ имъ дорогу въ жизни. Перенесенный судьбою куда бы то ни было, подобнаго рода человѣкъ, разумѣется, вездѣ былъ чужимъ, странникомъ, гостемъ, а чаще всего врагомъ. На прочное водвореніе онъ расчитывать не могъ ни по своему духу и характеру, ни по своимъ отношеніямъ къ туземцамъ, съ которыми ничего общаго не имѣлъ. Въ каждое данное мгновеніе онъ долженъ былъ быть готовымъ вновь отдѣлиться отъ земли и пуститься въ новый, столько же неизвѣстный путь. Передѣлы этому вѣчному движенію могли положить только иныя, внѣ лица его лежащія, историческія обстоятельства и тамъ, гдѣ они застигали его, тамъ онъ и оставался, какъ бы противъ воли [1].

Понятно, что при такомъ характерѣ и условіяхъ жизни кочующихъ Руссовъ, въ имущественныхъ ихъ отношеніяхъ не могло быть ничего прочнаго и опредѣленнаго. Имущество въ ихъ глазахъ имѣло смыслъ пропитанія, пищи, которую они добывали мечемъ. Заботы Русса были устремлены только на то, что нужно было страннику, вѣчному путнику: добрый конь, острый мечь, да неоходимая одежда. «Отроци Свѣньлъжи, говоритъ дружина Игорю, изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази; поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудши и мы» [2]. Этотъ же взглядъ на имущество такъ краснорѣчиво выразилъ и Владиміръ, говоря, что «сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, яко же дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и сребра» [3].

[1] Изслѣ. Зам. и Лек. г. Погодина. т. 3. с. 1—11.

[2] П. С. Л. т. I. с. 23.

[3] Тамъ же с. 54.

Чѣмъ для предводителя была дружина, тѣмъ для дружинника были его конь, мечь и необходимое платье. Вѣчно готовый въ путь, Варягъ считалъ своимъ, своею собственностію только то, что нужно ему было для пріобрѣтенія пропитанія и что онъ могъ взять съ собою. Все же, что оставалось на мѣстѣ его жительства — первоначальной ли родины или временнаго пребыванія — было не его, ибо онъ не имѣлъ въ немъ нужды, уходя и не зная, придется ли ему вновь возвратиться туда, откуда пошелъ. Нѣтъ, поэтому, какъ намъ кажется, ничего невѣроятнаго въ сказаніи Якута, который свидѣтельствуетъ, что когда у Русса родится сынъ, то онъ говоритъ ему, бросая мечь — твое только то, что добудешь мечемъ [1], ибо что другое могъ сказать отецъ сыну, который съ первымъ возрастомъ не сегодня—завтра уйдетъ за море и Богъ знаетъ, воротится ли назадъ? Не забудемъ, что, противъ излишняго народонаселенія на сѣверѣ, древній обычай или законъ повелѣвалъ молодежи, по жребію, искать себѣ счастія въ чужихъ земляхъ. Отецъ, обыкновенно, долженъ былъ гнать всѣхъ взрослыхъ сыновей, кромѣ одного, который бы былъ преемникомъ его правъ [2].

Съ этой же точки зрѣнія, какъ намъ кажется, должно разсматривать и второе позднѣйшее свидѣтельство другаго арабскаго писателя, Мирхонда, который, какъ бы въ дополненіе недосказанной мысли Якута, говоритъ, что у Руссовъ есть обычай оставлять все свое имущество дочерямъ, сыновьямъ же ничего, кромѣ меча со словами — вотъ твое наслѣдство [3]. И это свидѣтельство не лишено значенія, если не будемъ разсматривать его отдѣльно. Намъ извѣстны за-

[1] Wird einem von ihnen ein Sohn geboren, so wirft er dem ein schwert hin und spricht: Dein ist nur das, was du dir mit deinem Schwerte erwirbst.—Ibn—Fozslan, von Fránn S. 3.

[2] См. сыше, с. 84. — Изсл. зам. и лек. г. Погодина т. III. с. 44.

[3] Der Russen Brauch ist's, dass sie all' ihre Habe ihren Tochtern uberlassen, ihren Söhnen aber nichts als ein Schwert geben, mit den Worten: diess da ist dein Erbheil. Ibn—Fozslan. von Fränn. S. 58 und 59. Bemerkun. 13.

коны движенія скандинавскихъ народовъ: отъ времени до времени, по мѣрѣ нарожденія и другимъ случайнымъ обстоятельствамъ (голодъ, политическія смуты, насилія и т. д.), норманскія полчища, rei familiaris inopia coacti, totum mundum circumeunt, et piraticis raptibus facultates domum reportant [1]. Они постоянно оставляли, въ то время, о которомъ говоримъ, свое суровое отечество и пускались искать счастія туда, куда судьба приносила ихъ челны [2]. Само собою разумѣется, безъ всякихъ историческихъ свидѣтельствъ, что на такое отважное дѣло и такой трудный путь могли рѣшаться только люди крѣпкіе физическими силами и что, слѣдовательно, дряхлые — отцы и слабые — женщины и дѣти должны были оставаться дома. Имъ только, слѣдовательно, и оставалась скудное прародительское достояніе и притомъ преимущественно женскому полу, а именно дочерямъ. Руссъ этого времени былъ гость родной страны и принадлежалъ своей вполнѣ неизвѣстной судьбѣ: родина нужна ему была только до возраста. Напротивъ женскій полъ, оставаясь всегда на родинѣ, былъ вѣчнымъ хранителемъ народной религіи, вѣрованій, обычаевъ, а потому и разсматривался какъ бы необходимымъ обладателемъ отцовскаго достоянія. Въ этомъ извѣстіи Мирхонда высказывается, слѣдовательно, фактическое положеніе скандинавской женщины и та забота объ обеспеченіи ея, которая замѣчается у воинственныхъ Руссовъ.

Изложенное нами воззрѣніе на женщину у Руссовъ подтверждается всѣми относящимися сюда извѣстіями. Вездѣ у нихъ видна забота объ обеспеченіи женщины: женихъ предлагалъ достояніе, которое онъ хотѣлъ дать будущей своей женѣ, или отложить въ хозяйство на ея счетъ; это называлось mundr, kvanar-mundr; онъ опредѣляетъ даръ, который хотѣлъ дать ея отцу; этотъ назывался vingaef [3]. Отецъ

[1] Altnordisches Leben, von Dr. Karl Weinhold, Berlin, 1856, S. 238 und folg. Изслѣд. Зам. и Лекц. г. Погодина т. III. с. 3.

[2] Тамъ же. с. 2, 44, 45

[3] Тамъ же с. 418.

дѣвицы напротивъ обѣщалъ, что хотѣлъ дать дочери выѣзжаго изъ отеческаго дома; это называлось fylgdh, hemfylgdh hemgaef, omynd. Висбуръ женился на дочери богатаго Ауди, и далъ ей въ брачный подарокъ три большихъ двора и золотое ожерелье. Ингигерда (жена Ярослава) требовала отъ пословъ Ярослава не только назначенія ей города съ областію во владѣніе, но чтобы ей было позволено взять съ собою и родственника, который бы сопровождалъ ее и потомъ остался бы въ той странѣ, гдѣ она будетъ женою. Въ сагѣ объ Оловѣ, сынѣ Триггвіевомъ, находится извѣстіе, что у Руссовъ жены княжескія содержали половину дружины и получали для этого изъ казны деньги. Это стража, тѣлохранители княжескаго семейства, которое оставалось какъ бы беззащитнымъ во время безпрерывныхъ походовъ кунинговъ [1].— Наконецъ, замѣчательно, что большая часть древнѣйшихъ германскихъ законовъ цѣнятъ жизнь женщины дороже жизни мущины. Въ законахъ Аллемановъ, Баварцевъ и Саксовъ вира женскаго пола вдвое болѣе виры мужескаго. Въ законахъ Франковъ салическихъ, рипуерскихъ, Фризовъ и въ древнихъ шведскихъ между вирою мущины и женщины не было впрочемъ никакого различія, только за убійство дѣвицы законъ салическій назначаетъ двойную виру.

Таже забота объ обеспеченіи своего семейства, и въ особенности женскаго пола, видна и у нашихъ Варяговъ. Пришельцы Варяги, осѣвшіеся первоначально въ Новгородѣ, сами еще не знаютъ, на долго ли они останутся въ томъ, мѣстѣ, гдѣ остановились. Не говоря о томъ, что въ этомъ первомъ ихъ поселеніи у насъ, по самому характеру ихъ, не могло быть ничего твердаго, еще далеко не рѣшено было, могли ли бы они, если бы и хотѣли, удержаться на занятой ими позиціи въ слѣдствіе отношеній ихъ къ призвавшимъ племенамъ Вѣдь Новгородцы прогнали же предшественниковъ ихъ обратно, во свояси,—почему же не могло бы по-

[1] Тамъ же с. 100, 101 пр. 173. 419.

[2] О платѣ за убійство. И. Иванишева. Кіевъ. 1840 г. с. 25.

вторится то же самое и съ призванными? Въ Кіевѣ на первыхъ порахъ они также были не болѣе тверды, хотя видимымъ образомъ старались удержать за собою покоренныя племена. Отсюда они начали ходить во всѣ стороны, стараясь закрѣпить за собою главнѣйшіе пункты славянскаго населенія. Такимъ образомъ, мало по малу они разселялись между Славянами, занимая центральные пункты населенія— города [1]. Каждый славянскій городъ, огороженное, укрѣпленное мѣсто, былъ такимъ образомъ, при первыхъ нашихъ князьяхъ, ни болѣе ни менѣе, какъ временная стоянка, которую нерѣдко они должны были оставлять. Мы знаемъ, что князья наши не по разу покоряли славянскія племена, а иногда ходили раза два и три на одно и тоже непокорное племя.

При такомъ порядкѣ вещей, разумѣется, одною изъ главнѣйшихъ заботъ нашихъ Варяговъ было обеспеченіе своего семейства и преимущественно женскаго пола, своихъ женъ и дочерей, которыя оставались во время походовъ въ мѣстахъ укрѣпленныхъ—городахъ и болѣе всего нуждались въ средствахъ содержанія. Слѣдовательно, варяжское семейство находилось первоначально и у насъ, и среди нашихъ Славянъ, въ томъ же положеніи, какъ въ родной ихъ странѣ. Варяжское воззрѣніе на женщину не могло по этому перемѣниться и у нашихъ Руссовъ, которые дѣйствительно и старались обеспечить свои семейства, въ лицѣ своихъ женъ и дочерей. Княгини нашихъ Князей, какъ мы знаемъ, имѣли свои города, села, становища, оброчныя статьи, даже свою особую дружину, вѣроятно, имѣвшую назначеніе оберегать княжеское семейство, во время отсутствія князей съ ихъ дружинами [2].

[1] ...И по тѣмъ городамъ (въ Новгородѣ, Кіевѣ, Полоцкѣ, Муромѣ, Ростовѣ, Бѣлозерскѣ) суть находницы Варяги, а первые насѣльницы Новѣгородѣ Славяне, Полотскѣ Кривичи.... Иссл., зам. и лек. г. Погодина т. III. с. 122 и слѣд.

[2] Русская пѣсня поетъ про богатыря временъ Владиміра:

Гой еси, Иванъ Годиновичъ!
Возьми ты у меня князя сто человѣкъ,
Русскихъ могучихъ богатырей,
У княгини ты бери другое сто.

Такъ Ольгѣ принадлежали городъ Вышгородъ, село Олжичи и разныя мѣста рыбной и звѣриной ловли. Положенія ея со внуками въ Кіевѣ, когда его окружили Печенѣги [1], вполнѣ обрисовываетъ участь варяжскихъ семействъ, остававшихся среди славянскаго населенія, во время походовъ ихъ отцевъ. Видимъ и дружину, защищающую княжеское семейство, и страхъ ея отвѣтственности предъ Святославомъ. О Рогнедѣ въ лѣтописи говорится: Володимиръ же рече: а кто тя ииилъ сдѣ? и повергъ мечь свой, и созва боляры, и повѣда имъ. Они же рекоша: уже не убій ея дѣтяти дѣля сего, но въздвигни отчину ея и дай ей съ сынамъ своимъ. Володимиръ же устрои городъ, и да има, и нарече имя городу тому Изяславь»[2]. На постановленіе о женѣ убійцы въ договорѣ Олега съ Греками едвали бы согласились Руссы, если бы обычай обеспечивать женъ былъ совершенно чуждъ имъ.—Это норманское, скандинавское, по крайней мѣрѣ, варяжское воззрѣніе на женщину, поддержанное у нашихъ Руссовъ особеннымъ положеніемъ ихъ среди чуждаго имъ въ продолженіи двухъ первыхъ вѣковъ славянскаго народа, вѣроятно не осталось безъ вліянія на особенный порядокъ наслѣдованія у бояръ нашихъ и дружинниковъ, по крайней мѣрѣ, обычай обеспечивать, на случай смерти, своихъ вдовъ не чуждъ этого вліянія [3].

[1] Въ лѣто 6476. Придоша Печенѣзи на Руску землю первое, а Святославъ бяше Переяславци; и затворися Волга въ градѣ со унуками своими, Ярополкомъ и Ольгомъ и Володимеромъ, въ градѣ Кіевѣ.... Рече же воевода ихъ, именемъ Прѣтичь: подъступимъ заутра въ лодьяхъ, и подпадше княгини и княжичѣ умчимъ на сю страну; аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ.... И послаша Кіяне къ Святославу, глаголюще: ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, о своея ся охабивъ, малы бо насъ не взяша Печенѣзи, матерь твою и дѣти твои; аще не поидеши, ни обраниши насъ, да паки ны возмуть, аще ти не жаль отчины своея, ни матери стары суща, и дѣтей своихъ. П. С. Л. т. I. с. 27, 28.

[2] Тамъ же с. 131.

[3] Это замѣчательное явленіе (т. е. значительное достоинство жен-

Что касается, наконецъ, до разсказа Ибнъ-Фоцлана о похоронахъ и дѣлежѣ имущества Русса, умершаго на чужой сторонѣ, то разсказъ этотъ имѣетъ, какъ намъ кажется, особенную для насъ важность, ибо содержитъ въ себѣ объясненіе постановленій договора Олега съ Греками, или по крайнѣй мѣрѣ даетъ указаніе, съ какой точки зрѣнія должно смотрѣть на эти постановленія. По свидѣтельству Ибнъ-Фоцлана Руссы торговали въ это время, такъ же какъ и воевали, дружинами, обществами, товариществами. Приходя по Волгѣ въ болгарскій городъ Итиль, они поселялись въ одномъ домѣ, имѣли общее хозяйство, общими силами вели торговыя дѣла и защищались среди чуждаго народа [1]. Таковой способъ торговли условливался необходимостію и былъ единственно возможный во времена средневѣковаго варварства. Купцы въ это время вездѣ считались чужими людьми, ни мало не принадлежали къ составу государства, а потому и не пользовались его защитою. По этой то причинѣ они тогда отправлялись въ путь, какъ это бываетъ и нынѣ въ подобныхъ обстоятельствахъ, большими обществами, которыя, будучи подчинены одному лицу, избранному изъ среды ихъ, образуютъ на время путешествія родъ политическаго союза [2]. Если кто изъ нихъ умиралъ въ продолженіи путешествія, тогда товарищество распоряжалось его имуществомъ. По ска-

щины), говоритъ г. Леонтьевъ, встрѣчается вездѣ, гдѣ дружинный бытъ выступаетъ съ особой силой; болѣе всего мы это видимъ въ Германіи, но видимъ также и у нашихъ предковъ, пока варяжская дружина еще не затерялась въ общей массѣ народа. Можетъ быть такое явленіе условливалось частымъ отсутствіемъ господина дома, при чемъ его жена должна была заступать его мѣсто. Пропилеи г. Леонтьева т. II. ст. II. с. 76—77. Москва 1852 г.

[1] Sie kommen aus ihrem Lande, legen ihre Schiffe im Itil, welches ein grosser Fluss ist, vor Anker und bauen sich an dessen Ufern grosse Häuser von Holz. In so einem Hause leben ihrer zehn oder zwanzig, auch mehr oder weniger, zusammen. Ibn — Foszlan, von Fränn, St. Petersb. 1823. S. 7.

[2] Эверсъ, Древ. рув. право, с. 188, 189.

занію Ибнъ-Фоцлана, только треть этого имущества выдавалась родственникамъ: все же остальное употреблялось на похороны и пиръ, тризну, которыми извѣстны сѣверные народы. Само собою разумѣется, что если родственники были налицо, то они тутъ же и получали слѣдующее имъ имущество; если же умершій не имѣлъ при себѣ родственниковъ, то товарищество обязано было доставить его имъ на родину. Обычай такого распоряженія имуществомъ умершаго на чужой сторонѣ является общимъ у всѣхъ скандинавскихъ народовъ. Гдѣ бы ни были Скандинавы этого времени, на Волгѣ ли въ Итилѣ, въ Константинополѣ или Исландіи, вездѣ они старались обеспечить имущество своего собрата, умершаго безъ родственниковъ на чужой сторонѣ. Законы Исландіи содержатъ въ себѣ на этотъ счетъ замѣчательныя и подробныя постановленія о наслѣдованіи чужеземцамъ, которыя мы и приведемъ буквально, чтобы не утратить ихъ непосредственнаго впечатлѣнія. Изъ него мы почувствуемъ тождество этихъ постановленій съ одной стороны съ извѣстіями Ибнъ-Фоцлана [1], а съ другой съ постановленіями о томъ же предметѣ нашихъ договоровъ съ Греками, къ разсмотрѣнію коихъ въ слѣдъ за тѣмъ приступимъ. Вотъ что содержатъ въ себѣ эти постановленія:

Когда чужеземецъ умираетъ въ Исландіи безъ родственниковъ, то ему *наслѣдуетъ товарищъ*, ибо и бѣднѣйшій изъ вошедшихъ въ товарищество вноситъ въ него все свое имущество,

[1] Нѣкоторые изъ арабскихъ писателей смѣшиваютъ, впрочемъ, Руссовъ съ Славянами, сообщая о тѣхъ и другихъ одинакія извѣстія. Такъ напр. Абу-Гамидъ-Андалуси (XII в.) дѣлаетъ о Славянахъ такое же замѣчаніе, какое Якутъ о Руссахъ и притомъ почти тѣми же словами: «S'il nait un fils a un Slave, il lui donne ses soins jusq'à ce qu'il ait atteint l'âge de puberté. Il lui remet alors un arc et des flèches, en lui disant: Tache de pourvoir toi-meme à ton subsistance, et le renvoie de chez lui. (Mémoires de l'Academie Impériat des sciences de St. Petersburg, 1834. Relation de Mas'oudy et d'autres musulmans sur les anciens Slaves, par Charmoy. T. II. Serie VI. f. 403). Но очевидно, что это извѣстіе противорѣчитъ характеру и духу Славянъ.

которое имѣетъ во время экспедиціи [1]. Если же у него товарища не будетъ, то оставшееся послѣ него имущество беретъ *собесѣдникъ по столу*: а если ихъ было много, то тотъ изъ нихъ, который чаще съ нимъ ѣдалъ [2]. Если же одинъ столь же часто бывалъ собесѣдникомъ умершаго, какъ и другіе, то наслѣдство дѣлилось между ними по равнымъ частямъ [3]. Если бы не было товарища по столу, потому что умершій всегда ѣлъ одинъ, то наслѣдуетъ *хозяинъ корабля* (вѣроятно того корабля, на которомъ чужеземецъ пріѣзжалъ въ Исландію); а если бы таковыхъ было много, то каждый изъ нихъ допускался къ наслѣдству умершаго, по мѣрѣ своей части въ кораблѣ [4]. Если бы корабль принадлежатъ самому умершему, безъ соучастія товарища и собесѣдника по столу, то оставшееся послѣ него имущество получаетъ *судья* (praetor), въ вѣдѣніи котораго находился владѣлецъ земли, на которой чужеземецъ поставилъ свою палатку [5]. Если прибывшій сюда (въ Исландію) иноземецъ, идя съ корабля къ условленному мѣсту, дорогою скончался бы, то съ оставшимся его имуществомъ должно поступать такъ, какъ если бы онъ встрѣтилъ послѣдній день на собственномъ кораблѣ [6]. Если бы же онъ умеръ послѣ того, какъ достигъ

[1] Cum alienigena cognatis hac in terra destitutus hic moritur, socius ei succedat, modo societatem ineuntium pauperior omnia, quae in facta expeditione habuit bona, in societatem contulerit.

[2] Si ei socius non fuerit, commensalis bona relicta capiat; quod si plures habuerit commensales, ille ad eorum successionem admittatur, qui saepissime cum demortuo cibavit.

[3] Si unus toties ac alter eorum convivatus fuerit, haereditas inter eos pariter dividatur.

[4] Si solus semper cibavit, nauclerus ei succedat; quodsi plures naucleri fuerint, pro rata cujusvis parte navis quisque eorum haereditati defuncti admittatur.—Grágás, Pars I. tit. VI. De alienigenarum successionibus p. 186.

[5] Si ad defunctum solum et socii et commensalis expertem dominium navis pertineat, (bana ejus relicta) praetor capiat, cujus curiam sequitur colonus, dominus fundi, in quo tentoria fixere. — Ibidem.

[6] Si (alienigena huc delatus) ad mansionem (stipulatam) a nave tendens, in

условнаго мѣста, то ему пусть наслѣдуетъ товарищество, если только товарищи не вошли съ нимъ въ сообщество съ злостнымъ намѣреніемъ устранить отъ наслѣдства другихъ (законныхъ наслѣдниковъ); въ такомъ случаѣ товарищество не получаетъ ничего [1]. Если товарища не будетъ, то чужеземцу наслѣдуетъ *поселенецъ*, у котораго имѣлъ пребываніе умершій; когда же онъ имѣлъ пребываніе у женщины, то и она получаетъ наслѣдство [2]. Если кто, оставя свою стоянку, на пути къ кораблю умретъ, то съ оставшимся имуществомъ его должно поступать такъ, какъ если бы онъ не оставлялъ своего мѣстопребыванія [3]. Если бы иноземцы торговали въ лавкахъ и кто нибудь изъ нихъ, не имѣя товарищей, умеръ, то имущество его беретъ судья, вѣдѣнію котораго подлежитъ поселянинъ, владѣлецъ земли, на которой жили иноземцы [4]. Если кто, занимаясь сельскою промышленностію, умретъ безъ наслѣдниковъ изъ нашихъ (т. е. исландцевъ, туземцевъ) то судья вѣдомству котораго подлежалъ умершій, дѣлается наслѣдникомъ оставшагося имущества [5].

Если тотъ, кто означенными постановленіями допускается къ наслѣдству чужеземца, совѣтомъ или дѣломъ нанесетъ

via de vita decesserit, bona ejus relicta ita habeantur acsi ad propriam navim supremum diem obiisset.

[1] Si demortuus sit postquam (stipulatam) adiit mansionem, socius ei succedat, nisi (dolose) eo consilio societatem inierint, ut alii (haeredes legitimi) a successione excluderantur, quo casu inter eos inita societas nullius habeatur.

[2] Quodsi ei socius non fuerit, colonus, cum quo defunctus mansionem habuit, ei succedat; si cum faemina domicilio usus fuerit, haec aeque ac colonus haereditatem capiat.

[3] Si (relicta mansione) ad navim tendens decesserit, bona ejus relicta ita habeantur acsi domicilium nequaquam reliquisset.

[4] Si in tabernis egerint (alienigenae) et eorum quidam socium (non) habens demoriatur, bona haec (relicta) praetor capiat, cujus curiam sequitur colonus, domimus fundi, in quo habitabant.

[5] Quodsi quando haeredibus inter nostrates destitutus, sed rusticatum agens decesserit, praetor, cujus curia (demortuus) utebatur, bona ejus relicta haeres adeat.

вредъ его жизни, то оставшееся имущество и штрафныя за убійство деньги пусть возметъ тотъ, кто будетъ признанъ ближайшимъ наслѣдникомъ [1]. Если судья убьетъ того чужеземца, которому можетъ наслѣдовать, то наслѣдство и штрафъ за убійство принадлежитъ другимъ судьямъ того же округа [2].

Если въ послѣдствіи придутъ сюда изъ своей страны законные наслѣдники умершаго иноземца, владѣющіе датскимъ языкомъ, то они получатъ и наслѣдство и штрафъ, если таковой будетъ, но безъ приращеній, ибо умершимъ здѣсь и неимѣющимъ никакихъ родственниковъ иностранцамъ, всегда пока наслѣдуютъ тѣ, которые требовали штрафъ за убитыхъ [3]. *Норвежцы, Датчане и Шведы*, получаютъ оставшееся имущество, если они соединены съ умершимъ родствомъ *въ седьмой* или ближайшей *степени* прямой (нисходящей) линіи; *говорящіе не датскимъ языкомъ не допускаются* къ наслѣдству во имя родства, *кромѣ отца, сына и брата*, но и эти подъ тѣмъ только условіемъ, чтобы они прежде настолько были знакомы нашимъ туземцамъ, чтобы родство ихъ было извѣстно [4].

[1] Si alienigenae successioni hujusque memoratis constitutionibus admissus, ei vitae dispendium vel consiliis vel factis intenderet, et bona relict. et mulctas peculiarias (homicidio commissas) ille capiat, qui reo proximus haereditati (occisi) immittendus esset.

[2] Quodsi praetor succedendo idoneus, alienigenam, cui succederet, occideret, haereditas, mulctaeque praetoribus ejusdem toparchiae capiundae deferentur.

[3] Si (alienigenae demortui) haeredes (legitimi) ac lingua danica utentes, postea peregre venerint, illi et haereditatem et mulctas, si quae fuerint, sed proventuum expertes, recipiant; alienigenis etenim hic demortuis et cognatos nullos habentibus, illi semper quoad haereditatem succedant qui istis occisis multas (commissas) reportarent.

[4] Norvegi, Dani, Sveonesque in septimo (lineae aequalis) et quovis propinquiori gradu secum conjunctorum bona relicta capiant, quavis autem alia quam danica lingua utentes, cognationis nomine, hic successioni non admoveantur, nisi pater, filius, fraterve, sed ii ea tamen lege, ut nostratibus prius tam noti sint, ut (cognatio) innotescant

Когда въ то время, какъ туземцы получаютъ наслѣдство послѣ умершаго чужеземца, *прибудутъ сюда* его *законные наслѣдники,* требуя наслѣдства, *то они получаютъ только одно имущество*, если только туземцы вступили въ обладеніе этимъ имуществомъ съ соблюденіемъ установленныхъ формальностей, въ противномъ же случаѣ они, кромѣ того, уплачиваютъ, всѣ приращенія наслѣдственнаго имущества[1]. *Если же* будутъ требовать *наслѣдства отсутствующіе родственники* умершаго, *то обладающій имуществомъ не обязанъ выдать* его имъ[2].

Когда какое нибудь имущество не принято законными наслѣдниками, будутъ-ли это штрафныя за убійство деньги или наслѣдственное имѣнье, *то обладающіе имъ должны оцѣнить его наподобіе имущества малолѣтныхъ*; по исполненіи сего, доходы съ имущества принадлежатъ уже имъ[3]. Если же оцѣнка будетъ сдѣлана несправедливо, то они лишаются этихъ доходовъ[4].

Если кто умретъ въ то время, какъ его законный *наслѣдникъ находится въ чужой странѣ*, *то* оставшееся послѣ него *имущество получаетъ ближайшій* по родству къ умершему; сей послѣдній долженъ оцѣнить оставшееся имущество подобно имуществу малолѣтнаго и въ такомъ случаѣ сбереженіе и приращенія достаются ему; возвратившійся же въ скоромъ времени наслѣдникъ можетъ требовать только своей части[5].

[1] Cum nostratibus, alienigenis demortuis, succedentibus, haeredes legitimi haereditatem reclamantes superveniunt, hi hortem solam recipient, modo justis adhibitis formalitatibus haereditatem nostrates adierint, sin minus, (bonorum haereditarium) proventus omnes adhaec primum expendatur.

[2] Quodsi cognati demortui remotiores haereditatem reclamarent, hanc tradere tenens non obligatus est.

[3] Bona quaecunque ab haeredibus legitimis non occupata, sive sint multae ob caedem commissae, sive bona haereditaria, pupillarium bonorum instar aestimari faciant tenentes, quo legitimo facto fructus bonorum ad eos pertinent

[4] Quodsi aestimatio non juste peragitur, proventus eorum expendantur.

[5] Siquis, dum haeres ejus legitimus peregre versatur, supremum obierit diem, bona (relicta) capiat mortuo *propinquitate proximus*; hic vero bono-

При этомъ владѣющій наслѣдствомъ не долженъ передавать его никому, пока самъ наслѣдникъ находится въ чужой сторонѣ [1].

Таковы постановленія Grágás относительно наслѣдованія послѣ чужеземцевъ, умершихъ въ Исландіи, или лучше сказать относительно распоряженія имуществомъ чужеземца, умершаго безъ родственниковъ въ этой странѣ. Подобныя же постановленія находимъ мы и въ договорѣ Олега съ Греками, заключенномъ нашими Варяго-Руссами, т. е. тѣми же Скандинавами, которые населяли Исландію. Но такъ какъ воззрѣніе на этотъ договоръ у насъ еще не установилось, то не приступая къ разсмотрѣнію содержащихся въ немъ постановленій о наслѣдствѣ послѣ Руссовъ, умершихъ въ Греціи, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о значеніи самыхъ памятниковъ, въ которыхъ они сохранились.

1 Договоръ Олега заключенъ былъ только между Варягами и Греками, ибо и самыя войны или лучше сказать набѣги были дѣлаемы первыми на послѣднихъ [2]. Славяне же по своей волѣ въ походахъ этого князя не участвовали, а были потому съ нимъ, что, какъ подвластные, должны были сопутствовать ему. До пришествія Варяговъ, Несторъ не упоминаетъ ни объ одномъ походѣ нашихъ Славянъ на Грековъ, если забыть баснословное преданіе о походѣ Кія къ Царюграду. Славяне—народъ мирный, занимавшійся звѣриною ловлею, потомъ земледѣліемъ, а наконецъ, вошедши въ сношенія съ сосѣдними народами, и торговлею съ сими послѣдними [3]. Съ сосѣдями же, въ первую эпоху историческаго существованія, наши Славяне не воевали,

rum minorennis instar ea aestimari faciat, eorumque, dum haeres peregrinatur, et custodia et proventus ei cedunt; haeres vero redux in proximis solvendi terminis ipsam sortem reposcat.

[1] (Bona haereditaria tenens ne ulli haec tradat (haeres ipse) quamdiu peregre versatur. — Ср. также Titulus VII De navigantium successionibus и Tit. VIII De mendicorum successionibus.

[2] Изслѣд. замѣч. и лек. г. Погодина т. III. с. 108—122.

[3] Исторія Россіи, г. Соловьева т. I. с. 246—254.

по крайней мѣрѣ, мы не знаемъ ихъ походовъ; напротивъ, до призванія князей варяжскихъ, славянскія племена постоянно находились подъ властію то того, то другаго сосѣда. Исторія открываетъ Славянъ (мы говоримъ о восточныхъ) уже покоренными на сѣверѣ Варягами, на югѣ Хозарами. Доведенные до крайности притѣсненіями завоевателей, сѣверные Славяне прогнали своихъ побѣдителей, но безсильные справиться сами съ собою, вновь добровольно признали зависимость, подчинились высшей власти въ лицѣ чужеземныхъ князей—и опять зажили мирно. Только призванные ими Варяги, народъ совершенно иного характера, противоположнаго славянскому, возмущали мирную жизнь славянскихъ племенъ, водили ихъ то въ ту, то въ другую сторону, а болѣе всего на югъ, въ Византію [1]. Греки, слѣдовательно, заключая договоры съ нашими князьями, имѣли въ виду только Варяго-Руссовъ, а не Славянъ, хотя они и участвовали въ походахъ. Славяне были послѣдніе: за нихъ говорили и дѣйствовали водители ихъ, Варяги, которые въ настоящее время не очень заботились о выгодахъ своихъ подвластныхъ, а слѣдовательно не очень уважали ихъ обычныя права [2]. Поэтому, при разсмотрѣніи

[1] Народонаселеніе нашихъ древнихъ областей неохотно принимало участіе даже въ позднѣйшихъ княжескихъ усобицахъ, которыя противорѣчили въ понятіи народа характеру князей, какъ нарядниковъ. Исторія Россіи г. Соловьева т. I. с. 146.

[2] Не приводя другихъ доказательствъ изъ позднѣйшаго времени дружины и земщины, замѣтимъ, что въ самыхъ договорахъ очевидно это третьестепенное, совершенно незначительное положеніе Славянъ: 1, имена пословъ чисто скандинавскія; славянскихъ именъ два-три и то сомнительныхъ; 2, Варягамъ даны были лучшіе паруса, нежели Славянамъ «и въспяша Русь прѣ поволочитые а Словѣне кропійныя, и раздра я ветръ; и ркоша Словѣнѣ: «имемъся своимъ толстиномъ, не даны суть Словѣнамъ прѣ (кропинныя) поволочаты». П. С. Л. т. I с. 13. Это преданіе любопытно потому, что въ немъ видно различіе между Русью и Славянами, различіе въ пользу первой. Ист. Рос. г. Соловьева т. I. с. 107.

договора Олега, нельзя упускать изъ виду того важнаго обстоятельства, что, при заключеніи ихъ, главными дѣйствователями были съ одной стороны Греки, которые, установляя мирныя условія, писали договоры и вносили въ нихъ начала своего права, съ другой стороны Варяги, дѣйствовавшіе въ этомъ случаѣ, разумѣется, по своимъ кореннымъ обычаямъ [1]. На договоръ Олега съ Греками нельзя, слѣдовательно, смотрѣть, какъ на источникъ собственно русскаго, скандинавскаго или греческаго правъ въ ихъ раздѣльности. Это памятникъ византійскаго и скандинавскаго правъ въ ихъ взаимодѣйствіи. Что же касается до славянскаго въ нихъ элемента, то объ немъ не можетъ быть и рѣчи, ибо Славяне не могли предъявить своихъ требованій, а слѣдовательно и занести въ договоръ своихъ правовыхъ вѣрованій и обычаевъ.

2. Памятники эти суть договоры и притомъ договоры, опредѣляющіе случайныя, временныя столкновенія двухъ народностей; слѣдовательно, такіе юридическіе акты, которые, по существу своему, необходимо предполагаютъ взаимное примиреніе, соглашеніе и сліяніе требованій договаривающихся сторонъ; ибо въ противномъ случаѣ они не могли бы состояться. А если таково юридическое значеніе Олегова договора, то очевидно, что содержащихся въ нихъ свѣдѣній нельзя безъ извѣстнаго ограниченія распространять на внутренній бытъ поселившихся у насъ Варяговъ и принимать, чтобы начала права, принятыя въ руководство, при разрѣшеніи споровъ между Русскими и Греками, во время ихъ случайнаго столкновенія, дѣйствовали въ одинаковой степени и въ ихъ отечествѣ, въ обыкновенномъ ихъ быту; ибо особенность положенія могла вызвать и особенныя постановленія, которыя, поэтому, только и имѣли временную силу, какъ исключеніе изъ общаго правила.

3. Договоры составлялись, разумѣется, по предварительному соглашенію и писались первоначально Греками, какъ

[1] Изслѣд., замѣч. и лекц. г. Погодина 1846 г. т. 3. с. 359 и 360.

народомъ грамотнымъ и опытнымъ въ этихъ дѣлахъ; потомъ были переведены на славянскій языкъ [1]. Этого обстоятельства также не должно упускать изъ виду при изслѣдованіи извѣстій, сохранившихся въ этихъ памятникахъ. Переводъ, какъ бы точно онъ ни былъ сдѣланъ, никогда не будетъ математически вѣренъ подлиннику, сколь бы ни были близки понятія и языки того и другаго народа; ибо тождественности здѣсь быть не можетъ. Слово, образуясь вмѣстѣ съ понятіемъ, удерживаетъ въ своей формѣ и тѣ особенности, при которыхъ сложилось само понятіе. По этому, какъ бы ни былъ богатъ и обработанъ языкъ, передавая понятія и смыслъ чужой рѣчи, онъ необходимо занесетъ въ нихъ нѣчто свое собственное, органически съ нимъ сросшееся, и придастъ имъ несвойственныя имъ представленія. Само собою разумѣется, чѣмъ далѣе стоятъ другъ отъ друга народы по своимъ правамъ и образованію, тѣмъ труднѣе между ними словесный размѣнъ ихъ понятій и мыслей. Міръ славянскій и міръ греческій въ то время не имѣли между собою ничего общаго. У Славянъ не только не было выраженій, но даже понятія о многихъ изъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ пришлось Варягамъ трактовать съ Греками [2]. Отсюда, одно и тоже выраженіе для Грековъ, Варяговъ и Славянъ могло имѣть совершенно различный смыслъ и значеніе; ибо каждый народъ понималъ его по своимъ понятіямъ, относительно своего быта. Буквальному смыслу, слѣдовательно, договоровъ отнюдь не должно довѣрять, еслибы даже они и были разобраны филологически, но принимать каждое ихъ положеніе не иначе, какъ только по соображенію съ общимъ бытомъ и характеромъ того и другаго народа. — Не нужно забывать, наконецъ, и того, что списки этихъ договоровъ

[1] О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками г. Лавровскаго. С. Петербургъ, 1853 г. Древ. рус. право Эверса с. 133—150.

[2] О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками. с. 76, 77.

появляются не ранѣе XIV и XV вѣковъ, что языкъ ихъ первоначально церковно-славянскій и что русскій внесенъ въ нихъ уже въ послѣдствіи переписчиками [1].

И такъ, по народнымъ элементамъ, договоръ Олега съ Греками есть памятникъ варяго-византійскаго права, а не славянскаго; а потому свѣдѣній, въ немъ содержащихся, нельзя распространять на Славянъ, которые, какъ мы замѣтили, въ заключеніи договора не участвовали. По юридическому значенію своему, какъ договоръ, этотъ памятникъ излагаетъ постановленія, имѣющія цѣлію установить случайныя, особенныя отношенія, внѣ обыкновеннаго порядка жизни той или другой народности, слѣд. постановленія, имѣющія значеніе исключенія изъ общаго правила. Наконецъ въ филологическомъ отношеніи договоръ Олега, заключая въ себѣ правовыя вѣрованія двухъ народностей — Варяговъ и Грековъ, переведенъ на языкъ третьей народности, весьма различной отъ двухъ первыхъ. Поэтому, если и есть въ этомъ памятникѣ что нибудь славянское, такъ это только одинъ языкъ, одно словесное его выраженіе, но и этотъ языкъ въ той формѣ, въ какой мы имѣемъ договоръ, далеко не первоначальный, на который именно и былъ переведенъ онъ съ греческаго, но измѣненный временемъ и позднѣйшими переписчиками.

[1] Извѣстія Академіи наукъ т. III. Договоры съ Греками, Записка г. Срезневскаго:

1. «Языкъ договоровъ вообще не есть чисто русскій, а смѣшанный изъ русскаго, старославянскаго и греческаго.

2. Русскій элементъ языка не есть исключительно славянскій; впрочемъ многое, что можетъ казаться скандинавскимъ, было въ той же мѣрѣ и славянскимъ.

3. Термины договоровъ могутъ считаться русскими, а не переводными съ греческаго только тѣ, которые повторяютъся или въ другихъ русскихъ памятникахъ, или обозначаются по сравненію нарѣчій, какъ общіе славянскіе.»

Теперь спрашивается, при такомъ значеніи документа, содержащаго въ себѣ извѣстіе о наслѣдованіи у Руссовъ, есть ли какая нибудь возможность дѣлать, на основаніи его, какія бы то ни было посылки и заключенія о наслѣдованіи въ это время у Славянъ? Конечно нѣтъ, если только смотрѣть на вещи, какъ онѣ есть, и не смѣшивать двухъ народностей, совершенно различныхъ между собою. Тѣмъ не менѣе наши изслѣдователи до сего времени не затрудняются разсматривать договоры съ Греками, какъ памятники чисто славянскаго права. Договоръ Олега, говорятъ, записанъ въ нашихъ, русскихъ лѣтописяхъ, слѣдовательно такъ было у насъ на Руси, а слѣдовательно, продолжаютъ, это законъ русскій, а слѣдовательно славянскій и т. д. А между тѣмъ г. Погодинъ полстолѣтія твердитъ, что Варяго-Руссы не Славяне, а Скандинавы. «Какой же Руси принадлежали постановленія договоровъ? Той Руси, которая отличаетъ себя отъ туземцевъ на первой строкѣ Русской Правды: если будетъ Русинъ, Славянинъ и проч., той Руси, которая договаривалась при Олегѣ и Игорѣ съ Греками и называла себя точно также: «мы отъ рода Русскаго;» той Руси, которая въ этихъ договорахъ постановила условія, совершенно сходныя съ законами Русской Правды и говорила объ нихъ также: «по закону Русскому»; той Руси, къ которой ходили Славяне и которую приглашали къ себѣ изъ за моря»[1].—Эта тирада не слова; г. Погодинъ многолѣтными изслѣдованіями доказалъ намъ, откуда и кто были Варяго-Руссы и, къ сожалѣнію, нѣкоторые еще не убѣдились его доводами.

Г. Бѣляевъ также не различаетъ въ это время Славянъ отъ Варяговъ, а потому, на основаніи постановленій договора Олега, разсуждаетъ о наслѣдствѣ такимъ образомъ: «первое извѣстіе о порядкѣ наслѣдованія въ Русскихъ памятникахъ встрѣчается подъ 912 годомъ; въ договорѣ Олега съ Греками сказано: О работающихъ въ Грецѣхъ Руси у хрестьянскаго царя, аще кто умретъ, не урядивъ своего имѣнья,

[1] Изслѣд., замѣч. и лекц. г. Погодина 1846 г. т. 3. с. 359 и 360.

ци и своихъ не имать, да възвратить имѣнье къ малымъ ближикамъ въ Русь, аще ли створить обряженіе, таковый възметь уряженное ему, кому будетъ писалъ наслѣдити имѣнье, наслѣдитъ е. (Лавр. лѣт. стр. 15). Такимъ образомъ въ первомъ же столѣтіи отъ образованія Русскаго государства мы встрѣчаемъ извѣстіе о Русскомъ законѣ наслѣдованія. Въ этомъ извѣстіи намъ представляются два вида наслѣдованія: наслѣдованіе по завѣщанію и наслѣдованіе по закону безъ завѣщанія, съ прямымъ указаніемъ, что наслѣдованіе втораго вида допускается только за неимѣніемъ завѣщанія. Теперь разберемъ то и другое наслѣдованіе, поколику это допускаетъ настоящее извѣстіе.

Наслѣдованіе по завѣщанію, какъ свидѣтельствуетъ статья договора, совершенно зависѣло отъ воли завѣщателя: «кому будетъ писалъ наслѣдити имѣнье, да наслѣдитъ е». Здѣсь прямо говорится, что завѣщатель ничѣмъ не стѣснялся въ назначеніи наслѣдника, онъ могъ назначить лице вовсе не родное для себя, могъ назначить и родственника ближняго и дальняго, могъ назначить нѣсколько наслѣдниковъ. Сіи права завѣщателя нѣсколько сходны съ правами, предоставленными ему въ Римскомъ законодательствѣ, гдѣ также завѣщатель не былъ стѣсняемъ въ назначеніи наслѣдника; впрочемъ это нестѣсненіе завѣщателя по Римскому праву отнюдь не относится ко времени написанія Олегова договора, т. е. къ X вѣку; въ это время въ Византіи было уже нѣсколько ограниченій власти завѣщателя, слѣдовательно, неограниченное право завѣщателя по Олегову договору не могло быть заимствовано изъ Византійскаго законодательства и притомъ право завѣщателя, выраженное въ Олеговомъ договорѣ, частію согласно съ Русскою Правдою, гдѣ сказано: «Аже кто умирая раздѣлитъ домъ свой дѣтемъ на томъ же стояти». Ясно, что и въ Олеговомъ договорѣ и въ Русской Правдѣ слышится одинъ и тотъ же чисто Русскій, а не заимствованный законъ» [1].

[1] О наслѣдствѣ безъ завѣщанія г. Бѣляева. Москва 1858 г. с. 8, 9.

«Конечно у прочихъ Славянъ, также у Скандинавовъ и Германцевъ мы находимъ большею частію разныя ограниченія воли завѣщателя въ назначеніи наслѣдника;... но»...

«Тотъ же порядокъ мы находимъ и въ другихъ древнѣйшихъ законодательствахъ Славянскихъ [1]. Такимъ образомъ у всѣхъ Славянскихъ народовъ въ древности, какъ только дошли объ этомъ извѣстія, право наслѣдованія ограничивалось только однимъ семействомъ, или прямымъ нисходящимъ потомствомъ» [2].

Намъ кажется, что г. Бѣляевъ сильно грѣшитъ и противъ значенія договора Олега, смѣшивая участвовавшія въ немъ народности, и противъ духа времени, занося въ него несвойственныя ему понятія и представленія. Г. Бѣляевъ видитъ *государство* у Славянъ IX и X в., когда они не задолго предъ симъ, по свидѣтельству лѣтописца, отчасти очевидца: убиваху другъ друга, живуще яко и всякій звѣрь въ лѣсахъ, ядуще все нечистое, когда у нихъ браци не бываше и т. д. Хотя г. Бѣляевъ въ другомъ мѣстѣ и доказываетъ, что лѣтописецъ, какъ христіанинъ, умалилъ нравственный и политическій уровень нашихъ предковъ того времени, которые, по мнѣнію его (г. Бѣляева), стояли довольно высоко въ общественной жизни [3], но вѣдь мнѣніе не фактъ лѣтописный; а потому и позволяемъ себѣ думать, что говорить о государствѣ у полудикихъ Славянъ-язычниковъ, которые еще въ XI и XII столѣтіи допускали кровную месть (явное доказательство отсутствія не только государства, но даже правильной общественной жизни), болѣе нежели странно. Легко теперь понять, что отрѣшившись отъ времени и народности, къ которымъ относится постановленіе олегова договора, г. Бѣляевъ могъ далеко уйти въ своихъ выводахъ, и дѣйствительно ушелъ слишкомъ далеко. Онъ нашелъ, что и у насъ, какъ вездѣ, наслѣдованіе по завѣщанію предшествовало наслѣдованію по закону, что завѣщатель ничѣмъ

[1] Тамъ же с. 11.
[2] Тамъ же стр. 12.
[3] Тамъ же.

не стѣснялся въ назначеніи наслѣдника «кому будетъ писалъ наслѣдити имѣнье, да наслѣдитъ е», что онъ могъ назначить себѣ наслѣдникомъ не только отдаленнаго родственника, помимо ближайшаго, но даже не родственника и т. д. Однимъ словомъ, что, по свидѣтельству статьи договора, наслѣдованіе по завѣщанію совершенно зависѣло отъ воли завѣщателя, который, по русскимъ (т. е. славянскимъ) законамъ временъ Олега, пользовался гораздо большею свободою, нежели завѣщатель римскій. Спрашивается, откуда всѣ эти выводы? Виноватъ ли въ нихъ хоть сколько нибудь договоръ Олега, одинъ изъ преемниковъ котораго ѣлъ конину, жареную имъ же самимъ на угляхъ? Разсматриваемая статья постановляетъ: если Руссъ, состоящій на службѣ у христіанскаго царя, умретъ безъ *своихъ* (родственниковъ), не распорядившись своимъ имѣніемъ, то имѣніе его должно быть *возвращено* въ Русь къ милымъ ближникамъ; если же онъ сдѣлаетъ обряженіе (распоряженіе), то имѣніе его возметъ тотъ, кому «будетъ писалъ наслѣдити имѣнье». О неограниченной волѣ завѣщателя, его правахъ, не говорится ни слова; все это выводы г. Бѣляева, и выводы, правду сказать, довольно умѣренные, ибо, отрѣшившись отъ всѣхъ условій времени и народнаго быта, можно дѣлать какія угодно заключенія и выводы. Такъ, напримѣръ, мало того, что завѣщатель у насъ въ первое столѣтіе былъ совершенно неограниченъ, т. е. творилъ завѣщаніе, назначалъ по произволу наслѣдниковъ, помимо родственниковъ, онъ даже *писалъ* завѣщаніе; слѣдовательно, завѣщанія были у насъ въ то время писанныя, слѣдовательно, Русь въ первое же столѣтіе, по образованіи государства, не только знала грамотность, но и совершала юридическіе акты; слѣдовательно, имѣла писаные законы, положительное право, государственныя учрежденія и т. д. Коли Русь во время Олега была уже государствомъ, то въ такомъ случаѣ, нечего останавливаться на выводахъ и называть ее какимъ-то юнымъ обществомъ. Нѣтъ, она была, по выводамъ г. Бѣляева, въ то время зрѣлѣе, выше по развитію личности, нежели теперь: нашъ Сводъ Законовъ далеко

28

не представляетъ той свободы завѣщателю, какую предоставлялъ ему древній, истый законъ Олега.

Очевидно, г. Бѣляевъ увлекся слишкомъ далеко, и притомъ такъ далеко, что самъ замѣтилъ свое увлеченіе, а потому, желая хотя нѣсколько сгладить рѣзкость своихъ выводовъ, сдѣлалъ оговорку, которою совершенно уничтожилъ всѣ свои положенія. «Конечно, *завѣщатель*, замѣчаетъ онъ, въ древнее время хотя ничѣмъ не стѣснялся въ назначеніи наслѣдника, но *по непреклонному* обычаю тѣмъ не менѣе онъ въ своемъ завѣщаніи *никогда необходилъ ближайшихъ наслѣдниковъ*. Такъ было у насъ, у Римлянъ и у другихъ народовъ; *обычай*, эта юридическая совѣсть, въ юномъ обществѣ всегда дѣйствуетъ сильно и не терпитъ отступленій» [1]. Какъ понять г. Бѣляева? Что онъ разумѣетъ подъ завѣщаніемъ? Неужели одну писанную бумагу? Если завѣщатель въ юныхъ обществахъ не можетъ уклониться отъ непреклоннаго обычая, если этотъ обычай въ юныхъ обществахъ не терпитъ отступленій, другими словами, если завѣщатель рабъ непреклоннаго обычая, не имѣетъ своей личной воли, которая совершенно сливается съ обычаемъ, не можетъ отъ него отдѣлиться, то какимъ же образомъ можно говорить, что наслѣдованіе по завѣщанію совершенно зависѣло отъ воли завѣщателя? Если завѣщатель въ древнѣйшее время своей воли не имѣетъ, а слѣдуетъ неуклонно обычаю, который не допускаетъ отступленій, то его завѣщаніе есть ничто иное, какъ выраженіе обычая, общей воли всѣхъ и каждаго, другими словами, что завѣщаній въ юныхъ обществахъ нѣтъ; ибо нѣтъ еще свободной, самостоятельной воли индивида. Вотъ почему и у прочихъ Славянъ, также у Скандинавовъ и Германцевъ, мы находимъ большею частію разныя ограниченія воли завѣщателя въ назначеніи наслѣдника, какъ справедливо говоритъ самъ г. Бѣляевъ, предоставившій и славянскому завѣщателю начала X вѣка такое обширное право завѣщанія, котораго не даетъ намъ даже нашъ Сводъ

[1] Наслѣдованіе безъ завѣщанія, с. 8. пр. 2.

Законовъ, дозволяя завѣщать только благопріобрѣтенныя имущества [1].

Но если, въ самомъ дѣлѣ, въ разсматриваемое время ни у Руссовъ, ни у Славянъ наслѣдственнаго права въ томъ видѣ, какъ предполагаетъ его г. Бѣляевъ, быть не могло и не было, то какое же значеніе имѣетъ постановленіе договора о наслѣдствѣ «работающихъ въ Грецѣхъ Руси у хрестьянскаго царя»? Какъ согласить его съ духомъ времени, которому оно, повидимому, такъ явно противорѣчитъ? Постановленіе это совершенно объясняется: 1) изъ особеннаго, исключительнаго положенія, къ которому относится, 2) изъ обычаевъ Скандинавовъ и наконецъ 3) изъ византійскаго наслѣдственнаго права.

Первое, что обращаетъ наше вниманіе, при разсмотрѣніи этой статьи договора, такъ это то обстоятельство, что постановленіе о наслѣдствѣ относится только къ тѣмъ Руссамъ, которые, обыкновенно, нанимались въ службу Греческихъ Императоровъ. О купцахъ русскихъ, которыхъ также не мало было въ Константинополѣ, не говорится въ этомъ отношеніи ничего, хотя повидимому для нихъ подобное постановленіе было бы еще болѣе необходимо. Молчаніе это тѣмъ болѣе странно, что торговля между варяжскимъ сѣверомъ и Греціею существовала съ давнихъ временъ: «бѣ путь изъ Варягъ въ Греки». Но эта видимая странность легко объясняется, какъ справедливо замѣчаетъ Эверсъ, изъ господствовавшихъ тогда понятій. Извѣстно, что властители имѣли тогда большую склонность присвоять себѣ имущество чуже-

[1] Сводъ Законовъ Россійской Имперіи, изд. 1857 г. т. X.

1010. Духовное завѣщаніе есть *законное* (т. е. въ предѣлахъ дозволенныхъ закономъ) объявленіе воли владѣльца о его имуществѣ, на случай смерти.

1011. Завѣщать имущество *благопріобрѣтенное* можно или въ полную собственность, или же во временное владѣніе и пользованіе. Ср. примѣчаніе и статьи 1067.

1068. *Родовыя* имѣнія не подлежатъ завѣщанію.

земцевъ послѣ ихъ смерти, какъ имущество выморочное, не защищенное закономъ. Но понятно, что только тѣ, кои обязывались службою чужому государю, дѣлались какъ бы его подданными. Почему греческій императоръ и могъ дѣлать притязаніе на наслѣдство такихъ Руссовъ; они въ извѣстномъ смыслѣ были гражданами его имперіи, а родственники ихъ вовсе чужіе. О купцахъ же не говорится ничего въ этомъ отношеніи потому, что на нихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было смотрѣть, какъ на греческихъ подданныхъ. И въ Греціи они также были чужіе, какъ и въ другихъ странахъ; ихъ собственность была иноземное имущество, на которое никакой судъ, ни подъ какимъ предлогомъ, не могъ дѣлать притязаній. Совсѣмъ иное, ничѣмъ не обезпеченное положеніе было другихъ людей не торговыхъ, поселившихся въ чужихъ странахъ. Поэтому у древнихъ народовъ, когда они вступали въ дружественные союзы, и было обыкновеніе всегда заботиться о томъ, чтобы собственность ихъ единоземцевъ, которые, проживая въ другихъ государствахъ, умирали тамъ, была возвращаема ихъ родственникамъ [1].

Подобное значеніе имѣетъ и разсматриваемое нами постановленіе олегова договора «о работающихъ въ Грецѣхъ Руси у хрестьянскаго царя». Обезпечивъ, на сколько было возможно, по тогдашнему времени торговыя сношенія Руссовъ съ Греками, Олегъ вноситъ въ свой договоръ особое постановленіе объ имуществѣ тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые, нанимаясь въ службу къ Греческимъ Императорамъ, дѣлались временными его подданными. А именно, договоръ Олега постановляетъ: «Аще кто умретъ, не урядивъ своего *имѣнья*, ци и своихъ не имать, да *възратить* имѣнье къ малымъ ближникамъ въ *Русь*; аще ли сотворитъ обряженье, таковой *възметъ* уряженное его, кому будетъ *писалъ* наслѣдити имѣнье, да наслѣдитъ ѐ отъ взимающихъ куплю Руси, отъ различныхъ ходящихъ въ Греки и удолжающихъ» [2].

[1] Эверсъ, Древ. рус. право, с. 188 и 189.
[2] П. С. Л. т. I. с. 15.

Постановленіе это возникло такимъ образомъ не изъ обычаевъ или законовъ о наслѣдствѣ той или другой народности, вступившей въ договоръ, но изъ обстоятельствъ и духа времени, изъ того особеннаго, исключительнаго положенія, въ которомъ находились Руссы, служившіе въ Греціи. Здѣсь прежде всего имѣется въ виду не наслѣдство, а *сохраненіе*, сбереженіе и доставленіе по принадлежности имущества умершаго на чужой сторонѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обратить вниманіе на тѣ постановленія Grágás объ иноземцахъ, которыя мы изложили выше буквально и въ собственномъ ихъ порядкѣ, именно для того, чтобы тождественность ихъ съ разбираемою статьею договора сказалась сама собою. Очевидно, что цѣль и содержаніе обоихъ узаконеній, т. е. исландскаго и русскаго одна и таже, хотя они и различаются формою изложенія, которая зависѣла отъ понятій пишущей стороны. Какъ исландскія постановленія, такъ и договоръ Олега имѣютъ въ виду сохраненіе, сбереженіе и доставленіе по принадлежности имущества лица, умершаго въ чужой сторонѣ, а не наслѣдство въ собственномъ смыслѣ этого слова. Этимъ крайнимъ положеніемъ и опредѣлилась судьба имущества иноземца, умершаго на чужбинѣ, ибо обыкновеннымъ правамъ наслѣдованія здѣсь не было мѣста. Постановленія эти и установляются именно на тотъ случай, когда обыкновенный порядокъ наслѣдованія не могъ быть приложимъ. Вопросъ здѣсь состоитъ не въ томъ, кто наслѣдуетъ по законамъ крови, а въ томъ, какъ распорядиться имуществомъ, если умершій не имѣлъ при себѣ родственниковъ.

Изъ вышеизложенныхъ нами исландскихъ постановленій оказывается, что относительно свободныхъ, не состоящихъ на службѣ въ чужихъ земляхъ людей, общій порядокъ, котораго держались въ этомъ случаѣ сѣверные народы, а въ томъ числѣ и наши Руссы, былъ такой: имущество, оставшееся послѣ умершаго безъ родственниковъ иноземца, прежде всего доставалось его единоземцамъ-товарищамъ, собесѣдникамъ, которые, безъ всякаго сомнѣнія, передавали его

въ послѣдствіи, при первой возможности, законнымъ наслѣдникамъ умершаго. За тѣмъ, если единоземцевъ, не было, то къ полученію таковаго имущества призывались туземцы, которые обязаны были оцѣнить его, хранить, получая за сохраненіе proventus, доходы съ имущества и, наконецъ, возвратить законнымъ наслѣдникамъ, если они отыщутся. Выдача эта была обусловлена явкою самихъ наслѣдниковъ и совершалась не для всѣхъ народовъ одинаково благопріятно, но зависѣла отъ болѣе или менѣе дружественныхъ отношеній. Въ Исландіи Датчане и говорящіе датскимъ языкомъ, Норвежцы и Шведы имѣли привиллегіи, Англы и менѣе извѣстные Исландцамъ люди были ограничены въ правѣ полученія имущества, оставшагося по смерти ихъ родственниковъ; наконецъ народамъ вовсе не извѣстнымъ таковое имущество вовсе не выдавалось.

Этотъ общій порядокъ относительно распоряженія имуществомъ чужеземца, умершаго безъ родственниковъ, соблюдался и въ Греціи, въ Константинополѣ, гдѣ Руссы, т. е тѣ же Скандинавы, торговали и живали, точно также, какъ и въ Исландіи. Вопросъ настоялъ только относительно Руссовъ работавшихъ, служившихъ [1] у хрестьянскаго царя, которые необходимо дѣлались временно его подданными. Чтобы обезпечить на случай смерти, послѣдовавшей въ отсутствіе родныхъ, имущество такихъ Руссовъ, своихъ соотечественниковъ, Олегъ и вводитъ въ свой договоръ съ Греками обычное сѣвернымъ народамъ постановленіе, подобное тѣмъ, какія существовали въ Исландіи, но которое, подъ вліяніемъ византійскихъ понятій и языка, получило видъ узаконенія о наслѣдствѣ по закону и завѣщанію. Существо требованій

[1] Работающій, безъ сомнѣнія служащій, отъ глагола βουλεύω, работаю, служу. Эверсъ, Древ. рус. право. с. 192.—Лавровскаго «о Византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками, С.-Петербургъ 1853 г. с. 129. Этотъ послѣдній считаетъ «работающихъ» военноплѣнными; но въ такомъ случаѣ статья не имѣла бы смысла: военноплѣнный—рабъ, слѣдовательно, о имуществѣ его не могло быть рѣчи.

Руссовъ состояло и по отношенію къ Греціи въ томъ же, въ чемъ состояло оно по отношенію къ Исландіи, а именно, чтобы имущество Русса, умершаго безъ родственниковъ въ Греціи, было доставлено его наслѣдникамъ посредствомъ «взимающихъ куплю Руси, отъ различныхъ ходящихъ въ Греки и удолжающихъ». Это простое требованіе Греки, которые разсматривали оставшееся имущество, какъ наслѣдство, и выразили въ правильной юридической формѣ по двумъ способамъ наслѣдованія—по закону и завѣщанію, что чувствуется въ самомъ языкѣ, такъ какъ статья эта есть буквальный переводъ греческаго подлинника, который самъ собою невольно читается между строками [1].

Таково, по нашему мнѣнію, значеніе разбираемой нами статьи договора, и иначе объяснить ее нельзя. Не говоря о томъ что присутствіе въ ней византійскаго языка — sui, propinqui и понятій—testamentum facere, haredem scribere — осязательно по первому впечатлѣнію, мы положительно знаемъ, что сѣвернымъ народамъ не только этого, но и позднѣйшаго времени не было извѣстно завѣщаніе. Въ исландскихъ gragas не встрѣчается никакихъ слѣдовъ о какомъ бы то ни было завѣщательномъ распоряженіи. Даже отчужденіе ко вреду, или безъ согласія наслѣдниковъ часто запрещено, какъ напр. отчужденіе восьмидесяти-лѣтняго старика [2]. Только для устроенія души можно было отказать церкви или для благочестивыхъ цѣлей (ad pias causas) долю своего имущества; но если этотъ отказъ превышалъ десятую долю, то онъ былъ

[1] Употребляя выраженія Византійскаго права этого времени, разсматриваемую статью можно для большей очевидности представить въ слѣдующемъ текстѣ: Si quis intestatus decesserit,—аще кто умретъ, не урядивъ своего имѣнья, suis haeredibus destitutus, ци и своихъ не имать, bona ejus propinquis in Russiam deferantur, да взратитъ имѣнье къ малымъ или милымъ ближникамъ въ Русь; si vero testamentum fecerit, аще ли сотворитъ обряженье, ille sortem suam capiat, таковой возметъ уряженное ему, qui hares scriptus est, кому будетъ писалъ наслѣдити имѣнье.

[2] Gragas I. 202.

недѣйствителенъ [1]. Впрочемъ, если наслѣдники изъявляли свое согласіе на даръ для благотворительныхъ цѣлей, то онъ могъ превышать десятину, такъ что, еслибы въ послѣдствіи явились другіе наслѣдники, не давшіе своего согласія, то они не могли уничтожить сдѣланнаго даренія [2]. Кромѣ этихъ даровъ, исландскіе саги упоминаютъ впрочемъ и о другихъ, которые дѣлались однако не безъ согласія наслѣдниковъ [3]. Въ Даніи и Норвегіи въ древнѣйшее время, какъ положительно извѣстно, также не знали завѣщанія. За исключеніемъ такъ называемаго seelgabe, даже дары на случай смерти до начала XII вѣка не были въ употребленіи, и слово завѣщаніе вообще не встрѣчается [4].

И такъ если завѣщательное право не было извѣстно, въ разсматриваемое время, ни Исландцамъ, ни Датчанамъ, ни Норвежцамъ, а слѣдовательно и нашимъ Варяго-Руссамъ, то эти послѣдніе не могли сдѣлать о немъ никакихъ постановленій и въ договорѣ, заключенномъ ими съ Греками. Ибо договоръ этотъ имѣлъ единственною цѣлію сохраненіе, сбереженіе имущества Русса умершаго въ Греціи безъ родственниковъ и доставленіе этого имущества его законнымъ наслѣдмикамъ. О самомъ же наслѣдованіи, т. е. порядкѣ наслѣдованія, о которомъ г. Бѣляевъ сдѣлалъ такія обширныя заключенія, въ договорѣ нѣтъ и рѣчи, ибо слова *свои, малые* или *милые* ближники—буквальный переводъ Византійскихъ техническихъ выраженій: *ἴδιοι, πρησιοι*, sui, propinqui, proximi [5], которые для Руссовъ, находившихся на службѣ

[1] Gragas I. p. 202.

[2] Ibidem p. 223.

[3] Gans-Ebrecht T. IV. S. 521.

[4] Ibidem S. 626, 627.

[5] Для большей очевидности приведемъ слѣдующія постановленія Кормчей, въ которыхъ находимъ совершенно одинаковыя выраженія съ употребленными въ договорахъ: Аще ли же яко же речено есть не будетъ братіи (единокровныхъ и единоутробныхъ) суть же *ближницы ближніи*—въ договорѣ *малые ближники*—сіи да наслѣдуютъ, т. е. si vero sicut dictum est, non extent fratres, at pro-

въ Греціи, не могли имѣть даже и того значенія, которое они имѣли у Византійцевъ. Эти послѣдніе подъ словами sui, *ἴδιοι*, обыкновенно разумѣли дѣтей, между тѣмъ какъ выраженія *πρήσιοι*, propinqui обозначали у нихъ боковыхъ родственниковъ, особенно же начиная съ дядей и племянниковъ. По отношенію къ Руссамъ, эти выраженія не могли имѣть никакого опредѣленнаго значенія, ибо составъ родства, окружавшаго Русса въ Греціи, зависѣлъ отъ обстоятельствъ и случая, смотря потому, кто могъ или хотѣлъ отправиться съ нимъ. Но еслибы даже и принять, что съ выраженіями этими и для Руссовъ связаны были опредѣленныя представленія о родствѣ, то *малые или милые ближники* все-таки не могутъ означать *дѣтей* умершаго, ибо какъ латинскія выраженія propinqui, proximi, proximiores propinqui, propinquitate proximi, такъ и наши ближніе, (малые или милые) ближники, по общепринятому ихъ значенію, означаютъ дальнѣйшихъ боковыхъ родственниковъ, въ противоположность ближайшимъ нисходящимъ. Propinquus, ближній, nahister—синонимы средневѣковымъ amicus, vicinus. Напрасно, слѣдовательно, г. Бѣляевъ, увлекшись сомнительнымъ словомъ «*малый*» или «*милый*», установилъ свою систему наслѣдованія у Славянъ въ

pinqui sint: propiores succedunto. Аще ли ни *ближнихъ* будетъ, есть же жена умершаго... Quod si nulli etiam *propinqui sunt*, at uxor defuncti superest... (печат. Кормчая, гл. 49, зачатокъ 7. — Juris Greco-romani tomi duo. Joh. Leunclarii, T. II, p. 112, 7, 8).—Аще ли брата не будетъ, ниже братня дѣтища, то *прочія отъ страны сродницы* призываются въ наслѣдіе, иже степенемъ хуже ближайше, аще и мнози обрящутся того степени суща равно вси наслѣдуютъ (Кормчая гл. 48, гранъ 3.) fratre non extante neque fratris filio *reliqui* ex transverso *cognati* vocantur, scilicet *qui gradu proximiores sunt*. Et si plures ejusdem gradu inventi fuerint, virilium patrimonium heredes erunt. (*Πρόχειρος νόμος*. Zachariae, Heidelberg 1837. p. 161). Впрочемъ плохая византійская латынь допускала можетъ быть и такія выраженія, какъ средневѣковая: какъ напр. proximiores propinqui, propinquitate proximus — тогда для выраженія договора «малые» или правильнѣе «милые ближники» находится буквальный подлинникъ.

это время въ одной нисходящей линіи [1]: и между боковымъ родствомъ могутъ быть *малые* и *милые*.—И такъ, по смыслу постановленій олегова договора, имущество Русса, находившагося на службѣ у византійскихъ императоровъ и умершаго въ Греціи, или доставалось тѣмъ его родственникамъ, которые при немъ находились, или же, если таковыхъ не было, то отсылалось по его указанію родственникамъ, находившимся на Руси. Что же касается до порядка наслѣдованія, то само собою разумѣется, что онъ опредѣлялся тѣмъ сознаніемъ близости или отдаленности родства, которое имѣли Варяго-Руссы, т. е. Скандинавы, и которое они выразили въ постановленіяхъ Grágás.

Подобное же значеніе имѣетъ и статья договоровъ о мести: «Если убьетъ христіанинъ Русина или Русинъ христіанина, говоритъ договоръ Олега [2], то убійца да умретъ на мѣстѣ, гдѣ совершитъ убійство; отъ руки родственниковъ убитаго, дополняетъ договоръ Игоря [3]; если же убійца скроется и будетъ имовитъ, то имѣніе его пусть возмутъ — по договору Олега — *ближній убьенаго*, при чемъ имущество жены убійцы остается неприкосновеннымъ. И на основаніи этой статьи, наши ученые дѣлали разныя посылки къ современному быту Славянъ и къ порядку наслѣдованія въ то время вообще на

[1] Наслѣдованіе безъ завѣщанія с. 10.

[2] Аще кто убіетъ Крестьяна Русинъ, или Крестьянъ Русина, да умреть, идѣ же аще сотворить убійство. Аще ли убѣжить створивый убійство, аще есть имовитъ, да часть его, сирѣчь иже его будетъ по закону, да *возметь ближній убьенаго*, а иже на убившаго да имѣть толцѣмъ же прибудетъ по закону; аще ли есть неимовитъ створивый убійство и убѣжавъ, да держится тяжи, доньдеже обрящется яко да умреть. Договоръ Олега. П. С. Л. т. I. с. 14.

[3] Аще убьетъ Хрестеянинъ Русина, или Русинъ Хрестеянина, и да держимъ будетъ створивый убійство отъ *ближнихъ убьенаго*, да убьютъ и́. Аще ли ускочить створивый убой и убѣжитъ, аще будетъ имовитъ, да возмутъ имѣнье его *ближьніи убьенаго;* аще ли есть не имовитъ и ускочитъ же, да ищють его, дондеже обряжется: аще ли обрящется, да убьенъ будетъ.—Договоръ Игоря. Тамъ же с. 2.

Руси [1], между тѣмъ какъ статья эта, подобно разсмотрѣнной уже нами, ни слова не говоритъ ни о Славянахъ, ни о какомъ бы то ни было порядкѣ въ преемствѣ имущества, установляя только отвѣтственность убійцы на основаніи мести.

Месть есть явленіе, общее всѣмъ младенческимъ народамъ. Какъ праведное воздаяніе за преступленіе, она признана была законами Моисея, древними греческими, римскими и германскими [2]; ее признаютъ и Славяне того времени, въ которомъ мы теперь находимся. Различіе по отношенію къ этому институту древности состоитъ въ томъ, что у однихъ народовъ месть развилась въ бо́льшихъ размѣрахъ, выражалась съ особеннымъ характеромъ и существовала долго, у другихъ была слабѣе и скорѣе смѣнилась судебнымъ разбирательствомъ. Особенно же сильное развитіе получила она у народовъ германскаго племени, преимущественно же у Скандинавовъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Стрингольмъ. Первое наслѣдство, говоритъ онъ, которое оставлялъ послѣ себя убитый, было обязательство мстить за него. Исполненіе этого долга считалось столь священнымъ, что тотъ почитался безчестнымъ, кто оставлялъ своего родственника безъ отмщенія; а сыновья не исправляли поминовенія по своемъ отцѣ, прежде нежели совершали кровную месть [4]. Первоначально месть не знаетъ никакихъ ограниченій ни въ личномъ, ни въ имущественномъ отношеніи. Всѣ родственники, безъ различія степеней и линій, обязаны были мстить за смерть родича, не щадя ни жизни своей, ни имущества. Равнымъ образомъ и всѣ родственники убійцы обязаны были отвѣчать за преступленіе родственника своимъ лицомъ и имуществомъ. Всѣ за одно и одинъ за всѣхъ—вотъ первое требованіе ме-

[1] Die Blut-Rache nach altem Russischem Rechte, von E. S. Tobien, Dorpat, S. 131. Неволинъ — Исторія росс. гр. зак. т. 5. Срезневскій — О договорахъ съ Греками.

[2] Die Blut-Rache, Tobien, Dorpat 1840. Карамзинъ, т. II. с. 47. пр. 68.

[3] О платѣ за убійство г. Иванишева. Кіевъ. 1840. с. 4 и 5.

[4] Изслѣдованія, замѣч. и лекц. о русской исторіи г. Погодина т. III. с. 379, 380.

сти, ибо иной защиты жизни и имущества не было; вставалъ родъ на родъ, какъ говоритъ нашъ лѣтописецъ. Часто месть переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе по наслѣдству къ отдаленнымъ потомкамъ и продолжалась до тѣхъ поръ, пока не вымиралъ или не былъ истребленъ цѣлый родъ [1]. Въ послѣдствіи времени, по мѣрѣ успѣховъ общественной жизни, месть слабѣетъ и переходитъ съ лица на имущество. Вмѣсто кровнаго мщенія является возмездіе имущественное — выкупы, виры. Границы, величина этихъ выкуповъ сначала устанавливается по взаимному соглашенію враждующихъ сторонъ, потомъ обычаемъ и закономъ. Наконецъ понятія о преступленіи дѣлаются чище, общественная жизнь болѣе и болѣе устроивается, организуется правительство, которое беретъ на себя защиту общества, и месть—самоуправство—уничтожается, замѣняясь наказаніемъ. Таковъ общій ходъ развитія мести; онъ повторялся съ большею или меньшею правильностію у всѣхъ первобытныхъ народовъ [2].

Что касается до нашихъ Руссовъ, то въ то время, о которомъ говоримъ, они еще не знали ограниченій кровной мести. Первое правило, которое установляютъ договоры ихъ съ Греками — убійца да умретъ на мѣстѣ преступленія отъ руки родственниковъ убитаго; выкупъ допускается только на случай побѣга убійцы, и состоитъ прежде всего въ выдачѣ имущества убійцы родственникамъ убитаго, если онъ имовитъ. Объ отвѣтственности родственниковъ убійцы въ случаѣ, если онъ не имовитъ, договоры съ Греками не дѣлаютъ никакихъ постановленій. Очевидно, что и статья о мести имѣетъ въ виду также особенность положенія Русса въ Греціи, т. е. когда онъ не имѣлъ при себѣ родственниковъ, на которыхъ можно было бы распространить обязанность участвовать въ платежѣ виры за совершенное имъ убійство; ибо у народовъ

[1] Эверсъ—Древ. русс. право, с. 56—64.

[2] Die Blut-Rache von E. S. Tobien.—О платѣ за убійство г. Иванишева.—О наказаніяхъ въ Россіи до царя Алексѣя Михайловича Деппа С.-Петербургъ 1848 г.—Эверсъ, Рус. древ. право.—Grimm, Deutsche Recht-alterthumer, Gottingen, 1854.

скандинавскихъ участіе это считалось, какъ мы видѣли, необходимымъ.

Тобинъ [1] и Неволинъ [2], основываясь на выраженіи олегова договора: «да возметъ ближній убьенаго», полагаютъ, что къ полученію имущества убійцы призывался одинъ только ближайшій родственникъ убитаго, а потому и видятъ въ этомъ выраженіи указаніе на порядокъ наслѣдованія. Но такое чтеніе, очевидно, ошибочно: выраженіе «ближній убьенаго» въ единственномъ числѣ встрѣчается только одинъ разъ, тогда какъ во множественномъ числѣ оно употреблено въ обоихъ договорахъ три раза — два въ игоревомъ и одинъ въ олеговомъ и притомъ въ разныхъ косвенныхъ падежахъ: «ближніи убьенаго, отъ ближнихъ убьенаго — да убьютъ й, да возвратить имѣнье къ милымъ ближникамъ въ Русъ». Относительно множественнаго числа ошибки, слѣдовательно, бытъ не можетъ, ее трудно было сдѣлать переписчику, тогда какъ именительный падежъ единственнаго числа ничѣмъ не отличается въ написаніи отъ именительнаго множественнаго числа, почему и глаголъ легко могъ быть ошибочно поставленъ въ единственномъ числѣ. И такъ, слѣдовательно, къ полученію имущества убійцы допускались родственники убитаго, что совершенно согласуется и съ скандинавскими постановленіями о мести, которые мы привели выше.

Что касается, наконецъ, до спора о постановленіи олегова договора на счетъ имущества жены убійцы, то нѣтъ сомнѣнія, что постановленіе это легче объясняется изъ византійскаго, нежели скандинавскаго права. Во 1-хъ, если и нужно было сдѣлать въ договорѣ оговорку «а иже-на убившаго да имѣетъ толцѣмъ же прибудетъ по закону», то разумѣется только въ томъ предположеніи, что Руссы, а не

[1] «Hiernach war denn auch nur *der nächste Verwandte* des Erschlagenen und nicht Sippschaft, wie nach Blutschem Rechte, zu dem Emfange oder Blut-Busse ermächtigt — ohne Haften der Verwandten für den Flüchtigen. — Die Blut-Rache nach altem Russ. Rechte. E. S Tobien, 1840. T. II. S. 131.

[2] Исторія росс. гр. зак. т. III. с. 344, 345.

Греки, могли объявить притязанія на имущество жены убійцы, ибо, по византійскимъ законамъ, жена ни въ какомъ случаѣ не отвѣчала за преступленіе своего мужа, если въ совершеніи его не участвовала. Во 2-хъ, извѣстно, что имущество жены по римскому праву состояло подъ особеннымъ покровительствомъ закона — dos ex jure publicum institutum est, говорили Римляне [1]. Впрочемъ разсматриваемое постановленіе о неприкосновенности имущества жены убійцы не противорѣчило и духу скандинавскаго права, не говоря о томъ, что повсюду мы замѣчаемъ у Руссовъ особенную заботу объ обеспеченіи женскаго пола. Жена и дочь, не смотря на то, что женщины вообще были исключены изъ права мести, пользовались, какъ мы видѣли, особыми привиллегіями: только онѣ однѣ изъ всего женскаго пола имѣли участіе въ раздѣлѣ виры за убитаго. Въ случаѣ денежныхъ взысканій съ мужа, жена отвѣчала своимъ имуществомъ только въ такомъ случаѣ. если между ними былъ заключенъ договоръ объ общности имуществъ [2].

Мы изложили, на сколько это нужно было для уясненія развитія нашего вопроса, скандинавскія понятія о наслѣдованіи имуществъ и опредѣлили значеніе древнѣйшихъ извѣстій объ этомъ предметѣ у пришлаго къ намъ скандинавскаго племени. Изъ ближайшаго разсмотрѣнія этихъ извѣ-

[1] Nonnulla de vi, quam jus Romanum in jus Russicum temporibus antiquissimis habuerit. E. S. Tobien. Dorpat. 1838. p. 20, 21. — Исторія рос. гр. зак. Неволина т. I. с. 101, пр. 263: «Олицѣмъ же пребудетъ — ἐφ' οἷς προγενέστερα ἔσται. Ср Basilic. XXV. 5, 1. Здѣсь разумѣется особенное преимущество, которымъ пользовалась жена по греко-римскимъ законамъ и по которому она съ правомъ ея получить приданое предпочиталась всѣмъ почти кредиторамъ ея мужа. Basilic. XXIX. 1, 117. Prochir. IX. 14—17. — Договоры съ Греками, г. Срезневскаго въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ т. III.

[2] Duo conjuges, si voluerint, et aequa adfuerit conditio bonorum, instituant communionem, quae etiam inter haeredes eorum valeat». Grágás, Pars I-ma, sectio VI. tit XXII. Si (communione inter conjuges non existente) paena pecuniaria alteri eorum irrogata fuerit, delicti reus bonis propriis hoc expiat». Ibid. Cap. XXIII

стій открывается, что призванная Славянами Варяго-Русь осталась, на первый разъ, вѣрною общему духу, образу жизни и обычаямъ своего племени, и рѣзко отличалась отъ туземцевъ-Славянъ, жившихъ мирно своими родами, безъ раздѣла общаго родоваго достоянія и наслѣдственности въ немъ. Военный, дружинный характеръ Скандинавовъ, ярко выразившійся во всѣхъ извѣстіяхъ о нихъ этого времени, вездѣ, куда бы они ни появились, обусловливалъ ихъ положеніе среди туземнаго народонаселенія. Враждебное отношеніе ихъ къ окружающей средѣ тотчасъ вызывало у нихъ заботу объ обеспеченіи своихъ соотечественниковъ и ихъ семействъ. Отсюда постановленія о сохраненіи имущества, оставшагося по смерти Русса, умершаго на чужой сторонѣ и забота объ обеспеченіи женскаго пола. Этимъ только и ограничиваются тѣ древнѣйшія извѣстія о Варягахъ, которыя мы разсмотрѣли. Что же касается до порядка наслѣдованія въ собственномъ смыслѣ, то само собою разумѣется, что порядокъ этотъ опредѣлялся обще-скандинавскими обычаями, которые, поэтому, и имѣли между ними полную силу и дѣйствіе, какъ скоро дѣло касалось законовъ крови, сознанія родства.

Это скандинавское воззрѣніе на семейный бытъ и скандинавское сознаніе родственныхъ отношеній, а слѣдовательно, и понятія о наслѣдованіи имуществъ, принесли къ намъ съ собою и призванные князья, по крайней мѣрѣ, они, безъ сомнѣнія, оставались вѣрными этимъ понятіямъ въ первое время своего поселенія между Славянами. Ибо мы не можемъ допустить, чтобы Скандинавы, съ переселеніемъ ихъ на славянскую почву, мгновенно ославянились совершенно, не удержавъ ни одной національной черты, особенно въ сознаніи законовъ крови, родства, которое всегда и у всѣхъ народовъ есть по-преимуществу дѣло національное. Правда, что знакомство Скандинавовъ съ Славянами было давнее, что Скандинавы задолго до призванія постоянно посѣщали прибалтійскихъ Славянъ и Финновъ, нападали на нихъ, торговали съ ними и проложили чрезъ ихъ земли военно-торговые пути по Волгѣ и Днѣпру. Но столкновенія этихъ

двухъ народностей, до эпохи призванія, были временныя, случайныя, слѣдовательно, неблагопріятныя для взаимнаго обобщенія. Притомъ же характеръ и бытъ той и другой народности были діаметрально противоположны, слѣдовательно, и общеніе Варяговъ и Славянъ могло совершиться только постепенно, въ продолженіи нѣсколькихъ генерацій. И дѣйствительно, исторія сохранила намъ слѣды органическаго ихъ срощенія: Рюрикъ, Олегъ—чистые Варяги; ихъ характеръ, образъ дѣйствій и сфера — дружина—все обличаетъ въ нихъ скандинавскихъ купинговъ. При нихъ Варяги главные дѣйствователи; вездѣ они на первомъ мѣстѣ и въ дѣлахъ внутреннихъ: правители, судьи, купцы, и въ дѣлахъ внѣшнихъ: послы, воины, и притомъ въ явномъ противоположеніи къ Славянамъ [1]. Всего яснѣе противоположность эта высказывается въ походахъ на Грековъ. Въ договорѣ Олега видны только Варяги: 1) они—послы, между именами которыхъ не слышно славянскихъ звуковъ, 2) о нихъ, Руссахъ, только и трактуетъ договоръ, 3) они явнымъ образомъ отличены въ добычѣ, что видно изъ парусовъ тѣхъ и другихъ [2]. На славянскій элементъ указываютъ нѣкоторымъ образомъ только уклады на города, но и то потому, что въ нихъ сидѣли олеговы мужи, которые остались дома хранить нарядъ въ землѣ, удерживать покоренныя племена въ покоѣ, а потому не могли быть лишены участія въ выгодахъ войны [3]. При третьемъ князѣ, Игорѣ, уже замѣтно, хотя и очень слабое, признаніе славянской народности со стороны Варяговъ. Въ договорѣ Игоря встрѣчаются славянскія имена не только между купцами, но и родственниками самаго князя. Далѣе, находимъ замѣчательное выраженіе — *русская земля*, знакъ большей твердости въ отношеніяхъ къ подвластной сторонѣ, тѣснѣйшей связи съ нею [4].

[1] Изслѣдованія, замѣч. и лекц. г. Погодина т. III.
[2] П. С. Л. т. I. с. 13. См. выше с. 210 пр. 2.
[3] Исторія Россіи г. Соловьева т. I. с. 104.
[4] Тамъ же с. 115.

При Святославѣ, не смотря на его норманскій характеръ, связь Варяговъ и Славянъ является еще въ большей силѣ: онъ уже не различаетъ ихъ такъ рѣзко, какъ его предшественники, не даетъ первымъ предъ послѣдними никакого преимущества и землю славянскую уже называетъ своею. Заключая договоръ съ Греками, онъ беретъ уклады не на города, какъ дѣлаетъ это Олегъ, а на *родъ* [1] каждаго воина, безъ различія Варяговъ и Славянъ. Объясняя же матери своей и боярамъ, почему онъ желаетъ поселиться въ Переяславлѣ на Дунаѣ, Святославъ говоритъ: «яко то есть середа *въ земль моей*, яко ту вся благая сходится» [2]. Сознаніемъ славянской земли, какъ *своей*, онъ дѣлаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и *Славянъ своими*, а самъ становится славянскимъ княземъ. Тутъ видна уже твердая связь и съ тою землею, и съ тѣмъ народомъ, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ—это уже не кочевникъ; въ немъ подъ Варягомъ виденъ Славянинъ. Съ этого времени видимо начинаетъ преобладать славянскій элементъ [3]. Владиміръ смотритъ на Варяговъ, какъ на враговъ, хотя и былъ поставленъ въ необходимость прибѣгнуть къ нимъ. Призванныхъ Варяговъ для битвы съ братомъ Ярополкомъ, онъ обманулъ и выпроводилъ въ Грецію, предувѣдомя императора объ ихъ посѣщеніи [4]. Дружину, правда, онъ любилъ, но дружина его большею частію состояла изъ Славянъ. Ярославъ уже вполнѣ славянскій князь: въ его дружинѣ противъ брата было 5 тысячъ Варяговъ, между тѣмъ какъ Славянъ 40 тысячъ. Разбитый братомъ, онъ хотѣлъ бѣжать за войскомъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, къ Варягамъ, но Новгородцы его не пустили: хотимъ еще биться съ Болеславомъ, сказали они ему [5]. Слѣ-

[1] П. С. Л. т. I. с. 30.

[2] Тамъ же с. 28. Исторія Россіи г. Соловьева т. I. с. 133.

[3] Вглядъ на юрид. бытъ древ. Россіи г. Кавелина. Соврем. 1847, № 1. отд. II. с. 17, 18 и 19.

[4] П. С. Л. т. I. с. 33, 34.

[5] Тамъ же с. 62.

довательно, уже не было нужды въ приводѣ Варяговъ; вмѣсто ихъ дѣйствуютъ Славяне, и Варяги, какъ племя, исчезаютъ совершенно, сообщивши однако славянскому быту нѣкоторыя особенности своей національности

Такое же постепенное сліяніе этихъ двухъ народностей, намъ кажется, слѣдуетъ допустить и въ семейномъ быту, хотя малочисленность членовъ княжескаго рода и бѣдность извѣстій о родственныхъ отношеніяхъ нашихъ первыхъ князей не даютъ возможности вскрыть вполнѣ, дѣйствующее между ними, сознаніе родства [1]. Рюрикъ предасть княженье свое Олгови, отъ рода ему суща; въ лѣто 6386 умершю Рюрикови, въдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря; бысть бо дѣтескъ вельми [2]. Былъ ли Олегъ дѣйствительнымъ княземъ по праву родства и наслѣдства или онъ принялъ княженіе, какъ правитель опекунъ [3], трудно рѣшить, хотя выраженіе лѣтописца и говоритъ въ пользу послѣдняго его значенія. Что Олегъ дѣйствовалъ самостоятельно, то это еще не имѣетъ большаго значенія для права: родительская и опекунская власть не различались въ древности.—«Въ лѣто 6421. Поча княжити Игорь по Ользѣ» [4]. На какомъ основаніи? Какъ сынъ Рюрика или какъ старшій въ княжескомъ родѣ? Неизвѣстно. Выраженіе—«поча княжити» указываетъ однако, что онъ принялъ княжескую власть, какъ сынъ Рюрика, ибо Олегъ не передалъ ему *своего* княженія, котораго самъ можетъ быть не имѣлъ. Еще темнѣе основаніе власти княгини Ольги. Впрочемъ опекунскій характеръ ея княженія замѣтенъ изъ того, что она княжила только до возраста сына своего Святослава.

Но если нельзя отрицать, что первые наши Князья, какъ истые Норманны, руководились въ своихъ родственныхъ отношеніяхъ скандинавскими понятіями, то съ другой стороны не оспоримо и то, что какъ скоро пришлый княжескій

[1] Рейцъ с. 24 и слѣд.

[2] Тамъ же с. 9.

[3] Эверсъ с. 24—33.

Тамъ же с. 18.

родъ сжился съ Славянами и размножился, то онъ мало по малу началъ усвоивать себѣ славянское сознаніе родства, главнымъ началомъ котораго было, какъ мы видѣли, родовое старшинство. По смерти Святослава, присутствіе въ княжескихъ отношеніяхъ родоваго начала уже дѣлается замѣтнымъ: старшій сынъ его занимаетъ мѣсто отца, а слѣдовательно и старшинство. Лѣтописецъ даетъ разумѣть это особымъ выраженіемъ, которое, обыкновенно, употребляетъ для означенія преемства княжеской, т. е. родовой власти. «Въ лѣто 6481. Пача *княжити* Ярополкъ»;[1] о братьяхъ его, которые находились въ своихъ областяхъ, онъ не говоритъ такимъ образомъ, ибо они не были преемниками *княженія*, т. е. старшинства родовой власти. Очевидно, что Ярополкъ началъ также княжить въ родѣ своемъ, какъ и Кій нѣкогда княжаше въ родѣ своемъ [2]. Вскорѣ происшедшая между братьями ссора и послѣдовавшее за тѣмъ единовластіе Владиміра не дали возможности развиться и яснѣе выразится началу родоваго между ними старшинства, которое во взаимныхъ отношеніяхъ сыновей Владиміра дѣлается уже очевиднымъ. О Святополкѣ, который долженъ былъ принять послѣ него *княженіе*, Несторъ говоритъ въ томъ же духѣ, какъ о Ярополкѣ и Кіѣ: «Святополкъ же сѣде Кыевѣ *по отцѣ своемъ*» [3]. Но съ особенною яркостію высказалъ это начало, какъ сознательное, братъ Святополка Св. Борисъ: «и Борису же възъратившюся съ вои... рѣша ему дружина отня: «се дружина тобе отьня и вои; поиди, сяди Кыевѣ *на столѣ отни*; онъ же рече: «*не буди мнѣ възняти* руки на *брата своего старѣйшаго*; *аще и отець ми умре, то сь ми буди въ отца мѣсто*»[4]. Въ силу этого родоваго старѣйшинства Мстиславъ, не смотря на то, что одержалъ побѣду надъ братомъ своимъ Ярославомъ, имѣя, слѣдовательно, на своей сто-

[1] П. Л. С. т. I. с. 31.
[2] Тамъ же с. 4.
[3] Тамъ же с. 57.
[4] Тамъ же.

ронѣ право сильнаго, уступилъ ему Кіевъ, т. е. родовое старшинство, говоря: «сяди *въ своемъ* Кыевѣ, ты еси *старѣйшій* братъ, а мнѣ буди си сторона»[1].

Со времени Ярослава родовое старѣйшинство не только сознается, какъ начало, но и *полагается* краеугольнымъ камнемъ опредѣленія всѣхъ отношеній владѣтельнаго рода[2]. «Се азъ отхожю свѣта сего, сынове мои, говоритъ Ярославъ въ своемъ наставленіи дѣтямъ; имѣйте въ собѣ любовь, понеже вы есте *братья* единого отца и матере, да аще будете въ любви межю собою, Богъ будетъ въ васъ, и покорить вы противныя подъ вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще въ распряхъ и которающе ся, то погыбнете сами и погубите землю отець своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомъ своимъ великымъ. Но пребывайте мирно, послушающе братъ брата. Се же поручаю въ собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кіевъ, сего послушайте, якоже послушасте мене, да то вы будеть въ мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, и Всеволоду Переславль (а Игорю Воладимеръ), а Вячеславу Смолинескъ». И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни сгонити; рекъ Изяславу: «аще кто хощеть обидѣти брата своего, то ты помогай его же обидять.» *И тако уряди сыны своя пребывати въ любви*»[3].

Изъ представленнаго обзора родственныхъ отношеній нашихъ первыхъ князей открывается, что какъ только члены жескаго дома размножились, то у нихъ уже готово было родовое сознаніе о семейной жизни. Ярославъ въ своемъ наставленіи дѣтямъ, безъ сомнѣнія, высказалъ то, что образовалось уже въ жизни, и высказалъ такъ ясно и опредѣленно въ слѣдствіе, можетъ быть, особыхъ причинъ: дѣтей у него бы-

[1] П. С. Л. Т. I. с. 64.

[2] Юрид. бытъ древ. Россіи г. Кавелина Совр. 1847 г. с. 17, 18, 19.— Исторія Россіи Соловьева т. I и II.

[3] П. С. Р. Л. т. I. с. 69 и 70. Исторія Россіи г. Соловьева т. I. и II.

ло много, а предшествовавшіе опыты доказали ему, что общесознаваемый, но еще не выраженный законъ, нужно яснѣе опредѣлить и скрѣпить отеческою властію. Его наставленіе дѣтямъ представляетъ съ особою яркостію три положенія, вытекающія изъ родоваго начала.

1. Соблюденіе родственнаго единства, основаннаго на крови. Объ немъ Ярославъ больше всего заботился, убѣждая, чтобы всѣ дѣти его жили мирно и согласно, иначе, говоритъ онъ, *сами погибнете и погубите землю отцевъ своихъ и дѣдовъ*, которую стяжали они великимъ трудомъ. Здѣсь ощущительнымъ образомъ онъ связываетъ личное единство рода съ единствомъ имущественнымъ, нераздѣльностію земли отцевъ своихъ и дѣдовъ. И дѣйствительно, эти два понятія нераздѣльны въ мысли и въ исторіи. Позднѣйшая исторія междукняжескихъ отношеній доказываетъ это убѣдительнымъ образомъ. Отнынѣ и до тѣхъ поръ, пока княжескій родъ сознавалъ свое родовое единство, пока родовое начало было прочно и крѣпко, нераздѣльность, общность обладанія рускою землею была общимъ, неизмѣннымъ правиломъ. Видимый раздѣлъ ея не уничтожалъ сущности этого правила, ибо былъ не болѣе, какъ временное, отдѣльное обладаніе тою или другою областію, которою каждый членъ рода владѣлъ сообразно своему значенію въ лѣстницѣ родоваго старшинства и до тѣхъ только поръ, пока не измѣнилось его родовое положеніе относительно другихъ членовъ рода. Отсюда, какъ только происходила перемѣна въ личномъ его положеніи, то и совершалось перемѣщеніе его на другое мѣсто, въ другую общность по новому счету въ родовомъ старшинствѣ.

2. Второе капитальное положеніе ярославова поученія дѣтямъ—это опредѣніе родоваго старшинства и назначеніе его представителя. При несуществованіи другихъ родственниковъ, Ярославъ вручаетъ старшинство и старшій столъ-Кіевъ старшему сыну, завѣщая младшимъ сыновьямъ повиноваться ему, не какъ старшему брату, а какъ отцу: «да то вы будеть въ мене мѣсто»! Движущее, основное начало этого старшинства есть власть родоначальника, а не подданство.

Старшій, великій князь, былъ блюстителемъ родоваго единства, охранителемъ общеродовыхъ интересовъ. Онъ былъ судьею, посредникомъ и миротворцемъ между членами своего рода. Но само собою разумѣется, что онъ пользовался этими правами только до тѣхъ поръ, пока дѣйствительно поступалъ въ отношеніи къ родичамъ, какъ отецъ; какъ же скоро онъ нарушалъ характеръ отческихъ отношеній, былъ несправедливъ, пристрастенъ, своекорыстенъ, то родичи не считали обязанностію повиноваться и возставали противъ него.

3. Наконецъ, третье положеніе поученія Ярослава — назначеніе каждому члену рода участка въ обладаніи русскою землею, которую собрали отцы и дѣды. Этотъ вопросъ. при общности родоваго обладанія, былъ чрезвычайно важенъ въ то время. Поэтому Ярославъ, назначивъ еще при себѣ каждому изъ сыновей особую область, вмѣстѣ съ тѣмъ поручаетъ старшему сыну, которому передалъ старшинство, охраненіе неприкосновенности братнихъ участковъ, заповѣдавъ не преступать братьняго предѣла. Выше мы уже сказали, что этотъ нарядъ Ярослава, равно какъ и послѣдующіе за нимъ, подобные же *ряды* между членами княжескаго дома, относительно обладанія русскою землею, отнюдь не суть *раздѣлы* общаго родоваго достоянія въ частную собственность, но только распредѣленіе участковъ во временное пользованіе (хлѣбъ ѣсть) до измѣненія родовыхъ счетовъ въ лѣстницѣ родоваго старшинства. Ни одинъ членъ рода, пока родовое единство было крѣпко, и не помышлялъ оставить за собою навсегда ту область, которая доставалась ему по первоначальному счету; напротивъ онъ берегъ, старался не упустить случая покинуть ее при первомъ же измѣненіи счета въ родовомъ старшинствѣ. Родичи, лишенные этого права, считали себя обесчещенными, и цѣлый вѣкъ свой бились за право оставить своюо бласть и получить другую, хотя бы и худшую, но болѣе соотвѣтствующую ихъ сознанію о своемъ родовомъ старшинствѣ.

Изложенныя нами положенія, непосредственно вытекаю-

щія изъ родоваго начала, такъ ясно и опредѣленно высказанныя въ поученіи Ярослава, легли, какъ извѣстно, въ основаніе всей внутренней жизни нашего княжескаго рода. Послѣдующая за Ярославомъ исторія междукняжескихъ отношеній служитъ доказательствомъ ихъ осуществленія въ самой жизни [1]. Но само собою разумѣется, что осуществиться на дѣлѣ, въ жизни, въ ихъ обсолютной чистотѣ, эти положенія никогда не могли. Они были главнымъ правиломъ въ жизни, обыкновеннымъ порядкомъ вещей и были таковыми до тѣхъ поръ, пока было крѣпко въ жизни то движущее начало, котораго они были только внѣшнимъ выраженіемъ. Поэтому, какъ скоро княжескій родъ размножился, родственное чувство утратило въ немъ свою первоначальную силу, родственное единство ослабѣло и сознаніе о немъ затемнилось, то вмѣстѣ съ тѣмъ и главныя положенія, опредѣляющія порядокъ родовой жизни, все болѣе и болѣе дѣлались несостоятельными.

До сего времени мы говорили о пришлой народности, Варягахъ, которые, все болѣе и болѣе сливаясь съ туземнымъ племенемъ, Славянами, усвоили себѣ, наконецъ, родовое пониманіе родственныхъ отношеній, хотя и пришли къ намъ, какъ мы видѣли выше, съ иными понятіями о семейной жизни. Безъ сомнѣнія такого явленія мы не можемъ объяснить иначе, какъ тѣмъ, что во время вступленія ихъ на славянскую почву, они не только застали славянскія племена подъ формами родоваго быта, какъ объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ Несторъ («вста родъ на родъ и не бѣ правды въ нихъ»), но что бытъ этотъ продолжался и до эпохи окончательнаго срощенія ихъ съ Славянами, т. е. до временъ Русской Правды. И дѣйствительно, сохранились, какъ сейчасъ увидимъ, указанія, изъ которыхъ видно, что

[1] Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома, г. Соловьева. Москва, 1847.

родовое начало было и въ это время главнымъ основанiемъ домашняго быта нашихъ предковъ.

Первое свидѣтельство, касающееся нашего вопроса, которое можетъ быть прямо отнесено къ нашимъ Славянамъ, хотя не исключительно къ нимъ однимъ — это извѣстныя слова Святослава, который, получая окупъ съ Цареграда «*имашеть же и за убьеныя глаголя: яко родъ его возметь*» [1]. Въ этомъ извѣстiи мы имѣемъ прямое доказательство, что еще во время Святослава родовая преемственность имуществъ продолжалась; ибо слово *родъ* имѣло общее значенiе *родства*, *родни*, какъ совокупности родственниковъ, безъ различiя ихъ личнаго положенiя и степеней родства. Слѣдовательно, по буквальному смыслу приведеннаго извѣстiя, мы можемъ положительно сказать, что наслѣдовала умершему въ настоящее время вся его родня. Какой же объемъ имѣла эта родня— рода или семейства — объ этомъ можно сдѣлать заключенiе посредствомъ наведенiя, съ одной стороны, отъ ближайшаго предшествующаго свидѣтельства о томъ же предметѣ, и съ другой — ближайшаго послѣдующаго за нимъ. Къ первому относятся постоновленiя договоровъ съ Греками, ко второму постановленiя церковнаго устава Владимiра о подсудности дѣлъ о наслѣдствѣ и Русской Правды о родственной мести.

Въ договорахъ съ Греками, которые, какъ мы знаемъ, составлены были сперва на греческомъ языкѣ и подъ сильнымъ влiянiемъ византiйскаго права, гдѣ, слѣдовательно, наблюдались возможная строгость, точность юридическихъ выраженiй, въ этихъ договорахъ, случаѣ почти подобномъ тому, о которомъ идетъ теперь рѣчь, говорится такъ: имущество убiйцы да возмутъ ближнiи убьенаго, т. е. родственники убитаго. Изъ предшествовавшаго изложенiя мы уже знаемъ, что къ полученiю выкупа за убiйство призывались у Варяговъ, по извѣстному порядку и въ извѣстныхъ доляхъ, родственники убитаго, а не одинъ кто нибудь изъ нихъ. Для обозначенiя, слѣдовательно, порядка преемствен-

[1] П. С. Л. т. I. с. 30.

ности имуществъ по разрядамъ близости родства въ славянскомъ языкѣ было уже еще до Святослава болѣе точное юридическое выраженіе, хорошо знакомое нашему лѣтописцу, которое онъ и употребилъ тамъ, гдѣ это нужно было по существу самаго дѣла, для точнаго выраженія понятій, и употребилъ не случайно, а съ полнымъ сознаніемъ, разумѣніемъ дѣла, ибо выраженіе это находится въ обоихъ договорахъ и употреблено, какъ мы видѣли, нѣсколько разъ. Но этого мало. Изъ вышеприведенныхъ сличеній, мы уже видѣли, что эти выраженія договоровъ суть буквальный переводъ тѣхъ технически-юридическихъ выраженій, которыя употреблялись въ византійскомъ правѣ, когда дѣло шло о наслѣдствѣ, порядокъ котораго былъ семейный, а не родовой. Выраженія эти, слѣдовательно, въ нашихъ источникахъ суть чуждыя намъ фразы безъ всякаго, собственно имъ принадлежащаго, значенія, такъ что, перенесенныя на наши туземныя понятія того времени, они могли имѣть и дѣйствительно имѣли другое значеніе, нежели какое въ византійскомъ правѣ. Иначе этихъ выраженій мы понять не можемъ, ибо еслибы они имѣли у насъ живое содержаніе, были бы выраженіемъ нашихъ туземныхъ понятій, то почему бы лѣтописецъ не употребилъ ихъ, передавая намъ слова Святослава, а замѣнилъ ихъ другимъ болѣе неопредѣленнымъ и имѣющимъ совсѣмъ другое значеніе? Слишкомъ велика разница сказать, что наслѣдуетъ родъ—родня (genus) или наслѣдуютъ ближайшіе изъ родственниковъ—(propinqui, sui)—разница, которая лѣтописцу была слишкомъ хорошо извѣстна. Вездѣ, гдѣ приходилось ему говорить о родственныхъ отношеніяхъ Славянъ или Варяговъ, онъ неизмѣнно употреблялъ выраженіе родъ [1], и только въ договорахъ съ Греками онъ замѣнилъ его другимъ, какъ требовали этого понятія, которыя нужно было выразить. Поэтому, если онъ употребилъ два различныхъ выраженія, говоря объ одномъ и томъ

[1] См. обозрѣніе родственной славянской терминологіи, сдѣланной г. Тюринымъ въ сочиненіи его: Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси. С. Петербургъ, 1850 г. с, 22—31.

же предметѣ, то слѣдовательно, именно хотѣлъ дать понять ту разницу, которую выраженія эти безъ дальнѣйшихъ объясненій дѣйствительно имѣютъ. И такъ, на основаніи значенія словъ Святослава: «имашеть же и за убьеныя, глаголя: яко родъ его возметъ», слѣдуетъ принять и принять положительно, что лѣтописецъ понималъ родъ не въ византійскомъ смыслѣ, ближайшихъ родственниковъ—prorinqui proximi, а въ смыслѣ туземномъ—совокупности всѣхъ родственниковъ, родни вообще, рода. Съ этимъ согласенъ даже г. Бѣляевъ, придавшій, какъ мы видѣли, словамъ договора «малые, милые ближники» свое собственное разумѣніе дѣтей и внуковъ. «Статья гласитъ, объясняетъ онъ, малымъ ближникамъ; слѣдовательно прямо указываетъ на нисходящихъ, на дѣтей и внуковъ; въ противномъ случаѣ вмѣсто малыхъ ближниковъ стоялъ бы родъ или племя, чѣмъ въ нашихъ древнихъ памятникахъ обозначается все родство, цѣлая фамилія» [1], т. е. что родъ означалъ родство, родъ и только.

Для правильнаго пониманія выраженія святослава — яко родъ его возметь—неизлишне припомнить здѣсь о томъ, какъ собиралось войско нашихъ князей при выступленіи въ походъ. Войско это стояло изъ дружины и воевъ, которые набирались изъ народонаселенія городскаго и сельскаго. Такъ собирали войска изъ племенъ Олегъ, Игорь, Святославъ, Владиміръ и Ярославъ [2]. «Видно, говоритъ г. Соловьевъ, и въ этотъ періодъ, какъ въ послѣдующій, князь объявлялъ о походѣ въ городѣ народу, собравшемуся на вѣчѣ. Здѣсь рѣшали выступить — и сельское народонаселеніе выступало по опредѣленію городскаго вѣча. Какъ видно, отецъ выходилъ въ походъ со старшими сыновьями, сколько бы ихъ нибыло, а младшій (также взрослый) оставался дома для храненія семейства, По окончаніи похода, войско, набранное изъ городскаго и сельскаго народонаселенія, распускалось; оно пользовалось добычею, князья выговаривали у побѣжден-

[1] Наслѣдованіе безъ завѣщанія, с. 10, пр. 2.

[2] Изслѣд. и замѣч. и лекціи г. Погодина т. III. с. 86—124.

ныхъ дань въ его пользу. Олегъ требуетъ съ Грековъ по 12 гривенъ на ключь, т. е. на каждую лодью, безъ различія между дружиною и воями, набранными изъ разныхъ племенъ. Дружина, разумѣется, имѣла ту выгоду, что участвовала въ ежегодныхъ даняхъ съ Грековъ и съ своихъ племенъ, вообще во всѣхъ доходахъ княжескихъ. Воины могли довольствоваться только добычею, если, прогнавъ врага, отбивали обозъ, брали плѣнниковъ; дань съ побѣжденныхъ бралась и на долю убитыхъ ратниковъ и шла къ ихъ родственникамъ» [1]. Такой образъ расчисленія дани, продолжаетъ Эверсъ, можно находить у многихъ грубыхъ народовъ. Онъ основывается на первобытной нераздѣльности семейнаго имущества. Всѣ бывшіе въ походѣ имѣли право на выгоды, пріобрѣтенныя посредствомъ похода. Воины поставлялись отъ каждаго рода въ особенности; слѣдовательно, пріобрѣтенное ими въ походѣ принадлежало родамъ, которые поставили ихъ, и чрезъ то самое сдѣлали возможнымъ предпріятіе. Если посему представитель рода по какой нибудь причинѣ не могъ самъ лично получить своего участка, то родъ отъ того не терялъ еще своего права; ибо участіе его нисколько не измѣнялось,—остался ли въ живыхъ или умиралъ поставленный имъ ратникъ. Въ случаѣ смерти ратника, все, что приходилось на часть, было сохраняемо въ пользу рода и отдавалось ему по возвращеніи въ отечество [2].

Но если, съ одной стороны, изъ прямаго смысла словъ Святослава и того значенія, какое они имѣли, видно, что при Святославѣ еще не было у Славянъ понятія о семейномъ наслѣдованіи, то, съ другой стороны, есть положительныя свидѣтельства на то, что въ послѣдующее за Святославомъ время родовое начало все еще стояло на первомъ мѣстѣ, какъ въ личныхъ, такъ и имущественныхъ отношеніяхъ родственниковъ. Свидѣтельства эти сохранились во первыхъ въ уставѣ Владиміра о церковныхъ судахъ и во вторыхъ въ постановленіи Русской Правды о мести.

[1] Исторія Россіи г. Соловьева, т. I. с. 222, 223.

[2] Эверсъ — Древ. Рус. право, въ пер. Платонова, с. 88.

Уставъ Владиміра, исчисляя предметы вѣдомства духовнаго суда, между прочимъ говоритъ: «аще братья и дѣти ростяжутъ о задницю» [1], то судъ между ними принадлежитъ епископу. Въ нѣкоторыхъ спискахъ этого устава вмѣсто дѣтей поставлено «племя», а именно «аще братья и племя ростяжутъ о задницю». И такъ для обозначенія дѣтей древній славянскій языкъ употреблялъ первоначально иное выраженіе, нежели подъ какимъ хочетъ разумѣть ихъ г. Бѣляевъ. Дѣти, по простому, естественному воззрѣнію грубаго народа, представлялись ему племенемъ, плотью отца, т. е. непосредственно отъ него рожденными, нисходящими въ противоположность братьямъ, боковымъ, ближнимъ, милымъ ближникамъ. Такое же словоупотребленіе замѣтно и у другихъ славянскихъ племенъ, напр. въ богемскихъ законахъ, гдѣ plores — племя противополагается proximi haeredes, подъ которыми г. Бѣляевъ также разумѣетъ нисходящихъ [2]. Слово племя, слѣдовательно, въ смыслѣ отдаленнаго потомства, сродниковъ начало употребляться уже въ позднѣйшее время, точно такъ, какъ первоначальное слово родъ перешло потомъ въ народъ. Это свидѣтельство владимірова устава имѣетъ особенное, важное значеніе для нашего вопроса, ибо уставъ этотъ составленъ нашимъ греческимъ духовенствомъ, по понятіямъ котораго, безъ сомнѣнія, считались ближайшими наслѣдниками не братья, а дѣти. Была, слѣдовательно, какая нибудь дѣйствительная причина предпочтенія въ наслѣдствѣ братьевъ дѣтямъ, и эта причина — родовое старѣйшинство первыхъ предъ послѣдними. Подчиняя своему вѣдомству всю семейную жизнь, которая по византійскому праву подлежала разбирательству свѣтскихъ властей, духовенство отнесло къ своему суду и споры родственниковъ за имущество, а видя, что за наслѣдство обыкновенно тягаются братья, которые по родовымъ началамъ, дѣйствовавшимъ въ это время въ

[1] Дополненіе къ акт. истор. т. I. с. 1.

[2] Наслѣдованіе безъ завѣщанія, с. 11.

семейномъ быту, были ближайшими наслѣдниками, оно и внесло въ свой уставъ то, что имѣло предъ глазами въ дѣйствительной жизни, а именно поставило споры братьевъ на первомъ мѣстѣ, а потомъ уже споры дѣтей [1].

Постановленія древнѣйшей Русской Правды о мести еще яснѣе, осязательнѣе доказываютъ нашу мысль. «Ожъ убьетъ мужъ мужа, то мьстить брату брата или сынови отца, любо отцю сына, или брату чаду, любо сестрину сынови; аще не будетъ кто мстится, то 40 гривенъ за голову» [2]. Этотъ порядокъ исчисленія мстителей у Ярослава, говоритъ Неволинъ есть порядокъ родоваго старшинства лицъ. Почему должно принять, что въ законѣ Ярослава мстителями признаются каждый разъ старшіе изъ живыхъ родственниковъ убитаго. Дѣйствительно, пока въ родѣ были старшіе, имъ принадлежало управленіе дѣломъ мести, а не младшимъ. Такимъ образомъ прежде всѣхъ за убійство мстилъ братъ убитаго; если брата не было, то—сынъ; если брата и сына не было, то—отецъ; если ни брата, ни сына и отца не было, то племянникъ отъ брата; наконецъ, если ни брата, ни сына, ни отца, ни племянника отъ брата не было, то племянникъ отъ сестры. Въ этомъ исчисленіи обняты только тѣ родственники, которые, по общему теченію человѣческой жизни, если поколѣнія не отдѣляются другъ отъ друга, могутъ жить вмѣстѣ, въ одномъ домѣ, подъ начальствомъ общаго своего предка, и у народовъ съ крѣпкимъ родовымъ союзомъ дѣйствительно живутъ вмѣстѣ [3].

Мы разсмотрѣли непрерывный рядъ свидѣтельствъ, изъ которыхъ видно, что родовое сознаніе и устройство домашняго быта нашихъ предковъ продолжалось и по призваніи князей до самой Русской Правды. Соображая теперь всѣ эти данныя въ общей ихъ совокупности и поставляя ихъ въ параллель съ развитіемъ общественной жизни этого времени, мы не можемъ не замѣтить, что родовое устройство,

[1] Исторія рос. гр. зак. Неволина, т. III, с. 345.

[2] Изслѣдованіе о Русской Правдѣ, г. Калачева, с. 109, LXXIV.

[3] Исторія рос. гр. зак. Неволина, 344, 345.

продолжая существовать въ теченіи полутораста лѣтъ, во внутреннемъ домашнемъ быту, при иныхъ условіяхъ, нежели при какихъ оно находилось до эпохи призванія, принимало разныя фазы, подвергаясь мало по малу измѣненіямъ, все болѣе и болѣе клонилось къ упадку, постепенно теряя свою исключительную силу, пока, наконецъ, не уступило свое мѣсто другому, новому, семейному.

Въ то время, какъ въ словахъ Святослава: «имашеть же п за убьеныя, глаголя, яко родъ его возметь»—мы видимъ еще сознаніе о родѣ во всей его безличной цѣлости, какъ совокупности родственниковъ безъ различія степеней близости ихъ или отдаленности, уставъ Владиміра, составленный въ духѣ византійскаго права, подъ вліяніемъ византійскихъ представленій о родствѣ, уже различаетъ въ этой безличной массѣ извѣстные ряды лицъ и ихъ родственную іерархію, подчиненіе: на первомъ мѣстѣ братья, какъ старшіе представители лица и имущества умершаго родоначальника, за ними дѣти сего послѣдняго, какъ младшіе представители. Между этими лицами, которыя какъ бы отдѣлились, выступили впередъ, сдѣлались замѣтными, между тѣмъ какъ прежде они совершенно исчезали въ родовой массѣ и всѣ покрывались домовладыкою [1], замѣтно движеніе—споры, обнаруживается же-

[1] Несторъ, сказавши, что Поляне жили родами, указываетъ и на составъ этихъ родовъ: «Поляне бо... имутъ .. стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и родителемъ своимъ, къ свекровемъ, и къ деверемъ. П. С. Л. т. I. с. 6. Въ самое древнѣйшее время мы уже находимъ у Славянъ богатую родственную терминологію, которая только и могла образоваться при совмѣстномъ родовомъ сожительствѣ. Сюда относятся слова: прадѣдъ, дѣдъ, бабка, родитель, отецъ, матерь (мати), мачеха, мужъ, жена, роженье, дитя, чадо, сынъ, дщи (дъчерь, дочь) мачешичъ, пасынокъ, внукъ, правнукъ, праправнукъ, братъ, братеникъ, братанъ, братанъна, братичичъ, братиучадо, сестра, сестричичъ, стрый, (строй), стрыиня, уй, нетій, сыновецъ, сынокъ, своякъ, шюринъ, шюрята, деверь, ятровъ, или ятры, тесть (тъсть) теща, сватъ, свекровь, свекоръ, зять, свѣсть, сноха и пр. Перечисляя этихъ родственниковъ, съ указаніемъ, гдѣ имена ихъ употребляются, г. Тюринъ дѣлаетъ слѣдующее весьма справедливое заключеніе: «Разнообразіе родственныхъ названій у

ланіе отдѣлиться отъ рода, взять свою родовую долю и сдѣлаться самостоятельными. Во время составленія церковнаго устава, приписываемаго Владиміру, уже были слѣдовательно споры о наслѣдствѣ, былъ возможенъ поэтому и раздѣлъ общаго родоваго имущества. Здѣсь, какъ намъ кажется, первая замѣтная точка разложенія родоваго устройства въ сферѣ домашней, частной жизни, тогда какъ эпоха призванія была низложеніемъ его въ сферѣ общественной жизни. Но какъ съ призваніемъ князей родовой бытъ не могъ вдругъ совершенно исчезнуть со сцены общественной жизни и продолжалъ свое существованіе, при первыхъ нашихъ князьяхъ, въ лицѣ старѣйшинъ, старцевъ градскихъ, такъ точно и въ частной, домашней жизни родовое начало исчезало не разомъ, а постепенно, проходя различные періоды дробленія. Уставъ Владиміра впервые вскрываетъ предъ нами родовую занавѣсь и въ общей доселѣ безличной массѣ различаетъ ряды людей, постановленныхъ по родовому старшинству. На первомъ планѣ братья, за ними выступаютъ дѣти, но прочихъ родственниковъ пока не видно: они безгласны, безличны и повинуются движенію передовыхъ лицъ Древнѣйшая Правда идетъ еще далѣе: она различаетъ не только братьевъ и дѣтей, но и прочихъ родственниковъ, о которыхъ доселѣ не было помину: за братьями и дѣтьми

Славянъ явно указываетъ на господство родоваго союза, гдѣ массу родичей соединяетъ одна патріархальная власть и поддерживаетъ между ними сознаніе единства и родства, и гдѣ съ размноженіемъ и съ развитіемъ рода появляются самые отдаленные родичи и самыя дальнія отношенія родства, которыя тѣмъ не менѣе признаются и существуютъ, и каждое изъ нихъ имѣетъ для себя особое наименованіе. Не то бываетъ въ семейномъ союзѣ родителей и дѣтей, гдѣ признается одна только ближайшая, непосредственная связь по крови. Такъ въ особенности было въ Руси послѣ ослабленія господства родоваго союза: тогда даже внуки не считались довольно близкими своему дѣду для права наслѣдовать въ дѣдовскомъ имуществѣ. Общ. жизнь и зем. отношенія, г. Тюрина, С.-Петербургъ, 1850 г. с. 24, 25.

идетъ третій и четвертый рядъ родственниковъ—племянники отъ брата, потомъ племянники отъ сестры. Здѣсь уже яснымъ образомъ родовое единство представляется въ полномъ распаденіи, родовая цѣлость въ разнообразіи лицъ ея составляющихъ. Естественная, физіологическая, крѣпкая связь, которая сливала нѣкогда всѣхъ родственниковъ безъ различія степеней, пола, возраста въ одно безличное цѣлое, теперь въ дѣйствительной жизни рушилась, и осталось только одно голое представленіе о цѣлости рода, которое и выразилось, какъ законное постановленіе, слѣдовательно, какъ сознаніе, какъ мысль въ постановленіи Русской Правды о мести. Физіологическая связь переходитъ въ сознательное чувство; непосредственное бытіе въ сознательное, однимъ-словомъ, *родъ* преображается *въ родство*. Русская Правда не только вскрываетъ намъ личный составъ этого родства, но и опредѣляетъ взаимное положеніе членовъ его, указывая на то значеніе, которое каждый членъ имѣетъ на основаніи родоваго старѣйшинства; однимъ словомъ, она обозначаетъ права и обязанности членовъ. Въ высшей степени справедливы по этому слова Неволина, который говоритъ, что, «такое указаніе порядка лицъ, имѣющихъ право и даже обязанность мести, могло быть необходимо только въ томъ предположеніи, что они, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, не живутъ вмѣстѣ, потому что, какъ скоро они жили вмѣстѣ, разумѣлось само собою, что дѣломъ мести управлялъ старшій изъ нихъ. Слѣдовательно, уже во время Ярослава члены рода не жили по общему правилу, совокупно; слѣдовательно, уже во время Ярослава могло открыться дѣйствительное наслѣдство по по смерти однихъ родственниковъ въ пользу другихъ» [1].

И такъ, находя въ уставѣ Владиміра, первое указаніе на несостоятельность родоваго устройства въ домашнемъ быту, на первыхъ, древнѣйшихъ страницахъ Правды мы видимъ родъ въ полномъ разложеніи: лица выяснились, стали въ ряды и опредѣлилось поколѣнное старшинство между ними. Въ дѣй-

[1] Исторія рос. гражд. зак. Неволина, т. III. с. 344, 345.

ствительной жизни, слѣдовательно, родовыя части живутъ отдѣльно, самостоятельно, но связуются и движутся пока родовыми преданіями, вѣрованіями и обычаями; каждая отдѣльная часть, такимъ образомъ, не есть, строго говоря, ни родъ, ни семья: по количеству членовъ, внѣшнему объему, близости и, такъ сказать, нѣжности чувствъ каждая такая часть рода имѣетъ видъ семьи; по началамъ же, сознанію о родствѣ, преданію—она есть родъ. Сблизившись такимъ образомъ даже по внѣшнему объему, семья и родъ уже не могли оставаться другъ возлѣ друга: естественныя чувства къ дѣтямъ вошли въ противорѣчіе съ сознаніемъ о родовомъ старшинствѣ братьевъ, и начинается постепенное освобожденіе семейнаго начала и отрицаніе родоваго. Такое противорѣчіе между дѣйствительною жизнію и ея сознаніемъ, разумѣется, было теперь источникомъ вѣчныхъ споровъ и вражды въ семейномъ быту [1], какъ это было прежде въ подобную же критическую минуту, въ переходное время, въ сферѣ общественной и какъ это было въ послѣдствіи, при разложеніи нашего княжескаго рода, когда родовыхъ началъ для опредѣленія жизни, съ одной стороны, стало недостаточно, а съ другой новыя, смѣняющія ихъ, начала еще не установились. Выдти изъ этого критическаго положенія, семейной замятни, сами роды, безъ всякаго посредства, не могли, и вотъ является необходимое участіе правительства, какъ прежде призваніе верховной власти въ лицѣ варяжскихъ князей при замѣшательствѣ родоваго начала въ сферѣ общественной жизни. Этимъ и объясняется то замѣчательное явленіе въ нашей исторіи, что только на первыхъ и послѣднихъ стра-

[1] Статутъ Малой Польши прямо высказываетъ эту мысль: «Cum omnis dissensionis et discordiae sit mater communio, in qua etiam fratres aut germani existentes, ad rancores seu lites non modicas, saepius provocantur, ad quas evitandas, homines ipsi ne in periculum incidant vitae utriusque, consveverunt, ut plurimum, homines vivere et stare in propriis domibus separatim de parte bonorum sive haereditatum que ipsos contingit, habita divisione. Ius polonicum, Bandtkie, p. 137, XXXIX.

ницахъ ея, а именно въ періоды Русской Правды и преобразованій мы находимъ такое обиліе (относительно другихъ временъ) юридическихъ постановленій о семейномъ бытѣ нашихъ предковъ, между тѣмъ, какъ во все продолженіе ея, подобныхъ постановленій мы почти не находимъ. Потребность опредѣленія семейнаго быта была, слѣдовательно, въ самой жизни этихъ временъ. И дѣйствительно, во времена Правды, когда родовое начало потеряло свое первенство, а новое, смѣняющее его, семейное еще не вполнѣ выработалось и опредѣлилось, нужно было сперва освободить это послѣднее отъ родовыхъ притязаній, потомъ опредѣлить семью въ противоположность роду. Этой потребности жизни и удовлетворяетъ Правда своими постановленіями о мести и наслѣдствѣ, точно такъ, какъ новоуказныя статьи и постановленія Петра помогли высвободится индивиду отъ убивающей его семейной зависимости и сдѣлаться самостоятельнымъ членомъ государства, помимо своего семейнаго значенія.

ПЕРІОДЪ II

ВРЕМЕНА РУССКОЙ ПРАВДЫ.

ОТДѢЛЕНІЕ I

Выясненіе семейнаго начала.

До сихъ поръ мы старались подмѣтить и прослѣдить постепенное разложеніе въ домашнемъ быту нашихъ предковъ стараго родоваго начала. Но упраздненіе стараго начала совершается всегда и во всѣмъ, а слѣдовательно и по отношенію къ предмету нашего разсужденія, по мѣрѣ постепеннаго зарожденія, развитія и укрѣпленія новаго. Вопросъ не менѣе важный состоитъ теперь въ томъ: когда же и при какихъ условіяхъ появляются въ нашемъ домашнемъ быту первые зачатки новаго начала семейнаго? съ какимъ содержаніемъ и въ какой формѣ является наше древнее семейство и какія, наконецъ, положило оно начала для наслѣдованія въ имуществахъ?

Первыя понятія о семействѣ, въ полномъ смыслѣ этого слова, были принесены на славянскую почву христіанствомъ, которое не могло равнодушно смотрѣть на нашъ грубый семейный бытъ — хранилище язычества. Первымъ дѣломъ христіанскаго духовенства было — подчинить своему вѣдомству всю семейную жизнь Славянъ, чтобы имѣть возможность непосредственно дѣйствовать, какъ на грубость нравовъ, такъ на язычество [1]. «Легко понять, говоритъ г. Соловьевъ, какое

[1] О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго, г. Неволина, Жур. Мин. Нар Пр. 1847. г. Іюль ч. LV. LVI.

вліяніе должна была оказать церковь, подчинивъ своему суду отношенія семейныя, оскорбленія чистоты нравственной и преступленія, совершавшіяся по языческимъ преданіямъ. Духовенство съ своимъ судомъ вооружилось противъ всѣхъ прежнихъ языческихъ обычаевъ, противъ похищенія дѣвицъ, противъ многоженства [1], противъ браковъ въ близкихъ степеняхъ родства. Церковь взяла женщину подъ свое покровительство и блюла особенно за ея нравственностію, возвысила ея значеніе, поднявши мать въ уровень съ отцомъ, что ясно видно изъ отношеній женщины по имуществу. Духовенство блюло, чтобы родители не женили сыновей, не отдавали дочерей замужъ насильно; преслѣдовало преступленія, которыя унижаютъ человѣка, приравниваютъ его къ звѣрю. Семья, до сихъ поръ зомкнутая и не зависимая, подчиняется надзору чуждой власти, христіанство отнимаетъ у отцевъ семействъ жреческій характеръ, который они имѣли во времена языческія; подлѣ отцовъ природныхъ являются отцы духовные, что прежде подлежало суду семейному, теперь подлежитъ суду церковному [2]. Однимъ словомъ, принявши нашу семейную жизнь въ ближайшее свое завѣдываніе, греческое наше духовенство стремилось постановить ее, съ одной стороны, на началахъ христіанской нравственности, а съ другой дать ей то юридическое опредѣленіе, какое она имѣла въ Греціи. Но какъ то,

[1] Слѣды вліянія христіанства сохранились во многихъ преданіяхъ. Такъ одна изъ чешскихъ пѣсенъ поетъ: «Отецъ отошелъ къ отцамъ, оставилъ въ дѣдинѣ своихъ дѣтокъ и женъ, и никому не сказалъ: батя! ты говори къ нимъ отеческими словами. И пришелъ чужіе въ дѣдину и заговорилъ чуждыми словами и сталъ вводить чужіе обычаи и, какъ дѣлалось въ чужой волости (землѣ), такъ заповѣдалъ онъ, чтобъ было у насъ—велѣлъ намъ имѣть на всю жизнь по одной женѣ.» Общ. жизнь и земск. отношенія въ др. Руси г. Тюрина. Намъ кажется, что здѣсь выражено преданіе о вліяніи христіанскаго духовенства. с. 38.

[2] Исторія Россіи г. Соловьева. т. I. с. 261 и 262.

такъ и другое, на первыхъ парахъ, было дѣломъ рѣшительно невозможнымъ: измѣненіе и смягченіе въ народѣ нравовъ, равно и развитіе юридическаго въ немъ сознанія, есть дѣло времени и дѣло трудное. «Древнее языческое общество не вдругъ уступило новой власти свои права; оно боролось съ нею и боролось долго; долго, какъ мы знаемъ, Славяне — христіане только по имени — не хотѣли допускать новую власть вмѣшиваться въ свои семейныя дѣла; долго требованія христіанства имѣли силу только въ верхнихъ слояхъ, и съ трудомъ проникали внизъ, въ массу, гдѣ язычество еще жило на дѣлѣ, въ своихъ обычаяхъ» [1]. Но этого мало. Чтобы дѣйствовать благотворно на народныя убѣжденія, христіанство само должно было сдѣлать на первый разъ нѣкоторыя уступки въ пользу язычества. Безъ этого всѣ усилія духовенства, не смотря на сильную поддержку со стороны ревностныхъ нашихъ первыхъ христіанскихъ князей, далеко не достигли бы своихъ цѣлей. Такъ неизмѣримо велико было разстояніе между мірами христіанскимъ и языческимъ и бытомъ народовъ грубаго, младенческаго и образованнѣйшаго народа древности! Поэтому не только требованія христіанской религіи, но и гражданскія постановленія грекоримскихъ законовъ первоначально не могли быть приложимы въ полной ихъ чистотѣ [2]. Мы видѣли, что на первомъ же шагу, примѣненіе грекоримскихъ понятій къ нашему семейному быту оказалось невозможнымъ. Подчиняя духовному вѣдомству дѣла о наслѣдствѣ, уставъ Владиміра уже долженъ былъ сдѣлать уступку туземнымъ понятіямъ о семъ предметѣ и, вмѣсто дѣтей, которые были, по византійскому праву, первыми и ближайшими наслѣдниками умершаго, онъ признаетъ таковыми братьевъ, какъ старшихъ въ семействѣ, по родовому о немъ сознанію и за ними помѣщаетъ уже дѣтей, слѣдовательно, какъ дальнѣйшихъ наслѣдниковъ. На первый разъ, слѣдо-

[1] Тамъ же.

[2] О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго, Неволина, Жур. Мин. Нар. Пр. ч. LV. с. 111—113.

вательно, духовенство могло только при помощи общественной власти подчинить себѣ семейный бытъ Славянъ для надзора и нравственнаго воздѣйствія — не болѣе [1], юридическое же опредѣленіе его, равно какъ и измѣненіе нравственныхъ его началъ могло совершится только со временемъ, подъ совокупнымъ усиліемъ самой жизни, новой религіи и общественной власти. Тѣмъ не менѣе, христіанство впервые принесло на нашу почву понятіе о семействѣ и новое, совершенно противоположное славянскому, пониманіе семейныхъ отношеній. То, что было по языческимъ и родовымъ понятіямъ забыто, угнетено, лишено правъ и значенія въ домашнемъ быту, то именно, въ слѣдствіе христіанскаго и семейнаго сознанія родственныхъ отношеній, было принято церковью подъ ея непосредственное покровительство. Дѣти, женщины и рабы, существа почти вполнѣ безправныя, при родовомъ устройствѣ домашняго быта, сдѣлались предметомъ постоянной заботливости и попеченія христіанскаго духовенства, точно также, какъ и смягченіе семейныхъ властей — отца, мужа и господина [2]. Съ этого времени во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось семейныхъ отношеній, источникомъ юридическаго ихъ опредѣленія было византійское законодательство, изъ котораго мало по малу начали переводить на славянскій языкъ постановленія о семейныхъ правахъ и обязанностяхъ. Съ этою цѣлію, въ дополненіе къ Св. Писанію, цѣлые кодексы греко-римскихъ постановленій были буквально, цѣликомъ переведены на славянскій языкъ и приняты въ руководство при всеобщемъ преобразованіи славянскаго быта, особенно же на первый разъ, жизни семейной, этой ближайшей почвы христіанскаго ученія. Не говоря о такъ называемыхъ церковныхъ уставахъ Владиміра, Ярослава, Святослава, уставной грамоты Смоленской епископіи, которые утверждаютъ власть духовенства вообще и опредѣ-

[1] Таково значеніе церковнаго устава Владиміра. Тамъ же.

[2] Тамъ же, ч. LVI, III. — Обозрѣніе греко-римскихъ законовъ въ отношеніи къ церкви. Жур. Мин. Нар. Просв. 1850 г. ч. LXV.

ляютъ предметы ея вѣдомства, постановленія, заимствованныя на первый разъ для руководства, при опредѣленіи нашего семейнаго быта, были слѣдующія:

1. Законъ судный людемъ царя Константина Великаго. Онъ составляетъ 46 главу печатной Кормчей и содержитъ въ себѣ выписки изъ законовъ Юстиніана, и Эклоги Льва и Прохирона Василія [1].

2. Закона градскаго главы различны въ четыредесятихъ гранѣхъ, составляющіе 48 главу печатной Кормчей [2].

3. Леона царя премудраго и Константина вѣрною царю главизны о совѣщаніи обрученія, и о брацѣхъ и о иныхъ различныхъ винахъ. Въ печатной Кормчей они занимаютъ 49-ю главу [3].

4. Независимо отъ обозначенныхъ выше сборниковъ, помѣщенныхъ въ нашей Кормчей, духовенство руководилось, при разсмотрѣніи семейныхъ дѣлъ, и другими греческими узаконеніями, кои могли быть болѣе или менѣе примѣняемы къ семейному быту Славянъ того времени. Сюда относится церковное правило митрополита Іоанна, грамота митрополита Кипріана вдовѣ Ѳеодосіи на усыновленіе пріемыша и др. Вообще все византійское право было источникомъ, изъ котораго духовенство почерпало разрѣшенія на возникающіе по семейнымъ дѣламъ вопросы. Впрочемъ, дѣйствуя въ духѣ христіанства, оно имѣло предъ собою огромный запасъ библейскихъ постановленій, изъ коихъ нѣкоторыя также были приняты имъ къ ближайшему свѣдѣнію и руководству. Съ этою цѣлію

[1] Обозрѣніе Кормчей книги Барона Розенкампфа с. 133—145. Сочиненіе Бинера de collectionibus canonum ecclesiae graecae p. 63. О вліяніи греко-римскаго права на рос. гражд. законы, г. Рождественскаго, Актъ С.-Петербургскаго Университета 1843 г. с. 117, 118.

[2] *Ὁ πρόχειρος νόμος* — Zachariae, Heidelb. 1837. Histoire du droit Bys. par M. Mortreuil, t. II. Paris 1844. p. 22—39.

[3] Delectus Legum (*Ἐκλογὴ τῶν νόμων*) compendiarius factus ab Leone et Constantino, sapientibus Augustis. Leunclavii, Jus Greco - Romanum, t. II. p. 100—130. — *Ὁ πρόχειρος νόμος* — Zachariae p. XXIII, XXIV.— Hist. du dr. Bys. par M. Mortreuil, p. 357—372.

внесено въ наши кормчія «избраніе отъ закона Богомъ даннаго израильтянамъ Моисеомъ» [1]. Само собою разумѣется, что всѣ указанныя постановленія византійскаго права, обнимающія собою всю семейную жизнь, въ настоящее время не могли и не имѣли силы закона, а были только приняты къ свѣдѣнію и руководству.

Г. Бѣляевъ, разсматривая византійскія постановленія, которыя, по его мнѣнію, должны были имѣть у насъ силу закона, между прочимъ говоритъ: «по всему вѣроятію въ то время, какъ церковь руководилась въ дѣлахъ по наслѣдству узаконеніями, помѣщенными въ Номоконовѣ, народъ Русскій, когда дѣло не доходило до суда, предоставленнаго церкви, слѣдовалъ своимъ старымъ обычаямъ или замѣнялъ ихъ новыми.... У насъ, какъ и вездѣ, народъ постоянно жилъ и живетъ подъ двумя законами: подъ закономъ положительнымъ и подъ закономъ обычаевъ; положительный законъ и обычай, нерѣдко противорѣчащіе другъ другу, тѣмъ не менѣе долго уживаются другъ съ другомъ не сталкиваясь» [2]. Признаемся, что мы не совсѣмъ понимаемъ юридическое созерцаніе г. Бѣляева. О двухъ законахъ, изъ которыхъ — по одному народъ живетъ, а по другому судится въ одно и тоже время и притомъ такъ, что эти два противорѣчащіе закона не сталкиваются между собою—до сего времени, сколько мы знаемъ, не было извѣстно никому, кромѣ г. Бѣляева. Это ученіе новое и вполнѣ оригинальное. Намъ кажется, что нужно признать законную силу за чѣмъ нибудь однимъ, т. е. или за закономъ и тогда обычай не имѣетъ юридическаго значенія, или же за обычаемъ и тогда законъ теряетъ силу, уничтожается. Такъ и было съ извѣстнымъ указомъ Петра I-го о единонаслѣдіи, на который указываетъ и г. Бѣляевъ. Тоже должно сказать и о постановленіяхъ нашей Кормчей относительно семейнаго быта вообще и наслѣдованія въ особенности. Первоначально, пока туземныя, языческія понятія

[1] Печатная Кормчая.

[2] Наслѣдованіе безъ завѣщанія. Москва, 1858 г. с. 23—24.

и обычаи были сильны у народа, они не могли и, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно не имѣли законной силы, не смотря на всѣ усилія церкви и правительства, пока, наконецъ, не измѣнились самые нравы. А до этого времени византійское право и всѣ сдѣланныя изъ него извлеченія для нашихъ кормчихъ имѣли одно только нравственное, а не юридическое значеніе.

Но въ то время, какъ церковь открывала борьбу противъ язычества и особенно старалась поразить его въ нѣдрахъ семейства, насаждая въ немъ христіанскія и, само собою разумѣется, византійскія понятія, правительство, по своимъ собственнымъ побужденіямъ, подаетъ руку христіанству и преслѣдуетъ послѣдніе остатки родоваго быта. Выше мы замѣтили, что первоначально наша домашняя жизнь была совершенно свободна отъ контроля и вмѣшательства со стороны новопризванной общественной власти, которой нужно было сперва самой окрѣпнуть и организсваться, чтобы воспріять правильное участіе въ народной жизни. Сначала призванное правительство было у насъ ходячее: призванные князья, посадивъ кое-гдѣ своихъ мужей, обходили по временамъ славянскія племена и брали дань съ ихъ родовъ, или какъ говоритъ лѣтописецъ, *съ дыма*, дома, жилища. Этимъ на первыхъ порахъ и ограничивались всѣ ихъ отношенія къ туземцамъ. Но вотъ, наконецъ, послѣ двухъ столѣтій, народности славянская и варяжская сжились, патріархально-общинный бытъ установился, общественная власть устроилась и начинаетъ дѣйствовать и на семейную жизнь Славянъ, на сколько эта послѣдняя противорѣчила новому порядку вещей. Славянскіе роды, глубоко потрясенные призваніемъ чужеземныхъ властителей и ослабленные естественнымъ раздробленіемъ, пользовались, какъ видно, еще и въ это время значительною самостоятельностію, не совмѣстною съ новымъ бытомъ и его общественною властію. Нужно было, поэтому, опредѣлить ихъ положеніе. Въ этомъ опредѣленіи нашего древняго домашняго быта со стороны общественной власти видна та органическая постепенность, въ которой новое се-

мейное начало все болѣе и болѣе освобождаться отъ старыхъ родовыхъ притязаній. Освобожденіе это совершалось сперва въ личныхъ отношеніяхъ, а потомъ въ имущественныхъ; первое выразилось въ законныхъ постановленіяхъ о мести, второе въ постановленіяхъ о наслѣдствѣ и имуществѣ вообще.

1. Дѣйствіе родоваго начала въ домашнемъ быту народа всего виднѣе въ мести, которая всегда идетъ по законамъ сознанія о родствѣ. Обращаясь съ этою общею мыслію къ древнѣйшему періоду нашей исторіи, мы видимъ сперва полное господство родственнаго мщенія и родоваго начала. Пока это послѣднее крѣпко, до тѣхъ поръ и месть не знаетъ никакихъ ограниченій. Такое безграничное дѣйствіе мести находимъ мы во времена Олега, Игоря, Ольги. Кровь за кровь, всѣ за одного и одинъ за всѣхъ—вотъ первое ея требованіе. Никакихъ ограниченій, по крайней мѣрѣ, для Славянъ пока не видно. Въ случаѣ обиды, вражды, вставалъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, родъ на родъ. Владиміръ, какъ мы знаемъ, не считалъ себя въ правѣ уничтожить родственную месть и хотя сдѣлалъ, по убѣжденію духовенства, попытку къ ограниченію ея, установивъ за разбой, вмѣсто виры, смертную казнь, но попытка эта не удалась: по совѣту тѣхъ же епископовъ и старцевъ, онъ возстановилъ виру [1]. Въ послѣдствіи времени, по мѣрѣ разложенія родственныхъ союзовъ, развитія общинной жизни, организаціи правительства, которое принимаетъ на себя и общественную безопасность, кровная месть начинаетъ слабѣть. Но не всѣ родственники вдругъ отказываются отъ права на месть. Обыкновенно и

[1] «Рѣша епископи Володимеру: «се умножишася разбойници; почто не казниши ихъ»? Онъ же рече имъ: «боюся грѣха». Они же рѣша ему: «ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоить ти казнити разбойника, но со испытомъ. Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбойникы, и рѣша епископи и старци: «рать многа; оже вира, то на оружьи и на конихъ буди». И рече Володимеръ: «тако буди». И живяше Володимеръ по устроенью отьню и дѣдню». П. С. Л. т. I. с. 54. Обозрѣніе Кормчей книги. Розенкампфа, Москва, 1829 г. с. 88, пр. 96.

здѣсь замѣчается извѣстная постепенность: сперва теряютъ право мести отдаленнѣйшіе родственники, между которыми не такъ крѣпки родственныя чувства, потомъ ближайшіе и, наконецъ, члены семьи [1]. Вѣрный ходу историческаго развитія, родовой бытъ нашихъ предковъ, потерявъ прежнюю исключительную силу, все еще по обычному представленію о домашнемъ бытѣ, продолжаетъ существовать и въ настоящее время: члены родовыхъ союзовъ, разрозненныхъ на составныя свои части, все еще сознаютъ, однако, свое родственное единеніе, высказывая его въ сочувствіи къ общеродовымъ интересамъ, каково напр. самозащищеніе. При такихъ понятіяхъ, самоуправству не можетъ быть конца. Чтобы, сколько возможно, ограничить эту родовую расправу, которая уже не совмѣстна съ новою общинною жизнію, *общественная власть*, какъ только она достаточно установилась, первымъ своимъ законодательствомъ и *запрещаетъ родовую месть*. Все, что могла сдѣлать въ этомъ отношеніи на первый разъ общественная власть, такъ это—дать внѣшнее, хотя не совсѣмъ еще согласное съ народнымъ убѣжденіемъ, опредѣленіе семейному быту, что она и дѣлаетъ, ограничивая кругъ дѣйствія родственной мести количественно, извѣстнымъ числомъ степеней родства [2]. Русская Правда дозволяетъ кровную месть только до племянниковъ по мужескому и женскому колѣнамъ, устраняя отъ права мести всѣхъ дальнѣйшихъ родственниковъ. Постановивши послѣдними мстителями племянниковъ [3], она заключаетъ: «ожели не будеть кто его мьстяи то положити за голову 80 гривенъ аче ли будеть

[1] Эверсъ, въ пер. Платонова с. 56. — О наказаніяхъ существовавшихъ въ Россіи до царя Алексѣя Михайловича. Соч. г. Деппа, с. 6—8.

[2] Исторія Россіи г. Соловьева, т. I. с. 230, 231, 232 и слѣд.—Эверсъ въ пер. Платонова с. 317—321.

[3] Ажъ кто убьетъ мужъ мужа, то мьстити брату брата, любо отцю, любо сыну, любо брато чаду, любо сестрину сынови... Изслѣд. о Русс. Правдѣ г. Калачева, с. 109. LXXIV. (11).—Рейцъ, въ пер. Морошкина, с. 55.

княжь мужь или тіунъ княжь или тивуна княжя. Аче ли будеть русинъ и горожанинъ любо гридь, любо купець, любо тивунъ боярескъ, любо ябетникъ, любо мечникъ, любо изгои, любо словенинъ, то 40 гривенъ положити зань» [1]. Кому платилась эта вира, объ этомъ прямо не говоритъ Правда; но изъ того, что за лицъ разныхъ званій убійца долженъ былъ положить различную плату, должно думать, что вира платилась князю, ибо, по отношенію къ родственникамъ, подобное различіе не имѣло бы значенія. Дальнѣйшіе, слѣдовательно, родственники, вѣроятно уже отдѣлившіеся и жившіе особымъ домомъ и хозяйствомъ, устранялись Правдою отъ мести, хотя нѣтъ сомнѣнія, что и они имѣли право на вознагражденіе за потерю родича [2]. Это право дальнѣйшихъ родственниковъ на полученіе виры, продажи находится въ ближайшей, непосредственой связи съ правомъ выкупа родовыхъ имуществъ, которое, какъ сейчасъ увидимъ, необходимо должно было образоваться при послѣдовавшемъ предпочтеніи нисходящей линіи предъ боковою въ наслѣдствѣ.

Дѣти Ярослава сдѣлали *второе ограниченіе родственной расправы*, родоваго самовластія, а именно, они лишили права кровной мести и тѣхъ ближайшихъ родственниковъ, которые обыкновенно живутъ вмѣстѣ, составляютъ какъ бы семью. «По Ярославѣ же пакы съвъкупившеся сынове его русьтіи князи Изяславъ, Святославъ Всеволодъ и мужи ихъ Къстячько Перенѣгъ, Никифоръ, Кыянинъ Чудинъ Микула и отложиша убіеніе за голову, кунами ся выкупати» [3]. Кровная месть, родовое самоуправство, отмѣняется такимъ образомъ совершенно. Право на полученіе выкупа переходитъ

[1] Изслѣдованіе о Русс. Правдѣ г. Калачева с. 109. LXXIV.

[2] Эверсъ (с. 320) полагаеть, что плата за убійство выдавалась родственникамъ убитаго; но мы знаемъ, что Владиміръ уже бралъ виры съ разбойниковъ. Деппъ дѣлитъ выкупы на виры и продажи, полагая, что первыя шли князю, а вторые родственникамъ.

О наказаніяхъ до царя Алексѣя Михайловича. С.-Петербургъ, 1848 г.

[3] Изслѣд. о Русс. Правдѣ, г. Калачева с. 109 и 110. LXXV.

теперь къ тѣмъ ближайшимъ по родовому сознанію родственникамъ, которые лишились права кровной мести, а за неимѣніемъ ихъ и къ родственникамъ дальнѣйшимъ, ибо «иное все якоже Ярославъ судилъ, такожде и сынове его уставиша» [1], т. е. что права и этихъ родственниковъ остались неприкосновенными. Родственное единеніе сохраняется такимъ образомъ и въ настоящее время, по отношенію къ имущественнымъ правамъ [2].

Отмѣна кровной мести и появленіе системы выкуповъ есть фактъ многозначительный въ нашей древней исторіи. Здѣсь мы видимъ окончательное паденіе родственнаго самовластія и замѣну его властію общественною, что ясно высказывается въ постановленіяхъ Правды о дикой вирѣ. Первобытный родъ, раздробившись на отрасли, живущее вмѣстѣ родство, превратился въ патріархальную общину, къ которой и переходятъ его права и обязанности. За убійство платилъ убійца; но если онъ не извѣстенъ, не найденъ, то за него должна была платить вервь [3], точно такъ, какъ прежде за убійцу отвѣчалъ его родъ. Въ первомъ случаѣ плату за убійство получали тѣ родственники убитаго, кои имѣли прежде ближайшее право мести, во второмъ — правительство, князь. Право наказанія, слѣдовательно, въ это время уже начало переходить въ руки князя, а не рода; родство же получало только вознагражденіе за потерю своего члена. Такимъ образомъ самовластіе родовъ, вмѣстѣ съ разложеніемъ ихъ, исчезаетъ совершенно [4].

[1] Тамъ же.

[2] Исторія Россіи г. Соловьева т. III. с. 79 и 80.

[3] Рус. Правда, по изд. г. Калачева, с. 113. LXXXVIII, LXXXIX, XC. Такъ было и у другихъ славянскихъ племенъ: юрид. бытъ Силезіи и Лужицъ, г. Кавелина, въ Сборникѣ истор. и стат. свѣдѣній о Россіи, Д. В. Москва, 1845. с. 14.

[4] Исторія Россіи г. Соловьева, т. III. с. 79 и 80. — Рейцъ, въ пер. Морошкина, с. 182, пр. 3: «обязанность округа («вервь, верея») платить часть виры происходила вопервыхъ отъ обязанности имѣть

2. Но отказавшись отъ своихъ правъ въ личномъ отношеніи, отъ своей расправы, роды все еще удерживаютъ за собою притязанія на общее имущественное достояніе, которое все еще разсматривалось и въ это время, какъ родовая собственность. Отсюда вытекаетъ необходимость опредѣленія наслѣдованія имуществъ, что и дѣлаетъ позднѣйшая Правда. Правда XIII столѣтія постановляетъ, что *наслѣдуютъ прежде всѣхъ дѣти*; боковое, слѣдовательно, родство отодвигается за нисходящую линію. Родовое начало теряетъ такимъ образомъ свое господство въ домашнемъ быту и уступаетъ первенство началу семейному, которое съ этого времени вступаетъ въ свои права и начинаетъ пріобрѣтать все большую и большую силу. Вмѣстѣ съ тѣмъ и отецъ семейства, вполнѣ теперь свободный семейный властелинъ, получаетъ право распоряжаться семейнымъ имуществомъ по своему усмотрѣнію. Русская Правда, устранивъ притязанія старшихъ родичей, вводитъ по отношенію къ отцу семейства римское правило: paterfamilias uti legassit, ita jus esto: «Аже ли кто умирая раздѣлитъ домъ свой дѣтемъ, на томъ же стояти; пакы ли безъ ряду умретъ, то все дѣтемъ, а на самаго часть дати по души» [1].

Семейное начало поставлено такимъ образомъ во главу домашней жизни и отъ него уже идетъ дальнѣйшее признаніе родства. Это основное положеніе, которое Русская Правда

надзоръ за сохраненіемъ порядка, вовторыхъ отъ постепеннаго образованія таковыхъ округовъ (общинъ) изъ родственниковъ, кои селились въ одномъ мѣстѣ. Вѣроятно это постановленіе относилось не только къ древнимъ общинамъ, но и къ улицамъ городовъ и вообще къ мѣстамъ общаго жительства. Трудно опредѣлить, какую часть виры платилъ округъ, ибо законъ не ясенъ. Вообще округъ отвѣтствовалъ, когда находили мертвое тѣло («вира дикая»); если виновный скрывался, то округъ платилъ виру, смотря по состоянію убитаго, исключая тотъ случай, когда его не знали («на костехъ на мертвецѣ»). Но если убійца (душегубецъ) найдется, то округъ выдаетъ его и освобождается отъ виры».

[1] Изслѣд. о Русс. Правдѣ г. Калачева с. 102. LXI.

выражаетъ для народной массы, князья принимаютъ въ руководство и при опредѣленіи своихъ взаимныхъ отношеній. На съѣздѣ въ Любичѣ они постановили «кождо да держитъ вотчину свою», т. е. что сыновья удерживаютъ въ своемъ владѣніи то, чѣмъ владѣли отцы ихъ. Постановленіе это вполнѣ подтверждаетъ нашу мысль: спрашивается, къ чему бы установлять посредствомъ договора то, что было крѣпко въ самой жизни, признавалось закономъ? Видно чувствовалась въ этомъ особенная нужда, если князья, выразивъ съ такою ясностію и опредѣленностію основное начало своихъ родственныхъ отношеній, опредѣлили—защищать это положеніе общими силами—отъ кого? Отъ самихъ же себя, отъ своего родства.

Но семейное начало не вдругъ, какъ видно, утвердилось окончательно. Не смотря однако на то, что наше первое законодательство такъ рѣзко опредѣлило права семейства, въ противоположность роду, по отношенію къ наслѣдству, старшіе родичи и послѣ Русской Правды не переставали при случаѣ объявлять своихъ притязаній на имущество, перешедшее къ семейству изъ рода. Отсюда необходимость тѣхъ замѣчательныхъ юридическихъ выраженій, которыми семейное начало постоянно ограждалось отъ родовыхъ притязаній. Въ древнихъ, писанныхъ въ XIV—XV столѣтія актахъ пріобрѣтенія и отчужденія имуществъ, пріобрѣтатель, обыкновенно, употреблялъ о себѣ выраженіе, что онъ купилъ, вымѣнялъ, вообще пріобрѣлъ такое-то имущество *себѣ и своимъ дѣтямъ* [1]; а уступавшій другому свое имущество также писалъ въ грамотѣ, что онъ продалъ, промѣнялъ, вообще уступилъ свое имущество *такому-то лицу и его дѣтямъ* [2]. Выраженія эти, «весьма вѣроятно, возникли въ самыя древнѣй-

[1] Акты юрид. № 71, гр. III. VI.—XXI, XXIII, XXVI, XXXII—XXXVI. № 75, 76, 78, 79, 82, 83.

[2] Тамъ же № 93, 101, 102.

шія времена и обязаны своимъ происхожденіемъ отчасти стремленію родителей сохранить оставшееся послѣ нихъ имущество въ пользу своихъ дѣтей, противъ притязаній старшихъ родственниковъ, которые, по древнимъ законамъ, могли считать себя ближайшими наслѣдниками умершаго, хотя бы онъ оставилъ послѣ себя потомство»[1]. Въ послѣдствіи, когда притязанія старшихъ родичей на первенство предъ нисходящими совершенно исчезли, обветшалая форма этихъ выраженій, разумѣется, приняла новое значеніе. «Какъ въ древнія времена слова: «купить и продать» имѣли весьма обширный смыслъ и означали всякую передачу однимъ лицомъ другому своего имущества за деньги, было ли имущество передаваемо въ вѣчную и потомственную собственность, или только во временное пользованіе и владѣніе; какъ далѣе предполагалось, что если въ актѣ уступки не были употреблены извѣстныя выраженія, которыя означали передачу имущества новому пріобрѣтателю въ вѣчное и потомственное владѣніе, оно считалось уступленнымъ во временное владѣніе, впредь до выкупа его или самимъ прежнимъ владѣльцемъ или его дѣтьми или его родственниками: то внесеніе означенныхъ выраженій въ актъ, которымъ уступалось имущество въ вѣчное владѣніе, было совершенно необходимо для означенія дѣлаемой въ этомъ смыслѣ уступки»[2].

Право выкупа, слѣдовательно, находится въ прямой, не посредственной связи съ устраненіемъ боковыхъ родственниковъ отъ наслѣдства; оно есть необходимое слѣдствіе этого устраненія, какъ бы *вознагражденіе боковыхъ старшихъ родственниковъ за утраченное право первенства* и въ свою очередь ясно свидѣтельствуетъ о старинныхъ правахъ рода, о преобладаніи нѣкогда въ семейномъ быту родоваго начала, о томъ предпочтеніи старшихъ родичей передъ младшими и нисходящими, которое мы видѣли выше. Такъ было не только у

[1] Исторія росс. гражд. законовъ Неволина, т. I. с. 344–349.
[2] Тамъ же.

насъ, но у всѣхъ славянскихъ племенъ, у Богемцевъ [1], Поляковъ [2], а у Черногорцевъ это правило дѣйствуетъ и теперь съ полною силою [3]. Вездѣ у Славянъ, по разрушеніи родоваго быта, родственники-родичи, при отчужденіи семейнаго

[1] Исторія др. нас. права у Славянъ, г. Губе, с. 73. — Ordo judicii terrae. Archiv Český, Palacký, Praze, 1842, p. 114, § 69.

[2] См. приложеніе подъ № II. — О правѣ выкупа у Поляковъ свидѣтельствуетъ множество судебныхъ рѣшеній и купчихъ грамотъ XII, XIII и XIV вѣковъ. Древнѣйшій изъ этихъ актовъ восходитъ до 1220 года и помѣщенъ in Codice diplomatico Poloniae (ed. Bzyszczewski et Muczkowski 1847) T. I. № XI. Весьма любопытенъ слѣдующій отрывокъ изъ Liber fundationis Claustri S. Mariae in Heinrichow, изданнаго Штенцелемъ въ 1856 г. во Вроцлавлѣ и относящагося къ XIII вѣку: Sed scire debetis, domine Abbas, quod aput attavos nostros et patres ex antiquo statutum est, ut si quisquam de genere Polonorum vendidit quodlibet patrimonium suum, ejus heredes postmodum poterunt redimere. Sed forte vos Theuthonici non plene intelligitis quid sid patrimonium? Ut ergo plenarie intelligatis, vobis exponam. Si quicquam possideo, quod avus meus et pater mihi in possessironem reliquerunt, hoc est meum verum patrimonium. Hoc si cuiquam vendidero, heredes mei habent potestatem jure nostro requirendi. Sed quamcunque possessionem mihi dominus dux pro meo servicio seu gratia donaverit, illam vendo, eciam invitis amicis meis, cuicunque voluero, quod in tali possessione non habent heredes mei jus requirendi. p. 43. Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу г. Спасовича.—Статутъ Пол. короля Казимира III, данный съ Вислицѣ, 1347. А. З. Р. т. I. с. 17, § 124: Коли хто купитъ дѣдичьство, а держить 3 лѣта и 3 мѣсецы съ упокоемъ, безъ нагабанія, а коли жъ нѣкоторый пріятель, а любо прирожены, по тыхъ трехъ лѣтѣхъ, близкостью, хотѣлъ бы выкупить; тогды мы правѳ уставляемъ: коли жъ тыи 3 лѣта и 3 мѣсяцы молчалъ, тогды имѣетъ на вѣкы вѣчны молчать.

[3] «Кто (изъ Черногорцевъ) вздумаетъ продать какое-бы то ни было недвижимое имущество, то прежде долженъ спросить при свидѣтеляхъ родственниковъ, не хотятъ ли они купить, потомъ смежныхъ сосѣдей (мрчинянъ). Если они откажутся, тогда онъ можетъ продать, кому хочетъ, изъ своего села или племени. Если состоится продажа, то должна быть при трехъ свидѣтеляхъ заключена купчая, съ подписаніемъ года, мѣсяца, числа и уплаты денегъ.

имущества, имѣли предпочтительное право на его пріобрѣтеніе, посторонніе допускались только тогда, когда родственныя покупки почему либо не могли имѣть мѣста. Выкупъ, слѣдовательно, не есть явленіе исключительно наше русское, но общеславянское и объяснять его искуственнымъ произведеніемъ московскихъ царей нѣтъ никакой надобности. Дѣло слишкомъ ясно говоритъ само за себя: выкупъ существовалъ гораздо прежде московскихъ царей; онъ, по несомнѣннымъ свидѣтельствамъ, восходитъ ко временамъ глубокой древности. Псковская судная грамота уже говоритъ объ немъ ясно и положительно: «А кто у кого иметъ земли отымати выкупкомъ, а старые грамоты у того человѣка, у кого землю отымаютъ, ино воля того человѣка, у кого старые грамоты: хочетъ, на поле лѣзетъ, или своего истца къ правдѣ ведетъ на его выкупке, покуду отнимаетъ»; въ другомъ мѣстѣ: «ожъ ближнее племя восхищетъ закладъ выкупить [1]. *Въ эпоху окончательнаго паденія кровныхъ началъ быта семья и родъ обмѣнялись, такъ сказать, ролями.* Какъ прежде члены семьи на столько имѣли правъ и значенія, на сколько были близки къ роду, т. е. родоначальнику, такъ теперь, при паденіи родоваго единства, члены рода относятся къ семейству, къ преемственности отъ него правъ и обязанностей, по мѣрѣ близости ихъ, къ главѣ семейства, отцу. По упраздненіи семейства т. е. по смерти отца семейства, преемниками его личныхъ и имущественныхъ правъ дѣлаются теперь не *старшіе* родственники рода, какъ прежде, но ближайшіе изъ нихъ къ умершему—не дяди его, братья, сыновья, а напротивъ сыновья, братья и потомъ дяди. Родъ, такимъ образомъ, и во внутренней, домашней жизни народа нисходитъ на второй планъ, становится за семействомъ—раз-

Такая купчая служитъ въ послѣдствіи обеспеченіемъ предъ судомъ права собственности». Путешествіе въ Черногорію, г. Попова, с. 157.

[1] Гражд. законы Псковской судной грамоты г. Энгельмана, С.-Петербургъ, 1855 г. с. 34 и 47.

рѣшается въ понятіе дальнѣйшихъ родственниковъ, *роднюю, родство,* которое, какъ существенный, кровный элементъ нашей жизни, имѣетъ и всегда будетъ имѣть значеніе въ семейныхъ правахъ. Въ позднѣйшее время, когда такое положеніе рода, позади семейства, установилось окончательно, въ грамотахъ, напр. жалованныхъ, писалось, что имущество жалуется *такому-то, женѣ его, дѣтямъ и роду*—порядокъ родства, совершенно обратный прежнему.

ОТДѢЛЕНІЕ II

Существо первобытнаго семейства.

Опредѣливъ путь, по которому совершалось освобожденіе нашего семейства отъ родовой зависимости, переходимъ къ разсмотрѣнію существа семейныхъ отношеній.

Семейство нашихъ предковъ разсматриваемаго времени, т. е. періода Русской Правды, по внутреннему содержанію семейныхъ отношеній, удерживаетъ на себѣ тотъ же характеръ и значеніе, которыя имѣла домашняя жизнь и при родовомъ устройствѣ. Въ этомъ отношеніи мы согласны до извѣстной степени съ г. Поповымъ, который говоритъ, что «семейство (прибавимъ первобытное) есть такое же *нравственное лицо,* какъ и родъ; оно владѣетъ всѣмъ нераздѣльнымъ имуществомъ. По внутреннему характеру, оно не отличается отъ рода. Родъ раздробился на свои составныя части—семейства, но части эти удерживаютъ характеръ цѣлаго» [1] Правительство, при содѣйствіи котораго и освободилось наконецъ семейство, могло дать ему на первый разъ толь-

[1] Объ опекѣ и наслѣдствѣ во время Русской Правды, г. Попова. Истор. и стат. сборникъ Д. В. Москва. 1845 г. с. 105.

ко внѣшнее положеніе, т. е. защитить его отъ родовыхъ притязаній и опредѣлить отношеніе къ обществу; претворить же его *внутреннее содержаніе* назначено было времени и христіанской религіи, которая одна только и можетъ имѣть доступъ въ эту глубь народной жизни. На первый разъ, слѣдовательно, семейство осталось въ своемъ существѣ, на старыхъ своихъ *языческихъ* и *чисто кровныхъ началахъ*. Что бы убѣдиться въ справедливости сейчасъ сказаннаго, сдѣлаемъ краткій обзоръ личныхъ отношеній семейства этого времени.

I. Всѣ семейныя власти и отношенія, по прежнему, крѣпки, суровы, безграничны и неопредѣленны, не смотря на то, что христіанская религія и византійское право стараются придать имъ религіозное освященіе, нравственное достоинство и юридическое опредѣленіе. Отецъ семейства былъ и теперь, какъ во время господства родоваго быта, такимъ же неограниченнымъ владыкой своей жены, дѣтей, внуковъ, правнуковъ, и т. д. однимъ словомъ, своихъ домочадцевъ. Пока онъ былъ живъ, его воля покрывала свою семью, была закономъ для всѣхъ домочадцевъ. Въ этомъ легко можно убѣдиться изъ совокупности тѣхъ правъ, которыя имѣлъ отецъ семейства по отношенію къ своимъ дѣтямъ и женѣ. Что касается до первыхъ, то права его были слѣдующія:

1. *Права жизни и смерти* надъ своими дѣтьми. Что отецъ имѣлъ право убивать своихъ дѣтей въ періодъ языческій, до христіанства, во время господства родовой жизни, когда родственная месть была единственнымъ огражденіемъ человѣческой жизни, въ томъ едва ли можетъ быть сомнѣніе; по крайней мѣрѣ, мы не можемъ не признать этого права. Ибо, по справедливому замѣчанію Неволина, кто бы сталъ мстить родителю за смерть дитяти? [1]. Такое же, ни чѣмъ не обеспеченное положеніе дѣтей продолжалось и по введеніи христіанства, которое, какъ извѣстно, признало родственную месть. Потомъ месть замѣнена выкупомъ и, слѣдовательно, продолжалась таже безнаказанность отца семей-

[1] Исторія рос. гражд. законовъ Неволина т. I. с. 317, 318.

ства за убійство своихъ дѣтей. Если за убійство женщины вообще платилась половинная вира [1], то, разумѣется, за убійство своей собственной жены не платилось ничего, а тѣмъ болѣе не было никакой отвѣтственности за убійство дѣтей. Въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, если припомнимъ, что и въ позднѣйшее время Псковская судная грамота ничего не говоритъ о наказаніи за родственное убійство: «А гдѣ учинитса головишна, а доличатъ коего человѣка; ино князю на головникахъ взять рубль продажи. *А што бы сынъ отца убилъ или братъ брата ино князю продажа*». Даже Уложеніе царя Алексѣя Михайловича имѣетъ весьма снисходительный взглядъ на дѣтоубійство, считая его болѣе грѣхомъ совѣсти, нежели уголовнымъ преступленіемъ, а потому почти вовсе не наказываетъ за него родителей: «А будетъ отецъ или мать, говоритъ оно, сына или дочь убьетъ до смерти и ихъ за то посадить въ тюрьму на годъ (!), а отсидѣвъ въ тюрьмѣ годъ, приходити имъ къ церкви Божіи и у церкви Божіи объявляти свой грѣхъ всѣмъ людямъ въ слухъ, *а смерти отца и мати за сына и за дочь не казнити* [3].

2. Отецъ семейства имѣлъ полное *право распоряжаться свободою своихъ дѣтей*. Если, какъ мы сейчасъ видѣли, онъ могъ безнаказанно убивать дѣтей, то право его на свободу ихъ само собою разумѣлось. Не говоря о примѣрахъ укрѣпленія дѣтей въ рабство, продажѣ, ихъ отдачи на прокормленіе, что стараются объяснить нѣкоторые наши ученые крайнимъ положеніемъ (extrema necessitas), начиная съ Судебника Іоанна IV идетъ рядъ свидѣтельствъ, что родители въ древнѣйшее время имѣли право отдавать дѣтей своихъ въ холопство [4]. Судебникъ впервые, какъ кажется, постано-

[1] Изслѣдованіе о Русской Правдѣ г. Калачева. с. III, ст. LXXIX.— Исторія рос. граж. зак. Неволина т. I. с. 79, 80.

[2] Уложеніе 22. с. 3.

[3] Исторія рос. гражд. зак. Неволина, т. 1, с. 234.

[4] Исторія гражд. зак. Неволина т. I. с. 325. О Судебникѣ Царя

вляетъ въ этомъ отношенiи ограниченiя: «А полному и докладному холопу сына своего свободнаго, который ся у него родилъ до холопства, не продати; а продасться онъ самъ кому хочетъ.... А отцу его и матери у полные не стояти и изъ холопства не взяти, потому что отецъ его и мати сами въ холопѣхъ; да и въ полныхъ и въ докладныхъ то написати что у него отецъ и мати есть, а у полныя не стояли по тому, что сами въ холопѣхъ». Тоже самое говорится и о монашествующихъ родителяхъ [2]. Нечего и говорить о томъ, что во всю нашу исторiю родители имѣли право отдавать дѣтей своихъ въ наемъ, въ работы [3]. Ограниченiе въ этомъ отношенiи сдѣлано уже въ самыя позднѣйшiя времена [4].

3. Еще менѣе родители обращали вниманiе на *согласiе дѣтей при ихъ женитьбѣ и отдачѣ въ замужество.* Неограниченная власть ихъ въ этомъ случаѣ видна съ первыхъ страницъ нашей лѣтописи до Петра Великаго. По обычаямъ народнымъ, которымъ благопрiятствовали отчасти и греческiе мiрскiе законы, говоритъ Неволинъ, вступленiе въ бракъ въ древнiя времена у насъ не было свободно отъ принужденiя [5]. Изъ описанiя Котошихина семейной жизни нашихъ предковъ въ XVII в. мы видимъ все ужасное положенiе дѣтей въ этомъ отношенiи. И чего не дѣлали отцы не только надъ своими дѣтьми, но даже надъ всѣми зависѣвшими отъ нихъ, при женидьбѣ или выходѣ въ замужство? Торговали дѣтьми, договаривались, писали заряды, обманывали, выдавая одну дочь вмѣсто другой, и т. д. [1].

И между тѣмъ дѣти не могли прибѣгнуть ни подъ чью защиту. За принесенiе жалобы на родителей Уложенiе велитъ

Iоанна Васильевича г. Калачева, Юридическiя записки г. Рѣдкина. Москва 1841. т. I, с. 96.

[1] Судебникъ Iоанна IV ст. 76.

[2] Уложенiе царя Алексiя Михайловича гл. 20 ст. 43.

[3] Указъ Петра 1-го 16 ноября 1702 г. П. С. З. Р. И. т. IV № 1920.

[4] Исторiя. рос. гр. зак. Неволина т. I. с. 149.

[5] О Россiи въ царствованiе Алексѣя Михаиловича, Котошихина, Спб. 1840, гл. XIII.

бить дѣтей кнутомъ и отдавать отцу и матери [2]. Если таково было положеніе дѣтей не задолго до Петра, то кто же могъ требовать отвѣтственности за нихъ въ то далекое отъ насъ время, когда общественная жизнь только что начиналась? Правительство (князь, его мужи, тіуны)? Но ему въ то время еще слишкомъ мало было нужды до семейныхъ отношеній, оно само еще не установилось и было все подвижное, ходячее. Судъ и расправа были тоже болѣе частнымъ дѣломъ гражданъ, нежели правительственнымъ. Община? Но она сама состояла изъ такихъ же семействъ, слѣдовательно, имѣла такой же взглядъ на власть отца семейства. Духовенство? Но мы увидимъ ниже, на сколько христіанство проникло въ народную массу этого времени.

Послѣ всего изложеннаго не понимаемъ, какимъ образомъ Неволинъ, приводя всѣ означенныя свидѣтельства о родительской власти, могъ сказать, что «во всякомъ случаѣ древнѣйшіе примѣры отношеній между родителями и дѣтьми, сообщаемые Несторомъ, показываютъ, что власть родительская была у насъ чужда строгой суровости» [3]. Патріархальный, родственный бытъ, конечно, смягчалъ неограниченную власть отца, но все таки, судя по грубости нравовъ того времени, нельзя допустить, чтобы отношенія отца къ дѣтямъ не были суровы. Скажемъ болѣе, обращеніе родителей съ дѣтьми было у насъ жестоко, по свидѣтельству и нашихъ источниковъ, и иностранныхъ писателей, во времена позднѣйшія, въ XVII столѣтіи [1]. Примѣры ослушанія дѣтей не суть доказательство слабости власти или мягкости его. Кто станетъ сомнѣваться въ жестокости Іоанна IV и въ самодержавіи его власти? А между тѣмъ мы знаемъ, что и его не слушались, когда дѣло шло о мѣстничествѣ. Если мать (женщина) такъ сурово, жестоко обходилась съ Ѳеодосіемъ, то что бы сдѣлалъ, или могъ сдѣлать съ нимъ

[1] Уложеніе, гл. 22.—Исторія рос. гражд. зак. Неволина. т. I с. 323.

[2] Исторія рос. гр. зак. т. I, с. 318.

[3] См. нашъ Обзоръ глав. постановленій Петра 1-го въ области лич. семейн. права, 1857. с. 28—30.

отецъ? Іоаннъ III съ негодованіемъ говоритъ: «развѣ я не воленъ въ моихъ дѣтяхъ и внукахъ? Кому хочу, тому и дамъ княжество»! Это говоритъ не государь, а отецъ.

Равнымъ образомъ и власть мужа надъ женою, въ существѣ своемъ, была столь же широка и неограниченна, какъ и власть отца надъ дѣтьми, ибо первая всегда условливаетъ послѣднюю. Мы выше видѣли, каково вообще было положеніе женщины во время господства родоваго устройства домашняго быта нашихъ предковъ. Съ образованіемъ семейства, въ собственномъ смыслѣ, видимъ, что въ существѣ своемъ отношенія мужа къ женѣ не измѣнились. Понятіе о бракѣ не сдѣлалось чище; правительство не входило еще въ разсмотрѣніе семейныхъ отношеній; христіанство еще не умягчало языческіе грубые нравы. Уже одно многоженство уничтожаетъ всякое нравственное значеніе жены, не говоря о другихъ неоспоримыхъ доказательствахъ безличнаго, рабскаго положенія жены, что видно изъ слѣдующихъ правъ мужа надъ женою.

1. О правѣ мужа на жизнь и смерть жены свидѣтельствуетъ, хотя не прямо, а косвеннымъ образомъ, Русская Правда, говоря: «оже кто убьетъ жену, то тѣмъ же судомъ судити (т. е. или на основаніи постановленій о мести, или на основаніи постановленій о выкупѣ) яко же и мужа, оже будетъ виноватъ, то полъвиры, 20 гривенъ». Если за убійство женщины вообще [1] полагалась половинная вира, то безъ всякаго сомнѣнія за убійство своей жены мужъ не подвергался никакой отвѣтственности. «Безопасность жизни въ древнѣйшія времена, говоритъ г. Неволинъ, обеспечивалась местью родственниковъ. Женщина посредствомъ брака поступала подъ защиту мужа. Кто бы изъ родственниковъ сталъ мстить ему, еслибъ онъ убилъ ее? Дѣйствіе его не представлялось ли всегда дѣйствіемъ правосудія? Безъ сомнѣнія и по установленію виръ, законы долго не подвергали мужа отвѣт-

[1] Мы принимаемъ чтенія Карамзина. т. 2 пр. 87 с. 44—Исторія рос. гражд. зак. Неволина, т. I. с. 79, 80.

ственности за убіеніе жены. Это ничѣмъ не обеспеченное положеніе жены въ отношеніи къ мужу было, между прочимъ, причиною, что духовная власть сдѣлала ссоры, распри, личныя обиды между супругами предметомъ своего суда. Она старалась, безъ сомнѣнія, доставить силу грекоримскимъ законамъ, которыми ограждалась жизнь жены [1]. Но стремленіе духовенства долго не достигало своей цѣли. Владиміръ, просвѣтитель русскаго народа, хотѣлъ убить Рогнѣду [2] по праву мужа, а не великаго князя, ибо онъ боялся казнить даже разбойниковъ [3].

2. Большее, высшее право содержитъ въ себѣ низшее, меньшее. Если власть мужа надъ женою простиралась до безнаказаннаго уничтоженія ея, то тѣмъ болѣе мужъ могъ располагать, по своему усмотрѣнію, свободою жены. По крайней мѣрѣ, по отношенію къ разсматриваемому нами времени, мы не находимъ историческихъ указаній, касательно ограниченія этого права. Напротивъ есть прямое свидѣтельство, что во время голода, бывшаго въ Суздалѣ въ 1024 году, мужи своя жены даяху, да кормятъ себе челядиномъ [4]. Какъ бы не заподозрѣвали это свидѣтельство на томъ основаніи, что оно и не находится въ древнѣйшемъ текстѣ несторовой лѣтописи, и что значеніе слова «челядинъ» въ точномъ смыслѣ еще не извѣстно [5], оно имѣетъ полную силу, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ древнѣйшему періоду нашей исторіи, въ которомъ мы теперь находимся. Не лишено всякаго значенія и другое, подобное сему, показаніе лѣтописца о князѣ Мстиславѣ, который, вступая въ 1022

[1] Ист. рос. гр. зак. г. Неволина, т. I. ст. 80, 81.

[2] П. С. Л. т. I. с. 131.

[3] П. С. Л. т. I. с. 54.—Обозрѣніе Кормчей книги Розенкампфа, с.

[4] П. С. Л. т. V. Соф. пер. лѣт. с. 135, лѣто 6532. Важно то, что въ крайнемъ случаѣ *мужъ* отдавалъ жену въ рабство для прокормленія, слѣд. хотя по необходимости, но все-таки распоряжался женою.

[5] Ист. рос. гр. зак. Неволина т. I. с. 78, 79.

году въ битву съ коссожскимъ княземъ Редедею, условился, чтобы побѣдителю принадлежали жена, дѣти и земля побѣжденнаго. Напрасно говорятъ, что такое право побѣдителя разумѣлось въ то время само собою, что рабство жены и дѣтей было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ побѣды [1]. Во первыхъ, если право это разумѣлось, то не для чего было дѣлать его предметомъ договора; а во вторыхъ, условіе о женѣ и о дѣтяхъ сдѣлано до борьбы, оно, слѣдовательно, не есть слѣдствіе побѣды, а свободнаго произволенія.—Что мужья могли отдавать своихъ женъ въ работу за прокормленіе, въ залогъ для обеспеченія своихъ займовъ и, наконецъ, заставляли ихъ поступать противъ воли въ монастырь, о томъ мы имѣемъ положительныя свидѣтельства позднѣйшаго времени нашей исторіи: «А будетъ кто въ голодное время самъ себя съ женою, или сына, или дочь отдастъ кому въ работу за прокормъ, и записи на себя въ томъ дастъ, или въ записи напишетъ на себя и на дѣтей своихъ заемные деньги: и по той записки жити имъ у того, кому они въ работу дадутся до тѣхъ мѣстъ, покамѣста они окупятся или отработаются» [2]. Еще въ XVII столѣтіи мужья закладывали своихъ женъ, какъ прямо свидѣтельствуетъ грамота патріарха Филарета сибирскому и тобольскому архіепископу Кипріану 1622 г. февраля 11: «А иные де многіе служилые люди, которыхъ воеводы и приказные люди посылаютъ къ Москвѣ и въ иные города для дѣлъ, жены свои въ деньгахъ закладываютъ у своей братьи у служилыхъ въ закладъ же и у всякихъ людей на сроки, и отдаютъ тѣхъ своихъ женъ мужи ихъ сами, и тѣ люди, у которыхъ они бываютъ въ закладѣ, съ ними до сроку, покамѣста которыя жены мужъ не выкупитъ, блудъ творятъ беззазорно; а какъ тѣхъ женъ на сроки не выкупятъ, и они ихъ продаютъ на воровство же и въ работу всякимъ людямъ, не

[1] Тамъ же.

[2] Уложеніе гл. 20 ст. 43.

боясь праведнаго суда Божія [1]. Однимъ словомъ жена, говоритъ Судебникъ Іоанна IV, состояла въ волѣ мужа [2].

3. Само собою разумѣется, въ расторженіи брачнаго союза мужъ не былъ ничѣмъ ограниченъ въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи [3]. Это уже безъ всякихъ примѣровъ и доказательствъ само собою вытекаетъ изъ многоженства, которое долго было въ обычаѣ и по введеніи христіанства [4]. Конечно, духовенство наше всѣми силами стремилось измѣнить языческое пониманіе семейныхъ отношеній и обуздать произволъ въ расторженіи браковъ. Но мы увидимъ ниже, что постановленія церкви въ настоящее время почти вовсе не имѣли дѣйствительной силы. Жалобы духовенства въ этомъ отношеніи идутъ чрезъ всю нашу исторію. Еще въ 1545 году новгородскій архіепископъ Ѳеодосій въ посланіи къ устюжно — желѣзнопольскому духовенству говоритъ: «мужей деи неповиннѣ жены своя законныя пускаютъ да иныя поимаютъ, да и тѣ деи ихъ пущеницы са иные мужи посягаютъ беззаконно, мятущась» [5]. Только въ 1769 году было рѣшительно запрещено писать разводныя письма [6].

И эти права мужа не были пусты (jura nuda), безъ значенія и приложенія къ дѣлу. Нѣтъ, чрезъ всю нашу исторію идетъ жестокое, безчеловѣчное обращеніе мужей съ женами. Сильвестръ въ Домостроѣ даетъ наставленіе своему сыну «не ломать женѣ рукъ и ногъ, не бить въ видѣнье, но наказывать плетью бережно, не дѣлая ей увѣчья» [7].—

[1] Собр. госуд. грам. и дог. Румянцева Ч. 3. ст. 246

[2] А духовной судъ: которая жена у мужа умретъ, а напишетъ въ духовной мужа своего въ прикащики: и тому мужу въ прикащикѣхъ не быти, а та духовная не въ духовную, *потому что жена въ его воль, что ей велитъ писати, то она и пишетъ».* Ук. 1557. янв. 2.—Акты Ист т. I. с. 257.

[3] Исторія рос. гр. зак. Неволина, т. I. с. 139, 252—259.

[4] Тамъ же, с. 174, I, пр. 565.

[5] А. И. т. 1. с. 543.

[6] Синод. указъ 1730 г. декаб. 2 (5655); 1767 іюля 10 (12935) Ср. А. Ю. № 404. разводныя по случаю постриженія въ монашество.

[7] Домострой Сильвестра, гл. 38, изд. Общества истор. и древ.

Въ поручной записи 1640 Иванъ, сидоровъ сынъ, Защетина отданъ на поруки между прочимъ и въ томъ, что онъ не будетъ съ матерью своею бранитца и не битьца и *жены своей не безвѣчить* напрасно, и головщины не сдѣлать [1]. Котошихинъ говоритъ, что когда послѣ вѣнчанія мужъ, наконецъ, увидитъ свою жену, то если она такова, что съ ней плакать и мучиться, то принуждаетъ ее постричься, «а будетъ по доброй волѣ не учинитъ, не пострижется и *онъ ее бьетъ и мучитъ всячески*.... до тѣхъ мѣстъ, что она похочетъ постричься сама» [3]. О жестокомъ обращеніи мужей съ женами свидѣтельствуютъ, наконецъ, и иностранные писатели Герберштейнъ и Коллинсъ. Послѣдній говоритъ, что въ Россіи нѣтъ уголовнаго закона, который преслѣдовалъ бы за убійство жены и раба, если убійство совершается въ наказаніе за проступокъ [4]. И это вѣрно, хотя само собою разумѣется, что мужъ не оставался безъ наказанія по жалобѣ родственниковъ, чему и находимъ примѣры[5].

II. Тоже родственное единеніе, которое давало крѣпость родовому союзу и сообщало ему характеръ цѣлости, замкнутости и отдѣльности, перешло и на семейство. Разложеніе родоваго быта и переходъ его въ семейный совершились тѣмъ же незамѣтнымъ органическимъ путемъ, какъ и все происходитъ въ исторіи. Вотъ почему и семейство хранитъ тѣже преданія, тоже пониманіе существа родственныхъ отношеній, какія были въ его прежней родовой жизни. Семьяне живутъ вмѣстѣ, въ строгомъ личномъ единеніи, и подчиняются своему отцу семейства, какъ прежде въ союзѣ родовомъ, ибо незамѣтно для членовъ семьи возникъ новый порядокъ вещей домашней и общественной жизни [6]. Не-

[3] А. Ю. с. 313.

[4] О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича. Котошихина гл. 13. ст. 10.

[5] Нашъ обзоръ главнѣйшихъ постановленій Петра 1-го въ области личнаго семейнаго права, с. 28 и слѣд.

[6] Ист. рос. гр. зак. Неволина к. I. с. 81.

Объ опекѣ и наслѣдствѣ во время Русской Правды г. Попова.

смотря на то, что въ настоящее время общественная жизнь уже такъ развилась, что недѣлимому можно свободно и безопасно жить и внѣ кровныхъ, родственныхъ отношеній, внѣ семейства онъ еще не чувствуетъ и не имѣетъ потребности въ такой самостоятельной жизни. Еще не на столько окрѣпли нравственныя силы его и не настолько развилась внутренняя потребность самостоятельности, чтобы, при образовавшейся возможности, онъ могъ обратить ее въ фактъ, осуществить. Народъ въ своей исторической жизни зрѣетъ также медленно, какъ и отдѣльный человѣкъ въ своемъ кратковременномъ существованіи. Индивидъ этого времени еще не пережилъ кровныхъ началъ, онъ понимаетъ себя прежде всего и болѣе всего, если можно такъ выразится, сыномъ, внукомъ, правнукомъ, а другихъ-отцомъ, дядями, братьями и т. д., и внѣ этихъ понятій пока не существуетъ. Поэтому и въ современной ему общественной жизни, онъ является, какъ семьянинъ, и занимаетъ въ ней то значеніе, какое имѣетъ въ семьѣ. Эго семейное единство, какъ нѣкогда родовое, проявляется теперь во всѣхъ сферахъ народной жизни, но всего виднѣе оно въ юридической. Всѣ права и обязанности прикрѣплены къ полновластному отцу семейства, представителю семейной цѣлости, и чрезъ него, въ слѣдствіе личнаго единенія, ко всему семейству. Такъ:

1. Мы *не находимъ* въ это время личной, *единичной отвѣтственности*, даже въ сферѣ уголовной. Въ случаѣ преступленія отца семейства, все его семейство подвергалось наказанію. За разбой, коневую татьбу и зажигательство, уголовныя преступленія того времени — Правда выдаетъ преступника князю *съ женою* и *дѣтьми* на потокъ и разграбленіе[1]. Тоже самое

Ист. и ст. сборникъ Д. В. с. 97: «Всѣ права не принадлежали роду, какъ прежде, но принадлежали семейству, какъ нравственному лицу.»

[1] Иелѣдованіе г. Калачева о Рус. Правдѣ! с. 108. LXXI, LXXII. LXXIII. Относительно ссылки это правило соблюдалось даже въ позднѣйшія времена. Полн. Собр. Зак. 1677 Авг. 18 701 п. 6; 1679. сент. 771; 1680. ноябр. 17 846; 1696 окт. 23 1552;

предполагается въ договорѣ 1229 г. смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ городомъ Ригою и Готскимъ берегомъ: «Аже разгнѣваеться Князѣ на своего человѣка и будѣте винъватъ Немчицю Русинъ, а отимыть Князѣ все, *жену и дъти у хольпство*; первое платити ему Латинину, а потомъ Князю какъ любо съ своимъ человѣкомъ; таку правду възяти Русину у Ризѣ и на Гочкьмъ березѣ [1]. Какъ прежде родъ не различался по отношенію къ преступленію, такъ точно теперь семейство: оно все было въ отвѣтѣ.

2. Понятіе свободы и несвободы также лежало на одномъ отцѣ. Если отецъ свободенъ, то и всѣ члены его семьи свободны, если только онъ самъ не продалъ кого-нибудь изъ нихъ въ неволю. Какъ же скоро отецъ дѣлался несвободнымъ, то и все семейство слѣдовало его судьбѣ [2]. Поступая въ рабство, наемъ, служеніе, отецъ имѣлъ право записывать за собою жену и дѣтей. Въ послѣдствіе времени и это правило подверглось ограниченіямъ, но въ настоящій періодъ мы необходимо должны признать полную его силу, такъ какъ оно прямо вытекаетъ изъ неограниченной власти отца надъ семействомъ. За преступленія уголовныя, за долги отецъ выдавался головою вмѣстѣ съ женою и дѣтьми [3].

16. 99 іюля 1 1690 и ноябр. 6 1716. въ Указѣ 1680 ноябр. 17 846 Сказано: «ссылать воровъ въ Сибирь съ женами и дѣтьми, которые дѣти у нихъ будутъ трехъ лѣтъ и ниже, которые дѣти больше трехъ лѣтъ и тѣхъ не ссылать. Въ другихъ Указахъ этого ограниченія нѣтъ. Исторія гражд. закон. Неволина. Т. I. с. 365 и 366.—Слѣды нашего «потока и разграбленія» видны и въ богемск. правѣ, какъ мы выше замѣтили.

[1] Собраніе госуд. грам. и договоровъ Румянцева, ч. 2, с. 2.

[2] Исторія росс. гражд. законовъ г. Неволина, т. I, с. 66—67

[3] Неволинъ, на страницѣ 102, т. I-го, своей Исторіи россійскихъ гражданскихъ законовъ, между прочимъ, говоритъ: «но чтобы жена должна была раздѣлять судьбу своего мужа въ томъ случаѣ, когда онъ обращался въ рабство за долги, или за нарушеніе частныхъ правъ, на то нѣтъ доказательствъ. Напротивъ, можно представить доказательство противному. Около 1270 года Нѣмецкіе города, желая заключить договоръ съ Новгородцами, хотѣли внести въ него

«Что отецъ, поступая въ крестьянство, записывалъ за собою своихъ дѣтей и даже пасынковъ, въ томъ прямо сви-

то условіе, чтобы несостоятельный должникъ былъ обращаемъ въ рабство вмѣстѣ съ женою. Новгородцами это условіе не было принято; въ договорѣ, который былъ дѣйствительно заключенъ, было постановлено, что жена тогда только обращается за долгъ въ рабство вмѣстѣ съ мужемъ, когда она вступила въ обязательство вмѣстѣ съ нимъ. Одна статья Русской Правды, впрочемъ собственно относящаяся къ холопамъ, прямо указываетъ на то, что жена не отвѣчала за преступленія своего мужа, если сама въ нихъ не участвовала». Но приводимыя Неволинымъ доказательства едва ли могутъ служить достаточнымъ основаніемъ высказанному имъ общему положенію и, съ другой стороны, опроверженіемъ принятаго нами начала. И договоръ съ Нѣмцами, и статья о холопахъ, очевидно, постановляютъ только исключенія изъ общаго правила семейной отвѣтственности по дѣламъ этого рода. Весьма естественно, что новгородцы не хотѣли выдавать, въ случаѣ несостоятельности, своихъ женъ и дѣтей иностранцамъ, людямъ иной вѣры, нравовъ, обычаевъ, къ которымъ, если не имѣли отвращенія, то ни въ какомъ случаѣ не питали сочувствія. Это, очевидно, привиллегія по отношенію къ Нѣмцамъ, а не общее правило, которое бы имѣло силу по дѣламъ несостоятельности у новгородцевъ въ своей землѣ. Изъ притязаній Нѣмцевъ на женъ несостоятельныхъ новгородцевъ, напротивъ, намъ кажется, скорѣе можно предположить, что, вѣроятно, они знали объ обычаѣ Славянъ выдавать несостоятельныхъ должниковъ головою со всѣмъ ихъ семействомъ, ибо едва ли нѣмцы этого времени держались такаго же правила относительно своихъ женъ. При томъ же въ первомъ договорѣ новгородцы и согласились-было на выдачу женъ несостоятельныхъ должниковъ. (Исторія Россіи г. Соловьева, т. III. с. 47). Тоже должно сказать и о статьѣ Русской Правды, о холопахъ, (Изслѣдованія г. Калачева о Русск. Правдѣ, с. 97, XLIX), по которой господинъ обязанъ былъ выкупить или выдать только тѣхъ изъ нихъ, которые участвовали въ воровствѣ, оставя женъ и дѣтей ихъ за собою. Ясно, что постановленіе это имѣло цѣлію оградить права господина, его собственность, которою онъ долженъ былъ отвѣчать за ущербъ, причиненный чужому имуществу на столько, на сколько долженствовало по смыслу гражданскаго права, не болѣе, точно такъ, какъ владѣлецъ земли не имѣлъ бы права взять за потраву, сдѣланную коровой, и теленка отъ нея, если этотъ послѣдній не

дѣтельствуютъ наши юридическіе акты. Обыкновенная форма, которая употреблялась въ этомъ случаѣ, была слѣдующая: «се язъ, такой-то, да и съ дѣтьми своими, съ такими-то порядился есмя.... во крестьяни» [1].

находился вмѣстѣ съ нею на потравѣ. Мы знаемъ, что судопроизводство по взысканію долговъ было просто: если должникъ не могъ платить, то его вели на рынокъ и продавали *съ женою и дѣтьми*, или самъ заимодавецъ бралъ его въ рабство; только при банкротствѣ безвинномъ и зависящемъ отъ несчастныхъ случаевъ, (Изслѣд. о Рус. Правдѣ г. Калачева, с. 85, XII) ему не дѣлали никакого зла и онъ мало по малу уплачивалъ долгъ. Но въ семъ послѣднемъ случаѣ, очевидно, вліяло византійское право. Если, какъ мы видѣли, въ гораздо позднѣйшее время мужья закладывали своихъ женъ въ обеспеченіе займа, то ужели въ періодъ Правды могла спастись отъ рабства жена несостоятельнаго должника, когда онъ самъ обращался въ рабство? Можно положительно сказать, что нѣтъ. Самъ Неволинъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что вопросы Кирика (оже ли велми зло будетъ, яко не моги мужю держати жены, или жена мужа или долгъ многъ у мужи застанетъ.... Памят. Рос. Слов. XII в. с. 192) указываютъ нѣкоторымъ образомъ на опасное положеніе для жены, возникшее въ слѣдствіе задолжанія мужа. Въ послѣдствіе времени несостоятельнаго, вмѣсто обращенія въ рабство, стали выдавать кредитору головою впредь до выкупа. Можетъ быть, съ этого времени, когда семейное единеніе начало ослабѣвать, византійскія юридическія понятія болѣе укоренились; можетъ быть, въ это время и жена освобождалась отъ отвѣтственности за мужа. По крайней мѣрѣ, ни въ законахъ, изданныхъ отъ Судебника до Уложенія, ни въ юридическихъ актахъ этого времени не упоминается о женѣ, когда говорится о выдачѣ несостоятельнаго головою. Но впрочемъ и молчаніе это еще не доказываетъ многаго, ибо только Уложеніе, (гл. 10, ст. 132, 207, 245. гл. 21, ст. 88) выражаетъ, наконецъ, полное сознаніе, что жена не отвѣчаетъ за своего мужа, если не участвовала вмѣстѣ съ нимъ въ обязательствѣ или преступленіи и не получила отъ него наслѣдства. Даже въ Уложеніи есть сомнительная статья, а именно 203 гл. 10.

[1] Акты юрид. №№ 180, 183, 189, 191, 194, 252.—Акты, записанные въ крѣпостной книгѣ XIV в. II Грамоты полныя, V Кабалы (служилыя). См. Архивъ г. Калачева, книги 2-й, половина 1-я. Москва, 1855. —

3. Судебное представительство также лежало на цѣломъ семействѣ. Не только мужъ за жену долженъ былъ или могъ отвѣчать передъ судомъ, какъ объ этомъ прямо сказано въ судной новгородской грамотѣ 1471 года [1], безъ сомнѣнія, на основаніи существовавшаго уже обычая, но даже всякій домочадецъ могъ быть взять къ суду для отвѣта, вмѣсто отца семейства, что видно даже изъ узаконеній Уложенія о судебномъ представительствѣ и вызовѣ къ суду [2]. Судебникъ Іоанна IV запрещаетъ подавать голоса на повальномъ обыскѣ

[1] А. Э. т. I. с. 70.

[2] «Отношенія между довѣрителемъ и повѣреннымъ не были, въ строгомъ смыслѣ, юридическія... Повѣренными были, большею частію, родственники, «родимцы» (Улож. гл. X, ст. 185 и 108): дѣти, братья, племянники (гл. X, ст. 109 и 149.—гл. XVI, ст. 59); дворовые люди и крестьяне тяжущихся (гл. X, ст. 149 и 185. — гл. XVI, ст. 59), друзья (гл. X, ст. 149). Обычай избирать повѣренныхъ изъ родственниковъ, или подчиненныхъ власти довѣрителя былъ такъ силенъ, что тотъ, кто не имѣлъ ни тѣхъ, ни другихъ, и самъ не могъ явиться къ суду (напр. по болѣзни и т. д.), даже освобождался отъ отвѣта: «А будетъ кто объ немъ учнетъ бити челомъ, что онъ конечно боленъ, *а къ суду ему въ свое мъсто прислать некого, что онъ безсемейной и безлюдной человъкъ*» (Улож. гл. X, ст. 108). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и законодательство обязывало родственниковъ и крѣпостныхъ людей отвѣчать за своего родственника или господина. Улож. гл. X, ст. 149. — И такъ свободное судебное представительство основывалось въ настоящемъ періодѣ исключительно на началѣ нравственномъ, на взаимномъ, полномъ довѣріи между довѣрителемъ и повѣреннымъ, которое проистекало изъ связей родственныхъ, патріархальныхъ и пріязни. — Послѣ всего сказаннаго трудно рѣшить, какъ должно смотрѣть на судебное представительство родственниковъ и людей? Кажется, оно занимало средину между необходимымъ и добровольнымъ заступленіемъ тяжущагося, и будучи наиболѣе употребительнымъ, дѣлало излишнею формальную довѣренность; вотъ почему она и не требовалась законами того времени.» — Основныя начала рус судоустройства и гражд. судопроизводства, въ періодъ времени отъ Уложенія до Учрежденій о губерніяхъ г. Кавелина. Москва, 1844. с. 31, 32, 33.

семьями, которыя дѣйствовали въ этомъ случаѣ какъ юридическія лица [1]. На этомъ же основаніи и присяга, какъ судебное доказательство, не смотря на то, что она, по существу своему, есть преимущественно дѣло личной совѣсти, принималась мужемъ за жену, сыномъ за отца, даже рабомъ за господина [2].

4. Древнѣйшіе акты на пріобрѣтеніе и отчужденіе имуществъ, договоры и обязательства совершались отцомъ семейства не только отъ одного его имени, но и отъ имени цѣлаго его семейства. Новгородскія купчія, мѣновыя, поступныя, данныя и т. д. грамоты XIV и XV вв. въ высшей степени интересны въ этомъ отношеніи. Выраженія: я, жена и дѣти, себѣ и дѣтямъ моимъ, съ дѣтями моими и. т. п. суть также обыкновенная формула, по которой писались эти акты [3]. Изъ нихъ ясно видно, что славянская семья этого времени есть нравственное, юридическое лицо, прикрѣпленное всѣми своими правами къ полновластному и въ тоже время фактически, безсознательно зависимому отцу семейства. Вотъ почему еще въ судебникѣ Іоанна IV было постановлено, что дѣти не имѣютъ права выкупать не только куплей, но и вотчинъ, проданныхъ отцомъ, причемъ ясно предполагается,

[1] А. И. т. I. с. 254, 1: «и въ обыскѣхъ многіе люди лжутъ семьями и заговоры великими.... 256, 12: Да и того старостамъ беречи и сыскивати накрѣпко, что бъ семьями и заговоры стакався въ обыскахъ не по дѣломъ не говорили».

[2] «Основанія этой особенности должно искать въ быту патріархальномъ и семейственномъ, который, во времена Уложенія, былъ главнымъ и почти единственнымъ основаніемъ политическаго и гражданскаго быта. Вмѣсто тяжущихся присягали ихъ люди (Улож. гл. XIV, ст. 1), родственники (гл. XX, ст. 45) и судебные представители (гл. XIV, ст. 5); но не могли цѣловать креста наемные люди и посторонніе, по просьбѣ или порученію тяжущихся (гл. XIV, ст. 5). Основныя начала русск. судоустройства и гражд. судопроизводства г. Кавелина. Москва, 1844 г. с. 83—91.

[3] Ак. Ю. с. 110, III. N 71. гр. III, VI—XXI, XXIII, XXIV, XXVI, XXVII—XXXVI. N 75, 76, 78, 79, 82, 83, 93, 101, 102.

что согласіе дѣтей на продажу отцомъ своего имѣнія не требуется [1].

И такое значеніе семейство имѣетъ не у однихъ нашихъ восточныхъ Славянъ, но и у другихъ. У Поляковъ, напр., оно выразилось вполнѣ даже въ юридическихъ опредѣленіяхъ. «Родъ, говоритъ г. Спасовичъ, раздробился на множество мелкихъ обществъ, семейныхъ союзовъ, состоящихъ въ общемъ владѣніи семейнымъ имуществомъ. Семья представляла въ отношеніи къ постороннимъ, къ обществу, одно замкнутое цѣлое, какъ одно лицо юридическое, которое поглощало въ себѣ личности составныхъ своихъ членовъ. Quia filii cum patribus una persona jurisfictione censentur, говоритъ статутъ Вислицкій [2]. На всѣхъ членахъ семьи лежала круговая отвѣтственность за обязательства каждаго изъ нихъ, въ слѣдствіе которой отцы иногда приходили въ разореніе и несостоятельность за долги своихъ сыновей [3], а всю собственность, находящуюся во владѣніи отца семейства статутъ называетъ: bona et haereditates illae communes» [4]. Тоже самое, какъ мы уже видѣли, было у Сербовъ и Богемцевъ [5].

Но если, съ одной стороны, повсюду мы замѣчаемъ въ это время общую семейную отвѣтственность, съ другой стороны, въ послѣдствіи видно стремленіе освободиться отъ нея, какъ несовмѣстной съ болѣе правильною, общественною жизнію.

[1] Судебникъ Іоанна IV, ст. 85. (пе): «А в вотчинахъ судъ: хто вотчину продастъ, и дѣтемъ его і внучатомъ до тое вотчины дѣла нѣтъ, і не выкупити ея имъ».

[2] Jus Polonicum Art. 7. p. 33.

[3] Art. 80. p. 78: Ut noxius ludus taxillorum adjjciatur, per quem saepius justi patres, propter filiorum excessum de bonis eorum pelluntur et absque ipsorum demeritis ad nimiam deducuntur paupertatem.

[4] Art. 83. p. 82. — Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу, по древнему Польскому Праву. В. Спасовича (Pro venia legendi). — Спб. 1857 г. с. 9.

[5] См. выше с. 98 и слѣд.

Эманципація эта не иначе могла произойти, какъ при посредствѣ правительства, и отсюда идетъ рядъ постановленій, ограждающихъ отдѣльное лицо отъ семейной зависимости. Такъ, въ законахъ сербскаго царя Душана опредѣляется: «за измѣну братъ за брата, отецъ за сына, дѣти за отца не платятъ, если преступникъ былъ отдѣленъ и совершилъ преступленіе не въ ихъ домѣ [1]. Казиміръ Великій, отмѣняя въ Польшѣ обычай общей отвѣтственности, на основаніи текста Св. Евангелія—quod filius non portabit iniquitatem patris nec e converso—постановилъ: «каждый наказывается за свое собственное преступленіе; ни отецъ за сына, ни братъ за брата не отвѣчаетъ [2]. Наконецъ, у насъ не безъ особеннаго назначенія внесенъ въ Кормчую слѣдующій законъ Моисея: «Да не умрутъ отцы за сыны, ни сынове да не умрутъ за отцы, но каждо за свой грѣхъ да умретъ [3]. Такое заимствованіе было необходимо, ибо туземный взглядъ на отвѣтственность за преступленіе былъ противоположенъ византійскому.

III. Изъ всего вышеизложеннаго видно, что въ разсматриваемое нами время, кромѣ отца семейства, въ частномъ быту нѣтъ самостоятельныхъ лицъ, ибо пока онъ былъ живъ, его воля покрывала всю семью, всѣхъ нисходящихъ отъ него. Отъ этой зависимости ничто не избавляло членовъ семьи; она прекращалась только сама собою—естественнымъ путемъ, т. е. смертію отца семейства. Но и самый отецъ этого времени не есть лицо въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ его теперь. При всей неограниченности своей, онъ былъ ограниченъ, ибо

[1] «За невероу, за вьсако съгрѣшеніе, братъ за брата или отьцъ за сына, родимъ за родима да не платить. Кто соутъ отдѣлни отъ оного съ своихъ домохъ, кои есть не съ грѣшилъ, тъ да неплатить ничто, развѣ онъ, кои есть съ грѣшилъ, totовъ и домъ да платить. Lex Stephani Dusani, ed. Miclosich. p. 7. XVII, 48. — Исторія наслѣд. права у сл. I. Губе. с. 70.

[2] Тамъ же с. 77. — Jus polonicum, Bandtkie. Varsoviae, 1831, p. 124, et Volumina legum t. I. p. 54.

[3] Печат. Кормчая изд. 1787. ч. 2. л. 64. абор.

имѣлъ права, жилъ и дѣйствовалъ не какъ индивидъ, во имя личныхъ, собственныхъ своихъ потребностей и стремленій, но какъ представитель своего семейства: если бы онъ не былъ отцомъ семейства, то и не имѣлъ бы этихъ правъ. Онъ былъ въ полномъ нравственномъ и матеріальномъ единеніи съ своею семьею и это сліяніе обезразличивало его, снимало съ него индивидуальность. Вотъ почему мы и видимъ, при всей неограниченности власти отца, какую-то фактическую ограниченность, зависимость его отъ своей семьи. Дѣйствуя своею властію, независимо, отецъ семейства этого времени какъ будто самъ чувствуетъ свою несостоятельность и подлѣ своего имени вездѣ нераздѣльно ставитъ имя жены и дѣтей, безъ которыхъ онъ немыслимъ. Выраженіе: «*я, жена и дѣти*», — какъ прежде «родъ, съ родомъ своимъ» и т. д. суть *необходимая формула* этого времени, если не всегда ясно выраженная, то всегда и вездѣ необходимо подразумѣваемая. Зависимость эта, разумѣется, безсознательная, какова напр. зависимость слабаго отъ лицъ, его окружающихъ. Это, однако, не мѣшаетъ ему имѣть сознаніе о своемъ полновластіи и не лишаетъ его возможности привести права свои въ дѣйствіе, если бы случилась въ томъ нужда. Но дѣло въ томъ, что человѣкъ съ младенческихъ временъ никогда не можетъ выбиться изъ атмосферы, въ которую погруженъ, не можетъ управлять ею: онъ всегда творитъ общую волю, ибо своей еще не имѣетъ. Вотъ почему и говорятъ, что на такой степени нравственнаго и гражданскаго развитія народа нѣтъ индивида, нѣтъ личности. Подобное состояніе лица, укажемъ для примѣра, существуетъ и теперь еще въ Черногоріи: «Черногорецъ, свидѣтельствуетъ г. Поповъ, считаетъ себя свободнымъ и независимымъ внутри Черногоріи. Сначала, какъ представитель рода, потомъ какъ членъ общиннаго устройства, онъ участникъ въ государственной жизни Черногоріи... Всѣ отношенія его семьи къ другимъ семьямъ и къ государству принадлежатъ ему—онъ ея государственный представитель» [1].

[1] Путешествіе въ Черногорію г. Попова. 1847 г. Спб. с. 153 и слѣд.

Поэтому, всѣ гражданскія и общественныя отношенія этого времени носятъ на себѣ *характеръ семейный*, такъ какъ каждый членъ общины дѣйствуетъ не во имя своихъ гражданскихъ личныхъ правъ, а во имя семейства, къ которому принадлежитъ всецѣло. Являясь въ сферѣ общественной жизни, славянинъ этого времени прежде всего имѣетъ значеніе, какъ отецъ, сынъ, братъ и т. д. и потомъ уже, послѣ всего, какъ членъ общины [1]. Наглядное доказательство сказанному можно видѣть въ прозвищахъ, которыя находимъ въ древнихъ нашихъ юридическихъ актахъ: язь, такой-то, сынъ такого-то, братъ и т. д. Слѣды этого древняго нашего сознанія о самомъ себѣ сохранились до настоящаго времени въ увѣковѣченномъ обычаѣ прозываться тройственнымъ именемъ: личнымъ, семейнымъ—по отцу, и родовымъ—по изотчеству. Въ томъ бытѣ, говоритъ г. Забѣлинъ въ превосходной своей статьѣ: «Женщина по понятіямъ старинныхъ книжниковъ», гдѣ въ людскихъ отношеніяхъ на первомъ мѣстѣ стоятъ и всѣмъ управляютъ отношенія родства и по нимъ устроиваются самыя формы общественности, нѣтъ собственно лицъ, равноправныхъ личностей, членовъ общественнаго союза: тамъ есть только члены семействъ, члены родовъ, *отечествъ*, старшіе и младшіе, дѣды, отцы, дѣти т. е. вообще *ребята*, *чадь*, которыхъ права далеко неодинаковы, ибо союзъ родства, по существу своему, не допускаетъ равенства между своими членами [2].

И такъ, языческое, грубое существо семейныхъ властей и отношеній [3], личное и имущественное единство всѣхъ чле-

[1] Юридическій бытъ древней Россіи ст. г. Кавелина. Современникъ 1847 года, N 1. Его же разборъ книги г. Терещенко: «Бытъ Русскаго народа» въ Современникѣ 1848 года.

[2] Русскій Вѣстникъ 1857 г. Май: книжка первая.

[3] Замѣтимъ впрочемъ, что неограниченность семейныхъ властей по преимуществу были свойственны Славянамъ восточнымъ и вообще греческаго исповѣданія. У Славянъ же западныхъ раньше появляются признаки болѣе свободныхъ семейныхъ отношеній. — Slavische Rechtsgeschichte, von A. Macieiowscki, II, S. 224—227.

новъ семьи, т. е. всѣхъ состоящихъ подъ отеческою властію, и наконецъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе, отсутствіе гражданской личности, въ томъ смыслѣ, какъ мы его опредѣлили, вотъ основныя начала первобытнаго нашего семейства, временъ Русской Правды. Само собою разумѣется, что эти начала не были сознаны и выражены, какъ юридическій законъ; они безсознательно коренились въ духѣ, правахъ, обычаяхъ того времени и, выражаясь въ жизни, подъ вліяніемъ безчисленныхъ временныхъ и мѣстныхъ условій и случайностей, конечно, видоизмѣнялись, проявлялись съ большею или меньшею послѣдовательностію или уклоненіями. Тѣмъ не менѣе они были закваскою и солью нашей первобытной семьи.

Съ такимъ-то семействомъ встрѣтилось христіанство на Руси [1]. Оно застало семейный бытъ нашихъ предковъ въ то время, когда онъ такъ нуждался въ спасительномъ вліяніи христіанскихъ идей. Но сколько, съ одной стороны, семейная жизнь, вся нравственная, никогда не подчиняющаяся въ своемъ внутреннемъ существѣ юридическому опредѣленію, нуждается въ такомъ дѣятелѣ, какова религія непосредственно дѣйствующая на чувства человѣка, столько же, съ другой стороны, славянская семья этого времени и отвергала вліяніе христіанской религіи, ибо не способна была разомъ принять, по первобытной своей грубости, ни человѣческихъ началъ христіанства, ни понятій о лицѣ и семействѣ византійскаго права, сдѣлавшагося руководствомъ для духовенства при преобразованіи семейной жизни нашихъ предковъ [2]. Христіанство взошло къ намъ, слѣдовательно, какъ и вездѣ, только номинально, не смотря на то, что греческое духовенство вѣрно поняло свое призваніе среди языческаго народа, и не смотря на совокупныя усилія вмѣстѣ съ нимъ правительства и выс-

[1] Разборъ г. Кавелина книги г. Терещенко, Бытъ Русс. народа, Современникъ 1848 г. № 10, с. 105.

[2] Исторія росс. госуд. и гражд. законовъ Рейца въ переводѣ Морошкина 1836 года, Москва с. 202.

шаго сословія, скорѣе народной массы усвоившихъ себѣ христіанское ученіе [1].

I. Основаніе семейной жизни — бракъ. На этотъ узелъ внутренней народной жизни духовенство наше тотчасъ, по введеніи христіанской религіи, и обратило все свое вниманіе. Первымъ дѣломъ его было: уничтоженіе многоженства, установленіе святости и ненарушимости брака и сообщеніе ему законныхъ послѣдствій, по христіанскому воззрѣнію. Тѣмъ не менѣе грубыя языческія понятія о бракѣ въ полной силѣ господствовали не только въ періодъ Русской Правды, но и во времена гораздо позднѣйшія. Такъ:

1. Каноническіе законы запрещали многоженство. «Долго, говоритъ Неволинъ, по введеніи христіанства, нѣкоторые имѣли у себя не по одной женѣ или держали наложницъ. Съ XIII вѣка о такихъ безпорядкахъ становится мало слышно и запрещеніе вступать въ бракъ, при существованіи прежняго, законно нерасторгнутаго и непрекратившагося, составляетъ теперь (когда?) законъ гражданскій» [2]. Здѣсь Неволинъ приводитъ 20 главу 84 статьи Уложенія царя Алексѣя Михайловича и послѣдующіе указы 18 столѣтія, запрещающіе самовольное расторженіе брака. «Особенно долго, продолжаетъ онъ, русская церковь должна была бороться съ обычаемъ вступать въ четвертый бракъ. Однако же, наконецъ, этотъ бракъ былъ рѣшительно запрещенъ самыми гражданскими законами, именно законами Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича» [3]. Если еще въ періодъ уложенія, XVII столѣтіи, каноническія постановленія нуждались въ помощи гражданской власти, то что же было въ періодъ

[1] О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго, Неволина, см. журналъ Минист. Нар. Просв. 1847 г. Іюнь часть XV. августъ, часть XV. Обозрѣніе грекоримскихъ законовъ въ отношен и къ церкви. Жур. мин. нар. просв. 1850 г. часть XXV. Изслѣд. зам. и лекціи г. Погодина, т. 3. с. 92, 302, 525, 337. Ср. Slavische Rechtsgeschichte, von. W. A. Macieiowski, II. 196—200.

[2] Исторія россійскихъ гражд. законовъ Неволина, т. I. с. 174—180.

[3] Тамъ же.

правды? Скажемъ обратно Неволину: въ это время только нѣкоторые — князья и высшее сословіе — подчинялись до извѣстной степени требованію каноническаго греческаго права, признавали бракъ по понятіямъ христіанскимъ, а цѣлая народная масса вся осталась при старыхъ своихъ понятіяхъ. Иначе и быть не могло, что разумѣется само собою, помимо свидѣтельствъ о многоженствѣ и жалобахъ на него духовенства [1].

2. Равнымъ образомъ и постановленія церкви о заключеніи и совершеніи брака не имѣли въ это время почти никакого дѣйствія. Такъ мы знаемъ, что браки заключались въ

[1] Исторія росс. гражд. законовъ Неволина, т. I. с. 174 пр. 565: «Великій князь Святополкъ—Михаилъ имѣлъ у себя наложницу и своимъ сыновьямъ отъ ней давалъ княжескіе удѣлы. Лав. с. 115, г. 6605; с. 117 г. 6608 (послѣднее мѣсто ср. съ Никон. т. 2 с. 33. «а градъ Владимеръ даде Святополкъ сыну своему Ярославцу, иже бѣ ему отъ наложницы)». Знаменитый Ярославъ Галицкій жилъ съ Настаською и сыну своему отъ нея отдалъ даже Галицкій престолъ. Ипат. с. 106 г. 6681 и с. 135 — 136. г. 6695. — Уставъ Ярослава о церковныхъ судахъ: «Аже двѣ жены кто водитъ, епископу 40 гривенъ; а которая подлегла, та поняти во домъ церковный, а первую держати по закону; а иметъ лихо водити ю, казнью казнить его». Правило церковное митрополита Іоанна (Рус. достоп. г. I с. 94) «Тоже сотвори» (т. е, подвергни церковному наказанію), «иже бес-труда и бе-сраха и бе-срама двѣ женѣ имѣють, кромѣ сея вѣры нашея и Гречькое благовѣрьство житиа.»— Уставная грамота Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича Смоленской епископіи 1150 сент. 30 (Дополн. кв. А. И. т. I. с. 7). «А тяжъ епископлихъ не судити никомуже, судитъ ихъ самъ епископъ... другая тяжа: ажъ водитъ кто двѣ жинѣ».—Впрашаніе Кюрикова (Памятники Россійской Словесности XII вѣка изд. Калайдовичемъ с. 187) «Рѣхъ ему: а оже, Владыко, се друзіи наложници водятъ явѣ и дѣтя родять, яко съ своею, и друзи съ многыми отай робами, которое луче? Се недобро, рече, ни се, ни оно».— Пространная Русская Правда указываетъ также на обычаи имѣть многихъ женъ или наложницъ, постановляя, что раба съ рожденными отъ ней дѣтьми получаетъ свободу, но они не наслѣдуютъ отцу.

близкихъ степеняхъ родства не только народомъ, но и самыми князьями. Запрещенныя для брака степени родства не соблюдались сколько по невѣжеству, столько же и умышленно [1]. Церковные обряды обрученія и вѣнчанія также долго, по введеніи христіанства, не могли войти у насъ въ общее употребленіе. Первоначально только князья и бояре, высшее сословіе совершали бракъ по церковному чиноположенію; простой же народъ оставался вѣрнымъ своимъ языческимъ обрядамъ, съ которыми и сами князья и бояре долго не переставали праздновать свои свадьбы [2].

3. Если, наконецъ, заключеніе и совершеніе брака оставались прежнія, языческія, то само собою разумѣется, что и расторженіе его было самовольное, вполнѣ зависѣвшее отъ мужа-владыки своихъ женъ. Произволъ здѣсь былъ такъ великъ и такъ былъ въ духѣ грубаго народа, что духовенство должно было сдѣлать уступки, и причины развода у

[1] Исторія Неволина, т. I. с. 197. — Рейцъ въ переводѣ Морошкина Москва, 1836. с. 198—201.—Карамзинъ т. III. пр. 325.

[2] «Оже не бываютъ на простыхъ людехъ благословенія вѣнчанія, но бояре токмо и князя вѣнчаются; простымъ же людемъ яко именемъ и плесканіемъ. Русс. Достоп. I. 101.—Митрополитъ Кириллъ говоритъ: въ предѣлахъ Новгородскихъ не вѣсть водитъ къ водѣ и нынѣ невелитъ тому тако быти или то проклинати повѣлеваетъ Востокова, Опис. Рум. Муз. с. 221.—Исторія рос. гражд. законовъ Неволина, т. I. с. 221 — 223. Нравы обычаи и религія Славянъ. г. Соловьева. Сборникъ историко-юрид. свѣдѣній г. Калачева с. 10 — 15. Какъ трудно распространялись христіанскія понятія о бракѣ между Славянами, видно между прочимъ изъ того, что еще законникъ Душана первыми статьями своего постановленія:

1. Наипрежде за христіанство. симъ образомъ да очиститъ се христіанство, властеле и прочіи людіе да неженетъ се неблагословивши се у своего архіереа или у духовника. да благословенъ се архіереи постановленными.

2. И ни единъ бракъ да небываетъ без вѣньчаніа. аще ли дабудетъ безъ благословеніа црькве. таковы да разлучетъ се. Lex Stephani Dušani ed. Miclosich. Vindobonae 1856 г. с. 1.

насъ были гораздо многочисленнѣе, нежели у Грековъ [1]. Какъ слабо дѣйствовали въ этомъ случаѣ каноническія постановленія, можно отчасти судить потому, что еще въ XVIII столѣтіи было найдено нужнымъ запретить писать разводныя письма [2].

Нечего говорить о томъ, что духовенство постоянно требовало исполненія предписаній церкви; ревность его въ этомъ отношеніи извѣстна Но какъ слабо исполнялись эти предписанія, видно изъ самыхъ жалобъ духовенства и побудительныхъ причинъ, по которымъ они дѣлались [3]. Бракъ, слѣдовательно, оставался въ разсматриваемое нами время, за исключеніемъ до нѣкоторой степени княжескаго рода и высшаго сословія, на прежнемъ, языческомъ основаніи. Ни понятіе о немъ, ни способы совершенія и расторженія не измѣнились. Тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ полную силу и значеніе: различія въ правахъ между законными и незаконными женами и дѣтьми не было [4]. Только Уложеніе обозначило нѣкоторые виды незаконнаго рожденія и положило различіе въ правахъ между законными и незаконными дѣтьми [5].

II. Что касается до втораго узла семейной жизни, власти отца семейства надъ дѣтьми, то эта власть также оставалась, по введеніи христіанства, совершенно на прежнемъ основаніи, т. е. она была также широка и безгранична, какъ и во времена языческія. Въ этомъ не можетъ быть, какъ мы видѣли, сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что и по ученію церкви и по законамъ грекоримскимъ отъ дѣтей требовалось неограниченное послушаніе, повиновеніе; а законы Моисея, принятые нашею церковью, неумолимо строги въ этомъ от-

1 Исторія Росс. Гражд. законовъ Неволина. т. I. с. 255 и слѣд.

2 17030 декабря 11 (П. С. З. № 5628) Синоданій. Подтвержденіе 1767 Іюля 10, тамъ же, № 12955 Синодскій.—Истор. рос. гр. зак. Неволина, т. I. с. 252—261.

3 Рейцъ въ переводѣ Морошкина. Москва 1836 г. с. 198—201.

4 См. выше примѣч.

5 Уложеніе глав. 10. ст. 280.—Исторія росс. гражд. законовъ т. I. с. 313.—Рейцъ въ переводѣ Морошкина 198—201.

ношеніи, опредѣляя даже за дерзость отцу и матери смертную казнь: «аще человѣкъ злорѣчитъ отцу своему или матери своей, смертію да умретъ». Вѣра, замѣчаетъ Рейцъ, строго поддерживала почтеніе къ родителямъ и исполненіе дѣтскихъ обязанностей. Отсюда и изъ идей Римскаго Права объ отеческой власти, вѣроятно, образовалось послѣдующее постановленіе, что дѣти ни въ какомъ случаѣ не могутъ жаловаться на родителей [1].

Изъ предложеннаго обозрѣнія существа семейной жизни нашихъ предковъ, т. е. личныхъ семейныхъ отношеній, каковыми они были на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительной жизни, и того юридическаго, законнаго опредѣленія, которое стремилось духовенство дать нашему семейству, на основаніи откровеннаго ученія Христова и началъ византійскаго права, видимъ, что существо это, въ разсматриваемый нами періодъ времени, осталось на прежнемъ основаніи, почти ни въ чемъ не измѣнилось отъ вліянія христіанства. Туземныя народныя, языческія понятія господствовали въ семьѣ и опредѣляли всѣ возникавшія изъ нея отношенія. Неограниченность семейныхъ властей, не возведенная впрочемъ въ юридическій принципъ, грубый языческій характеръ ихъ и проявленіе, единство семейное и отсутствіе гражданской личности—составляютъ по прежнему существо семейной жизни. Иначе и быть не могло. Все содержаніе семейной жизни лежитъ внѣ области юридической, а потому положительный законъ не имѣетъ на нее почти никакого вліянія, если онъ не основанъ на общемъ народномъ духѣ, а таковы были, по отношенію къ разсматриваемому времени постановленія христіанской церкви и византійскаго права, которымъ духовенство старалось дать силу закона. Такія противоположности, какъ языческій семейный бытъ Славянъ и бытъ Грековъ христіанъ, разомъ сродниться не могли. Только уже подъ конецъ этого періода, въ про-

[1] Рейцъ въ переводѣ Морошкина, с. 205, 206. — Посланіе Митрополита Іоны дѣтямъ, неповинующимся своей матери, (послѣ 1455 г.) Допол. къ акт. ист. т. I, с. 10, подъ № 11.

странной Русской Правдѣ XIII столѣтія, замѣтно вліяніе византійскихъ идей въ нашемъ семейномъ правѣ, но и то пока только въ имущественныхъ отношеніяхъ. Это объясняется тѣмъ, что имущественная сфера, въ противоположность личной, нравственной, есть по преимуществу юридическая, гдѣ положительный законъ имѣетъ полную силу. А потому и не удивительно, что византійское имущественное право скоро получило у насъ нѣкоторое приложеніе. Притомъ же греко-римское гражданское право такъ обработано, возведено къ общимъ юридическимъ началамъ, что въ немъ исчезаютъ всѣ національности.

По всѣмъ изложеннымъ нами основаніямъ, т. е. по существу семейныхъ властей этого времени и отношеній къ нимъ подвластныхъ членовъ, по личному единенію всѣхъ членовъ семьи, въ слѣдствіе, коего она уничтожала индивидуальность лицъ, и наконецъ по кровному, родственному основанію, на которомъ только и держится это единеніе, мы не можемъ признать въ нашей семьѣ того общиннаго элемента, который заносятъ даже и въ нее нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ.

«Что же вообще была славянская *семья?*» спрашиваетъ г. Аксаковъ и отвѣчаетъ: «*она была семья,* но какъ скоро вопросъ становился общественнымъ, какъ напр. вопросъ о владѣніи (на землю право имѣла вся семья), *то она,* стороною къ этому вопросу, *становилась сама общиною.* Какъ скоро встрѣчался другой общественный вопросъ народнаго совѣщанія, вѣча, она опять становилась общиною и отъ нея шелъ представитель: или старшій, или избираемый ею (какъ въ «судѣ Любуши»). *Кто же изъ дѣтей отдѣлялся отъ семьи* и жилъ отдѣльно, тотъ уже отрѣшался отъ семьи и *не наслѣдовалъ ей,*—семья сжималась въ числѣ. Съ другой стороны, она могла расширяться по произволу, могла принимать въ свой составъ родившихся съ нею и даже постороннихъ, но въ этомъ случаѣ *соединеніе дѣлалось относительно хозяйства;* собственность же не принадлежала всѣмъ принятымъ (вспо-

мнимъ выморочное наслѣдство); но *общимъ было пользованіе имуществомъ*, во время котораго, въ распоряженіяхъ по имуществу, естественно имѣли голосъ не только члены самой семьи, но и всѣ тѣ, кого она приняла въ составъ свой. Раздѣлъ же былъ всегда возможенъ, ибо постоянно дѣйствовала живая свободная воля (?). Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ семья являлась, какъ община, *имѣли голосъ не только дѣти*, не только семья собственно, *но и другія лица*, принятыя въ семью (?). Но здѣсь является вопросъ: *при такомъ общинномъ значеніи семьи*, въ извѣстныхъ важныхъ случаяхъ (?), гдѣ даже дѣти имѣли голосъ, *не подрывается ли ея значеніе семейное, кровное?* Нисколько. Семейное чувство и семейный бытъ крѣпки были, крѣпки теперь и крѣпки будутъ у Славянскихъ народовъ, пока они не утратятъ своей народности» [1] и т. п.

Отвѣта, какъ видно, не нашлось у г. Аксакова; да и, дѣйствительно, трудно найтись отвѣтомъ, попавши въ такое страшное противорѣчіе. Понятія семейства и общины такъ діаметрально противоположны между собою въ своихъ основаніяхъ и послѣдствіяхъ, что между ними нѣтъ ничего общаго: одно основывается и держится только на *крови*, на родствѣ естественномъ, непосредственномъ и ближайшемъ; другое, напротивъ, только и мыслимо тогда, когда не предполагается и тѣни кровнаго. Семья основывается на бракѣ, началѣ физіологическомъ, невольномъ, естественномъ влеченіи половъ, община же составляется именно изъ людей чуждыхъ другъ другу, по какому-то внѣшнему побужденію, на предполагаемомъ а иногда на явновыраженномъ договорѣ. Отношеніе, слѣдовательно, между семьею и общиною будетъ такое же, какое существуетъ между необходимостію (Die Nothwendigkeit) и договоромъ, произволомъ (Willkühr). Отсюда какъ въ семьѣ положеніе лицамъ, ее составляющимъ, дается самою природою, такъ отношеніе лицъ въ общинѣ установ-

[1] Москов. Сборникъ г. Аксакова, Москва 1852 г. «О древнемъ бытѣ у Славянъ», ст. г. Аксакова, с. 96, 97.

ляется условіями, внѣ природы ихъ лежащими. Поэтому, далѣе, въ первой—неравенство, установленное природою, во второй—равенство, признанное всѣми членами.—Будучи радикально различны въ основѣ, семья и община рѣзко различаются и во всѣхъ подробностяхъ отношеній, изъ нихъ возникающихъ. Уподобленіе, сравненіе, заимствованіе, или перенесеніе изъ одной изъ этихъ двухъ сферъ въ другую не возможно, безъ нарушенія самаго существованія ихъ. Напротивъ, какъ въ идеѣ эти два понятія могутъ быть мыслимы, такъ и въ жизни семья и община могутъ существовать не иначе, какъ въ противоположеніи; это conditio, sine qua non для обѣихъ ихъ.

Понятно теперь, почему неосторожно, все болѣе и болѣе сближая семью съ общиною, г. Аксаковъ уничтожилъ самую семью, отнявши у нея кровное основаніе и замѣнивши его началомъ общиннымъ, разрушилъ и самый общинный бытъ, который слагается изъ семей, какъ сумма составляется изъ слагаемыхъ. Напрасно г. Аксаковъ поясняетъ, что семья была семьею, но что она только *въ извѣстныхъ важныхъ случаяхъ становилась общиною*, что она могла *сжиматься и расширяться* по произволу *для хозяйства*, что собственность не принадлежала всѣмъ членамъ семьи, а было у нихъ только общее пользованіе имуществомъ, въ распоряженіи которымъ имѣли голосъ не только дѣти, но и всѣ принятые въ семью.... все это не поправляетъ дѣла: заносить въ семью общинный элементъ, или придавать семьѣ общинное значеніе, по нашему мнѣнію, никакимъ образомъ и ни подъ какимъ видомъ не возможно, и притомъ не только у насъ, Славянъ, у которыхъ семейныя чувства были крѣпки, крѣпки теперь и будутъ крѣпки до конца нашего существованія, но даже и у другихъ народовъ, менѣе способныхъ къ семейнымъ чувствамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что общественная жизнь и ея устройство имѣютъ вліяніе на бытъ семейный, но только не такое, какое предполагаетъ разсматриваемое нами мнѣніе и не въ такой степени и формѣ.

И такъ основаніе разсматриваемаго нами мнѣнія оказывается невѣрнымъ; понятно, что и дальнѣйшіе выводы изъ этого основанія не могутъ быть состоятельными.

1. Если, какъ говоритъ г. Аксаковъ, семья была семьею, т. е. въ тѣсномъ смыслѣ союзомъ кровнымъ лицъ, отъ брачной четы происходящихъ, то вдругъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, хотя бы самыхъ важнѣйшихъ, становиться общиною она не могла, ибо не могла и не можетъ никогда, не разрушая себя, измѣнить своего *кровнаго* основанія, а слѣдовательно и родственнаго характера и значенія. Союзы, общества, въ которыхъ живетъ человѣкъ, различаются между собою своими основаніями, а вовсе не формами, иначе мы совершенно обезразличимся. Спрашивается, неужели родъ, семья, община, государство — различаются между собою формами, ихъ внѣшнимъ устройствомъ, внѣшнимъ бытомъ? Нѣтъ, форма, внѣшность есть только признакъ, а не существо, которымъ различаются вещи и въ жизнь и въ мышленіи.

Въ семействѣ положеніе лицъ опредѣляется природою, кровію, рожденіемъ; семейство составляютъ, живутъ въ немъ и дѣйствуютъ родственники—отецъ, жена, дѣти, внуки и т. д. Какой бы вопросъ не возникалъ—онъ не могъ, какъ и теперь не можетъ, измѣнить ни положенія, ни характера, ни значенія членовъ семьи; каждый членъ семьи приметъ въ этомъ вопросѣ то участіе, которое можетъ по своему положенію, но далеко не то, которое принялъ бы въ немъ членъ общины. «Семья посылала», говоритъ г. Аксаковъ, «своего представителя на вѣче». Положимъ такъ; но что же изъ этого? Почему семья является здѣсь общиною? Отсюда мы видимъ только, что семья дѣйствовала, какъ юридическое лицо, что она, какъ таковое, только и имѣла значеніе, что индивида не было; но почему бы она претворилась отъ того въ общину, почему бы утратила свое кравное значеніе, единственно возможное не только для семьи, но даже и для дома?

II. «Кто отдѣлился отъ семьи», продолжаетъ г. Аксаковъ, «тотъ не наслѣдовалъ ей—семья сжималась *въ числѣ;* съ дру-

гой стороны, она могла расшириться *по произволу*, могла принимать въ свой составъ роднившихся съ нею и даже постороннихъ; (но въ этомъ случаѣ соединеніе дѣлалось относительно *хозяйства*)». Допустимъ, что это такъ; положимъ, что семья могла сжиматься и расширяться даже *по произволу*; мы все-таки не понимаемъ, почему бы это свойство нашей семьи дѣлало ее общиною? Вопросъ не въ томъ, сжималась ли она *въ числѣ*, или расширялась, а въ томъ, на какомъ *основаніи* она сжималась и расширялась, при чемъ число членовъ ея—вещь совершенно случайная. Основаніе, на которомъ отдѣлялись отъ семьи ея члены и присоединялись къ ней новые члены, все-таки было родственное; кто примыкалъ къ семьѣ не на этомъ основаніи, тотъ не былъ, не дѣлался членомъ ея. Таково было положеніе наймитовъ, рабовъ, въ чемъ согласенъ и г. Аксаковъ. Далѣе, вступая въ семью, единственно на родственномъ основаніи, новый членъ и занималъ въ ней то мѣсто, которое соотвѣтствовало его родственному значенію, т. е. онъ имѣлъ значеніе сына, внука, племянника, вообще родственника, права которыхъ далеко не были равны, какъ равны онѣ для всѣхъ членовъ общины. Замѣчательныя выраженія нашего простаго народа: «взять къ себѣ въ зятья», «въ племянникахъ жить» ясно указываютъ и теперь еще на различіе положеній присоединившихся членовъ къ семьѣ. Вступить въ семью съ тѣмъ, чтобы получить надъ ней права отца семейства, новый членъ никогда бы не могъ, между тѣмъ, какъ въ общинѣ каждый членъ можетъ занять какое угодно мѣсто. И такъ, свойство нашей семьи—сжиматься и расширяться въ числѣ и объемѣ—вовсе не доказываетъ присутствія общиннаго элемента въ ней, ибо это свойство она могла имѣть и при чисто кровномъ своемъ основаніи, что, слѣдовательно, семья и была только семьею, но никогда не превращалась въ общину. Этого бы и довольно.

III. Но увлекшись своею любимою мыслію, придать семьѣ общинный элементъ или значеніе, г. Аксаковъ прибавляетъ: «но въ этомъ случаѣ, т. е. въ случаѣ расширенія семьи въ

числѣ своихъ членовъ, соединеніе дѣлалось относительно *хозяйства,* собственность не принадлежала всѣмъ принятымъ, (вспомнимъ выморочное наслѣдство), но общимъ было *пользованіе имуществомъ*, во время котораго, въ распоряженіяхъ по имуществу, естественно имѣли голосъ не только члены самой семьи, но и всѣ тѣ, кого они приняли въ свой составъ». Присоединеніе, слѣдовательно, новыхъ членовъ къ семьѣ имѣло цѣль хозяйственную; по крайней мѣрѣ, оно обусловлено хозяйствомъ. Съ этимъ новымъ положеніемъ, противорѣчащимъ совершенно значенію и духу семейства, едва ли можно согласиться, какъ бы послѣдователи разсматриваемаго мнѣнія ни устанавливали его. Поставляя въ зависимость славянскую семью отъ хозяйства, домоводства и выгодъ жизни, во имя которыхъ происходило сжатіе и расширеніе ея, господа, непризнающіе родоваго быта нашихъ предковъ, даютъ ей какую-то внѣшнюю, даже случайную цѣль, что совершенно противно самому понятію о семействѣ. Семейство никогда и нигдѣ не только не установляется, но даже не обусловливается въ своемъ дальнѣйшемъ движеніи какими бы то ни было внѣшними, случайными, цѣлями; это, повторяемъ, союзъ кровный; всякая примѣсь чего бы то ни было посторонняго разрушаетъ семью. Двухъ основаній семейство не имѣетъ и имѣть не можетъ, равнымъ образомъ не можетъ и измѣнить того, на которомъ основывается и держится. Если г. Аксаковъ говоритъ, что семья была семьею, то долженъ сказать, что потому самому она не могла становиться общиною, имѣющею хозяйственную цѣль; ибо семья и хозяйственная община и въ жизни, и въ мышленіи отрицаютъ другъ друга. Но, опять — допустимъ, что присоединеніе новыхъ членовъ къ семьѣ дѣлалось относительно хозяйства. Если соединеніе дѣлалось относительно хозяйства, то и всѣ матеріальныя выгоды должны были дѣлиться поровну между членами семьи, какъ бы между членами хозяйственной общины, ибо здѣсь, гдѣ необходимо шелъ вопросъ о владѣніи, семья становилась сама общиною, каждый членъ которой имѣлъ голосъ. А между тѣмъ на дѣлѣ было иначе: «соб-

ственность не принадлежала всѣмъ принятымъ», какъ говоритъ самъ г. Аксаковъ; почему же? Вѣдь здѣсь шелъ вопросъ о владѣніи, по отношенію къ которому семья становилась общиною, да еще какою общиною? — хозяйственною, *договорною, артелью, ватагою* — чуть не *стадомъ*, наконецъ, какъ прибавляютъ нѣкоторые, принявшіе на вѣру разсматриваемое нами мнѣніе [1]. Но за то, отвѣтятъ намъ, *общимъ было пользованіе имуществомъ*, въ распоряженіи коего имѣли голосъ «не только дѣти, не только семья собственно, но и другія лица». Какія? даже не родственные — паймиты, закупы, рабы? Не говоря о томъ, что послѣднее противорѣчитъ историческимъ даннымъ, мы спросимъ только—а когда же и гдѣ въ семействѣ нѣтъ общаго пользованія имуществомъ? Но дѣло не въ общемъ пользованіи, не въ фактѣ, а въ законахъ пользованія и въ его основаніи. Неужели общее пользованіе имуществомъ семейнымъ и общее пользованіе имуществомъ общиннымъ («на землю право имѣла вся община»), близки между собою такъ, что отъ одного къ другому возможны сближенія, уподобленія? Какія основанія того и другаго? Какіе законы ихъ? Это, кажется, не требуетъ отвѣта.

IV. «*Раздѣлъ же*, прибавляетъ г. Аксаковъ, *былъ всегда возможенъ*, ибо постоянно дѣйствовала живая, свободная воля (чья?). И это несправедливо, не говоря о томъ, что въ высшей степени неопредѣленно. Но опять примемъ воззрѣніе г. Аксакова и посмотримъ, что будетъ. Раздѣлъ былъ всегда возможенъ—но чтожъ изъ этого? Былъ ли это раздѣлъ общинный, поголовно ли, т. е. поровну ли дѣлилось семейное имущество? Условливался ли этотъ раздѣлъ договоромъ, основаніемъ и исходнымъ пунктомъ общины, или въ основаніи этого раздѣла лежали иные законы? Раздѣлъ, положимъ, всегда возможный въ славянской семьѣ, происходилъ по со-

[1] О вліяніи общественнаго состоянія частныхъ лицъ на право поземельной ихъ собственности, г. Гладкова. Москва, 1855. с. 3, 4, 5.

знанію кровнаго родства между членами семьи: кто былъ ближе, напр. сынъ, тотъ получалъ больше, кто дальше, напр. внукъ, тотъ получилъ меньше, а женскій полъ и некровные, неродные члены семьи не получали ничего. Спрашивается, что же изъ того, что раздѣлъ семейнаго имущества былъ всегда возможенъ? Неужели онъ обличаетъ въ славянской семьѣ ея общинный характеръ? Но этого мало. Въ славянской семьѣ, особенно того времени, въ которомъ мы теперь находимся, т. е. семьѣ первобытной, когда она только что освободилась отъ родовой зависимости, раздѣлъ былъ *не всегда* возможенъ; напротивъ, онъ опредѣлялся извѣстными, крайними случаями, а, вообще говоря, еще не вошелъ въ обычай даже въ родствѣ, что мы видимъ изъ свидѣтельствъ позднѣйшаго времени [1]. Раздѣлъ семейнаго имущества происходилъ или по смерти отца семейства, или при жизни его, но единственно по его волѣ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, раздѣлъ имѣлъ значеніе выдѣла, назначенія особаго участка, жребія до поры до времени, но не раздѣла окончательнаго, такъ какъ неограниченная власть отца семейства выдѣломъ не прекращалась [2]. Еще въ позднѣйшее время отцы имѣли право отпустить на волю холопей своихъ сыновей, а по отношенію къ тому времени, о которомъ говоримъ, права родителей на имущество отдѣленныхъ ими дѣтей, если бы даже таковые и были, несомнѣнны. Раздѣлъ же, въ собственномъ смыслѣ, производился обыкновенно по смерти отца и то въ случаяхъ особенной какой нибудь надобности.

V. Вполнѣ, поэтому, не справедливо послѣднее положеніе г. Аксакова, а именно, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ семья

[1] Такъ еще въ соборныхъ статьяхъ 1667 г. мая 28 (А. Х. т. 4. № 155.), между прочимъ, говорится: «аще кто всякаго чина праведными судбами Божіими преставится и послѣ его *о раздѣленіи животовъ бьютъ челомъ жены и дѣти и сродники ихъ*».

[2] Въ Псковской судной грамотѣ, какъ сейчасъ увидимъ, именно говорится, что раздѣлъ происходитъ въ случаѣ платежа долговъ, утайки имущества и, разумѣется, по другимъ семейнымъ непріятностямъ.

являлась, какъ община, имѣли голосъ не только дѣти, не только *семья собственно, но и другія лица, принятыя въ семью.* Во-первыхъ, здѣсь мы видимъ совершенное противорѣчіе историческимъ показаніямъ. Тамъ, гдѣ отецъ семейства имѣетъ неограниченныя, какъ мы видѣли, права надъ дѣтьми, невозможно говорить о какомъ либо голосѣ дѣтей и о правахъ ихъ на имущества; ибо что значатъ всѣ эти права, когда самое лицо, самая жизнь ихъ въ рукахъ отца? Вовторыхъ, г. Аксаковъ смѣшиваетъ понятіе отца семейства съ понятіемъ старшаго родственника въ домѣ, по отношенію къ которому, дѣйствительно, его боковые родственики, живущіе съ нимъ вмѣстѣ, имѣли голосъ и значеніе при распоряженіи общимъ, домашнимъ, родственнымъ имуществомъ. Но старшій родственникъ — не отецъ, домъ — не семейство, какъ сейчасъ увидимъ.

Изъ Псковской судной грамоты, юридическихъ актовъ XIV и XV вѣковъ, а также сохранившагося отчасти до сего времени обычая у нашего простаго народа, мы знаемъ, что, обыкновенно дѣти, по смерти родителей, *не дѣлились, а оставались* жить вмѣстѣ, владѣя сообща отцовскимъ имуществомъ. Отъ того мы и видимъ, что въ *одномъ домѣ* живутъ иногда *нѣсколько семействъ*, но семействъ родственныхъ, какъ напр. семейства родныхъ братьевъ. Оставаясь въ нераздѣльномъ владѣніи имуществомъ, перешедшимъ отъ родителей, братья жили въ одномъ домѣ, имѣли общее хозяйство, которое образовалось само собою, въ слѣдствіе привычки родственниковъ жить вмѣстѣ, «кождо съ родомъ своимъ», какъ говоритъ Несторъ. Общее хозяйство въ домашнемъ быту нашихъ Славянъ есть, такимъ образомъ, *слѣдствіе* особенной крѣпости родственныхъ, кровныхъ связей, соединявшихъ ихъ нѣкогда въ родовые союзы; оно унаслѣдовано семьями изъ временъ родоваго быта, но никакъ не есть побудительная *причина* къ совмѣстному сожительству нѣсколькихъ семей въ одномъ домѣ. Не ради хозяйства, не ради внѣшнихъ какихъ нибудь цѣлей родственники, по смерти отца семейства, оставались жить вмѣстѣ, а потому что они были связаны особенно крѣпкими связями, вѣковѣчною привычкою, преданіемъ,

изъ рода въ родъ переходящимъ; однимъ словомъ, братья, хотя бы и женатые, не дѣлились, по смерти родителей своихъ, въ слѣдствіе закона *вѣкожизненныхъ боговъ*, на который ссылалось богемское вѣче, когда заспорили о раздѣлѣ наслѣдства братья Кленовичи, славнаго рода Тетвы Попелова. Общимъ же домашнимъ хозяйствомъ завѣдывалъ старшій родственникъ, дядя или братъ, какъ объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ Псковская грамота [1]. Кто бы впрочемъ ни управлялъ общимъ хозяйствомъ въ домѣ по смерти отца, его не должно смѣшивать съ отцемъ семейства, хотя онъ и становился *въ отца мѣсто*, дѣлался какъ бы отцемъ. Послѣднее обстоятетьство сообщало ему только *старшинство* между равными ему по происхожденію родственниками; онъ былъ старшій въ домѣ *родственникъ* и непремѣнно — родственикъ — а потому хозяинъ, распорядитель, но не отецъ по отношенію ко всѣмъ членамъ дома. Этимъ понятіемъ родственнаго старшинства, бывшимъ краеугольнымъ камнемъ родоваго быта [1], (которымъ, по признанію даже самаго г. Аксакова, жили прежде наши предки), опредѣлялись и теперь всѣ отношенія его къ членамъ дома, а не понятіемъ хозяйства и хозяина. Этого-то старшаго въ домѣ и смѣшалъ,

[1] «А который *вятшій братъ съ меншимъ братомъ* живучи въ одномъ хлѣбе, а скажутъ долгу отцова, а на отца записи не будетъ, ино вяшьчему брату правда дать, да заплатить опчимъ животомъ, да остаткомъ подѣлиться». § 8. XIV, 28—XV, 2. с. 21. «А которой *менші братъ или братанъ*, живучи въ одномъ хлѣбе съ *вятшимъ братомъ* или зъ братомъ (отца?), а искористуются серебромъ у брата своего, или у брата (отца?), и учнетъ запиратися, ино ему правда дать, какъ за нимъ не будетъ, а животомъ дѣлится». § 9. XV, 3—6. с. 22. Гражд. зак. Пск. судн. гр. И. Энгеммана. Спб. 1855.

[1] Значеніе князя, или старшины рода понятно, если этотъ старшина есть отецъ, дѣдъ, прадѣдъ младшихъ членовъ рода: онъ пользуется властію отцовскою надъ дѣтьми. Но если этотъ патріархъ умираетъ, то для рода является необходимость избрать ему преемника, который бы сталъ для младшихъ членовъ *въ отца мѣсто*, какъ выражались въ послѣдствіи наши Князья. Архивъ книжка первая, 1850. г. Калачева. ст. 17.

какъ видно, г. Аксаковъ съ отцемъ семейства, какъ смѣшалъ понятіе семейства съ понятіемъ дома, двора, въ кототоромъ живутъ родственники, нѣсколько семействъ.

Но какъ не должно смѣшивать *домохозяина* съ *отцемъ семейства*, такъ, далѣе, не должно смѣшивать и *дома* съ *семействомъ*, общаго домашняго хозяйства съ семейнымъ имуществомъ. Это понятія совершенно различныя, хотя г. Аксаковъ и принявшіе его мнѣніе и не замѣчаютъ между ними различія, обманувшись, можетъ быть, ихъ внѣшнимъ сходствомъ. Домъ есть мѣстожительство живущихъ на какомъ бы то ни было основаніи вмѣстѣ лицъ, даже вовсе не родственныхъ, чужихъ, напр. бобылей. Живя вмѣстѣ, они могутъ имѣть и обыкновенно имѣютъ общее хозяйство, подъ управленіемъ одного изъ нихъ, даже общее пользованіе домашнимъ имуществомъ. Но спрашивается, неужели такое сожительство мы назовемъ семействомъ? Очевидно нѣтъ; а между тѣмъ, по мнѣнію г. Аксакова, какъ будто выходитъ, что и не родственники могли соединяться такъ, какъ родственники, слѣд. могли образовать семью. «Здѣсь (при разсмотрѣніи извѣстій о древнѣйшемъ семейномъ бытѣ Славянъ) особенно важно, говоритъ онъ, сравненіе съ современнымъ бытомъ русскаго народа, до сихъ поръ сохранившимся. У крестьянъ нашихъ отдѣлившійся отъ семейства *сынъ при жизни отца* (замѣтимъ это) не имѣетъ никакаго права на имущество семейное; онъ основываетъ уже свою семью; семью составляютъ тѣ, которые не выходятъ изъ семейнаго союза, не выдѣляются изъ него. Такимъ же образомъ въ составъ семьи (а не въ домъ?) могутъ приниматься и зятья и золовки и дальніе родственники и даже посторонніе. Все это зависитъ отъ воли семьи (а не отъ воли отца семейства?). Быта родоваго здѣсь вовсе нѣтъ (еще бы, въ наше время?); вопроса о совокупности родичей нѣтъ и тѣни (что же, въ семействѣ, даже въ домѣ, живутъ не родственники, чужіе?). Здѣсь все зависитъ отъ свободной воли семьи (а не отъ общаго согласія всѣхъ самостоятельныхъ родственниковъ, живущихъ въ одномъ домѣ?). *Братья, жившіе сначала вмѣстѣ одною семью* (какъ это? не

однимъ ли домомъ? «Семья была семьею въ тѣсномъ смыслѣ»), могутъ сейчасъ, если захотятъ, раздѣлиться и потомъ опять соединиться въ одну семью и въ одно хозяйство (развѣ въ одинъ домъ и въ одно хозяйство, но ужъ никакъ не въ семью, особенно, когда они и женаты); само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ *старшіе въ родѣ не отецъ и мать, а братья*, слѣдственно *равные*, *они выбираютъ кого нибудь одного*, *кто* всѣмъ завѣдуетъ и хозяйничаетъ, конечно, съ согласія остальныхъ, *потому что въ домѣ долженъ быть кто-нибудь одинъ хозяинъ*. Это могутъ сдѣлать (что? не родственную семью?) и лица вовсе не родныя другъ другу, но само собою разумѣется, что роднымъ естественнѣе такъ соединяться». Очевидно, заключаетъ г. Аксаковъ, что при такомъ сожительствѣ, *главный вопросъ хозяйство*» [1]. Дѣйствительно, *при такомъ сожительствѣ*, главный вопросъ хозяйство, матеріальная цѣль, во имя которой только и соединяются члены сожительства и какую имѣютъ и въ настоящее время, напр. наши артели, ватаги, но семейство, которое, повторяемъ, никогда и нигдѣ, безъ различія странъ и народовъ, не можетъ имѣть главнымъ вопросомъ хозяйства. Этого вопроса, этой цѣли, какъ главной, не имѣетъ не только семейство, но даже и вообще нашъ домашній бытъ, хотя бы и простонародный, внѣшняя сторона котораго такъ неудачно понята въ разсматриваемомъ нами мнѣніи.

Такимъ образомъ, при внимательномъ разсмотрѣніи мнѣнія объ общинномъ значеніи нашей семьи, открывается, что оно ложно по своему основанію, возникшему изъ сравненія общины съ семействомъ, или правильнѣе изъ уподобленія послѣдняго первой, что оно, далѣе, имѣя въ виду одну только внѣшнюю сторону и притомъ преимущественно современнаго домашняго быта нашего простаго народа, не только не объясняетъ существа древней семейной жизни нашихъ предковъ, но положительно затемняетъ какъ ее, такъ и настоящій домашній бытъ нашего народа, ибо во-

[1] О древ. бытѣ у Славянъ, с. 94, 95.

все не касается ни внутреннихъ, кровныхъ его основъ, ни сознанія о нихъ, и, наконецъ, что это мнѣніе, исходя отъ ложнаго основанія и опираясь на внѣшнюю сторону домашняго быта, перемѣшиваетъ такіе предметы, которые, по внутреннему существу, ничего общаго между собою не имѣютъ, такъ напр. домъ и семейство, хозяинъ и отецъ семейства. Отсюда семейство является преимущественно общиною, товариществомъ, ватагою, артелью и т. д., а не союзомъ кровнымъ—эта связь далеко назади, на второмъ, если не на третьемъ планѣ. Поэтому, далѣе, всѣ отношенія являются не родственными, кровными, какими они всегда и вездѣ были, есть и будутъ, доколѣ будетъ существовать бракъ, а *договорными*, условными, произвольными. Вмѣсто неограниченности властей древняго нашего семейства, первоначальной нераздѣльности его и того родственнаго крѣпкаго единенія, въ слѣдствіе котораго каждый подвластный членъ семейства терялъ свою личность, мы видимъ, вопреки всѣмъ историческимъ даннымъ, въ семействѣ, или лучше, въ какой-то семейной общинѣ, полную независимость каждаго члена семьи, въ слѣдствіе которой онъ живетъ и дѣйствуетъ въ семьѣ, какъ гражданинъ въ общинѣ. Однимъ словомъ, разбираемое мнѣніе, вопреки своей завѣтной цѣли, уничтожило у Славянъ не только семью, но и весь его домашній бытъ, поставивъ его на какомъ-то неестественномъ началѣ договора, контракта. А вся бѣда въ томъ, что древнее семейство отрываютъ отъ его естественнаго корня, тѣхъ кровныхъ, родственныхъ основаній, на которыхъ первоначально вездѣ и всегда живетъ человѣкъ, отъ тѣхъ кровныхъ связей, которыя соединяютъ первоначально между собою семейства, и безъ которыхъ ни первобытный человѣкъ, ни его семейство существовать не могутъ; ибо для нихъ, внѣ кровныхъ связей, внѣ совокупности родства, не существуетъ первоначально никакихъ условій для безопасной жизни. Отдѣльно семейство никогда не появляется въ исторіи: оно первоначально есть нераздѣльная часть родственной массы людей, въ которой человѣкъ живетъ такъ же, какъ и

всѣ животныя, которымъ назначено жить обществомъ. Выдѣленію семейства изъ этой родственной массы, разумѣется, предшествуетъ дробленіе, обособленіе. Наконецъ, оно освобождается отъ родственной зависимости и, въ свою очередь, опять совершаетъ свое историческое развитіе, какъ по внутреннему своему содержанію, такъ и по внѣшней формѣ и устройству. Этого общаго органическаго закона не должно нарушать въ историческомъ изслѣдованіи, которое именно и состоитъ во вскрытіи этого закона.

ОТДѢЛЕНІЕ III

Устройство домашняго быта.

Выше мы видѣли, что и по свидѣтельству греческихъ писателей, и по прямому сказанію лѣтописи Нестора, и по тѣмъ указаніямъ, которыя сохранились въ другихъ древнихъ памятникахъ славянской письменности, и наконецъ, по изслѣдованію ученыхъ, чуждыхъ современнаго нашего увлеченія[1], *первоначальный бытъ славянскихъ племенъ вообще и нашихъ восточныхъ въ особенности былъ родовой*. Этого не отвергаетъ никто, даже сами крайніе противники родоваго быта[2]. А если это такъ, то на какомъ же основаніи, вопреки историческимъ даннымъ, подыскивать, для объясненія нашего семейнаго быта, какое-то странное общинное, договорное начало, совершенно противоположное существу и всякому по-

[1] Эверсъ, Рейцъ, Нейманъ, Губе, Реппель.

[2] Г. Бѣляевъ доказываетъ, что исторія открываетъ Славянъ, при переходѣ отъ быта родоваго къ общинному. Русь въ первые сто лѣтъ, т. е. Русь до пришествія Руссовъ?. Временникъ общ. ист. и др. Г. Аксаковъ, какъ сейчасъ увидимъ, тоже не отвергаетъ родоваго быта, какъ первой ступени въ народномъ развитіи.

ниманію семейства, и насильственно расторгать ту естественную связь, которою держится кровное родство между семействами первобытнаго времени, когда существуетъ такая же, только въ другой формѣ, при иномъ сознаніи, кровная связь между семействами и его родствомъ въ настоящее время? Спрашиваемъ, отлагая въ сторону всякія историческія свидѣтельства, неужели семейство вообще можетъ имѣть болѣе сходства съ общиною, нежели съ родовымъ союзомъ, съ родомъ? На такое предположеніе едва ли кто отважится, не отуманенный до послѣдней крайности увлеченіемъ, любимою мыслію. Даже г. Аксаковъ, дѣлая опредѣленіе родовому быту, въ противоположность и отрицаніе семейству, не могъ однако разорвать между ними связи, хотя и призналъ ее только видимою.

«Такимъ образомъ, заключаетъ онъ свое опредѣленіе родоваго быта, *семья и родъ* семейное и родовое начало не только не одно и тоже, но взаимно исключаютъ и ослабляютъ другъ друга. Гдѣ сильно начало родовое, тамъ нѣтъ начала семейнаго, или оно слабо Гдѣ сильно начало семейное, тамъ нѣтъ родоваго, или патріархальнаго, или же оно находится на слабой степени. Патріархальное и семейное начало образуютъ двѣ противоположности, *хотя повидимому и истекаютъ изъ одного источника, близки другъ къ другу* [1]. А если они истекаютъ изъ одного источника, хотя бы и повидимому, то и объяснять ихъ должно изъ одного же источника, а не пріискавать новаго, изъ котораго они не проистекаютъ даже и повидимому. Но дѣло въ томъ, что семейство и родъ истекаютъ изъ общаго источника родственныхъ чувствъ, натуры человѣка не по видимому, а на самомъ дѣлѣ, въ самомъ существѣ своемъ. Связь между ними естественная, необходимая. Они вовсе не противоположны другъ другу, какъ полагаетъ г. Аксаковъ, а только различны. Это двѣ формы одного и того же кровнаго начала, прежде всего связующаго людей; внутреннее содержаніе ихъ — родство,

[1] О древн. бытѣ у Славянъ, с. 78.

родственныя чувства — однородны, ибо *исходятъ изъ одного источника* и относятся между собою, какъ понятіе родовое къ видимому. Различіе, слѣдовательно, между ними формальное, а не матеріальное; между тѣмъ на оборотъ, сродство существенное, дѣйствительное, а не повидимому только, какъ думаетъ г. Аксаковъ. А если это вѣрно, то и не слѣдуетъ разрывать связи между семействомъ и родомъ ни въ мысли, ни въ прошедшей жизни, ни въ настоящей: ибо связь эта какъ естественная, прирожденная натурѣчеловѣка, никогда и нигдѣ не разрывается, даже и въ настоящее время. Дѣло только въ томъ, что въ настоящее время семейство, семейное начало стоитъ на первомъ планѣ, а родъ, какъ родство, на второмъ; въ древности же, напротивъ, стоялъ на первомъ планѣ родъ, родовое начало, родовое сознаніе кровныхъ связей, а семейство на второмъ, поглощалось родомъ, какъ теперь семейство заслонило родъ.

И таковое передвиженіе, если можно такъ выразиться, сознанія о родственныхъ, кровныхъ связяхъ и отношеніяхъ, изъ нихъ возникающихъ, *обусловливается естественнымъ ходомъ развитія человѣческой жизни*. Кровь и плоть—суть первоначальныя основанія человѣческаго единенія; всѣ дальнѣйшія связи—матеріальныя, умственныя, нравственныя, и т. д. суть дѣло позднѣйшаго времени, суть продукты жизни, развитія, слѣдовательно, времени, а не натуры человѣка. Они появляются не вдругъ, какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, такъ и въ цѣлой народной массѣ. Какъ младенецъ первоначально знаетъ только одни кровныя отношенія, такъ и цѣлый народъ. Понятно, что пока не выработались въ народѣ никакія общественныя соединенія, общая, кровная связь, соединяющая всю родственную массу въ одно цѣлое, въ одно первоначальное общество, всего сильнѣе. Общее происхожденіе, такимъ образомъ, отъ одного общаго родоначальника на первомъ планѣ: онъ источникъ единенія, изъ него все и всѣ истекаютъ, онъ общій всѣхъ отецъ. По этой первоначальной всѣмъ родичамъ связи, по этому общему ихъ происхожденію, слагаются всѣ *первоначальныя понятія* народа, какъ у мла-

денца; чрезъ нихъ онъ смотритъ и на самого себя и на свои отношенія къ себѣ подобнымъ; ихъ переноситъ онъ и на внѣшній міръ, гдѣ все относится, какъ дѣти къ отцу, какъ родственное къ родственному; по этимъ же первоначальнымъ понятіямъ слагается у него и религія — домовой, дѣдушка и т. д. Однимъ словомъ, вездѣ на первомъ мѣстѣ то, чѣмъ держится вся первоначальная жизнь человѣка, общая, родовая связь, которою живетъ онъ и его семейство: ибо нѣтъ еще никакихъ иныхъ условій для общественной жизни, а жить общественно — законъ для человѣка, точно также, какъ и для другихъ животныхъ, живущихъ обществами. Этого капитальнаго положенія не должно упускать изъ виду ни на минуту, при изслѣдованіи историческихъ вопросовъ въ древнѣйшую, первоначальную эпоху народной жизни.

Но вотъ народъ прожилъ долгое время; кровныя связи у него слабѣютъ, появляются мало по малу иныя соединенія человѣческой жизни во имя цѣлей матеріальныхъ, умственныхъ, нравственныхъ, религіозныхъ и т. д.; родственныя группы, которыми до сего времени онъ жилъ, мало по малу распадаются, теряютъ свою замкнутость, дробятся все болѣе и болѣе, удерживая пока отъ вѣка установившіяся понятія, которыя также ростутъ, измѣняются, какъ и самыя формы быта. Въ параллель съ упадкомъ кровныхъ связей и дробленіемъ родственныхъ союзовъ, возникаютъ иныя основанія человѣческаго общенія, воздѣйствуютъ на кровныя начала, сперва видоизмѣняютъ, потомъ вытѣсняютъ ихъ изъ нѣкоторыхъ сферъ человѣческой жизни и, наконецъ, сами начинаютъ господствовать въ общей народной жизни, предоставляя родственнымъ связямъ дѣйствовать тамъ, гдѣ самою природою назначено имъ мѣсто, и гдѣ, слѣдовательно, они необходимы, всегда будутъ имѣть полную силу и дѣйствіе. На рубежѣ поворота отъ чисто родственныхъ основаній къ неродственнымъ зачинается мало по малу и семейство. Оно, слѣдовательно, въ историческомъ развитіи быта и народнаго духа занимаетъ среднее мѣсто между *кровнымъ началомъ и обществен-*

нымъ, образуется изъ перваго въ параллель и подъ влiянiемъ послѣдняго и, разумѣется, удерживаетъ на себѣ слѣды того и другаго. Первое даетъ внутреннее содержанiе, второе же устанавливаетъ и гарантируетъ положенiе его среди общества. Паденiе, слѣдственно, господства родственныхъ, кровныхъ началъ (какъ единственнаго основанiя общежитiя) и возникновенiе въ народѣ иныхъ связей человѣческой жизни ведутъ необходимо къ зачатiю семейства. Но оно не вдругъ появляется отдѣльнымъ, самостоятельнымъ: высвобожденiе его идетъ долго, медленно, какъ вообще всякое первоначальное развитiе, особенно у народовъ *однокровныхъ*, каковы Славяне. Примѣръ нескончаемой борьбы родоваго начала съ семейнымъ мы видимъ въ нашемъ княжескомъ родѣ. Тоже было, но только нѣсколько прежде и въ общей народной массѣ, ибо княжескiй родъ нашъ продлилъ эту борьбу долѣе потому, что оставался исключительнымъ, замкнутымъ. Дѣло началось, какъ мы видѣли, родовыми распрями, постояннымъ отрицанiемъ родовыхъ притязанiй на семейство, пока естественныя чувства большей близости дѣтей и нисходящихъ предъ боковыми и восходящими не взяли перевѣса и не вошли въ общее сознанiе и убѣжденiе. Какъ только это сознанiе утвердилось и гарантировалось общимъ, т. е. общественнымъ признанiемъ, то и произошла та смѣна началъ родоваго семейнымъ, о которомъ говоримъ: «*семья стала на первомъ мѣстѣ, а родъ на второмъ. Связь между ними не разорвалась, ибо она естественна; ее уничтожить нельзя, если она въ крови*, натурѣ человѣка; *она только видоизмѣнилась* и приняла иныя формы, такъ какъ древнiя формы, въ слѣдствiе отсутствiя условiй, при которыхъ они держались, рушились.

Новыя условiя возросшей, параллельно съ семействомъ, *общественной жизни видоизмѣнили древнiя формы родовой жизни:* родъ потерялъ свою замкнутость, исключительность и несвободу, потерялъ свою самостоятельность и самодержавныя права, однимъ словомъ, *вмѣсто рода появилось около семейства—родство*, не сплошная, непроницаемая масса, а разрѣженная, такъ сказать, атмосфера, только питающая семейство,

но не убивающая его. *Родство*, утратившее первобытный характеръ рода, *живетъ теперь около семейства*, не потому, чтобы ихъ связывала, какъ прежде, единственная кровная связь, внѣ которой не было условій для жизни человѣка, но потому, что къ общему сожитію въ одномъ мѣстѣ, въ одномъ домѣ ихъ привлекала теперь родственная любовь, вѣчная привычка, нравы, обычаи предковъ. Что прежде было безсознательнымъ дѣломъ крови, инстинкта, то теперь стало нравственною потребностію, но не необходимостію: семейное начало свободно, оно всегда можетъ выдѣлиться и сдѣлаться самостоятельнымъ. *Въ общемъ сожительствѣ родственниковъ на одномъ мѣстѣ, въ одномъ домѣ, хозяйствѣ нѣтъ теперь роковой необходимости*, которая была при замкнутости родовъ. Не всѣ родичи теперь живутъ вмѣстѣ, какъ было это во времена полнаго господства родоваго начала, но только тѣ, кои ближе себя чувствуютъ: братья, напр. съ дядьями, двоюродные, однимъ словомъ, ближайшіе по крови, чувству, нраву.... Тѣ же, которые не могли, напр. по тѣснотѣ мѣста, дома, семейнымъ граждамъ, или не хотѣли оставаться въ общемъ сожительствѣ съ своими родичами, отдѣлялись отъ нихъ, занимали особое мѣсто, ставили домъ и заводили свое особое хозяйство, но не отчуждались отъ родства, а только дѣлались самостоятельными, дальнѣйшими родственниками. *Родъ такимъ образомъ превратился въ родство*, родичи въ родственниковъ, изъ которыхъ ближайшіе, въ слѣдствіе особенной крѣпости родственныхъ чувствъ, привычки жить вмѣстѣ, одинаковости нравовъ, обычаевъ, вѣрованій, преданій, понятій, въ слѣдствіе кровнаго, нравственнаго, умственнаго и религіознаго воспитанія, не могутъ жить раздѣльно, а потому и живутъ въ одномъ домѣ. Основаніемъ ихъ сожитія *не договоръ*, слѣдственно, не произволъ, не внѣшнія какія-либо цѣли—хозяйство, пропитаніе, что соединяетъ людей въ артель, ватагу, товарищества, а естественное, кровное, нравственное и духовное, *тяготѣніе*, сочувствіе. Сочувствіе это свободно, полно родственной любви, уваженія, мира; оно не произвольно, не условно, не равномѣрно-математически, не цѣнимо внѣшними выгодами, мѣрою, вѣсами,

деньгами, какъ бываетъ это въ общинѣ, артели, ватагѣ. *Въ этомъ родствѣ,* безъ различія отдѣлившихся и неотдѣлившихся, *живутъ рядомъ рука объ руку два начала, видоизмѣняя другъ друга.* На первомъ мѣстѣ видимымъ образомъ начало семейное; отцу наслѣдуютъ прежде всего дѣти, а не боковые родственники, какъ прежде. Но и родовое начало, въ видѣ родства, окружающаго семейство, не остается безъ вліянія на семейный бытъ и своимъ тяготѣніемъ извнѣ уклоняетъ *семейное начало* отъ консеквентнаго развитія: внѣшнія формы и устройство домашняго быта, при совмѣстномъ жительствѣ родственниковъ, по преданію, общему родственному воззрѣнію, все еще родовыя. Все еще домъ, дымъ, дворъ разсматривается, какъ общее родовое, отцовское пепелище, хотя въ этомъ домѣ господствуетъ уже другое начало. Отсюда, какъ увидимъ ниже, двойственность личныхъ и имущественныхъ отношеній въ домашнемъ быту, а слѣдовательно, и двойственность началъ наслѣдованія.

Составъ этого родства различенъ. Иногда оно состоитъ изъ одного семейства въ древнѣйшемъ его значеніи, т. е. отца семейства, всѣхъ отъ него нисходящихъ дѣтей, внуковъ, правнуковъ и всѣхъ тѣхъ, кои состояли къ нему въ отношеніи дѣтей, находились подъ *отеческою его властію,* какъ напр. зятья, принятые въ домъ. Иногда около такого семейства видимъ и боковое родство, еще не осемьянившееся: холостыхъ дядей, братьевъ, не замужнихъ сестеръ, племянниковъ отъ нихъ-братаничей и сестричей. Иногда въ одномъ домѣ, въ совмѣстномъ сожительствѣ, живутъ двѣ и три, однимъ словомъ, нѣсколько подобныхъ семей и притомъ такъ, что около каждой или нѣкоторыхъ изъ нихъ видны боковые родственники женъ. Однимъ словомъ, *составъ этого родства—дѣло случайное,* главное же то, что живущее вмѣстѣ родство представляетъ собою *крѣпкое единство, какъ бы нравственное лицо* [1], и противополагается отдѣлившимся родст-

[1] Акт. Ю. Въ особенности же III купчія, мѣновыя, данныя, выкупныя и отказныя записи; напр. № 71, I, («ото всего племени»)

ственникамъ, но не чуждается ихъ: и живущіе вмѣстѣ, и отдѣлившіеся все-таки родственники, но только дальнѣйшіе. Эта любовь, привычка къ совмѣстному жительству и это крѣпкое нравственное единство живущаго вмѣстѣ родства есть прямое, непосредственное слѣдствіе унаслѣдованныхъ отъ родоваго быта понятій о совмѣстномъ жительствѣ родственниковъ, а не семейнаго устройства домашней жизни, которая по существу своему, въ противоположность родовому, содержитъ въ себѣ свойство разъединенія. Семейство существуетъ не долго. Оно безпрерывно разрушается и возраждается, между тѣмъ какъ прежде родъ, а теперь родство имѣютъ въ себѣ что-то вѣчное, неподвижное. Семейство постоянно нуждается въ принятіи въ себя извнѣ; родство же постоянно стремится отвергнуть отъ себя все чуждое ему. Отсюда значеніе и положеніе нашей древней женщины: это товаръ продажный, въ своемъ родствѣ она остаться не можетъ, она не поддерживаетъ рода, а слѣдовательно и отъ него не можетъ получить ничего болѣе, кромѣ содержанія, до того времени, пока выйдетъ вонъ изъ дому посредствомъ замужества. При господствѣ семейнаго быта, такого воззрѣнія на женщину образоваться бы никогда не могло. Для семьи женщина—желанная: безъ нея семья образоваться не можетъ, ею она держится. Слѣдовательно, каждая семья смотрѣла бы на женщину, какъ на свою, вѣчную, коренную.

Что касается теперь до личныхъ и имущественныхъ отношеній живущихъ вмѣстѣ родственниковъ, то отношенія эти зависѣли отъ личнаго состава родства, или лучше сказать, отъ начала его соединяющаго. Если въ домѣ жило семейство, въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. лица, непосредственно подъ отеческою властію состоящіяся, каковы лица нисходящей линіи и всѣ на правахъ ея присоединившіяся къ семейству, въ такомъ случаѣ воля отца семейства была закономъ.

II (братья), V (дѣти и внуки), XXXII, XXXIII, XXXIV, № 71—77.—Новгородскія раздѣльныя подъ № 260, 263.

предъ которымъ всѣ члены семьи становились въ безличное положеніе. Ибо, повторяемъ, если, какъ мы видѣли, отецъ первобытнаго нашего семейства (когда дѣйствовали частная месть и языческія понятія) имѣлъ въ своихъ рукахъ право жизни и смерти, могъ распоряжаться свободою жены, дѣтей, внуковъ и т. д., то само собою разумѣется, что при жизни его о какихъ-бы то нибыло правахъ подвластнымъ ему членовъ говорить нечего. Только съ уничтоженіемъ родоваго самовластія (мести) и съ водвореніемъ христіанства, члены семьи могли получить и дѣйствительно получаютъ, какъ увидимъ ниже, мало по малу нѣкоторыя права. Но признаніе этой правомѣрности идетъ медленно и на первыхъ порахъ, разумѣется, было ненадежно. ибо не было еще твердыхъ общественныхъ гарантій. Семейство временъ Правды, какъ мы видѣли, въ существѣ своемъ, крѣпко еще стояло на языческихъ началахъ; слѣдовательно, и постановленія византійскаго права, которыя были приняты въ руководство, при опредѣленіи личныхъ и имущественныхъ отношеній въ семейномъ быту, не могли имѣть полной своей силы. Правительственная власть, отъ имени которой и вводились эти новыя постановленія, сама еще была слишкомъ слаба для того, чтобы придать имъ неизмѣнную силу закона, не говоря о грубости нравовъ. Поэтому вся домашняя жизнь вѣрна была своимъ историческимъ понятіямъ о существѣ семейныхъ властей, т. е. неограниченности ихъ, о безотвѣтномъ подчиненіи членовъ семейства и т. п. Семейство жило въ строгомъ личномъ и имущественномъ единеніи: все дѣлалось въ немъ сообща, по волѣ отца; все, что ни пріобрѣталось, поступало въ общую массу семейнаго имущества, которое также принадлежало исключительно отцу семейства, какъ и сама семья, отъ него происшедшая [1]. Онъ распоряжался семейнымъ имуществомъ, равно какъ

[1] Неволинъ, Исторія гр. зак. т. I. с. 166. — Впрочемъ, Неволинъ слишкомъ рано допускаетъ возможность имѣть дѣтямъ отдѣльное имущество на основаніи постановленія Рус. Правды объ украденномъ

и самымъ семействомъ съ полною, неограниченною властію, совершенно по своему усмотрѣнію, и не только при жизни, но и на случай своей смерти: какъ раздѣлитъ онъ, говоритъ Руская Правда, такъ и быть. Требовать отъ него отчета или выдѣла никто не могъ, ибо теперь, когда родовое начало потеряло свое господство, стало на заднемъ планѣ, онъ вполнѣ неограниченъ. О нравственномъ вліяніи семьи на отца семейства и такой же зависимости его отъ нея говорить нечего; нравственный элементъ человѣческихъ отношеній не есть право. И эта власть отца прекращалась единственнно смертію его. Предположить, слѣдовательно, въ это время различіе въ правахъ дѣтей отдѣленныхъ и не отдѣленныхъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ, нѣтъ, какъ намъ кажется, достаточнаго основанія, ибо и самаго отдѣленія дѣтей въ это время еще не было. Впрочемъ, если бы кто нибудь изъ дѣтей и былъ отдѣленъ отцомъ, то онъ все-таки состоялъ подъ неограниченною отеческою властію, которая прекращалась только единственно смертію. Мы знаемъ, что даже въ позднѣйшее время отецъ имѣлъ право отобрать у отдѣленнаго сына данное ему имущество [1], пока не сдѣлано было въ концѣ XVII вѣка ограниченіе этого права [2]. Равнымъ образомъ право отца, предоставленное ему Уложеніемъ, отпускать посредствомъ духовнаго завѣщанія на волю кабальныхъ холоповъ

холопѣ, которое мы разсмотрѣли выше, на стр. 278 въ прим. 3. Статья о наслѣдствѣ дѣтей отъ разныхъ матерей, на которую ссылается при этомъ Неволинъ, цѣликомъ заимствована изъ византійскаго права, какъ это увидимъ ниже.

[1] Полн. собр. закон. 1677 іюля 3 (696). «А что о тѣхъ вотчинахъ и помѣстьяхъ билъ челомъ Алексѣй Мещеринъ о поворотѣ, и ему отказать для того, что онъ тѣхъ помѣстей своихъ и вотчинъ сыну своему поступился полюбовно: а какъ сынъ его былъ живъ, и его Алексѣева челобитья о поворотѣ помѣстей и вотчинъ не было». 1677 Августа 20 (702) докл. къ ст. 1 и ст. 4.

[2] Тамъ же 1683 іюня 11 (1020).—Исторія рос гр. закон Неволина т. I. с. 355, 356.

своихъ сыновей, принадлежало ему и по отношенію къ отдѣленнымъ сыновьямъ, потому что это право дано было отцу безъ различія между дѣтьми отдѣленными и не отдѣленными [1].

Если таковы были права отца семейства по отношенію къ членамъ мужескаго пола, то они имѣли еще болѣе силы для женскаго пола. Только лицо матери, въ случаѣ ея вдовства, должно было получить и дѣйствительно получаетъ большее значеніе и большія права. По смерти отца семейства, мать-вдова дѣлалась теперь свободною, ибо надъ ней уже не тяготѣло болѣе бремя родовой зависимости. Христіанство же и вліяніе византійскихъ понятій еще болѣе возвысили ея положеніе. Русская Правда вводитъ, по отношенію къ ней, византійскія постановленія, предоставляющія ей право на извѣстную часть изъ семейнаго имущества, право быть хозяйкой въ домѣ, по смерти мужа, до возраста дѣтей, по возрастѣ ихъ обеспечиваетъ ей уголъ—право жить съ дѣтьми [2].

Казалось бы, что право матери-вдовы жить въ домѣ мужа съ своими дѣтьми, или даже съ дѣтьми отъ первой его жены, такъ естественно, что объяснять его какими бы то нибыло сторонними вліяніями или заимствованіями нѣтъ никакой нужды. Нѣтъ сомнѣнія, что жена по смерти мужа, обыкновенно, и оставалась жить въ его домѣ съ дѣтьми. Но дѣло въ томъ, что жить-то ей, ничѣмъ не обеспеченной въ имущественномъ отношеніи, при тогдашнимъ правахъ, было слишкомъ тяжело. Она всегда была въ зависимости отъ сыновей, которые, разумѣется, ближе были къ своимъ женамъ, невѣсткамъ матери. Каждая изъ нихъ, а если братья, какъ обыкновенно и бывало, оставались жить вмѣстѣ, то старшая изъ нихъ (жена старшаго сына), не чувстуя теперь надъ со-

[1] «А кто отходя сего свѣта, напишетъ въ духовной своей, что сына его кабальныхъ людей отпустити на волю, и тѣхъ кабальныхъ сыновныхъ людей по отцовымъ духовнымъ на волю отпущати; и отпускныя имъ давати, а по кабаламъ у дѣтей его служити имъ не велѣти». Уложеніе гл. 20, ст. 106.

[2] Изслѣдованіе о Русс. Правдѣ г. Калачева, с. 106. LXX.

бою грозы отеческой власти, всегда могла заявить свое притязаніе на первенство въ хозяйствѣ. Отсюда неминуемыя столкновенія, которыя тяжелы даже и теперь, а тѣмъ болѣе въ то отдаленное время, въ которомъ мы находимся. Но положеніе вдовы-матери становилось еще труднѣе, невыносимѣе, когда умершій ея мужъ жилъ, по общему правилу того времени, вмѣстѣ съ своими братьями или боковыми родственниками. Тогда уже ничто не защищало ея, а у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ родственники умершаго ея мужа не только имѣли за нею надзоръ, но даже могли выгнать ее изъ дому [1]. Кто хоть немного знакомъ съ настоящимъ бытомъ нашего простаго народа, тотъ знаетъ, каково положеніе вдовы-матери вмѣстѣ и съ дѣтьми ея. Обидамъ, притѣсненіямъ — нѣтъ конца. Чтобы облегчить эту горькую участь вдовы-матери, очевидно былъ необходимъ законъ, который бы гарантировалъ ея право; иначе, при семейныхъ ссорахъ и воспаленіи родственныхъ чувствъ, ее могли прогнать со двора, на что прямо и указываетъ Правда, говоря: «не хотѣти ли ей дѣти начнуть на дворѣ.» А какъ скоро открылась необходимость въ постановленіи закона по дѣламъ семейнымъ, то само собою разумѣется, что источникомъ его было византійское право, такъ какъ всѣ семейныя дѣла подлежали вѣдомству духовенства, которое все въ это время было у насъ греческое. Чтобы убѣдиться въ истинѣ нами сказаннаго, приведемъ постановленія Эклоги императоровъ Леона и Константина и Русской Правды о правѣ вдовы-матери жить и быть хозяйкой въ домѣ умершаго ея мужа. «Если мужъ, говоритъ Эклога, имѣя дѣтей, умретъ прежде своей жены, то жена — мать дѣтей — удерживаетъ въ своей власти какъ все свое приданое, такъ и все имущество мужа, несетъ всѣ заботы и управленіе по дому, для чего и дѣлаетъ публичное (гласное) описаніе, т. е. инвентарій всего оставшагося послѣ мужа имѣнія, внося въ него свое приданое и все то, что имѣетъ, кромѣ приданаго. Это послѣднее,

[1] См. выше, с. 111 и 112.

т. е. имущество, которое принесено ею въ домъ мужа, сверхъ приданаго, она должна заявить. *Дѣти же не только не могутъ противиться матери или требовать отъ нея отчихъ остатковъ, но напротивъ должны оказывать ей всякую честь и послушаніе* по заповѣди Божіей. Безъ сомнѣнія, что и мать должна воспитывать дѣтей, пристроивать ихъ въ замужство и давать имъ приданое, по своему усмотрѣнію [1]. *Если же случится ей* (т. е. вдовѣ, имѣющей дѣтей) *въ другой разъ выдти замужъ, то дѣти должны отпустить ее и принять отъ нея все отцовское имущество безъ исключенія;* только одно приданое, принесенное ею ихъ отцу, равно какъ и брачный даръ, который онъ назначилъ ей въ обеспеченіе приданаго, они должны предоставить ей [2]. Равнымъ образомъ, если жена, имѣя дѣтей, прежде мужа своего умретъ, то мужъ ея, отецъ дѣтей, удерживаетъ въ своей вла-

[1] «Quod si liberis extantibus, ante conjugem suam maritus decesserit: uxor, id est, eorumdem liberorum mater, in potestate sua tam dotem ipsam, quam universum mariti matrimonium retineat, et universam domus ipsa curam et administrationem gerat, ubi palam descriptionem publicam fecerit, hoc est, inventarium totius, quod a marito suo reliquitur, patrimonii, et omnis generis facultatum, adiectis eidem descriptioni vel inventario cunctis etiam bonis suis dotalibus, et iis, quae in rebus extra dotem constitutis habet: quae quidem extradotalia demonstrare per efficaces probationes debet, ea se scilicet in viri sui domum adtulisse, jamque post mortem illjus extare; *non habentibus ejus liberis, in quo resistant, vel paternam ab ea substantiam reposcant. sed potius e contrario nullum non honorem et obedientiam* (яко не могущимъ ея чадамъ противитися ей или взыскати оу нея отни остатки: противно оубо всю честь и послушаніе—такъ переводитъ наша Кормчая) juxto Dei preceptum, ei tanquam matri deferentibus: quum interim haut dubie debeat ipsa, veluti parentes decet, educare liberos, et collocare nuptum, et dotem constituere, *prout ipsa voluerit*. Ius graecoromanum, apud beunclavium. T. II. p. 102. Delectus legum, tit. XII, § 6.—Срав. Кормчей, гл. 49. зачат. 4.

[2] Jam si contingerit ad aliud matrimonium transire, facultatem liberi ejus habeant, eam dimittendi, et omnia paterna bona sua, nullis dificientibus, reciptnendi: modo solam dotem ab ipsa patri eorum allatum, unà cum donatione, quam in eam dotis augenda saussa contulit, matri praestet. Ibidem § 7. — Кормчая, тамъ же.

сти какъ приданое, такъ и всякое другое ея имущество, ибо и самыя дѣти еще состоятъ подъ его властію. Онъ заботится о домѣ, всѣмъ управляетъ и дѣти никакъ не могутъ противиться ему, ни требовать отъ него материнскаго наслѣдія, но должны оказывать ему какъ словами, такъ и дѣломъ, всякое почтеніе и послушаніе, согласно священному писанію: словомъ и дѣломъ чти отца твоего и матерь твою, да снидетъ на тебя отъ нихъ благословеніе, ибо молитва отца утверждаетъ домъ дѣтей, а проклятіе матери съ корнемъ вырываетъ его основаніе [1]. Если случится, что вдовый отецъ вступитъ во второй бракъ, когда дѣти его еще не совершеннолѣтни, то имущество матери ихъ онъ долженъ хранить безъ ущербовъ и уменьшенія [2]. Когда дѣти достигнутъ законнаго возраста, тогда имущество это выдается имъ безпрепятственно [3]. Въ случаѣ, если бы одинъ изъ супруговъ, мужъ или жена, не вступая во второй бракъ, захотѣлъ бы оставить своихъ дѣтей, еще невозрастныхъ, то неприлично ему этого дѣлать, ибо онъ обязанъ заботиться о своихъ дѣтяхъ и управлять домомъ, какъ говоритъ Апос-

[1] Si vero liberis extantibus, ante maritum suum mulier decesserit: maritus ejus, hoc est, ipsorum liberorum pater, tam dotem, quam omnia bona in rebus extra dotem positis constituta, sua in potestate retinebit, quum et illi patris adhuc in postetate sint: qui curam domus, et administrationem universam geret, nullam liberis facultatem habentibus adversandi patri, vel maternam ab eo substantiam reposcendi: sed e contrario potius omnem honorem et obedientiam, sicuti parentibus convenit, ei tam verbis, quam ipsa re deferentibus, secundum id, quod per scriptum legimus: Tam facto, quam verbis honora patrem tuum, matremque tuam: ut ab eis votum super te veniat. Quippe votum patris liberorum familias fulcit, et exsecratio matris fundamenta eorum radicibus evertit. Ibidem, § 8. Кормчая, тамъ же.

[2] Quod si usuvenerit, ut hic etiam ad alterum matrimonium progrediatur, liberis adhuc impuberibus: materna illorum bona citra detrimentum et imminutionem ab eo custodiatur. Ibid. 9.—Кормчая, тамъ же.

[3] Si aetatem legitimam adtigerunt, citra deliberationem ipsis ea bona, siquidem ita volverint, exhibeantur. Ibid. — Кормчая тамъ же.

толъ Павелъ [1]. Когда дѣти достигнутъ полнаго и совершеннаго возраста, воспитаются къ исполненію своихъ обязанностей и созрѣютъ для самоуправленія, въ такомъ случаѣ, еслибы захотѣлъ который нибудь изъ родителей ихъ оставить, то можетъ это сдѣлать, удерживая, кромѣ своего имущества, еще часть одного изъ дѣтей, смотря по числу дѣтей» [2]. Тоже самое, въ томъ же духѣ и почти тѣми же словами, только въ сокращенномъ видѣ, излагаетъ и Русская Правда въ своихъ постановленіяхъ о матери-вдовѣ: «А еже ли жена въречеться сѣдѣти по мужи, а ростеряеть добытокъ, и паки поидеть замужь, и то платити ей вьсе дѣтемъ; не хотѣти ли ей дѣти начнуть ни на дворѣ, а она начьнеть хотѣти всяко и сѣдѣти съ дѣтьми, то сътворити ей всяку волю ея, а дѣтемъ не дати воле, нъ что ей далъ мужь съ тѣмъ же ей и сѣдѣти съ дѣтьми, или свою часть вземши ей сѣдить же» [5]. Впрочемъ, не смотря на очевидное тождество изложенныхъ постановленій Эклоги и Русской Правды, въ нихъ видны и характеристическія особенности. Вопервыхъ, Правда ничего не говоритъ о вдовомъ отцѣ, по отношенію къ которому византійскія постановленія были бы совершенно лишними: онъ и такъ былъ полнымъ господиномъ имущества жены. Вовторыхъ, Правда вовсе не упоминаетъ объ имуществѣ жены, котораго она, при жизни мужа, разумѣется, не имѣла у насъ въ это время. Наконецъ, втретьихъ, сквозь благодать христіанскихъ идей, которыя переносятся теперь на мать-вдову,

[1] Quod si conjugum alteruter, sive maritus, sive uxor, absque secundo matrimonio suis a liberis secedere volverit, iis necdum adultis: nullam id agendi licentiam habeat, sed eorum curam et administrationem suscipiat, quemadmodum apostolus ille dixit. Ibidem § 11. — Кормчая тамъ же.

[2] Si vero liberi plenam et perfectam ad aetatem pervenerunt, et ad tractanda vitae negotia se contulerunt, jamque suae administrationi obeundae sufficiunt, et parentum alteruter ab eis secerede volverit: ejusmodi persona licentiam habeat, ut praeter rerum suarum retentionem, etiam unius ex liberis portionem pro numero liberorum, accipiat. Ibid. § 12. Кормчая. тамъ же.

[5] Изслѣдованіе о Рус. Правдѣ, г. Калачева, с. 106, LXX.

все-таки въ постановленіяхъ Правды просматриваетъ горькое ея положеніе, какъ женщины вообще. По смерти мужа, она нерѣдко дѣлалась лишнею даже въ своей собственной семьѣ — «не хотѣти ли (начнутъ дѣти) держать матери на дворѣ —и ходила съ своимъ прожиткомъ по дворамъ сыновей, отъ одного къ другому, отыскивая, который къ ней добрѣе: «а матери который ей сынъ будетъ добръ, перваго ли мужа, другаго ли» [1]. Случалось—и какъ видно нерѣдко, иначе законъ не сталъ бы приводить такихъ грустныхъ мотивовъ — что «вси сынови были къ ней лиси (лихи, дурны) [2], что ей негдѣ было головы приклонить. Въ такомъ случаѣ она шла даже въ чужую семью къ дочери «а дъчери.... кто ю кърмить» [3], разумѣется, къ замужней, ибо дѣвушка до замужства сама не могла ее кормить, вполнѣ завися отъ милости своихъ братьевъ.

Въ иномъ видѣ представляются и домашнее устройство, и положеніе членовъ дома, родственниковъ, и права, и обязанности этихъ послѣднихъ, если въ совмѣстномъ жительствѣ находилось цѣлое *родство*, т. е. не одни нисходящіе, но и боковые родственники. Все это родство, живущее въ одномъ домѣ, держится единственно на кровномъ основаніи, ничего договорнаго, похожаго на предварительное взаимное соглашеніе, между нимъ нѣтъ. Поэтому оно также, какъ и въ семействѣ, живетъ въ личномъ и имущественномъ единеніи, но распредѣляется уже по началу *родственнаго старшинства*, которое является краеугольнымъ камнемъ всѣхъ домашнихъ отношеній. Не смотря на то, что съ перемѣною условій общественной жизни, роды потеряли свою замкнутость и самодержавныя права и превратились, какъ мы сказали выше, въ родство, родню, гдѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ семейное начало, по которому дѣти, а не старшіе родичи заступаютъ мѣсто отца: все созерцаніе домашней жизни, весь міръ по-

[1] Изслѣдованіе о Рус. Правдѣ г. Калачева, с. 104, LXVI.

[2] Тамъ же.

[3] Тамъ же.

нятій и внѣшнее устройство домашняго быта оставались попрежнему, какъ скоро родственники не разъединялись, не дѣлились, а продолжали жить вмѣстѣ [1].

Вопервыхъ надъ всѣмъ родствомъ, живущимъ одною нераздѣльною домашнею жизнію, возвышается лицо домохозяина. Значеніе его собственное и характеръ его отношеній къ родственникамъ опредѣляются, съ одной стороны, понятіемъ отца семейства—домовитъ, обыкновенно, семейный человѣкъ, и съ другой—понятіемъ родоваго старѣйшинства—онъ, обыкновенно, старшій изъ родственниковъ, живущихъ вмѣстѣ съ его семействомъ. Надъ своею семьею: дѣтьми, внуками, правнуками и всѣми тѣми, кои вмѣсто дѣтей ему дѣйствительно вмѣнялись, домовитъ имѣлъ, какъ и каждый отецъ семейства, неограниченную власть. Что же касается до отношеній домохозяина къ своимъ сродичамъ, къ которымъ онъ не находился въ положеніи отца, то здѣсь отношенія его опредѣлялись понятіемъ родственнаго старшинства. По началу родственнаго старшинства домохозяинъ былъ не болѣе, какъ представитель интересовъ своего родства, которое было центромъ и исходнымъ пунктомъ его значенія, правъ и

[1] Въ задружномъ домѣ (т. е. въ такомъ домѣ, гдѣ живущіе родственники сливаются въ общемъ единствѣ: другъ за друга) *принимаетъ старѣйшинство обыкновенно тотъ, кто старше годами*.... Такое старѣйшинство не всегда *передается по совѣщанію*.... Между женщинами *та старшая*, у которой *мужъ старше* другихъ... Очень рѣдки случаи, чтобы *младшіе* годами въ задругѣ женились или выдавались замужъ *прежде старшихъ*, еще не женатыхъ, не выданныхъ. «Задруга» у Сербовъ г. Миличевича. Русская Бесѣда, 1858. III книжка вторая. Всѣ понятія, всѣ преданія въ задругѣ чисто родовыя. Религіозное значеніе родоначальника видно до сего времени на старѣйшинѣ задруги. Въ день, посвященный празднеству, *крсно име*, онъ носитъ калачъ въ церковь и тамъ его преломляетъ со священникомъ. Онъ въ *задушницы* (наша родительская недѣля поминовенія праотцевъ), заупокой мертвыхъ, *правитъ* свѣчи и просвиры, принося ихъ церковь с. 101. Какъ въ этихъ обычаяхъ ярко сохранились и языческая вѣра въ дѣдушку, домоваго и переходъ ея въ христіанство.

дѣятельности. Здѣсь онъ не имѣлъ полной независимости, какъ въ своей семьѣ; и дѣйствовалъ по совѣту и съ согласія родственниковъ, сродичей, особенно въ случаяхъ важныхъ, гдѣ были замѣшаны интересы цѣлаго родства, вмѣстѣ съ нимъ живущаго. — Тѣми же началами, т. е. семейнымъ и родовымъ, опредѣлялось положеніе и всѣхъ подвластныхъ членовъ живущаго единою домашнею жизнію родства. Положеніе этихъ членовъ различалось, смотря потому, какое мѣсто занимали они, по отношенію къ домовладыкѣ, т. е. были ли они ему дѣтьми, вмѣнялись вмѣсто дѣтей, или же находились къ нему въ извѣстномъ отношеніи боковаго родства. Въ первомъ случаѣ они были безсловесными, послушными исполнителями воли и приказаній домовладыки, вовторомъ—они имѣли извѣстное значеніе, смотря по мѣсту старшинства, по своему отечеству и, слѣдовательно, не состояли въ безгласномъ повиновеніи, могли возвысить свой голосъ, въ случаѣ нарушенія общеродовыхъ интересовъ. Такъ мы знаемъ, что при продажѣ, отчужденіи общеродоваго имущества требовалось согласіе самостоятельныхъ, старшихъ родичей, въ противномъ же случаѣ они имѣли право выкупа [1]. Равнымъ образомъ, при женитьбѣ и выходѣ въ замужство членовъ живущаго вмѣстѣ родства, совѣтъ родственниковъ считался необходимымъ, что мы знаемъ изъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ [2]. Вообще *совѣтъ*, совѣщаніе родственниковъ и притомъ, разумѣется, старшихъ, самостоятельныхъ, при совмѣстномъ жительствѣ цѣлаго родства, является дѣломъ естественнымъ, необходимымъ. Но совѣтъ этотъ, совѣщаніе—никакъ не договоръ, даже не уговоръ, какъ бы ни старались сблизить эти понятія [3]. Потому что, повторяемъ опять тамъ, гдѣ

[1] Исторія наслѣдств. права у Славянъ І. Губе. Приложеніе къ сему труду подъ № II.

[2] Котошихинъ, гл. XIII. Нашъ обзоръ преобраз. Петра І-го въ сем. правѣ.

[3] Редакторъ Русской Бесѣды, съ торжествомъ указывая на сербскую Задругу, какъ на новое доказательство общинности семейнаго быта Славянъ, дѣлаетъ слѣдующее поясненіе словъ г. Миличевича, ко-

въ основаніи лежатъ начала непосредственно кровныя, физіологическія, какъ напр. въ семействѣ и родствѣ, тамъ нѣтъ мѣста ни договору, ни уговору, ибо чрезъ всѣ родственныя чувства и отношенія неизмѣнно отъ начала до конца проходитъ *единство* кровныхъ, умственныхъ и имущественныхъ интересовъ. Такъ было, есть и будетъ, скажемъ словами г. Аксакова, ибо содержаніе физіологическихъ началъ остается неизмѣннымъ, какъ сама природа, при всемъ развитіи, видоизмѣненіи ихъ въ исторіи. Вотъ почему и теперешняя сербская «задруга», на которую указываютъ, какъ на доказательство «общиннаго характера славянской семьи,» свидѣтельствуетъ о совершенно противномъ, не смотря на то, что ее желаютъ выдать за семейную общину, если не *договорную*, то *уговорную*. Сербская «задруга» представляетъ намъ не новое, но свѣжее доказательство и объясненіе древнеродоваго и смѣнившаго его потомъ семейнородственнаго устройства домашней жизни нашихъ предковъ. «Задруга, пишетъ г. Миличевичь, есть такой домъ, въ которомъ нѣсколько *родныхъ* или *двоюродныхъ братьевъ, дядьевъ и племянниковъ и т. д. живутъ вмѣстѣ* и всѣ собща работаютъ на однихъ пашняхъ, сѣнокосахъ, въ однихъ виноградникахъ и т. п., *расходуя общій приходъ*, не *по договору*», а по *совѣщанію* [2]. Такъ необходимо нужно и должно было перевести сербское слово *договоръ*, употребленное въ этомъ смыслѣ г. Миличевичемъ, и не печатать его въ текстѣ курсивомъ, чтобы не придать словамъ г. Миличевича совершенно противоположнаго смысла, ибо не слѣдуетъ понимать слово «договоръ» въ смыслѣ контракта или какого нибудь формальнаго, письменнаго условія. Не слѣдуетъ, далѣе,

торый, говоря, что въ задругѣ все дѣлается по родственному совѣщанію, употребилъ для означенія сего послѣдняго сербское слово договоръ: «здѣсь договоръ значитъ просто *уговоръ*, взаимное соглашеніе, но мы удерживаемъ слово «договоръ» потому, что и у нашихъ крестьянъ оно, нерѣдко, употребляется въ этомъ послѣднемъ значеніи, т. е. какъ уговоръ». Рус. Бесѣда, 1858 г. III. книжка вторая, с 99, пр. I. Потому ли?

[2] Тамъ же, с. 99.

дѣлать и поясненія [1], что здѣсь *договоръ* значитъ просто *уговоръ*, взаимное свободное соглашеніе, потому что и договоръ есть также взаимное свободное соглашеніе. Не слѣдовало, далѣе, и удерживать въ текстѣ слово «*договоръ*», хотя бы и дѣйствительно «у нашихъ крестьянъ оно нерѣдко»—скажемъ правильнѣе—*иногда*, по неправильности языка употреблялось въ этомъ послѣднемъ значеніи, т. е. какъ уговоръ. Ибо и употребляя слово «договоръ» въ смыслѣ уговора, тотъ же крестьянинъ намъ скажетъ, что между родными о томъ, какъ имъ жить и быть, «*ряды*», т. е. договора, никогда не бываетъ, а что живутъ они «*промежъ себя, какъ прадѣды и дѣды ихъ жили въ совѣтѣ и любви*» [2]. Мы остановились на этомъ объясненіи Русской бесѣды потому, что на подобныхъ объясненіяхъ держится все ученіе объ общинности семейнаго быта Славянъ. Говоритъ-ли Несторъ о томъ, что Поляне жили *родами*, ученіе объ общинности славянской семьи объясняетъ: слово *родъ* значитъ *семья* или *народъ*, но только не родъ, добавляя притомъ, что Несторъ чуть ли не оклеветалъ Славянъ, свидѣтельствуя, что они первоначально жили, какъ звѣри въ лѣсахъ, ѣли все нечистое и убивали другъ друга. Поетъ-ли народная древняя пѣсня о томъ, какъ *дѣти*, *челядинцы*, *чадь* выбирали себѣ владыку изъ *рода*, ученіе объ общинности семьи опять увѣряетъ, что и здѣсь слово *родъ означаетъ семью или происхожденіе*, но только не родъ. Говорятъ-ли древніе источники о *ближнихъ* роду, propinqui proximi, общинное ученіе объясняетъ, что подъ словами ближніе должно разумѣть *внуковъ* и *дальнѣйшихъ нисходящихъ*, а не боковыхъ, какъ обыкновенно и т. д. Пишетъ-ли наконецъ г. Миличевичь, что въ *задругѣ живутъ родственники въ совѣтѣ и любви*, они *задругу* называютъ семейною *общиною* и прилаживаютъ къ ней договорное осно-

[1] Тамъ же, пр. 1.

[2] Такъ обыкновенно говорили намъ крестьяне, разсказывая о своей домашней жизни. О семьѣ они имѣютъ правильное понятіе: у него вся семья 5 душъ, а у меня только 3 души, такъ говорилъ братъ, жившій съ другимъ въ одномъ домѣ.

ваніе, затемняя смыслъ словъ автора сближеніемъ понятій договора, уговора, взаимнаго свободнаго совѣщанія и т. д.

Итакъ, въ родствѣ—древнемъ или новомъ—живущемъ одною нераздѣльною домашнею жизнію, основаніемъ сожительства не договоръ, не уговоръ, какъ въ артелѣ, ватагѣ, съ которою родство, а тѣмъ болѣе семья ничего общаго ни въ чувствахъ, ни въ мысляхъ, ни въ нравахъ, ни въ обычаяхъ не имѣютъ и имѣть не могутъ; но естественное, умственное, нравственное и даже религіозное единеніе, безсознательное и невольное. Это единеніе особенно крѣпко у насъ по единокровію народа, историческому его образованію посредствомъ нарожденія изъ родовъ, по унаслѣдованнымъ отъ сѣдой языческой древности преданіямъ, вѣрованіямъ, повѣріямъ, которыя живутъ у нашего простаго народа еще и до сего времени. Давая намъ знать обо всемъ этомъ и какъ бы предвидя наше упорство г. Миличевичъ не надѣется на довѣріе къ своему личному опредѣленію задруги, и приводитъ опредѣленіе законное. «*Законъ*, говоритъ онъ, такъ опредѣляетъ задругу: задруга есть *тамъ*, *гдѣ* совмѣстность жизни и общинность (вѣроятно общность, а не общинность) достаточно основаны и утверждены союзомъ родства, или свойствомъ по природѣ Такого состава, каковъ составъ задруги, поясняетъ г. Миличевичъ, въ которой имѣютъ мѣсто столь различныя обязанности, права, потребности и интересы, никакъ нельзя было бы поддержать, если бы не явилось къ нему на помощь все наше *домашнее воспитаніе*»[1]. Спрашивается, какой же договоръ, уговоръ, взаимное, свободное соглашеніе можно видѣть въ отношеніяхъ задруги, если она основана и утверждена союзомъ родства, свойствомъ по природѣ и подготовлена историческимъ домашнимъ воспитаніемъ, когда цѣлость и святость этого родственнаго, родоваго единства охраняютъ, какъ сейчасъ увидимъ, еще и теперь, въ XIX столѣтіи, *роковыя* силы.

Во внѣшнемъ своемъ бытіи, это родственное единство выражается 1) *въ общемъ мѣстожительствѣ*—домъ, дворъ, хо-

[1] Тамъ же, с. 99.

ромы и 2) *въ общемъ хозяйствѣ.* Живущіе вмѣстѣ родственники необходимо владѣютъ, пользуются и распоряжаются имуществомъ сообща, подъ главнымъ управленіемъ, завѣдываніемъ старшаго между ними родственника, домохозяина, домовита. И здѣсь въ сферѣ имущественной точно также, какъ и личной, мѣра участія каждаго родственника опредѣляется его родственнымъ значеніемъ, которое дробится по понятіямъ родственнаго старшинства, такъ что у каждаго члена родства есть свой видимый или, по крайней мѣрѣ, сознаваемый *жребій, участокъ, тягло,* которое слѣдуетъ на его долю. Участки эти, жребіи, доли распредѣляются вовсе не на основаніи какого нибудь договора, но чувствами родства и законами крови, сознаніемъ о линіи и степени своего родства. Такимъ образомъ сознаніе о личныхъ своихъ правахъ по родственному старѣйшенству переносится и на матеріальный міръ, въ сферу имущественныхъ отношеній. Единицею мѣры участія въ общемъ владѣніи, пользованіи и распоряженіи домашнимъ имуществомъ служитъ общій родоначальникъ, отъ котораго происходитъ живущее вмѣстѣ родство. Ближайшая къ нему степень родства условливаетъ и большій объемъ правъ имущественныхъ точно также, какъ и личныхъ Нѣтъ сомнѣнія, что до раздѣла общаго родственнаго достоянія, въ пользованіи его всѣ степени и линіи родства уравниваются общимъ чувствомъ братскаго равенства всѣхъ живущихъ вмѣстѣ родственниковъ, тѣмъ болѣе, что они всѣ одинаково участвовали въ трудѣ. Тѣмъ не менѣе, при раздѣлѣ близость или отдаленность родства имѣла полную силу, что неоспоримо видно изъ всѣхъ раздѣльныхъ грамотъ, до насъ дошедшихъ, изъ раздѣловъ у Богемцевъ [1], равно и раздѣловъ настоящаго времени у нашего простаго народа.

Но такъ какъ общее сожительство родственниковъ основывается теперь только на естественномъ чувствѣ родства, не имѣющемъ въ себѣ ничего насильственнаго, роковаго, необходимаго, ни даже договорнаго, контрактнаго, то само собою разумѣется, что при ослабленіи родственнаго сочувствія, или

[1] См. выше о раздѣлахъ у Богемцевъ, с. 98—102.

въ слѣдствіе какихъ либо неудобствъ, независимо отъ него возникшихъ, родственный союзъ свободно распадается на свои составныя части—семейства, которыя дѣлаются теперь самостоятельными, не нуждаясь въ общеродовой защитѣ. Какъ распаденіе родства, такъ и общаго его хозяйства теперь вполнѣ возможно, свободно и вполнѣ зависѣло отъ воли живущихъ вмѣстѣ родственниковъ. Однимъ словомъ *раздѣлъ былъ всегда возможенъ*, но только не въ семьѣ, какъ думаетъ г. Аксаковъ и принявшіе его мнѣніе, а въ родствѣ, живущемъ одною, общею домашнею жизнію. Семейства же не дѣлились въ это время, ибо неограниченная власть отца семейства надъ домочадцами прекращалась только его смертію, слѣдовательно тогда, когда семейство разрушалось само собою. Впрочемъ отъ возможности родственнаго раздѣла нельзя еще прямо заключать къ его дѣйствительности. Хотя раздѣлъ и былъ возможенъ, но въ разсматриваемое время онъ *случался рѣдко*, *былъ исключеніемъ изъ общаго правила* или обычая жить родственникамъ нераздѣльно: законъ вѣкожизненныхъ боговъ, котораго держались Чехи въ VIII столѣтіи былъ, по всѣмъ признакамъ, крѣпокъ и у нашихъ Славянъ XI и XII вѣка. Обыкновенно, люди близкіе по крови любили жить въ древнѣйшее время совокупно, вмѣстѣ Эта родственная черта сохранилась у нашего народа, особенно сѣверныхъ губерній, даже до настоящаго времени. Раздѣлъ происходилъ въ слѣдствіе какихъ нибудь случайныхъ обстоятельствъ, какъ напр. семейныхъ ссоръ, тѣсноты помѣщенія, при многочисленности живущихъ вмѣстѣ родственниковъ, недостаточности вблизи лежащихъ полей, истребленія окружнаго лѣса, пастбищъ и т. п. Но и въ этихъ крайнихъ случаяхъ раздѣлъ производился неохотно, съ болью въ сердцѣ и слезами [1].

[1] «Прадѣдъ мой, пишетъ г. Миличевичъ, приведшій сюда родъ нашъ (просимъ вспомнить «старый родъ Тетвы Попелова» приведенный симъ послѣднимъ въ Богемію, см. выше, с. 72) изъ старой Сербіи, на 85 году дожилъ до такого размноженія семейства *своего* и *братняго*, что не считалъ уже полезнымъ долѣе держать всѣхъ вмѣстѣ; потому однажды подъ праздникъ призываетъ къ себѣ всѣхъ *сыновей*, *племянниковъ* и старшихъ внуковъ съ ихъ женами, потомъ

Какъ производился этотъ раздѣлъ, это зависѣло отъ личнаго состава живущаго вмѣстѣ родства, т. е. смотря потому, состояло ли оно изъ одного только семейства, съ которымъ жили и безсемейные боковые родственники, или оно состояло изъ нѣсколькихъ родственныхъ семействъ. Во всякомъ же случаѣ раздѣлъ производился не поголовно, и не по равнымъ частямъ, какъ это было бы при общинномъ раздѣлѣ, а на основаніи линій и степеней родства, по законамъ крови, сознанія о ней. Обыкновенно въ этомъ раздѣлѣ имѣли, какъ и

говорить имъ: «*дѣтки* (замѣтимъ въ числѣ ихъ были и племянники) скажу вамъ съ радостію: въ нашемъ ульѣ развелись матки, рои должны отдѣлиться; плетите ульи новые, снимайте покрышки, чтобъ не поѣли пчелы зимовникъ» (зимній запасъ меда). Они всѣ струхнули, не понимая, что это подлинно значитъ, а какъ разсказалъ имъ старикъ, что нужно раздѣлиться, — взгоревались, а иные принялись плакать и, полагая, что этому причиною кто нибудь изъ нихъ самихъ, просили открыть виновнаго, чтобъ достойно наказать его». Нѣтъ, мои дѣтки, продолжалъ прадѣдъ, никто нибудь другой, а я хочу раздѣла; мнѣ изъ васъ всѣхъ больнѣе: что до сихъ поръ называлось только *наше*, отселѣ будетъ прозываться и *наше* и *ваше* и *ихнее;* (вотъ и слова Козмы Пражскаго: «*nec meum* quisquam dicere norat, sed.... *nostrum ore, corde* et *opere*... см. выше с. 46); но что дѣлать, все же это лучше, чѣмъ раздѣлиться вамъ въ то время, когда уже будете сами въ мою пору». *Привыкши во всемъ слушаться дѣда* (т. е. родоначальника, ибо однимъ онъ былъ дѣдъ, а другимъ *дядя*), они раздѣлились; но дѣти (т. е. родичи) долгое время не могли взять въ разумъ, какъ имъ ни толковали, кому принадлежитъ какой домъ, и всегда дневали и ночевали тамъ, гдѣ ихъ застанетъ день и ночь. Бывало, говорятъ, заплачутъ всѣ на голосъ, когда имъ скажутъ: «ступайте каждый домой, здѣсь не вашъ домъ». Рус. Бесѣда, 1858 г. Москва, XII—Задруга у Сербовъ, с. 109. Спрашиваемъ у каждаго, даже пристрастнаго: эти чувства, эти понятія, эти мысли какой имѣютъ характеръ и значеніе—*общинный* или *родовой?* Съ чѣмъ сербская задруга имѣетъ ближайшее, непосредственное сродство, если не тождество, съ артелью, ватагою, общиною, или съ родомъ, семействомъ? Не забудемъ, что такъ горько плачутъ при раздѣлѣ *дѣтки* (женатые, взрослые) въ нынѣшней Сербіи, а что же было въ то время, о которомъ говоримъ?

теперь имѣютъ (ибо законы родства не измѣнились), участіе, свои *жеребьи*, *участки* только тѣ, которые были ближайшими родственниками ближайшаго ихъ общаго родоначальника. Сколько было такихъ родственниковъ, на столько частей и дѣлилось общее домашнее имущество. Раздѣлъ, слѣдовательно, происходилъ поколѣнно. Такъ напр., при дѣлежѣ дяди съ племянниками, имущество дѣлилось на 2 части, при дѣлежѣ братьевъ имущество разбивалось на столько равныхъ жеребіевъ, сколько было братьевъ, хотя бы число сыновей у каждаго было различно. Но такъ какъ родственное имущество, состоя въ общемъ обладаніи родства, увеличивалось совокупными ихъ усиліями, то естественно, что при раздѣлѣ принимались во вниманіе, какъ рабочія силы, такъ и слабость ихъ. Но это уровненіе происходило, равно какъ и теперь происходитъ, не на основаніи общинныхъ условій, а по родственному чувству, по естественной справедливости. Здѣсь строгія общинныя начала не приложимы; они оскорбительны для родственнаго чувства и потому никогда не имѣютъ мѣста ни теперь, ни прежде. Это разумѣется само собою, на это не нужно никакихъ доказательствъ.

Но понятно, что при неопредѣленности патріархальнаго, родственнаго быта и при различномъ, случайномъ составѣ живущаго вмѣстѣ родства, раздѣлы неминуемо влекли за собою столкновенія и распри въ домашнемъ быту, какъ некогда въ быту общественномъ. Отсюда необходимое участіе правительственной власти—явленіе, общее всѣмъ славянскимъ племенамъ. Мы уже видѣли, что у Богемцевъ раздѣлъ производился предъ судомъ, съ соблюденіемъ формальностей и т. д.; тоже было и у древнихъ Поляковъ, такъ было, наконецъ, и у насъ. Русская Правда постановляетъ: «Аще братья ростяжються передъ княземъ о задницю, то которыи дѣчькыи идети и ихъ дѣлитъ, то тому взяти себѣ гривна кунъ»[1].

Въ такомъ внутреннемъ существѣ и внѣшнемъ устройствѣ представляется намъ семейный бытъ временъ Русской Правды.

[1] Изслѣдованіе о Русской Правдѣ, г. Калачева, с. 138, CXLIII.

Что касается, наконецъ, до имуществъ, которыя были предметомъ частной *собственности* въ это время, то они теперь, какъ въ предшествующую эпоху, преимущественно состояли изъ движимости, *статка*, *остатка*, *задницы*. Впрочемъ появились уже и нѣкоторыя недвижимости, а именно постройки: *домъ*, *дворъ*, *хоромы*, которыя переходятъ по наслѣдству отъ отца къ сыновьямъ. *Земля*, какъ видно, еще не входила въ составъ частныхъ имуществъ, ибо даже позднѣйшая Русская Правда не содержитъ въ себѣ никакихъ постановленій о пріобрѣтеніи или отчужденіи земли. Она различаетъ только земли, по способу обладанія ими, на занятыя и пустопорожнія, изъ которыхъ первыя, какъ видно, были отмежеваны, и назывались, по способу занятія, *ролейными* или *бортными*[1]. Первоначальныя родовыя массы, роды Нестора, превратились въ патріархальную общину путемъ естественнаго размноженія своихъ членовъ, отдѣленія ихъ и разселенія. Тутъ не было сознательнаго дѣленія и обособленія: родъ просто размножался и разселялся. Поэтому и земля оставалась общею, т. е. не дѣлилась, а занималась для пользованія и владѣнія. Когда патріархальная община, въ періодъ времени отъ призванія князей до Русской Правды, обратилась наконецъ въ гражданскую общину, а родовое начало смѣнилось въ домашней жизни семейнымъ, то и земля, которую некогда занималъ первобытный родъ—«живяху... на своихъ мѣстѣхъ»—превратилась въ общинную землю, на которой и жилъ славянскій народъ временъ Правды, какъ живетъ до сего времени нашъ простой народъ. На эту землю общинную, никто ни тогда, ни теперь не имѣетъ права отдѣльной собственности. Она состояла, какъ состоитъ и нынѣ, въ общемъ всѣхъ и каждаго пользованіи, передѣляясь отъ времени до времени между домами, по мѣрѣ увеличенія или уменьшенія членовъ каждаго дома, т. е. членовъ того родства, которое оставалось и остается теперь жить въ общемъ нераздѣльномъ хозяйствѣ. Вся разница въ этомъ отношеніи между насто-

[1] Изслѣдованіе о Рус. Правдѣ г. Калачева, с. 81, 82 и слѣд.

ящимъ бытомъ нашего простаго народа и его бытомъ временъ Правды состоитъ, можетъ быть, въ томъ, что теперь каждый можетъ жить свободно и безопасно и внѣ своей общины, состоя подъ покровительствомъ государства, тогда какъ въ то отдаленное время жить внѣ общины, выдѣлиться изъ нея было не только опасно, но и невозможно. По отношенію къ этому времени, т. е. къ XI и XII столѣтіямъ, намъ кажется, вполнѣ можно приложить къ общинѣ слова Нестора, сказанныя имъ о родѣ, а именно что каждый жилъ въ общинѣ своей, ибо внѣ общины еще не было жизни, въ чемъ можно достаточно убѣдиться изъ постановленій о верви и дикой вирѣ у насъ, о vicinia или ополѣ у Поляковъ и объ околицѣ у Богемцевъ. По этому въ частной поземельной собственности внѣ общины не было нужды и теперь, какъ прежде въ родовомъ быту, ибо не было еще достаточныхъ для нея побужденій ни въ лицѣ, ни въ условіяхъ самой жизни. Само собою разумѣется, что говоря это, мы имѣемъ въ виду массу населенія этого времени, а не греческое духовенство и не пришлыхъ людей (каковы напримѣръ Антоній Римлянинъ и подобные ему) которые составляютъ исключеніе. Главными предметами обладанія были имущества движимыя, принадлежностію которыхъ опредѣлялась даже принадлежность земли: кому принадлежали движимыя вещи, тому принадлежала и земля, на которой они находились. На это указываетъ постановленіе Русской Правды «о бортѣхъ», изъ котораго видно, что владѣлецъ ихъ получалъ нѣкоторое право на землю. Изъ движимыхъ имуществъ особенно цѣнными считались кони и рабы, что видно изъ постановленій Правды, которая обращаетъ особенное вниманіе на эти имущества: въ число уголовныхъ преступленій этого времени (разбой, зажигательство) она вноситъ и коневую татьбу. За этими главными родами имуществъ слѣдуютъ домашнія животныя: скотъ—коровы, овцы, козы, свиньи, вепри и т. д., птицы—гуси, лебеди, куры, утки, голуби, ястреба, соколы и т. п. Далѣе изъ постановленій Правды видно, что хлѣбъ всякаго рода: рожь, овесъ, ячмень, полба, не только былъ главнымъ богатствомъ этого

времени, житомъ, жизнію, но и деньгами, хотя впрочемъ упоминается и о кунахъ. Наконецъ, источники этого времени говорятъ о домашней рухляди—платьѣ, холстинѣ, портахъ и, наконецъ, объ оружіи—мечахъ, копьяхъ и т. п.

Этотъ имущественный міръ ясно указываетъ на ограниченность нуждъ и потребностей того времени, на простоту жизни и земледѣльческій бытъ. Домъ, дворъ, хоромы, платье, да необходимыя для обработки полей животныя и земледѣльческія орудія—вотъ все достояніе лица, частое имущество этого времени. Объ этомъ движимомъ имуществѣ только и говоритъ Правда; оно, слѣдовательно, только и переходило въ это время по наслѣдству. Поэтому только къ нему и относятся постановленія Русской Правды о наслѣдствѣ, къ разсмотрѣнію котораго мы теперь приступимъ.

ОТДѢЛЕНІЕ IV

Наслѣдованіе во время Русской Правды.

Изъ предшествовавшаго изложенія мы видѣли, что подъ вліяніемъ византійскихъ понятій и новой общественной жизни, семейство въ періодъ Правды только что освободилось отъ родовой зависимости, получило возможность выдѣляться изъ родства и жить отдѣльно, самостоятельно. Семейное начало признано такимъ образомъ и установлено на первый разъ: дальнѣйшія его отношенія къ родовому началу, родству еще не опредѣлились. Поэтому постановленія Русской Правды о наслѣдствѣ не многочисленны и коротки. Они говорятъ о наслѣдованіи только между членами семьи въ тѣсномъ смыслѣ и установляютъ только общія начала, отъ которыхъ пошло дальнѣйшее развитіе наслѣдственнаго права. Но чтобы видѣть, какія изъ этихъ началъ непосредственно вытекли изъ туземнаго быта и какія образовались подъ

вліяніемъ византійскаго семейнаго права, которое, какъ мы видѣли, было принято къ свѣдѣнію и руководству, при разбирательствѣ семейныхъ дѣлъ, мы изложимъ сперва постановленія о наслѣдствѣ нашей Кормчей, а потомъ разсмотримъ и постановленія Правды.

Кормчая книга, для опредѣленія порядка наслѣдоваяія, заимстуетъ свои постановленія изъ трехъ различныхъ источниковъ: 1, изъ законовъ Моисея, 2, изъ Эклоги императоровъ Василія и Константина и наконецъ 3, Прохирона императоровъ Василія, Константина и Леона.

По закону Моисея, наслѣдство умершаго прежде всего идетъ къ сыновьямъ; если не будетъ сыновей, то наслѣдуютъ дочери, потомъ братья умершаго, потомъ братья отца сего послѣдняго и, наконецъ, ближайшіе родственники изъ рода умершаго [1].

По Эклогѣ умершему безъ завѣщанія прежде всего наслѣдуютъ его нисходящіе, т. е. дѣти и внуки [2]. Дѣти отъ разныхъ отцовъ и матерей (сводные) наслѣдуютъ только своимъ родителямъ [3]. Если дѣтей не будетъ, то къ наслѣдству допускаются восходящіе, отецъ и мать, дѣдъ и бабка [4]. Родные

[1] Законъ Богомъ данный Моисею о наслѣдницѣхъ. Рече Господь къ Моисеови, къ сыномъ Израилевымъ да рѣчеши глаголя: человѣкъ аще умретъ, и сына не будетъ у него, да возметъ наслѣдіе его дщи его; аще ли не будетъ у него дщери, да дастъся наслѣдіе брату его; аще же не будетъ у него брата, да даете часть брату отца его; аще ли не будетъ брата отца его, да даете наслѣдіе ужици его, или ближнему отъ племени его причастити я. Кормчая, гл. 45.

[2] Si quis intestatus decesserit, extantibus liberis aut nepotibus: hi succedunt. Delectus legum compeditarius, factus ab Leone et Constantino. Jus Grecoromanum. Leunclavii, t. II, p. 112, tit. XVIII. De successionibus ab intestato. § 1. — Кормчая, гл. 49, зачатокъ 7.

[3] Quod si subolem ex altera conjuge susceperit, et ipsum decedere contigerit: facultas esto tam primis, quam secundis liberis, patri suo succedendi, eodemque modo et matri. § 20.

[4] Sin defuncto superstites sunt pater et mater, avus et avia, vel etiam ulteriores: hi extantibus liberis et nepotibus, succedere non possunt. Quod

братья и сестры умершаго, при жизни родителей наслѣдовать не могли[1]. Они призывались къ наслѣдству вмѣстѣ съ дѣдомъ и бабкою, если умершій не оставлялъ родителей, отца и матери[2]. Если никого изъ восходящихъ не было, тогда наслѣдовали одни братья умершаго, а потомъ ближайшіе изъ его родственниковъ[3].

За неимѣніемъ родственниковъ одна часть имущества умершаго достается женѣ, а другая казнѣ (а по тексту Кормчей — церкви и нищимъ) въ которую, наконецъ, поступаетъ все имущество сполна, если умершій не оставлялъ и жены[4]. Мужъ послѣ жены, умершей безъ дѣтей, получаетъ только четвертую часть ея приданаго, все же остальное имущество ея онъ долженъ возвратить наслѣдникамъ жены[5]. Равнымъ образомъ и жена послѣ бездѣтно-умершаго мужа,

si nulli sunt liberi, nulli nepotes; pater tamen exstat et mater, avus et avia: propiores succedunto. Ibid. §§ 2 и 3.

[1] Si filius et filia parentibus vivis decesserint absque liberis et intestati, fratres et sorores ex eodem patre ac matre habentes: hereditas eorum parentibus defertur, nec licentiam fratres et sorores habent in hoc contradicendi. Ibid. § 4.

[2] Si vero nulli parentes exstant, avo tamen et avia, superstitibus: ii cum fratribus consanguineis unà succedant. Ibid. § 5.

[3] Sin nec avus, nec avia, nec eodem patre ac matre nati fratres exstant defuncto: tunc ex uno dumtaxat parente fratres in hereditatem succedant. Si vero, sicut dictum est, non exstent fratres, at propinqui sint: propiores succedunto. Ibid. §§ 6 и 7.

[4] Quod si nulli etiam propinqui sunt, at uxor defuncti superest: in semissem totius illa patrimonii succedat, altero semisse fisso inferendo. Si defuncti ne uxor quidem exstat, tunc universum ejus matrimonium, veluti cujus nullus exstat heres, fisco (ceu diximus) infertur. Ibid. §§ 8 и 9.

[5] Quod si facto mulier absque liberis ante maritum defuncta fuerit, quartam ille dumtaxat partem totius (ut dictum est) ab se cauta dotis lucri sui nomine retinet, ac reliquam ejusmodi dotis partem quartam cum semisse vel ex suprema voluntate mulieris heredibus restituat, vel aliis ejus heredibus, qui ad successionem ab intestato vocantur, reddat. Tit. XII, 4.

кромѣ возвращенія своего приданаго, также получаетъ часть изъ его имущества, равную четвертой доли ея приданаго [1].

Порядокъ наслѣдованія, принятой Эклогою, въ Прохиронѣ представляется съ значительными измѣненіями, а именно: нисходящіе родственники умершаго, т. е. дѣти, внуки, правнуки и. т. д., безъ различія пола, предпочитаются восходящимъ и боковымъ [2]. Наслѣдство раздѣлялось между братьями и сестрами поровну. Если при этомъ умершій сынъ оставилъ нисходящихъ и своего отца, то сіи нисходящіе, хотя наслѣдовали въ имѣніи умершаго своего отца, съ исключеніемъ своего дѣда, но послѣдній удерживалъ пожизненное право пользованія имѣніемъ [3]. Внуки представляли своихъ родителей и получали такую долю, какую получали бы ихъ родители, если бы находились въ живыхъ: здѣсь наслѣдство дѣлилось поколѣнно [4].

При недостаткѣ нисходящихъ, къ наслѣдству призываются восходящіе прежде всѣхъ боковыхъ, кромѣ родныхъ братьевъ. Между восходящими ближайшая степень родства исключала

[1] Sin maritus ante conjugem suam sine liberis decesserit, comsimiliter illa praeter integram cautae sibi dotis restitutionem, etiam partem quartam dotis ipsius ex relictis a marito suo omnis generis rebus sive donis nomine casus non extantium liberorum pro luero suo capiet: et omne quodcumque superest, patrimonium ejus, vel ad heredes ex suprema ipsius voluntate, vel ad eos, qui ab intestato ei successunt, pervenient. Ibid. 5.

[2] Descendentes, sive mares sive feminae sint, praeferantur ascendentibus et ex latere venientibus. Ὁ πρόχειρος νόμος, Zachariae, Heidelberg, 1837, p. 158, Tit. XXX. De heredibus, § 2. — Кормчая, гл. 48, гр. 30 о наслѣдницѣхъ ст. 2.

[3] Si quis liberorum suo parenti heres extiterit, usumfructum acquisitorum avo suo acquirit. Ibid. § 3.—Кормчая той же главы и грани. ст. 3.

[4] Si avus moriatur relicto filio et ex alio nepotibus, nepotes sui parentis personam repraesentant, et simul cum filio, i. e. proprio patruo, illi heredes fiunt, capientes quidquid eorum pater, si superesset, perceptutus erat, sive masculi sive feminae sint, sive in potestate, sive emancipati. Ibid. § 4. — Кормчая, той же гл. и гр. ст. 4.

дальнѣйшую, хотя бы здѣсь была женщина. Восходящіе, равно близкіе по степени, наслѣдовали вмѣстѣ [1].

Родные братья, сестры и родители (отецъ и мать) призываются къ наслѣдству вмѣстѣ и дѣлятъ его по равнымъ частямъ. При этомъ родители уже не имѣютъ права пользованія въ частяхъ, доставшихся на долю братьевъ, хотя бы эти послѣдніе и состояли подъ ихъ отеческою властію [2]. Когда умершій оставлялъ восходящихъ, родныхъ братьевъ и дѣтей прежде умершаго брата, т. е. племянниковъ, мужескаго или женскаго пола, то въ этомъ случаѣ племянники заступали мѣсто своихъ отцовъ и получали столько, сколько получили бы ихъ отцы, если бы они были въ живыхъ[3]. Братья, рожденные отъ однихъ и тѣхъ же родителей, слѣдовательно, родные вступаютъ въ наслѣдство первые, если имѣютъ братьевъ единокровныхъ или единоутробныхъ. Если при этомъ будутъ дѣти братьевъ, племянники, рожденные отъ однихъ и тѣхъ же родителей, то они призываются къ наслѣдству вмѣстѣ съ братьями умершаго, т. е. вмѣстѣ съ своими дядьями. Ежели не будетъ ни родныхъ братьевъ, ни племянниковъ отъ нихъ, тогда наслѣдуютъ братья умершаго отъ разныхъ родителей, т. е. единокровные и единоутроб-

[1] Descendentibus non exstantibus vocantur ascendentes prae omnibus ex latere cognatis praeter fratres ex iisdem parentibus natos. Sciendum vero, in ascendentibus proximiorem gradu praeferri ei, qui non aeque propinquus est, etiamsi femina sit. Quod, si omnes ejusdem gradus sunt, simul vocantur ad hereditatem. Ibid. § 5.—Кормчая той же гл. и гр. ст. 2.

[2] Germani fratres ac sorores et ascendentes simul vocantur in aequales portiones: nec fratres portionis ex hereditate fraterna sibi competentis usumfructum parentibus suis acquirunt, sive in potestate fuerit sive emancipatus. Ibid. § 6. — Кормчая, ст. 6.

[3] Extantibus defuncto ascendentibus germanisque fratribus et liberis germani fratris praemortui, omnes vocantur ad ejus successionem, sive mares sint sive feminae: fratrum enim liberi in patris sui locum subeunt, et capiunt, quidquid pater eorum si superesset accepturus erat. Ibid. § 7.—Кормчая, ст. 7.

ные [1]. При совмѣстничествѣ родныхъ племянниковъ и неполнокровныхъ братьевъ, первые предпочитаются послѣднимъ, ибо они происходятъ отъ одной и той же крови. Разумѣется, что если нѣтъ родныхъ братьевъ и ихъ дѣтей, тогда призываются къ наслѣдству братья неполнокровные, безъ различія единокровныхъ или единоутробныхъ [2]. Ежели нѣтъ никакихъ братьевъ и дѣтей ихъ, то наслѣдуютъ остальные боковые родственники, ближайшіе по степени родства, причемъ родственники одинаковыхъ степеней имѣютъ равныя права [3].

Относительно наслѣдованія супруговъ Прохиронъ содержитъ въ себѣ слѣдующія постановленія, принятыя нашей Кормчей: Жена послѣ мужа, мужъ послѣ жены при дѣтяхъ получаютъ изъ наслѣдства равную долю съ каждымъ изъ дѣтей, если впрочемъ они останутся во вдовствѣ. Если же мужъ или жена вступятъ во второй бракъ, то лишаются этого права [4]. Если кто нибудь оставлялъ бѣдную жену, имѣя до трехъ дѣтей, рожденныхъ отъ нея или отъ перваго брака, то жена получала четвертую часть изъ иму-

[1] Fratres ex eiisdem parentibus nati primum habeant ordinem in successione fratres sui, si alii fratres non germani extent. Si tamen subsint liberi alius fratris eorum, eodem patre ac matre nati, etiam hi simul vocantur, h. e. fratris et liberi germani fratris, in bona defuncti, illorum quidem fratris horum vero patrui. Quodsi neque fratres (germani) neque talium fratrum filii extent, tunc scilicet fratres ex diversis parentibus nati defuncto fratri succedunt. Ibid. § 8.—Кормчая, ст. 8.

[2] Si quis moriatur relicto fratre ex diversis parentibus nato et filiis fratris eodem patre ac matre nati, fratris filii praeferuntur ipsi fratri in illius hereditate: nam et thii ex iisdem parentibus praeferuntur liberis fratrum ex diversis parentibus genitorum. Sciendum autem, non extantibus fratribus germanis nec hujusmodi fratrum liberis, tunc fratres ex diversis parentibus succedere fratri ex alterutro parente. Ibid. § 9. Кормчая, ст. 9.

[3] Fratre non extante neque fratris filio, reliqui ex transverso cognati vocantur, scilicet qui gradu proximiores sunt. Et si plures ejusdem gradus inventi fuerint, virilium portionu heredes erunt. Ibid. § 10. — Кормчая, ст. 10.

[4] Ibid. Tit. VI. De antenuptiali donatione, §§ 1, 2, 3, 4, 5.—Кормчая, гл. 48, гр. 6.

щества мужа. Когда-же дѣтей было болѣе трехъ, то жена получала долю, равную съ каждымъ изъ дѣтей — или въ пользованіе, если имѣла отъ мужа дѣтей, или въ собственность, если у нея не было отъ него дѣтей [1]. Наконецъ, когда у супруговъ не было никакихъ наслѣдниковъ, то мужъ послѣ жены и жена послѣ мужа наслѣдуютъ во всемъ имуществѣ, если впрочемъ не останется завѣщанія [2].

Таковы постановленія о наслѣдствѣ по закону, заимствованныя нашею Кормчею изъ моисеева и византійскаго правъ. Не смотря на то, что они предписываютъ различные порядки наслѣдованія и содержатъ въ себѣ противорѣчія, наша Кормчая или, лучше сказать, духовенство приняло ихъ къ руководству буквально, безъ всякаго согласованія, подчиненія или измѣненія. Такое разнообразіе источниковъ, изъ которыхъ каждый установляетъ свой особый порядокъ наслѣдованія, достаточно показываетъ, что заимствованныя изъ нихъ постановленія съ одной стороны не имѣли силы закона, а съ другой, что наслѣдственное право у Славянъ того времени, когда были сдѣланы эти заимствованія, еще не установилось, ибо въ противномъ случаѣ постановленія эти были бы вовсе излишни. Ясно, что эти извлеченія нашей Кормчей сдѣланы были на всякій случай, для разрѣшенія споровъ объ имуществѣ, возникавшихъ при родственныхъ раздѣлахъ (аще братья и дѣти ростяжуть о задницю) и наслѣдствѣ, которое, нѣтъ сомнѣнія, появилось въ это время, какъ исключеніе изъ общаго правила. Родственники, какъ мы видѣли, не любили дѣлиться и, обыкновенно, оставались въ общемъ сожительствѣ, какъ не любятъ они дѣлиться даже въ настоящее время у нашего простаго народа. Семейство рѣдко выдѣлялось изъ родства; поэтому и наслѣдство въ собственномъ смыслѣ рѣдко открывалось въ это время, какъ рѣдко открывается оно и теперь у нашего простаго народа.

[1] Ibid. Tit. VI. § 6. — Кормчая, тамъ же, гр. 5.

[2] Ibid. Tit. XXX cap. 19. — Кормчая, тамъ же, гр. 19.

Таковымъ существомъ домашняго быта этого времени опредѣляются и законы наслѣдованія. Само собою разумѣется, что пока родственники не дѣлились, а оставались жить въ общемъ хозяйствѣ, до тѣхъ поръ не могло открыться и наслѣдство; ибо понятіе общности совершенно исключаетъ наслѣдство, которое есть не иное что, какъ родственный, основанный на законахъ крови, раздѣлъ семейнаго имущества, по смерти извѣстнаго лица. При общемъ сожительствѣ родственниковъ, то что сегодня одного изъ нихъ, находится въ его обладаніи и пользованіи, завтра оказывается у другаго, а послѣ-завтра въ пользованіи и обладаніи третьяго и т. д. Спрашивается: кто, кому и въ чемъ можетъ наслѣдовать, при такомъ порядкѣ вещей? А между тѣмъ ученіе объ общинности нашего семейнаго быта ищетъ наслѣдства въ сербской задругѣ и, разумѣется, не находитъ его. «Въ нашемъ отечествѣ, пишетъ г. Миличевичъ, рядомъ съ общимъ предписаніемъ о наслѣдствѣ, существуетъ еще особенный о томъ законъ въ задругѣ, въ исключительномъ положеніи, внѣ общихъ правилъ. Такъ напр., *если я жилъ однимъ своимъ семействомъ, умеръ и оставилъ по себѣ одно дитя женскаго пола, тогда оно безспорно, наслѣдуетъ мнѣ, какъ отцу*; но если я жилъ еще съ однимъ или нѣсколькими братьями, въ задругѣ, да потомъ (безъ завѣщанія — такъ ли?) *умеръ, оставивши однихъ дѣтей женскаго пола, тогда мнѣ не наслѣдуютъ дѣти, но наслѣдуетъ задруга*, — т. е. родня, родство—*какъ ближайшій наслѣдникъ*, а дѣтей моихъ должна она только вскормить и въ свое время прилично пристроить по установленному обычаю». Итакъ, гдѣ же тутъ наслѣдство, если не играть словами? Женщина, выдѣляясь изъ родства, выходя за мужъ, ничего не получаетъ, а только пристроивается по установленному обычаю. Жаль, что г Милишевичъ не сообщилъ намъ этого обычая, который, нѣтъ сомнѣнія, состоитъ въ томъ, что женщину родство, родня, какъ прежде родъ, выдаетъ замужъ, удѣляя ей кое-что изъ домашней рухляди. Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣлается и теперь у нашего простаго народа, согласно вѣко-

вѣчному обычаю, который замѣчается и въ періодъ Русской Правды не только у нашихъ, но и другихъ славянскихъ племенъ. Всѣ древнѣйшія славянская законодательства единогласно свидѣтельствуютъ, какъ сейчасъ увидимъ, о томъ, что женскій полъ при мужскомъ не наслѣдуетъ. Итакъ, при совмѣстномъ жительствѣ родственниковъ въ одномъ домѣ, въ общемъ хозяйствѣ, наслѣдства быть не можетъ.—По той же причинѣ не можетъ быть наслѣдованія и въ общинной землѣ, ибо наслѣдство, повторяемъ, какъ раздѣлъ, исключаетъ собою понятіе общинности земли и, наоборотъ, общинность земли исключаетъ понятіе наслѣдства. Въ общинной землѣ, которая потому только и общинная, что состоитъ въ общемъ пользованіи всѣхъ членовъ общины и отъ времени до времени передѣляется между ними, то, что одинъ годъ состояло въ пользованіи одного, на другой годъ переходило, въ слѣдствіе передѣла, къ другому, потомъ къ третьему и т. д. Вотъ основаніе, по которому мы не можемъ согласиться съ г. Бѣляевымъ, который полагаетъ, что будто бы въ общинной землѣ наслѣдовали только одни мужчины. «Первоначальныя отношенія Славянъ къ занятой ими землѣ, говоритъ онъ, естественно дожны были отпечатлѣться и на правѣ наслѣдованія поземельной собственности.... съ одной стороны въ земляхъ принадлежащихъ въ полную частную собственность лицу, поземельное наслѣдство могло доставаться и женщинамъ и мужчинамъ; *а съ другой стороны въ землѣ общинной, право поземельнаго наслѣдства должно было ограничиваться только членами общины, мужчинами, какъ дѣйствительно и свидѣтельствуютъ болѣе или менѣе ясно почти всѣ славянскіе законодательные памятники*[1]»?! Не смотря на это рѣшительное увѣреніе, г. Бѣляевъ не привелъ въ доказательство своей мысли ни одного свидѣтельства изъ какого бы то ни было славянскаго законодательства. Мы же думаемъ, что свидѣтельствъ о наслѣдованіи въ общинной землѣ не только нѣтъ, но и быть не можетъ.

[1] Наслѣдованіе безъ завѣщанія, с. 18.

Иное дѣло, когда въ одномъ домѣ живетъ только семья, т. е. отецъ и мать съ нисходящими отъ нихъ и всѣми тѣми, кои по древнимъ понятіямъ заступали мѣсто сихъ послѣднихъ, т. е. становились вмѣсто дѣтей. Въ этомъ случаѣ, по смерти отца, могло открыться и теперь дѣйствительно открывалось наслѣдство, если дѣти не хотѣли оставаться въ общемъ сожительствѣ. Ибо роковой необходимости замыкаться въ родъ, подчиняться старшимъ родственникамъ, какъ прежде родичамъ, признавать ихъ старшинство надъ собою теперь уже не существуетъ болѣе. Поэтому въ наслѣдственномъ правѣ этого времени и стоитъ теперь на первомъ мѣстѣ та неограниченная воля отца семейства, которую мы выше видѣли и которую Русская Правда признаетъ закономъ: «*Аще ли кто умирая роздѣлить домъ свои дѣтемъ на томъ же стояти; паки ли безъ ряду умреть, то все дѣтемъ, а на самаго часть дати по души*» [1]. И тѣмъ не менѣе эта неограниченная воля отца, этотъ рядъ, который давалъ онъ на смертномъ одрѣ своимъ дѣтямъ, не есть завѣщаніе, если только подъ именемъ послѣдняго не разумѣть той бумаги, на которой духовникъ, по формѣ византійскаго завѣщанія, записывалъ слова умирающаго, или самыхъ словъ, въ которыхъ сей послѣдній выражалъ предсмертныя желанія. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, т. е. записывались ли слова умирающаго или нѣтъ, *изъявленіе воли* отца было ни болѣе, ни менѣе, какъ нравственное дѣйствіе души, *благословеніе*, какъ говорили наши предки, освященіе тѣхъ правъ, которыя дѣти по рожденію своему имѣли. Поэтому и *рядъ* который давалъ умирающій отецъ своимъ дѣтямъ, есть не иное что, какъ *назначеніе участковъ*, которыми дожны были владѣть дѣти послѣ его смерти. Это даже не раздѣлъ, ибо дѣти и послѣ этого ряда могли остаться и, обыкновенно, оставались въ общемъ сожительствѣ [2]. Чтобы убѣдиться въ

[1] Изслѣдованіе о Русской Правдѣ г. Калачева, с. 102, LXI.

[2] Морошкинъ въ Рѣчи объ Уложеніи (ст. 52) говоритъ: «наши древнія завѣщанія греческаго происхожденія, имѣли болѣе нравственный, нежели юридическій характеръ. Они относились прямо къ

сказанномъ, стоитъ только заглянуть въ любую изъ душевныхъ грамотъ древнѣйшаго времени, между которыми не найдется ни одной, гдѣ бы воля отца семейства расходилась съ обычнымъ порядкомъ наслѣдованія или гдѣ бы воля эта проявилась самостоятельно, не зависимо отъ кровныхъ побужденій, и опредѣляла бы себѣ наслѣдника кого либо чужаго, не изъ родныхъ. Это такъ ясно, просто и очевидно, что мы не сочли бы нужнымъ и распространяться объ этомъ предметѣ, если бы въ недавнее время не появилась въ нашей литературѣ оригинальная мысль о томъ, что и у насъ, какъ вездѣ, наслѣдованіе по завѣщанію предшествуетъ наслѣдованію по закону и что, слѣдовательно, наши древнѣйшія душевныя грамоты суть завѣщанія. Итакъ, по смерти отца семейства, если онъ самъ не назначалъ своимъ дѣтямъ участковъ, жеребьевъ, не дѣлалъ имъ ряда, то все оставшееся послѣ него имущество шло къ дѣтямъ, т. е. что *«кождо да держитъ вотчину свою»*, какъ установили наши князья на Любецкомъ съѣздѣ. Семейное начало стоитъ теперь на первомъ мѣстѣ и отъ него уже идетъ дальнѣйшее признаніе родственниковъ, родства. Родъ, какъ родство, отодвинутъ на второй планъ, за семейство, но тѣмъ не менѣе онъ не исчезъ совершенно, не отвергнутъ семействомъ. На-

душѣ и косвенно къ имуществу». «Соглашаясь вообще съ этимъ мнѣніемъ, продолжаетъ г. Поповъ, сдѣлаю одно замѣчаніе, что и юридическая сторона въ нашихъ завѣщаніяхъ точно также составляетъ существенное содержаніе и даже болѣе, нежели распоряженіе о душѣ. Потому во многихъ завѣщаніяхъ нѣтъ распоряженія о душѣ, между тѣмъ, какъ въ каждомъ говорится: *даю рядъ женѣ или дѣтямъ*. Этотъ рядъ, распоряженіе имущества, и есть настоящее юридическое содержаніе нашего завѣщанія, въ противоположность римскому. Вторую сторону завѣщаній составляетъ нравственный характеръ. *Наслѣдникъ подразумѣвается уже опредѣленнымъ родовыми и семейными началами*, потому завѣщателю остается только раздѣлить имущество». — Объ опекѣ и наслѣдствѣ во время Русской Правды г. Попова. Истор. и стат. сборникъ Д В. Москва, 1845 г. с. III, пр. 29. — Замѣчанія вполнѣ вѣрныя и справедливыя.

противъ и отдѣлившееся семейство, живетъ въ неразрывной связи съ родствомъ, которое и наслѣдуетъ семейству по дошедшей до него очереди, какъ увидимъ ниже.

Между дѣтьми не всѣ имѣли одинакія права: *женскій полъ при мужескомъ вовсе устранялся отъ наслѣдства*. «*Оже ли будетъ сестра въ дому, то тои задница не надобе; нъ отдадять ю замужь братья, како си могутъ*» [1]. Подобное же постановленіе находимъ въ Мазовецкомъ статутѣ: «Licet *ex antiqua consvetudine* istius terrae *sorores germanae non haereditant in bonis paternis, et quibusvis aliis sortibus, respectu fratrum suorum germanorum, puerorumque ipsorum, sed semper sunt apud eos in dote, alias na posagu*, nihi omeinus quamdiu eas maritis non tradiderint, debent servari et provideri per fratres germonos, et eorum pueros, secundum conditionem ipsarum in domo et bonis paternis, nec eas inde valebunt eiicere [2], т. е. *по древнему обычаю* этой страны *сестры не наслѣдуютъ* ни въ отцовскомъ имѣніи, ни въ какомъ другомъ, *изъ уваженія къ братьямъ и ихъ дѣтямъ*, но всегда получаютъ отъ братьевъ приданое, иначе они остаются na posagi. Это же начало относительно наслѣдованія сестеръ замѣчается и въ древнебогемскомъ правѣ [3]. Такое предпочтеніе мужескаго пола женскому и совершенное устраненіе отъ наслѣдства женскаго пола есть необходимое слѣдствіе тѣхъ понятій, которыя унаслѣдованы нашею семьею изъ родоваго быта. Женщина, какъ назначенная самою природою для выхода въ чужой родъ, не можетъ имѣть и правъ на семейное имущество, изъ котораго ей давали кое-что въ приданое, яко си могутъ, т. е. сколько могутъ, сколько хотятъ [4]. Количество, величина этого приданаго не опредѣлялась ни обычаемъ, ни закономъ. Все оставшееся имущество, *задница*

[1] Изслѣдованіе о Русской Правдѣ г. Калачева, с. 102, LXIII.

[2] Jus Polonicum, ed. Bandtkie, Varsaviae, 1831 г. p. 409.

[3] Исторія древ. наслѣд. права, I. Губе, с. 75.

[4] Тамъ же с. 82.

доставалось сыновьямъ, которые, выдавая сестеръ замужъ, придавали къ нимъ, что могли, что хотѣли. Устраненіе отъ наслѣдства мужескимъ поломъ женскаго, какъ обычай, непосредственно вытекающій изъ родовыхъ понятій нашего народа о семейномъ бытѣ, неизмѣнно проходитъ чрезъ всю нашу исторію отъ начала до конца, даже до настоящаго времени: сестра при братѣ не вотчинница, т. е. не наслѣдуетъ, а получаетъ только приданое—вотъ основное положеніе нашего наслѣдственнаго права относительно женскаго пола. Напротивъ у Германцевъ, у которыхъ родовыя понятія, въ слѣдствіе особенностей ихъ первоначальнаго быта, скоро ослабѣли, мы находимъ раннее признаніе наслѣдственныхъ правъ сестры. Маркульфъ, въ одной изъ своихъ формулъ обычай устраненія дочерей отъ наслѣдства даже въ землѣ называетъ несправедливымъ и предоставляетъ своей дочери одинакія права съ ея братьями. «Diuturna, sed *impia*, inter nos consuetudo tenetur, ut *de terra* paterna sorores cum fratribus portionem non habent. Sed ego perpendens hanc impietatem, sicut mihi a Deo aequaliter donati estes filii, ita et a me sitis aequaliter diligendi, et de res meas post meum discessum aequaliter gratuletis. *Ideoque per hanc epistolam* te, dulcissima filia mea, *contra germanos filios meos illos in omni haereditate mea aequalem et legitimam esse constituo heredem* [1]....

Сыновья или дѣлились между собою по равнымъ частямъ, или оставались въ общемъ владѣніи. Budeta im oba (Хрудошь и Стяглавъ) v jedno vlasti; či sie rozdělita rovnu měru, говоритъ, какъ мы видѣли, старинный чешскій законъ. Общее сожительство братьевъ и общее обладаніе семейнымъ имуществомъ было и теперь, какъ мы видѣли, общимъ обычаемъ. Дѣлились только въ слѣдствіе какихъ нибудь особенныхъ, вынуждающихъ къ раздѣлу, обстоятельствъ. При дѣлежѣ родительскаго достоянія, коренное различіе первоначальнаго домашняго быта Славянъ и Германцевъ ярко

[1] Formula Marculfii XII, ср. X и XI. Barbarorum leges, t. II. p. 228, 229.

выходитъ наружу. Во первыхъ, у Славянъ наслѣдуютъ всѣ сыновья безъ различія способныхъ и не способныхъ носить оружіе, ибо славянская семья, какъ мы уже замѣтили выше, не боевая, а мирная, земледѣльческая. Во вторыхъ, въ противоположность германскому племени, у Славянъ оказывается видимое если непредпочтеніе, то снисхожденіе меньшему сыну, а не старшему. Такъ, младшій сынъ, какъ болѣе слабый и часто не возрастный, слѣдовательно, болѣе другихъ нуждавшійся въ помощи родныхъ, получалъ отцовскій домъ: «а дворъ безъ дѣла, отнь всякои мьншему сынови»[1]. Обычай этотъ сохранился у Черногорцевъ съ полною силою даже до настоящаго времени[2]. Старшіе братья выселялись и строили себѣ жилища общими силами, какъ это видно изъ сербской задруги и обычаевъ, сохранившихся до сего времени у нашего простаго народа. Далѣе изъ раздѣловъ у Богемцевъ мы видѣли, что младшему же сыну предоставлялось и первенство въ выборѣ части, на которыя старшій братъ раздѣлялъ отцовское достояніе[3]. Малолѣтніе дѣти или оставались въ домѣ отца подъ опекою матери, за которою родственники имѣли надзоръ, или, если мать выходила за втораго мужа, отдавались «на руцѣ» кто «имъ ближнии будуть», или же, наконецъ, ихъ принималъ къ себѣ отчимъ вмѣстѣ съ задницею, т. е. съ движимымъ имуществомъ.

Наслѣдовали ли въ это время внуки, т. е. было ли право представленія? Хотя Правда и не даетъ на этотъ вопросъ прямаго отвѣта, тѣмъ не менѣе само собою разумѣется, что если по смерти отца наслѣдуютъ дѣти, то этимъ самымъ призываются къ наслѣдству и всѣ ихъ нисходящіе. Притомъ же нѣтъ никакихъ основаній, по которымъ бы можно было заключить, что внуки исключались изъ наслѣдства. Боковые родственники, въ слѣдствіе измѣнившагося сознанія о родствѣ, стоятъ теперь за нисходящими; а потому, при господствѣ об-

[1] Изслѣдованіе о Русской Правдѣ г. Калачева, с. 106, LXIX.
[2] Путешествіе въ Черногорію, г. Попова, 1847 г. С. Петербургъ
[3] См. выше с. 85.

щаго закона, по которому отцу наслѣдуютъ дѣти, они уже не могли предъявить своихъ притязаній, если оставался кто нибудь изъ нисходящихъ. Причинъ, въ слѣдствіе коихъ у Германцевъ внуки, какъ невозрастные, не способные къ оружію, исключались боковыми родственниками, у насъ не было; а слѣдовательно не было и никакихъ препятствій къ наслѣдованію внуковъ по праву представленія Это разумѣется само собою, ибо вполнѣ согласуется съ славянскими понятіями о родственныхъ правахъ и отношеніяхъ. Но не зависимо отъ предложенныхъ соображеній, въ другихъ славянскихъ законодательствахъ сохранились косвенныя указанія о наслѣдованіи внуковъ, хотя и позднѣйшаго времени. Изъ вышеприведеннаго свидѣтельства Мазовецкаго статута видно, что дочери не наслѣдовали «respectu fratrum suorum germanorum puerorumque ipsorum». Обыкновенно не возрастные, малолѣтніе оставались на рукахъ своихъ ближнихъ поступали подъ ихъ опеку, но не теряли своихъ правъ Поэтому мы думаемъ, что византійскія правила, предписанныя Правдою для опеки надъ дѣтьми, вполнѣ примѣнялись и ко внукамъ. Впрочемъ, если бы возникло въ этомъ случаѣ сомнѣніе, то оно могло быть разрѣшено византійскими постановленіями, которыя и были для этой цѣли переведены на славянскій языкъ. Такимъ образомъ постановленіе Кормчей, заимствованное изъ Эклоги императоровъ Леона и Константина: «аще кто безъ завѣщанія умретъ и будутъ ему чада или внучата, сіи да наслѣдуютъ» могло въ этомъ случаѣ имѣть полную силу, тѣмъ болѣе, что заботы о сиротахъ были одною изъ главнѣйшихъ обязанностей нашего духовенства[1]. — Какъ наслѣдовали въ это отдаленное время внуки, т. е. поголовно или поколѣнно, рѣшить трудно; ибо дѣйствіе новаго семейнаго начала еще не установилось и могло подвергнуться различнымъ случайностямъ. Прежде всего нужно полагать, что этотъ вопросъ зависѣлъ отъ дѣда—отца семейства, который

[1] Объ опекѣ и наслѣдствѣ во время Русской Правды, г. Попова. Ист. и стат. сборникъ Д. В. Москва, 1845 г. с. 112.

могъ назначить части внукамъ по своему усмотрѣнію. Если же онъ не сдѣлалъ никакого распоряженія, то, примѣняясь къ позднѣйшему времени, нужно полагать, что раздѣлъ въ наслѣдствѣ внуковъ происходилъ поколѣнно. Впрочемъ сохранились указанія, что онъ совершался и поголовно. По законамъ Задры (въ Далмаціи) «сыновья, говорить Рейцъ, наслѣдовали поровну, при чемъ вычиталось полученное прежде при дѣленіи; внуки—по праву представленія, но также принималось въ расчетъ, если кто-либо изъ нихъ былъ отдѣленъ дѣдомъ. Если оставались внуки отъ нѣсколькихъ сыновей, всѣ они получали поровну не смотря на то, что однихъ болѣе, а другихъ менѣе» [1].

Если не было сыновей, то наслѣдовали *дочери*. Это непосредственно и само собою вытекаетъ изъ тѣхъ постановленій Правды, которыя мы привели выше. Правда прямо говоритъ, что если отецъ умиралъ безъ ряду, то все отцовское имущество доставалось *дѣтямъ*, и что дочери не наслѣдовали только въ такомъ случаѣ, когда у нихъ были братья; слѣдовательно, если не было сыновей, то наслѣдовали и дочери, ибо и они были дѣти. Въ особенномъ постановленіи о наслѣдованіи дочерей, при недостаткѣ сыновей, не было никакой нужды, коль скоро сказано, что по смерти отца семейства наслѣдуютъ его дѣти. Впрочемъ въ древнѣйшихъ, ближайшихъ къ Русской Правдѣ законодательныхъ памятникахъ другихъ славяскихъ племенъ, мы находимъ прямыя, положительныя на этотъ счетъ, постановленія. Такъ въ грамотѣ Отакара Богемскаго, 1229 года, говорится: «*Si quis non habuerit filium vel filios, et habuerit filias ad illas deveniat hereditas aequaliter*; et si non fuerint, heriditas deveniat ad proximos heredes» [2], т. е. если кто не имѣетъ сыновей, то наслѣдство переходитъ къ дочерямъ, а если и этихъ не бу-

[1] Политическое устройство и права прибрежныхъ островов и городовъ Далмаціи въ сред. вѣка, Рейца. Ист. и стат. сборникъ Д. В. 1845 г. ч. II. с. 152.

[2] Regesta Bohemiae et Moraviae, opera Caroli Jaromiri Erben, Pragae 1855. Pars I. p. 349.

детъ, то къ ближайшимъ наслѣдникамъ умершаго. Винодольскій законъ 1280 г. также свидѣтельствуетъ о наслѣдованіи дочерей: «Еште хтере, не су остале по смьтри очини и материни, или сини, ако ни су остали брати тим хтерам, имаю се аредитати, или оставити тим хтерам благо очино и материно, чинити всю службу ону, ну есу имили служити двору очи и матере них: и твкое, ако би сини остали и умьрли брез реда» [1]. Что касается до наслѣдованія дочерей у Поляковъ, то мы не находимъ никакихъ свидѣтельствъ о томъ, чтобы они вовсе устранялись отъ наслѣства въ древнѣйшее время; по крайней мѣрѣ, извѣстнѣйшіе польскіе ученые въ наслѣдственныхъ правахъ ихъ не сомнѣваются. «За недостаткомъ сыновей, говоритъ Лелевель, безъ всякаго сомнѣнія наслѣдовали дочери: кажется, однакожъ, что не только во время ихъ малолѣтства, но даже до замужства, они разсматривались, какъ состоящія въ опекѣ [2]. По изслѣдованіямъ Мацѣевскаго, дочь не наслѣдовала только въ имуществахъ помѣстныхъ, dzierżawa, но не собственныхъ dziedzictwo [3].

Тѣмъ не менѣе, наслѣдственныя права нашей женщины составляютъ одинъ изъ спорныхъ вопросовъ. Многіе изслѣдованія древняго права, основываясь на постановленіяхъ Русской Правды о наслѣдованіи князя послѣ смерда, умершаго безъ дѣтей, и на ограниченіи наслѣдственныхъ правъ женскаго пола въ позднѣйшее время, полагаютъ, что первоначально дочери, въ слѣдствіе родовыхъ понятій, вообще не наслѣдовали, а получали только приданное, или же наслѣдовали только въ движимомъ имуществѣ. Не имѣя возможности войти, въ настоящее время, въ подробный разборъ этого мнѣнія, замѣтимъ только, что съ нимъ трудно согласиться. Не возможно допустить, чтобы князь, безъ всякаго основанія— ибо завоеванія у насъ не было—могъ присвоять себѣ иму-

[1] Чтенія общества исторіи и древ. рос. 1854 кн. II. отд. III. с. 15.
[2] Polska wiekow srednich, III. c. 56, § 52.
[3] Slavische Rechtsgeschichte, von A. W. Macieiowski, II. s. 237—270

щество всѣхъ жителей страны въ томъ случаѣ, когда умиралъ кто нибудь изъ нихъ безъ сыновей. Такое вторженіе княжеской власти въ семейство, разрушающее самыя близкія родственныя связи, уничтожающее самыя естественныя права человѣка, было бы насиліемъ, котораго вынести не можетъ ни одинъ свободный, не покоренный народъ. Да это было невозможно и для самаго князя. Каждый разъ, при открытіи такого наслѣдства, ему приходилось бы завладѣть имуществомъ безсыновнеумершаго, если не съ бою, то по крайней мѣрѣ, при помощи насилія, особенно если въ домѣ жило цѣлое родство. Ибо невозможно допустить, чтобы Славяне того времени, когда родственныя узы были такъ крѣпки, сами, добровольно, предоставляли свое достояніе князю помимо дочерей, когда эти послѣднія оставались единственными ихъ дѣтищами. «Хотя Славяне, справедливо говоритъ Мацѣевскій, безъ сомнѣнія, любили свое отечество болѣе другихъ тогдашнихъ народовъ, однако трудно допустить, чтобы они столь были лишены любви къ ихъ нисходящимъ, что при недостаткѣ сыновей, охотнѣе отдавали свое собственное имущество dziedzictwa чужимъ людямъ, нежели дочерямъ, или чтобы къ этому могли принудить ихъ тѣ короли, которые по большей части избирались народомъ. И такъ, если и дѣйствительно славянскіе властители имѣли право брать puścizn'ы (имущество безсыновнеумершихъ) и передавать ихъ другимъ, то на это могла быть другая причина, особенно если мы знаемъ, что собственность родителей переходила ко всѣмъ сыновьямъ и что изъ нея не исключались даже слабые, не способные къ войнѣ» [1].

Нѣтъ однако сомнѣнія, что въ послѣдующее за Правдою время, въ слѣдствіе образованія различныхъ родовъ поземельной собственности, наслѣдственныя права женщины подверглись ограниченіямъ [2]. Въ настоящее же время, когда весь

[1] Slavische Rechtsgeschichte von A. W. Macieiovski, Zw. Theil, S. 244.

[2] См. приложеніе подъ № 11, с. 19 объ уплатѣ дочерямъ приданаго. Slavische Rechtsgeschichte, von A. W. Macieiowski, Zw. Theil, S. 37—270.—Polska wiekow srednich, Lelevel, т. III. с. 61, § 24.

имущественный міръ состоялъ изъ вещей движимыхъ, такого ограниченія, какъ намъ кажется, быть не могло. Постановленія Русской Правды «о задницѣ смердей», польскихъ статутовъ о наслѣдствѣ пана послѣ кметовъ, равно и богемскія постановленія объ отобраніи на князя, короля имущества преступниковъ — всѣ эти узаконенія, на основаніи которыхъ многіе ученіе полагаютъ, что первоначально женщина у Славянъ вообще не наслѣдовала, имѣютъ, какъ увидимъ ниже, особенное, исключительное значеніе. Они очевидно установляютъ особенный порядокъ наслѣдованія у извѣстныхъ только лицъ, состоящихъ въ той или другой зависимости отъ князя, короля и высшаго сословія, которое начало въ это время образовываться и выдѣляться изъ общей народной массы.

Изъ предшествовавшаго изложенія, мы видѣли, что христіанскія понятія о бракѣ еще не утвердились въ это время между Славянами. Поэтому Русская Правда, не различая въ наслѣдственныхъ правахъ дѣтей законныхъ отъ незаконныхъ, дѣлаетъ особыя постановленія о дѣтяхъ, рожденныхъ отъ рабы, и дѣтяхъ свободныхъ. Впрочемъ, эти постановленія не столько истекаютъ изъ существа семейнаго быта этого времени, сколько образовались, какъ видно, подъ вліяніемъ чуждыхъ понятій. Что касается до дѣтей отъ рабы, то они не имѣли права наслѣдовать отцу, а получали только свободу вмѣстѣ съ матерью. «Аже будуть робье дѣти у мужа, то задницѣ имъ не имати; нъ свобода имъ съ матерью»[1]. Подобное же постановленіе мы видѣли и у Германцевъ[2]. Это сходство въ наслѣдованіи дѣтей, рожденныхъ отъ рабы заставляетъ предполагать, что понятія о рабствѣ окончательно сложились у насъ или, по крайней мѣрѣ, юридически опредѣлились, подъ вліяніемъ чуждыхъ идей. Рабство у нашихъ предковъ не имѣло первоначально строгаго, юридическаго характера: рабы считались домочадцами. Хотя тотъ

[1] Изслѣдованіе о Русской Правдѣ г. Калачева, с. 103, ст. LXIV.
[2] См. выше, с. 181.

же родственный, патріархальный быть господствуетъ и въ настоящее время, а слѣдовательно, и теперь, какъ прежде смягчаетъ участь раба, тѣмъ не менѣе, съ пришествіемъ къ намъ чуждой, воинственной народности, положеніе раба конечно должно было ухудшиться. Варяги, безъ сомнѣнія, принесли къ намъ понятіе о рабѣ, какъ военнопленномъ. Отсюда уже не великъ былъ переходъ къ строгимъ римскимъ опредѣленіямъ раба, какъ вещи. По этому, если мы замѣчаемъ на постановленіяхъ Правды о рабствѣ строгій, юридическій типъ, то необходимо должны видѣть въ немъ вліяніе византійскаго права и понятій. Вотъ основаніе, по которому мы думаемъ, что и постановленіе Правды о наслѣдованіи дѣтей отъ рабы не чуждо римскихъ понятій, смягченныхъ впрочемъ христіанскимъ милосердіемъ: рожденный отъ рабы получалъ свободу вмѣстѣ съ матерью.

Тоже мы должны сказать и о постановленіи Правды о наслѣдованіи дѣтей сводныхъ. Правда выражаетъ начало, что дѣти отъ разныхъ браковъ наслѣдуютъ только своимъ родителямъ, а именно: «*Будуть же ли дѣти то что първои жены, тъ тое възмуть дѣти матери своеи, любо сии на жену възложилъ будеть, обаче матери своеи, и то възмуть*»[1]. *Аже ли будуть двою мужю дѣти, а одинои матери, то онѣмъ своего отца задница, а онѣмь своего отца*; будеть ли потерялъ своего иночима, что а онѣхъ отца, а умреть, то възворотятъ братьи нань, иже и людье вылѣзуть, что его будеть отець его истерялъ иночимля, а что ему своего отца и то дрьжать»[2]. Обѣ эти статьи Русской Правды суть ничто иное, какъ болѣе подробное изложеніе того постановленія Эклоги о наслѣдованіи сводныхъ дѣтей, которое мы привели выше и которое переведено въ нашей Кормчей почти тѣми же словами, какими выражаетъ его и Русская Правда. А именно: «Аще ли чада будутъ отъ вторыя жены, говоритъ Кормчая, и ключится ему оумрети, лѣть есть и первымъ чадомъ и вто-

[1] Изслѣдованіе о Рус. Правдѣ, г. Калачева, с. 103, LXIII.

[2] Тамъ же, стр. 104, LXII.

рымъ своего наслѣдити отца, тако же и матере»[1] Что же касается до пополненія этихъ статей на счетъ уплаты имущества, растраченнаго отчимомъ, то очевидно, что оно заимствовано изъ тѣхъ постановленій византійскаго права о взаимныхъ имущественныхъ отношеніяхъ вдовыхъ супруговъ, которыя мы изложили выше. Мы видѣли, что по греческому праву вдовый супругъ—будетъ ли то отецъ или мать—долженъ былъ жить вмѣстѣ съ дѣтьми до ихъ возраста, составить описаніе, инвентарь имуществу умершаго супруга и, наконецъ, возвратить это имущество дѣтямъ, въ случаѣ вступленія своего во второй бракъ, или достиженія дѣтьми совершеннолѣтія. Такія предписанія закона основывались на томъ предположеніи, что каждый изъ супруговъ могъ имѣть свое отдѣльное имущество, которое оставалось его собственностію въ продолженіи брака и потомъ, по наслѣдству, доставалось дѣтямъ. Эти-то византійскія начала и прилагаетъ Русская Правда (къ нашему семейству) къ наслѣдованію сводныхъ дѣтей своимъ отцамъ, постановляя, что если бы отчимъ растерялъ добытокъ своихъ посынковъ, то дѣти его должны были уплатить имъ растраченное ихъ отцомъ, слѣдовательно, имущество, недостающее по инвентарю, который совершался публично, при свидѣтеляхъ, «иже людье вылѣзуть, какъ говоритъ Правда. Конечно, постановленія Русской Правды о наслѣдованіи сводныхъ дѣтей могутъ быть выведены и изъ туземныхъ началъ, а именно, изъ того основнаго положенія Правды, что если отцу наслѣдуютъ дѣти, то они наслѣдуютъ только своему отцу, а не отчиму, отцу своихъ единоутробныхъ братьевъ. То же правило могло быть примѣнено и къ наслѣдованію дѣтей послѣ матери, т. е. что дѣти наслѣдовали только своимъ матерямъ, а не мачихамъ. Тѣмъ не менѣе столь близкое сходство, почти тождество постановленій Кормчей и Русской Правды о наслѣдованіи сводныхъ дѣтей указываетъ на то, что постановленія эти

[1] Кормчая. гл. 49. Зачатокъ 7.—Ср. выше с. 334, пр. 3.

получили у насъ силу закона, по крайней мѣрѣ по отношенію къ матери, не безъ сильнаго вліянія византійскаго права.

Что касается, наконецъ, до наслѣдованія супруговъ, то Правда выражаетъ начало, по которому *ни мужъ послѣ жены, ни жена послѣ мужа не наслѣдуютъ*. Это положеніе само собою вытекаетъ изъ существа нашего первобытнаго семейства. При жизни отца семейства, мать, какъ мы видѣли, не имѣла никакого значенія и никакаго имущества: она была въ полной волѣ мужа, уравнивалась съ дѣтьми. Все, что приносила она съ собою въ домъ мужа, при вступленіи въ замужство, и что могла получить въ томъ рѣдкомъ случаѣ, когда доходило до нея наслѣдство, однимъ словомъ, все имущество жены поступало вмѣстѣ съ нею въ полное, безотчетное распоряженіе мужа и расходовалось, по его усмотрѣнію, на домашнія потребности. А потому и по смерти жены онъ оставался полнымъ, самовластнымъ его обладателемъ. Вотъ почему Русская Правда и не говоритъ ничего о наслѣдованіи мужа послѣ жены, точно такъ, какъ ничего не говоритъ и о правѣ его жить, по смерти жены, вмѣстѣ съ своими дѣтьми и быть полновластнымъ распорядителемъ оставшагося послѣ жены имущества. Ибо эти права отца семейства разумѣлись сами собою. Со всѣмъ другое дѣло мать — женщина, права которой еще не были вполнѣ признаны въ это время, а потому и нуждались во вліяніи христіанства и византійскаго права. Поэтому на постановленіяхъ Русской Правды о вдовѣ—матери, мы и видимъ борьбу исконныхъ славянскихъ началъ съ требованіями христіанства и византійскими понятіями. Правда постановляетъ, что жена мужу не наслѣдуетъ, а получаетъ только часть изъ его имущества. Выше мы видѣли, что право матери—вдовы жить вмѣстѣ съ дѣтьми въ домѣ своего покойнаго мужа образовалось подъ вліяніемъ византійскаго права. Тоже должно сказать и на счетъ постановленія Правды о назначеніи вдовѣ части имущества мужа; оно также сложилось подъ вліяніемъ христіанскихъ и византійскихъ идей. Въ этомъ случаѣ византійскія узаконенія нашей Кормчей о наслѣдованіи бѣдной жены могли послужить источникомъ для Русской Прав-

ды. По Прохирону бѣдная жена получала изъ мужняго наслѣдства такую же часть, какую получалъ каждый изъ дѣтей; но часть эта давалась ей въ полную собственность только въ такомъ случаѣ, если у нея не было дѣтей, при дѣтяхъ же она имѣла право только пользоваться этою частію. Подобныя постановленія содержитъ въ себѣ и Русская Правда, а именно: «*Аже ли жена сѧдеть по мужѣ, то дати ей часть, а у своихъ дѣтей взять часть, а что на ню мужъ възложить тъ тому же госпожа есть, а задница еи мужня не надобе*». Изъ этого постановленія видно, что жена послѣ мужа не наслѣдовала, но что, на случай вдовства, ей назначалось только часть изъ имущества мужа, вѣроятно, равная части каждаго изъ дѣтей. Но и эта часть выдѣлялась ей только въ такомъ случаѣ, когда она ничего не получила отъ мужа при его жизни и если оставалась во вдовствѣ. Отсюда ясно, что часть, получаемая женою по смерти мужа, имѣла значеніе прожитка, содержанія, которое поэтому и состояло въ полномъ ея распоряженіи. Поэтому Русская Правда и постановляетъ, что «матерня часть дѣтемъ не надобе; къ кому мати дасть, тому же взяти: дасть ли всѣмъ, то всѣ роздѣлять; безъ языка ли умреть, то у кого ли будеть на дворѣ была, и мертва, или кто ю кърмилъ, то тому и взяти. А матери, который еи сынъ будеть добръ перваго ли мужа, другаго ли тому же дасть свое; аче ли и вси будуть еи сынови лиси, а дъчери можеть дати, кто ю кърмитъ».

Опредѣливши общій порядокъ наслѣдованія, Русская Правда дѣлаетъ и особенныя постановленія относительно наслѣдованія послѣ лицъ разныхъ званій, а именно, смердовъ и дружинниковъ. «Аже умреть смердь безъ дѣтеи, то задница его князю; аже ли будутъ дъчери у него дома, то даяти часть на нѣ; а оже ли будутъ за мужемъ, то не даяти имъ ничтоже части»[1]. «Аже въ болярѣхъ или же болярьстѣи дружинѣ, то за князя задница не идеть; нь оже не будеть ни сыновъ, а въ дьчери възмутъ»[2]. Почти всѣ изслѣдователи

[1] Изслѣдованіе о Русской Правдѣ г. Калачева, с. 101, LIX.
[2] Тамъ же, с. 102, LX.

древняго славянскаго права, замѣчая подобныя же постановленія и въ другихъ древнѣйшихъ законодательныхъ памятникахъ и придавая имъ общее, а не частное значеніе, хотѣли объяснить ихъ изъ существа семейнаго быта того времени. Такимъ образомъ возникло множество предположеній объ устраненіи женскаго пола и боковыхъ родственниковъ отъ наслѣдства, изъ которыхъ однако ни одно не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Всѣ они до того искуственны, что разрушаютъ самыя естественныя права человѣка, ибо стараются объяснить родственными понятіями такія явленія, которыя изъ семьи и родства не только никогда не возникаютъ, но напротивъ разрушаютъ и семью, и родство, какъ напримѣръ, ученіе объ общинности семьи. Намъ кажется, что тѣ различные порядки наслѣдованія, которые предписываетъ Правда для смердовъ и дружинниковъ, могутъ быть объяснены не столько условіями лежащими въ семейномъ бытѣ того времени, сколько условіями внѣшними, т. е. вліяніемъ тогдашней общественной жизни на семейный бытъ.

Изъ существа приведенныхъ постановленій видно, что лица, къ которымъ они относятся, находились въ особенномъ, исключительномъ положеніи къ князю, ибо только по отношенію къ этому послѣднему и различаются права ихъ наслѣдниковъ. Смерды, очевидно, противополагаются боярамъ и дружинникамъ: тогда какъ послѣ смерда, умершаго безъ сыновей, имущество его поступаетъ къ князю, послѣ бояръ и дружинниковъ оно идетъ къ дочерямъ, которыя у смердовъ только получаютъ извѣстную часть, если не будутъ за мужемъ. Оба эти постановленія, противополагаясь другъ другу, слѣдуютъ въ Правдѣ непосредственно одно за другимъ и видимымъ образомъ не находятся ни въ какой связи съ обыкновеннымъ порядкомъ наслѣдованія. Русская Правда постановивши, что у бояръ и дружинниковъ, въ противоположность смердамъ, наслѣдуютъ не только сыновья, но и дочери, т. е. вообще *дѣти* въ слѣдъ за тѣмъ продолжаетъ: Аже ли кто.... безъ ряду умретъ, то все *дѣтемъ*. Очевидно, что здѣсь говорится уже не о боярахъ и смердахъ, а излагается общее постановленіе;

въ противномъ случаѣ было-бы повтореніе, совершенное излишнее. Итакъ, какъ по внутреннему смыслу разсматриваемыхъ постановленій, такъ и по способу изложенія ихъ, редакціи, видно, что они установляютъ исключеніе изъ общаго правила, т. е. излагаютъ особенный порядокъ наслѣдованія, обусловленный какими нибудь особенными историческими обстоятельствами.

Находясь въ періодѣ господства родоваго быта, мы видѣли, что еще въ нѣдрахъ этого быта, на предѣлахъ крайняго размноженія членовъ рода, уже обозначились зачатки будущихъ народныхъ званій. Въ періодѣ Правды видимъ, что эти званія сложились окончательно и стоятъ теперь другъ подлѣ друга съ различными правами. Для этихъ то различныхъ званій Правда и предписываетъ различные порядки наслѣдованія, смотря по ихъ личнымъ и имущественнымъ правамъ и отношеніямъ къ правительству, князю. А потому, чтобы понять истинный смыслъ и значеніе этихъ постановленій, мы должны опредѣлить по нимъ не семейныя понятія и отношенія тѣхъ лицъ, которыхъ они касаются, а сословныя ихъ права, другими словами, ихъ особенныя отношенія къ правительству, князю, относительно которыхъ они только и различаются въ правѣ наслѣдованія.

Кто именно были наши смерды, которымъ наслѣдовалъ князь, или лучше сказать, по смерти которыхъ князь бралъ себѣ ихъ имущество, и на какомъ основаніи онъ это дѣлалъ— на этотъ вопросъ наши источники не даютъ прямаго отвѣта. Можно сказать только одно: что если князь отбиралъ у безсыновноумершихъ смердовъ имущество, то, слѣдовательно, онъ имѣлъ на это какое нибудь *право*, точно такъ, какъ смерды *обязаны* были подчиняться этому праву—отдавать свое имущество. По существу и прямому смыслу постановленія о *задницѣ смердей*, мы необходимо должны признать, что смерды были люди *обязанные* князю, слѣдовательно, непосредственно отъ него зависимые. Но въ чемъ состояла эта зависимость?— вотъ вопросъ.

Изъ предшествующаго изложенія мы видѣли, какое значеніе

для туземнаго быта имѣли призванные князья и въ какое отношеніе они стали къ призвавшимъ ихъ племенамъ. Первоначально отношенія эти были чисто договорныя и временныя. Прочное водвореніе князей и правильныя отношенія ихъ къ туземному племени не вдругъ установились. Князья призваны были для водворенія суда и управленія, которые на первыхъ порахъ не давались Славянамъ, вслѣдствіе родовыхъ усобицъ. Приглашенные для этой цѣли, князья пришли къ намъ съ мужами своими и дружиною, которымъ, разумѣется, обязаны были давать содержаніе. Первоначально, пока князья не осѣлись твердо на одномъ мѣстѣ, въ Кіевѣ, источниками ихъ казны были, какъ мы знаемъ, виры, пошлины съ суда и дани съ покоренныхъ племенъ. Пока продолжалось это бродячее состояніе, до того времени ни князь не имѣлъ нужды въ другихъ источникахъ дохода, ни дружина—въ иномъ обезпеченіи своего существованія. Мы видѣли,какую скитальческую жизнь вели въ то время пришлые къ намъ Варяги: все у нихъ имѣло временный, случайный характеръ. Единственною ихъ заботою было обеспеченіе своего семейства.—Но такой порядокъ вещей, конечно, не могъ продолжаться долго. Скоро племена, не участвовавшія въ призваніи князей, были покорены; князья усаживаются въ Кіевѣ, послѣ не удачной попытки Святослава поселиться на Дунаѣ, и начинаются иныя отношенія князей и къ Славянамъ и къ дружинѣ. Славяне мало по малу свыкаются съ княжескою властію, переходятъ въ подвластныхъ, подданныхъ. На мѣсто племенъ возникаютъ верви, общины. Съ исчезновеніемъ племенъ исчезаютъ и дани, главнѣйшій до сего времени источникъ княжескихъ доходовъ, прекращаются и походы за собираніемъ дани. Дружинники постепенно переходятъ въ княжескихъ слугъ, мужей. Между ими и княземъ образуется болѣе прочная и нравственная связь: они не поденщики, а слуги, вѣроятно, дававшіе присягу на вѣрность службы [1]. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется значеніе и характеръ князя; изъ предводителя дружины,

[1] Опытъ исторіи рос. госуд. и гр. законовъ, Рейцъ, въ пер. Морошкина, с. 32—35.

конунга онъ дѣлается верховнымъ повелителемъ, судьею и законодателемъ. Около него организуется правительство, появляются учрежденія, для управленія, суда и расправы, однимъ словомъ, возникаютъ зачатки, зародыши, изъ которыхъ въ послѣдствіи развивается мысль о государствѣ. Однимъ словомъ, періодъ первоначальнаго броженія двухъ различныхъ элементовъ оканчивается и начинается повсюду новая общественная жизнь. Для князя, теперь уже верховнаго обладателя страны, понадобились новые источники дохода: злато уже перестало добываться дружиною. Понятно, что и у насъ, какъ вездѣ, съ возникновеніемъ королевской власти, свободныя, пустопорожнія земли поступили въ распоряженіе князя и сдѣлались однимъ изъ главныхъ источниковъ его казны. Отсюда заселеніе этихъ земель всякаго рода людьми, для обработыванія княжескихъ земель. Составъ этихъ поселенцевъ былъ различенъ. Во первыхъ они могли состоять изъ военноплѣнныхъ, рабовъ; во вторыхъ на этихъ земляхъ могли селиться и свободные обѣднѣвшіе, безпріютные, искавшіе себѣ покровительство и защиты въ то грубое и суровое время, когда общество, отрываясь отъ кровныхъ, физіологическихъ началъ быта, переходило въ сферу личныхъ, эгоистическихъ стремленій. Такимъ образомъ на княжескихъ или лучше общественныхъ земляхъ появляется цѣлый особый классъ, который, будучи лично свободенъ, обязанъ былъ обработавать землю на князя [1]. Это — *смерды*, низшій, рабочій, безземельный классъ, однимъ словомъ, это *черные люди*. Они были какъ бы наймиты, закупы княжескіе, работавшіе на князя изъ хлѣба и, слѣдовательно, обязанные отдать ему всѣ свои силы за полученную отъ него землю, хлѣбъ, жизнь, содержаніе и за защиту, которою пользовались, какъ люди безпріютные, беззащитные. Подобный классъ людей появляется вездѣ при началѣ общественной жизни, въ слѣдъ за разложеніемъ кровнаго, родоваго быта и вмѣстѣ съ образованіемъ верховной власти. Поэтому, какъ явле-

[1] Тамъ же с. 37, 38.—Ср. Slavische Rechtsgeschichte, von Macieiowski, Zw. Theil, s. 250, 251.

ніе необходимое въ развитіи общественной жизни, мы замѣчаемъ его и у другихъ славянскихъ племенъ подъ различными названіями и, нѣтъ сомнѣнія, съ различными правовыми оттѣнками. Сюда относится сербскіе *проніи* [1], силезскіе *smordones* [2] и польскіе *кметы*. Послѣдніе находились почти въ такомъ же отношеніи къ своимъ панамъ, какъ и наши смерды къ князьямъ, даже по вопросу наслѣдованія. А именно Вислицкій статутъ говоритъ, что: «Abusiva consvetudine noscitur esse observatum, quod, cum aliqui kmetones de hac vita absque prole decedunt, ipsorum omnia bona mobilia et immobilia, nomine *Puścina* eorundem, consueverint occupari. Unde nos eandem abusivam consvetudinem reprobantes, statuimus: quod de bonis eorundem decedentium, si tantum reperiatur in ejisden, calix pro marca cum dimidia dandus ecclesiae parochiali comparetur, reliqua vero bona ad proximiores consanquineos, vel affines, cessante quolibet impedimento, devolvantur [3]. Вся разница между кметами и смердами состояла въ томъ, что первые были нѣчто въ родѣ *оброчныхъ*, тогда какъ наши смерды состояли на *барщинѣ* у князя. Понятно теперь, что если польскіе паны могли присвоить себѣ право наслѣдо-

[1] «Пронію да нѣсть никто продати ни купити, кто не имать бащине оть проніарске земліе да нѣсть волнь никто подложити подъ церковь. Аже ли подложить, да нѣсть твердо.» Lex stephani Dusani, p. 7, XIX о прони § 53. Подъ проніями, слѣдовательно, должно разумѣть крѣпостныхъ обязанныхъ, у которыхъ нельзя было отнять земли или отдать ее подъ церковь.

[2] Силезскіе smardones—смерды составляли особливый классъ обязанныхъ Славянъ, которые были поселены на пашвѣ и находились въ лучшемъ положеніи, нежели прочіе классы обязанныхъ. Антонъ говоритъ, что названіе ихъ, вѣроятно, происходитъ отъ слова *смирдь*, навозъ, польскаго—smedziec и богемскаго smedzin — смердѣть, и дано имъ по ихъ занятію. Поэтому то вѣроятно сочинитель петербурской хроники говоритъ объ нихъ: eodem servitio sordido. Юридич. бытъ Силезіи и Лужницъ г. Кавелина, Истор. и стат. сборникъ Д. В. Москва 1845 г. с. 18

[3] Starodawne prawa polsciego pomniki, wydal tu z. Helcel, t. I., w Warszawie. 1856, 197, § 20.

вать послѣ бездѣтноумершихъ своихъ кметовъ, то на имущество подобныхъ имъ людей князья наши, по понятіямъ того времени, могли смотрѣть и дѣйствительно, смотрѣли какъ на свою собственность, а потому и присвояли его себѣ послѣ безсыновнеумершаго смерда[1]. Поэтому Правда, какъ мы видѣли, и постановляетъ, что имущество безсыновнеумершаго смерда поступаетъ къ князю, причемъ выдавалась часть только не замужнимъ дочерямъ, а если онѣ были замужемъ, то не получали никакой части. Дочь, какъ женщина, не могла исполнить всѣхъ тѣхъ обязанностей, которыя лежали на ея отцѣ, а слѣдовательно и не могла имѣть правъ на отцовское имущество, которое было пріобрѣтено на землѣ, изъ земли и для земли, полученной ея отцомъ отъ князя. Домъ, дворъ, лошади, домашній скотъ, земледѣльческія орудія, изъ которыхъ преимущественно состоитъ даже до сего времени у нашего простаго народа все имущество, считались въ то отдаленное время принадлежностію земли, а слѣдовательно, и князя.

Мацѣевскій видитъ въ постановленіяхъ о наслѣдованіи послѣ смердовъ и польскихъ кметовъ вліяніе леннаго права, по которому господинъ также наслѣдовалъ поселившимся на его земляхъ. Можетъ быть,—хотя прямаго заимствованія здѣсь не было. Постановленія эти возникли сами собою и обусловились временною, скоропреходящею потребностію, которая ощутилась при переходѣ отъ бродячаго состоянія пришлаго элемента къ болѣе твердому, осѣдлому. Поэтому, какъ скоро княжеские доходы обеспечились болѣе правильными и постоянными средствами, то наслѣдованіе князя исчезаетъ совершенно. Во времена, послѣдующія за Правдою, мы не находимъ почти никакихъ указаній о наслѣдованіи князя послѣ смердовъ.

Ближайшую аналогію съ наслѣдованіемъ князя смерду имѣетъ, какъ намъ кажется, и выдача князю имущества уголовныхъ преступниковъ того времени. Очевидно, что иму-

[1] Исторія рос. гр. зак. Неволина, т. III. с. 353. Ср. Slavische Rechtsgeschichte von Maciejowski, Zw. Theil, S. 250

щество преступниковъ выдавалось правительству не потому, чтобы ихъ боковые родственники, по семейнымъ понятіямъ того времени, исключались изъ наслѣдства бездѣтноумершаго, но потому, что выдача эта была наказаніемъ, конфискаціею. Выше мы видѣли, что первоначально, во время господства родоваго быта, въ случаѣ совершенія преступленія, вставалъ родъ на родъ. Когда кровная месть смѣнилась выкупомъ, имущество преступника выдавалось родственникамъ убитаго. Наконецъ, съ паденіемъ родоваго самовластія, право наказанія переходитъ къ правительству, князю, которому выдавалось первоначально не только имущество преступника, но и его семейство. За разбой, коневую татьбу и зажигательство, по Русской Правдѣ, преступникъ выдается князю на потокъ и разграбленіе вмѣстѣ съ женою и дѣтьми [1] Подобныя же постановленія мы видѣли и у другихъ славянскихъ племенъ. Съ развитіемъ болѣе правильныхъ понятій о лицѣ, правѣ и наказаніи, дѣти освобождаются мало по малу отъ отвѣтственности за родителей, которая перенесена была только на лицо и имущество одного преступника. По свидѣтельству Андрея Дубе, за родственное убійство отбиралось на князя только имущество убійцы: «kduz syn otce i neb brati bratra zabie, neb hanebnie ochromi, podle starého prawa mimo ijné winy swói diel k ijnym bratrzi neb sestrám ztrati, a nebudeli zadného, ale na krale spadne, a przes to na panskiem nalezu ostane,» т. е. если сынъ убьетъ отца или братъ брата, то по древнему закону все имѣніе убійцы переходитъ къ королю; оставшіеся же братья или сыновья получаютъ то, что король имъ по-

[1] «Будеть ли сталъ на разбои безъ всякоя свады, то за разбойника людье не платять, нъ выдадять, и самого всего и съ женою и съ дѣтьми на потокъ, а на разграбленіе»-Изслѣлованіе о Рус. Правдѣ г. Калачева, с. 108. VXXI. «Аче будеть коневыи тать, а выдати и князю на потокъ». XXII. «Аже кто зажьжеть гумно, то на потокъ и на розграбежь домъ его; а переди пагубу исплатить, а прочи князю поточити и. Такожде оже кто и дворъ зажьжеть». XXXXIII.

жалуетъ изъ милости (nalez) [1]. Подобное же постановленіе находимъ и въ законахъ Отакара Богемскаго о воровствѣ. Въ грамотѣ его 1229 года говорится: Si fuerit *fur* apud aliquem nobilem, vel apud aliquem, cujus est villa, et dederit eum curiae, *omnia bona sua sint, et collum* ejus in potestatem principis detur. Insuper si fur capitur in aliquo loco et suspenditur, *omnia sua principis sunt*, praeter fruges, quae adhuc remanserint in agro. Item quod dicitur *narok*, hoc non debet esse, nisi ubi constet sub certo testimonio sua bona amisisse, nisi acciderit in silva, vel in aliquo loco secreto, vel alicui hospiti, [2].... Но въ то время, какъ въ этомъ общемъ постановленіи дѣти освобождаются отъ отвѣтственности за воровство отца, у лицъ высшаго званія они не лишаются даже наслѣдства, жена же получаетъ изъ него третью часть». Item quando *aliquis nobilis capitur* in furto et suspenditur *et, non habet prolem*, hereditas ipsius regi cedat. Et si aliquis capitur in manifesto furto, uxor ejus habeat tertiam partem [3]. — Такимъ образомъ и относительно конфискаціи имуществъ высшее сословіе отличалось отъ лицъ другихъ званій. Что разсмотрѣнныя постановленія не относятся къ наслѣдству, а имѣютъ значеніе наказанія, то видно изъ этой же самой грамоты Отакара, въ которой, какъ мы видѣли, именно говорится, что наслѣдство по смерти отца семейства, идетъ не только къ сыновьямъ и дочерямъ, но даже ad proximos heredes, т. е. братьямъ и сестрамъ. [4]. Нѣтъ, слѣдовательно, никакого основанія дѣлать по этимъ постановленіямъ заключеній объ устраненіи боковыхъ родственниковъ отъ наслѣдства, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые [5].

Таже мысль лежитъ и въ основаніи постановленій Русской Правды о наслѣдствѣ послѣ бояръ и членовъ княже-

[1] Исторія древ. наслѣд. права у славянъ. J. Губе, с. 75.

[2] Regesta Bohemiae et Moraviae, Ed. C. Erben, Pragae, 1855. Pars I. p. 348.

[3] Ibidem p. 349.

[4] Исторія древ. наслѣд. права у Славянъ, J. Губе, с. 75.

[5] Наслѣдованіе безъ завѣщанія г. Бѣляева, с. 11.

ской дружины. Нѣтъ сомнѣнія, что первоначально и послѣ дружиниковъ князь также наслѣдовалъ, какъ и послѣ смердовъ. Въ этомъ отношеніи постановленіе Правды объ отреченіи князя отъ наслѣдства послѣ безсыновнеумершихъ бояръ и дружинниковъ имѣетъ такое же значеніе, какъ и постановленіе Вислицкаго статута о наслѣдствѣ кметовъ, равно и постановленіе Сербскаго царя Душана о наслѣдствѣ у властелей. Во всѣхъ этихъ узаконеніяхъ видно стремленіе верховной власти ограничить дѣйствовавшія до того времени права, въ слѣдствіе измѣнившихся понятій о самомъ правѣ [1]. Первоначально вся княжеская дружина, равно какъ и всѣ «мужи княжи», которыхъ садилъ онъ въ городахъ, для суда и расправы, для собиранія дани, находились въ чисто *личныхъ, договорныхъ* отношеніяхъ къ князю. Каждый разъ, когда открывалась нужда въ дружинѣ, князья наши «бѣгали за море», нанимали тамъ удальцовъ для извѣстнаго предпріятія за условную плату. По окончаніи предпріятія, дружина распускалась. Выше, разсматривая извѣстія о наслѣдствѣ, относящіяся къ пришлой, варяжской народности, мы видѣли составъ этихъ дружинъ и бездомовную жизнь дружинниковъ. Это были большею частію люди молодые, холостые, покидавшіе отеческій домъ безъ надежды когда нибудь опять возвратиться на родину. А если между ними и находились семейные, то своихъ женъ и дочерей они покидали дома, предоставляя имъ родительское достояніе. Такъ какъ при дружинникахъ того времени, когда они были въ вѣчномъ походѣ, почти никогда не находилось родственниковъ, и такъ какъ все имущество ихъ состояло въ платьѣ, оружіи и конѣ, то понятно, что при такихъ условіяхъ жизни имуществомъ, оставшимся по смерти дружинника, могъ завладѣть каждый. Вотъ основаніе, по которому имущество умершаго безъ родственниковъ Скандинава въ Исландіи, Русса въ Греціи или Итилѣ прежде всего доставалось его товарищамъ, которые на одну часть изъ этого имущества

[1] Slavische Rechtsgeschichte von A. W. Macieiowski, Zw. Theil. S. 254—257.

справляли поминки, тризну, на другую шили ему платье и уже третью, которая только и оставалась за этими расходами, доставляли на родину, родственникамъ умершаго. Но понятно, что такой порядокъ вещей могъ существовать до того времени, пока между княземъ и дружиною продолжалась только временная, договорная связь. Какъ же скоро отношенія эти измѣнились, изъ временныхъ перешли въ безсрочныя, болѣе твердыя и постоянныя, скрѣпленныя не однимъ договоромъ, но и понятіемъ права, долга и обязанностей, то само собою разумѣется, что и судьба имущества, оставшагося послѣ умершаго безъ родственниковъ дружинника, должна была измѣниться. Дружинникъ обратился въ княжескаго слугу, который, будучи подчиненъ ему не на договорномъ началѣ, получаетъ отъ него содержаніе, кормъ, кормленіе, но не временную, наемную плату, какъ прежде. Все свое имущественное достояніе онъ добываетъ теперь не оружіемъ, а милостію князя, его жалованьемъ. Все, слѣдовательно, что дружинникъ имѣетъ, — онъ имѣетъ по милости князя, а потому и считаетъ все свое достояніе княжескимъ, ибо онъ самъ былъ *княжь мужь*. Понятно, что и князь смотрѣлъ теперь на дружинника не какъ на поденщика, человѣка нанятаго для извѣстнаго дѣла, извѣстнаго предпріятія, но какъ на слугу, своего подданнаго; а потому и считалъ себя въ правѣ взять у него свое, т. е. данное дружнику имущество, особенно же то, которое было для дружника средствомъ отправленія его службы, каково напр. оружіе и кони [1]. Законникъ царя Душана сохранилъ намъ драгоцѣнное въ этомъ отношеніи извѣстіе. Онъ постановляетъ: «каде оумрѣ властелинь, *конь добрь и ороужіе да се да цароу, а свита велика бисерна и злати поіасъ да оузьме сынь его. и дамоу царьне оузьме. ако ли не има сына и има дьщрь, да има дьщи оузети или продати или отдати свободьно»* [2]. Отсюда

[1] Slavische Rechtsgeschichte, von A. W. Macieiowski, Zw. Theil S. 136, 2[illegible].—257.—Исторія рос. гр. зак. Неволина, т. III, с. 353.

[2] Le[illegible] Stephani Dusani, ed. Miklosich Vindobonae 1856, p. 19, § 136.

видно, что первоначально все имущество не только послѣ простаго дружинника, но даже боярина, властелина принадлежало князю, который распоряжался имъ, какъ своею собственностію, даже тогда, когда у умершаго оставался сынъ: ибо въ противномъ случаѣ отреченіе княжеской власти отъ бисерной свиты и злата пояса: «да моу царь не оузмѣ», не имѣло бы смысла. Право наслѣдованія послѣ дружинниковъ не вдругъ, какъ видно, утвердилось. Первоначально сынъ допускался къ полученію отцовскаго достоянія только тогда, когда былъ того достоенъ и способенъ къ отправленію тѣхъ обязанностей, которыя лежали на его отцѣ; если же онъ этихъ условій не имѣлъ, то лишался наслѣдства. Само собою разумѣется, что дочь дружинника, какъ неспособная исполнять воинскихъ повинностей, ни въ какомъ случяѣ не могла наслѣдовать своему отцу въ томъ имуществѣ, которое дано было ему, подъ условіемъ воинской службы. Изъ самаго духа, слѣдовательно, разсматриваемаго постановленія открывается, что въ немъ говорится о наслѣдованіи тѣхъ властелей, тѣхъ княжихъ мужей, которыхъ садили въ городахъ и наши князья для управленія, суда, расправы и собиранія дани. Постановленіе, слѣдовательно, относится или къ такимъ властелямъ, которые не имѣли вотчинъ — или же къ тому времени, когда обращеніе кормленій въ помѣстья или вотчины еще не вошло въ обычай.

И такъ, законникъ Душана, свидѣтельствуя о томъ, что первоначально князь наслѣдовалъ, т. е. отбиралъ у членовъ своей дружины все оставшееся послѣ нихъ имущество, (предоставляя себѣ право или оставить его за сыномъ умершаго или передать кому либо другому) признаетъ уже не только за сыномъ, но при недостаткѣ его и за дочерью право на то имущество, которое не имѣло ближайшаго, непосредственнаго отношенія къ службѣ, а именно: движимое имущество, за исключеніемъ боевыхъ коней и оружія, онъ предоставляетъ не только сыну умершаго дружинника властеля, но и дочери его, если бы онъ не оставилъ сыновей. Нѣтъ сомнѣнія, что и постановленіе Правды о наслѣдствѣ

бояръ и дружинниковъ имѣетъ такой же смыслъ и значеніе и также относится къ тому времени, когда помѣстья или еще не давались или, если давались, то не обращались еще въ вотчины. Оно буква въ букву соотвѣтствуетъ приведенному постановленію Душана: «*Аже въ болярѣхъ или же болярьстѣи дружинѣ*, говоритъ Правда, *то за князя задница не идеть*,—и да моу царь неоузьме, постановляетъ законникъ; *оже не будеть ни сыновъ, а въ дъщери възмутъ* [1], продолжаетъ Правда; ако ли не има сына, а има дьщьрь, да има дьщи оузети», повторяетъ законникъ.

Въ послѣдствіи времени, когда связь между дружинниками и княземъ сдѣлалась еще крѣпче, прочнѣе и постояннѣе, т. е. когда эти послѣдніе обратились въ служебное сословіе, служилыхъ людей, то само собою разумѣется, что первоначальная наемная плата, потомъ содержаніе, жалованье, наконецъ, кормленіе съ управленія, суда, расправы, помѣстіи стали переходить мало по малу изъ временныхъ, пожизненныхъ въ потомственныя. Кормленіе, такимъ образомъ, обратилось въ помѣстье, помѣстье въ вотчины, батчины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наслѣдственныя права на нихъ были распространены не только на дѣтей служивыхъ людей, но и на дальнѣйшихъ ихъ родственниковъ. Къ этому времени относятся тѣ постановленія сербскаго царя Душана, которыми онъ, подтверждая права властелей на ихъ батчины, распространяетъ наслѣдственныя права въ вотчинахъ до троюродныхъ: «*кои властелинь* имать дѣтьцоу, или не имать, и *оумреть, и по нѣгове смрьти бащина поуста останеть, аще се обрещеть отъ нѣгова рода до третѣего братоучеда, ть да имать еговоу бащину*» [2]. И да нѣсть волнь господинъ царь или краль или госпожда царица никомоу оузети бащине по силѣ никоупити, ни замѣнити, развѣ аще си кто самъ полюби» [3]. Такія батчины были свободны отъ всякаго рода повинностей и сборовъ, назначаясь единственно для военной служ-

[1] Изслѣдованіе о Рус. Правдѣ г. Калачева, с. 107, LX.
[2] Lex Stephani Dusani, edidit F. R. Miclosich, Vindobonae, 1856 с. 6. § 40.
[3] Ibid. § 42.

бы. «И бащине вьсе да соуть свободне оть вьсѣхь работь и поданькь царства ми, развѣ да давають коніе и воинскоу да воюють по законоу» [1]. Замѣчательное выраженіе, употребленное въ этихъ узаконеніяхъ на счетъ имѣнія бездѣтноумершаго властеля, а именно, что «по ніегове смрьти бащина поуста останеть» прямо указываетъ на то, что было время, когда такое имѣніе считалось выморочнымъ, пустымъ, т. е. такимъ, какимъ оно было и до пожалованія его княземъ.

Изъ ближайшаго разсмотрѣнія постановленій Русской Правды о наслѣдованіи смердовъ и дружинниковъ открывается, что между этими постановленіями находится тѣсная связь, не только въ общемъ значеніи ихъ, но и въ историческомъ развитіи. Вся разница между ними состояла только въ томъ, что у безсыновнеумершихъ смердовъ князь отбиралъ все имущество, выдѣляя изъ него дочери извѣстную часть, по своему усмотрѣнію, между тѣмъ какъ изъ имущества безсыновнеумершаго дружинника онъ сперва бралъ себѣ извѣстную часть, а именно: коней и оружіе, а въ послѣдствіи отказался и отъ этой части. Это сравнительно раннее отреченіе князя отъ наслѣдства послѣ дружинника есть, безъ сомнѣнія, привиллегія военнаго сословія, которая у насъ обусловилась, быть можетъ, и особеннымъ варяжскимъ воззрѣніемъ на женщину, какъ мы замѣтили это выше.

Такимъ образомъ князь наслѣдовалъ только послѣ безсыновнеумершихъ смердовъ и дружинниковъ, какъ людей, непосредственно отъ него зависѣвшихъ и получавшихъ содержаніе, подъ условіемъ обработки земли или личной службы. Что же касается до прочаго свободнаго народонаселенія страны, то наслѣдованіе у него шло по естественнымъ законамъ крови, т. е. по сознанію близости или отдаленности родства. Ближайшими и непосредственными наслѣдниками были теперь дѣти и ихъ нисходящіе. На этомъ и останавливается Правда. Дальнѣйшаго порядка

[1] Ibid. § 41.

наслѣдованія она не опредѣляетъ. Къ кому же шло наслѣдство, если умершій не оставлялъ по себѣ нисходящихъ? Безъ всякаго сомнѣнія, къ его ближайшимъ боковымъ родственникамъ, т. е. къ братьямъ, а если ихъ не было, то къ сестрамъ, но ни въ какомъ случаѣ не къ восходящимъ, ибо пока отецъ былъ живъ, дѣти, какъ мы видѣли, обыкновенно, не выдѣлялись, а если могли по волѣ отца жить особымъ хозяйствомъ, то въ такомъ случаѣ имущество, по смерти ихъ, разумѣется, возвращалось къ отцу, но не какъ наслѣдство, а какъ имущество его собственное, которое было отдано имъ сыну во временное пользованіе. Псковская судная грамота, памятникъ ближайшій къ Русской Правдѣ, вполнѣ оправдываетъ нашу мысль. Она призываетъ къ наслѣдству все оставшееся послѣ умершаго родство, при чемъ прямо указываетъ, что дѣти обязаны были содержать своихъ родителей, въ противномъ же случаѣ лишались наслѣдства: «Аже сынъ отца или матерь не скормитъ до смерти, а пойдетъ изъ дому; части ему не взять» [1]. «А у котораго умрьчаго а будетъ отецъ, или мать, или сынъ, или братъ, или сестра, или кто ближняго племени, а животомъ владѣетъ, а только не сторонніи людие, ино имъ вольно искати безъ закладу, и безъ записи умрьшаго, а на нихъ вольножъ искати» [2]. Нѣтъ никакого сомнѣнія, (ибо нѣтъ никакихъ данныхъ сомнѣваться), что эти постановленія Псковской грамоты не были нововведеніемъ, т. е. распространеніемъ наслѣдственныхъ правъ на боковыхъ родственниковъ, которые первоначально будто бы не наслѣдовали у Славянъ; ибо невозможно предположить, что бы законы наслѣдованія могли такъ быстро измѣниться. Псковская грамота, разумѣется, записала только то, что было въ обычаѣ, который не образуется мгновенно, а зарождается и ростетъ вмѣстѣ съ народными вѣрованіями и убѣжденіями. Нѣтъ сомнѣнія, что и у другихъ славянскихъ

[1] Псковская суд. гр. по изд. Мурзакевича, с. 9.

[2] Тамъ же, с. 3.

племенъ наслѣдованіе не ограничивалось только нисходящею линіею, но распространялось и на боковыхъ родственниковъ, по степени близости ихъ къ умершему. Грамота Отакара Богемскаго 1229 года, слѣдовательно, временъ нашей Правды, прямо, какъ мы видѣли, говоритъ, что если умершій не оставилъ сыновей, то наслѣдовали дочери, et si non fuerint (filiae), hereditas deveniat ad proximos heredes, т. е. если не было и дочерей, то наслѣдство шло къ ближайшимъ наслѣдникамъ, къ братьямъ и сестрамъ умершаго. Объясненіе, что подъ словами proximi heredes разумѣются дальнѣйшіе нисходящіе, внуки и правнуки, есть очевидно объясненіе насильственное. Боковое родство, какъ мы видѣли, устранялось отъ наслѣдства только у нѣкоторыхъ лицъ, въ слѣдствіе особеннаго ихъ отношенія къ князю, королю, господину, но и это устраненіе существовало, какъ видно не долго, на первыхъ порахъ общественной жизни, когда послѣ паденія родовыхъ, кровныхъ началъ, общественныя отношенія еще не установились твердо и правильно. Отсюда, какъ только переходное состояніе общества миновалось, то мы и находимъ повсемѣстную отмѣну тѣхъ насильственныхъ правъ на имущество бездѣтноумершихъ, которыя были присвоены высшими властями частію въ слѣдствіе не обходимости, а частію въ слѣдствіе произвола и грубаго пониманія права, которые всегда сильны при переходномъ состояніи общества. За Русской Правдой мы уже невстрѣчаемъ наслѣдованія князя; тѣнь этого права сохранилась, можетъ быть, только по отношенію къ какимъ нибудь ключникамъ и людямъ имъ подобнымъ, т. е. слугамъ, наймитамъ, которые, какъ обязанные, имущественно крѣпостные не имѣли своего ключа —полной юридической правоспособности, а жили за чужимъ хребтомъ, были захребетниками. Душанъ и его предшественники *отрекаются* отъ наслѣдованія послѣ дружинниковъ, властелей, распространяя право наслѣдниковъ до третьяго «братоу чеда» даже въ имуществахъ выслуженныхъ. Вислицкій статутъ отмѣняетъ, какъ мы видѣли, *abusiva consvetudo, неправедный обычай* господъ присвоять себѣ имущество бездѣтноумершихъ кметовъ,

установляя давать часть (calix) по душѣ умершаго, а все остальное имущество предоставляетъ ближайшимъ, слѣдовательно, боковымъ родственникамъ. Если само законодательство, отмѣняющее этотъ обычай, называетъ его неправеднымъ, то почему же мы его признаемъ праведнымъ, т. е. общимъ, всѣми признаваемымъ? Устраненіе боковыхъ родственниковъ, такимъ образомъ, никогда не было и быть не могло общимъ закономъ, ибо во 1-хъ противорѣчило естественнымъ законамъ человѣческой природы, слѣдовательно, во 2-хъ было не возможно по своему исполненію, въ 3-хъ не имѣло въ цѣломъ народномъ бытѣ никакихъ ни разумныхъ, ни кровныхъ, родственныхъ ни, наконецъ, общественныхъ основаній. Поэтому всѣ предположенія, построенныя для объясненія первоначальнаго устраненія боковыхъ родственниковъ отъ наслѣдства оказываются несостоятельными. Такъ, *молчаніе* Русской Правды о наслѣдованіи боковыхъ родственниковъ, само по себѣ, отнюдь не можетъ служить доказательствомъ исключенія ихъ изъ наслѣдства; ибо Правда не имѣла еще нужды излагать подробный порядокъ наслѣдованія. Семейное начало, какъ мы видѣли, только что было признано въ это время: семейство только что получило возможность выдѣляться изъ родства и выдѣлялось очень рѣдко, какъ рѣдко оно выдѣляется и теперь у нашего простаго народа. При такомъ порядкѣ вещей, достаточно было установить только главныя, основныя начала наслѣдованія, а именно, что дѣти, а не старшіе родичи наслѣдуютъ отцу и что женскій полъ, какъ выходящій изъ своего родства, устраняется мужескимъ отъ наслѣдства. Этого было совершенно достаточно на первый разъ, остальное досказали родственныя чувства и понятія, которыя особенно были сильны и крѣпки въ то время. *Раздѣлъ*, отдѣлъ или выдѣлъ, въ слѣдствіе коего, по мнѣнію нѣкоторыхъ, отдѣлившіеся будто бы отчуждались отъ родства и потому не наслѣдовали, вовсе не имѣлъ и не могъ имѣть такой роковой силы. Въ противномъ случаѣ всякая разлука родственниковъ могла бы имѣть своимъ послѣдствіемъ отчужденіе отъ родства и, слѣ-

довательно, исключеніе изъ наслѣдства. Что касается, наконецъ, до *общины*, которая будто бы юричически не признавала правъ боковыхъ родственниковъ, то очевидно, что это deus ex machina. Законы наслѣдованія суть законы крови, законы близости или отдаленности родства, которыя возникаютъ у народа непосредственно изъ его натуры, зарождаются въ его кровномъ, семейномъ быту и признаются обществомъ такими, какими сложились въ нѣдрахъ этого быта. Община есть явленіе позднѣйшее въ исторіи; она обыкновенно смѣняетъ кровный, родовой бытъ, слагаясь изъ тѣхъ семей, которыя замыкались прежде въ родѣ. Слѣдовательно, въ общинѣ господствуютъ тѣ понятія, которыя образовались въ семейномъ быту. Она застаетъ семейныя, родственныя понятія уже образовавшимися и сама строится по нимъ. Каковъ бытъ семейный, такова и община, а не на оборотъ: ибо не община создаетъ семью, а семья общину. Признать, слѣдовательно, дѣйствіе общины на установленіе законовъ наслѣдованія значитъ признать дѣйствіе настоящаго на прошедшее. Наконецъ, спрашивается: на какомъ же основаніи община могла бы непризнать наслѣдственныя права боковыхъ родственниковъ? Почему бы, напримѣръ, она не позволила наслѣдовать брату послѣ брата? Не разумѣется-ли здѣсь общинная земля? Но въ такомъ случаѣ, о какомъ же наслѣдствѣ можно говорить по отношенію къ общинной землѣ?

Изъ ближайшаго разсмотрѣнія существа нашего древняго семейства, устройства домашняго быта и, наконецъ, постановленій Русской Правды о наслѣдствѣ открывается, что въ то время, когда семейство высвободилось, наконецъ, изъ рода, получило возможность отдѣляться и жить самостоятельно, то порядокъ наслѣдованія представляется на первый разъ въ слѣдующемъ видѣ, строго соотвѣтствующемъ и существу первобытнаго семейства, и его отношеніямъ къ родству, изъ котораго оно выдѣлялось, и, наконецъ, къ тѣмъ дѣятелямъ, подъ вліяніемъ которыхъ совершалось освобожденіе семейнаго начала изъ-подъ господства родоваго. Такъ,

1. Умершему наслѣдуютъ прежде всего его нисходящіе: дѣти, внуки и т. д. При этомъ женскій полъ вовсе устраняется мужескимъ отъ наслѣдства. Сестра при братѣ не вотчинница, она получаетъ только приданое.

2. Если не было сыновей, то въ семейномъ имуществѣ, т. е. принадлежавшемъ отцу семейства, слѣдовательно, движимомъ, наслѣдовали дочери. Ограниченіе женскаго пола въ наслѣдствѣ недвижимыхъ имуществъ есть дѣло позднѣйшаго времени, ибо въ настоящее время земля не входила въ составъ частной собственности, а потому и не переходила по наслѣдству.

3. Если не было нисходящихъ дѣтей и внуковъ, то наслѣдство поступало къ боковымъ родственникамъ, по степени близости къ умершему. При чемъ также женскій полъ исключался мужескимъ.

Такое предпочтеніе мужескаго пола женскому съ одной стороны и признаніе правъ боковыхъ родственниковъ съ другой суть слѣдствія, непосредственно истекающія изъ того родоваго быта, которымъ такъ долго жили наши предки. Женщина, какъ назначенная для выхода изъ своей семьи и родства, постоянно устраняется у насъ отъ наслѣдства мужескимъ поломъ, между тѣмъ какъ боковое родство, въ слѣдствіе особенно крѣпкой родственной связи съ семействомъ, никогда не устранялось отъ наслѣдства ни въ настоящую эпоху, ни въ послѣдующія за Правдою времена.

4. Ни восходящіе родственники нисходящимъ, т. е. родителямъ дѣтямъ, ни супруги другъ другу не наслѣдовали. Ибо семейство этого времени есть нравственное, юридическое лицо, естественнымъ и полновластнымъ представителемъ котораго былъ отецъ семейства. Поэтому, пока онъ былъ живъ, ни жена, ни дѣти не могли имѣть своего отдѣльнаго имущества, а слѣдовательно, и не могли оставить отцу никакого наслѣдства. По смерти отца, т. е. по уничтоженіи семейства, мать, какъ женщина, пришлая изъ чужаго рода и исполнившая свое назначеніе, не могла имѣть на имущество мужа никакого права, а потому получала изъ него часть на

содержаніе, на прожитокъ, съ которою или оставалась жить въ домѣ мужа, или же шла въ домъ къ тому изъ сыновей, который былъ къ ней добрѣе.

Таковы начала наслѣдованія, признанныя въ нашемъ древнемъ правѣ и образовавшіяся непосредственно изъ существа семейнаго быта этого времени. Но семейное начало освободилось, какъ мы видѣли, отъ господства родоваго подъ вліяніемъ, съ одной стороны, христіанства и византійскихъ понятій, и съ другой, при содѣйствіи новообразовавшейся, общественной жизни и ея правительства. Поэтому и наслѣдованіе въ имуществахъ носитъ на себѣ слѣды этого вліянія. Вліяніе христіанства и византійскаго права обнаружилось на постановленіяхъ Правды о наслѣдствѣ въ слѣдующихъ явленіяхъ: 1, Устроеніе души умершаго, въ слѣдствіе коего церковь дѣлается необходимымъ наслѣдникомъ въ извѣстной части имущества. 2, Перенесеніе формы византійскихъ завѣщаній на предсмертныя распоряженія умирающаго. Отсюда все наслѣдственное право по закону получило у насъ въ послѣдствіи видъ наслѣдованія по завѣщанію точно такъ, какъ получило оно эту же форму у Руссовъ, въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками. 3, Женскій полъ, какъ не признанный въ правахъ, былъ принятъ церковью подъ особое ея покровительство. Отсюда примѣненіе византійскихъ постановленій о вдовѣ — матери, а именно обеспеченіе ей права жить въ домѣ мужа, права получать извѣстную часть изъ его имущества и передавать это имущество только своимъ дѣтямъ. Такимъ образомъ христіанство и Византія не измѣнили въ сущности ни началъ нашего древняго семейнаго быта, ни его воззрѣній. Они только смягчили ихъ до извѣстной степени и придали имъ опредѣленный, юридическій характеръ, котораго они, по патріархальной простотѣ нравовъ этого времени, не имѣли. Умягченіе языческихъ нравовъ, измѣненіе родовыхъ воззрѣній, а слѣдовательно, и болѣе дѣйствительное примѣненіе постановленій византійскаго права — дѣло позднѣйшаго времени.

Подобное же вліяніе на развитіе нашего вопроса имѣла и

пришлая къ намъ народность, сперва измѣнившая начальный бытъ славянскихъ племенъ, а потомъ образовавшая у нихъ общее правительство. Варяги, какъ національность, исчезли между Славянами, усвоили себѣ и славянскія понятія объ устройствѣ домашней жизни и родовыя воззрѣнія на родственныя отношенія. Но будучи закваскою нашей общественной жизни, они внесли въ нее нѣкоторыя особенности, которыя прямо или косвенно отразились въ юридическомъ установленіи семейства со стороны правительства. Съ пришествіемъ чуждой и господствующей народности — Варяговъ, фактическое различіе людей, зародившееся еще въ нѣдрахъ патріархальнаго, родоваго быта получаетъ строгій юридическій характеръ. Челядинцы, сироты, изгои и т. п. люди, состоявшіе прежде на семейныхъ, родственныхъ, такъ сказать, правахъ, мало по малу получаютъ значеніе рабовъ, на которыхъ переносятся строгія юридическія опредѣленія древняго Рима: рабъ-вещь. Далѣе, свободная масса народонаселенія, въ слѣдствіе различныхъ положеній, образовавшихся въ новой общественной жизни, и новыхъ отношеній къ правительству, распадается на различные классы болѣе или менѣе полноправые. Отсюда измѣненіе наслѣдственныхъ правъ по возникающимъ народнымъ классамъ, званіямъ. Рабъ-вещь, а потому рожденный отъ рабы не имѣетъ правъ на имущество свободнаго своего отца. Смерды, дружинники, и вообще всякаго рода люди, ставшіе къ правительству въ различныя обязательныя отношенія, получая отъ него содержаніе, подъ условіемъ выполненія извѣстнаго рода повинностей, не могутъ передать даннаго имъ имущества тѣмъ изъ своихъ дѣтей, родственниковъ, вообще наслѣдниковъ, которые не могутъ исполнить лежащихъ на нихъ обязанностей. Имущество это, которое состоитъ теперь изъ *содержанія*—денегъ и платья— и *орудій*, необходимыхъ для отправленія служебныхъ обязанностей: коня, оружія, бороны, сохи и т. п.—давалось княземъ, а слѣдовательно, и по смерти людей такого рода, принадлежало ему. Предоставленіе этого имущества наслѣдникамъ умершаго смерда или дру-

жинника зависѣло, поэтому, отъ тѣхъ отношеній, которыя существовали между ними и княземъ, отъ той связи, которая ихъ соединяла. Отсюда, чѣмъ прочнѣе дѣлалась эта связь, чѣмъ болѣе она теряла свой первоначальный, временный характеръ, тѣмъ болѣе распространялись наслѣдственныя права смердовъ и дружинниковъ. По отношенію къ послѣднимъ, Правда уже распространяетъ наслѣдственныя права и на дочерей. Это болѣе раннее признаніе наслѣдственныхъ правъ дочерей нашихъ дружинниковъ обусловилось, быть можетъ, варяжскимъ воззрѣніемъ на женщину и особеннымъ положеніемъ ея у служилыхъ людей этого времени, когда въ слѣдствіе безпрерывныхъ походовъ, семейства ихъ оставались ничѣмъ необеспеченными.

Итакъ, Русская Правда впервые установляетъ только зачатки наслѣдственнаго права, которое и унасъ, какъ вездѣ, начинаетъ образовываться вмѣстѣ съ общественною жизнію, возникающею по разрушеніи родоваго быта. А именно: I. Семейство, какъ мы видѣли, только начало изрѣдка выдѣляться въ это время изъ *родства*, въ которое превратился первобытный родъ. Поэтому и Правда опредѣляетъ наслѣдственныя права только членовъ семьи, на этотъ рѣдкій случай выдѣленія его изъ родства, т. е. когда семейство, выдѣлясь, жило отдѣльною, самостоятельною жизнію. II. Частная собственность, которая также впервые начала образоваться вмѣстѣ съ выдѣленіемъ семейства, состоитъ теперь только изъ міра *движимыхъ вещей*. А потому и Правда ничего не говоритъ о наслѣдованія земли, которая еще не сдѣлалась предметомъ частнаго освоенія. III. Христіанство только что начало водворяться въ это время, а потому и успѣло только смягчить участь тѣхъ членовъ семейства, которые, по древнеязыческимъ и родовымъ понятіямъ, болѣе всего нуждались въ обеспеченіи и призрѣніи, каковыми были въ это время лица женскаго пола. Наконецъ, IV. Общественная жизнь только начинала возникать, а потому и въ постановленіяхъ Правды замѣтны лишь начатки общественнаго вліянія по различію народныхъ классовъ.

Дальнѣйшее развитіе этихъ первыхъ началковъ наслѣдственнаго права, примѣненіе ихъ къ различнымъ родамъ поземельной собственности, которое совершалось подъ вліяніемъ дальнѣйшихъ успѣховъ христіанства и общественной жизни, есть дѣло позднѣйшаго времени, къ которому и надѣемся еще возратиться въ послѣдствіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Новоорфографическій текстъ древней чешской пѣсни, о судѣ Любуши, съ латинскимъ подстрочнымъ переводомъ по изданію Шафарика (см. Die ältesten Denkmäler der Böhmischen Sprache—von P. I. Šafařik und Fr. Palacky. Prag. 1840. S. 37—45), **съ присоединеніемъ къ нему написанія русскими буквами по изданію Импер. Акад. Наукъ. (Извѣстія т. I. л. 23, 24, 25, 26. Приб. къ изв. по отд. Рус. яз. и слов. с. 11—28).**

1. Vsiak ot svej čeliedy vojevodi
Всі-ак от свеи челі-ади вoі-еводи
Quivis pater suae familiae imperat.
2. Muzie pašu, ženy ruby stroja:
Моужі-е пашоу, жены роубы строі-а:
Viri arant, feminae vestes parant:
3. I umre li glava čeliedina,
И оумре ли глава челі-едина,
Et si moritur caput familias,
4. Děti vsie tu sbožiem v jedno vladu,
Дѣти всі-е тоу сбожі-емъ в і-едно владоу,
Liberi omnes tunc re in unum potiuntur,
5. Vladyku si z roda vyberuce,
Владыкоу си з рода выбероуце,
Vladykam sibi ex gente eligentes,
6. Ky pl'znie dlie v sniemy slavny chodi,
Кы пльзні-е длі-е в спі-емы славны ходи,
Qui utilitatis causa (in) comitia celebria adit,

7. Chodi .s kmetmi, s lečhy, vladykami.
Ходи с кметми, с лѣхы, владыками.
Adit cum kmetonibus, cum lĕchis, vladycis.
8. Vstachu kmetie, lĕsi i vladyky,
Встахоу кметі-е, лѣси, и владыкы,
adsurrexerunt kmetones, lechi et vladycae,
9. Pochvalichu pravdu po zakonu.
похвалихоу правдоу по законоу.
sanxerunt jus secundum legem.

10. Ai Vl'tavo, če mutiši vodu?
Ай Вльтаво, че моутиши водоу?
En Vltava, quid turbas aquam?
11. Če mutiši vodu srebropěnu?
Че моутиши водоу сребропѣноу?
Quid turbas aquam argentospumeam?
12. Za tie luta rozvlajase buria,
За ті-е люта развлаі-аше боурі-а,
An te saeva exosperavit procella,
13. Sesypavši tuču šira neba,
Сесыпавши тоучоу шира неба,
Deturbans nimbos lati coeli,
14. Oplakavši glavy gor zelenych,
Оплакавши главы горъ зеленыя,
Abluens capita montium viridium,
15. Vyplakavši zlatopěsku glinu?
Выплакавши златопѣскоу глину?
Eluens auroarenosum limum?
16. Kako bych jaz vody nemutila,
Како бых і-азъ воды не моутила,
Qui ego aquam non turbem,
17. Kegdy sie vadita rodna bratry,
Кегды сі-е вадита родна братры,
Dum invicem litigant germani fratres,

18. Rodna bratry o dědiny otne?
родна братры о дѣдины отне?
Germani fratres de agris patriis
19. Vadita sie kruto mezu sobu
Вадита сі-е кроуто мезоу собою,
Litigant saeve inter se
20. Liuty Chrudoš na Otavě krivě,
люты хрудош на Отавѣ кривѣ,
Ferus Chrudossus ad Otavam curvam,
21. Na Otavě krivě zlatonosně,
На Отавѣ кривѣ златоноснѣ,
Ad Otavam curvam auriferam,
22. Stiaglav chraber na Radbuzě chladně,
Сті-аглав храбер на Радбоузѣ хладнѣ,
Staglavus fortis ad Radbuzam gelidam,
23. Oba bratry, oba Klenovica,
оба братры, оба Кленовица,
Ambo fratres, ambo Clenidae,
24. Roda stara Tetvy Popelova,
рода стара Тетвы Попелова,
Gente prisca Tetvae Popelidae,
25. Jen-že pride s pl'ky s Čechovymi
іен-же приде с плькы с Чеховыми
Qui venit cum catervis cum Čechiis
26. V sie-že žirne vlasti přes tri reky.
в сі-е-же жирне власти прѣс три рѣкы.
In hasce opimas terras trans tres amnes.

27. Prileteše družna vlastovica,
Прилетѣше дроужна властовица,
Advolavit socia hirundo,
28. Prileteše ot Otavy krivy,
прилетѣше от Отавы кривы,
Avolavit ad Otava curva,

29. Siede na okence rozložito
сѣде на окенце разложито
Consedit in fenestella patula
30. V Liubušine otne zlatě sědlě,
в Любоушинѣ отнѣ златѣ сѣдлѣ,
In Liubussae patria aurea sede,
31. Sědlě otně, sviete Vysegradě,
сѣдлѣ отнѣ свi-етѣ Вышеградѣ,
Sede patria, sancta Acropoli,
32. Beduje i naricaje mutno.
бѣдоуi-е и нарицаi-е моутно.
Ejulat et queritur moeste.
33. Kdy se slyše jeju rodna sestra,
Кды се слыше i-ею родна сестра,
Dum id audiit illorum germana soror,
34. Rodna sestra v Liubušine dvorě,
родна сестра в Любоушенѣ дворѣ,
Germana soror in Liubussae aula,
35. Sprosi kmežnu utr Vyšegradě
спроси кнiежноу оутр' Вышеградѣ
Rogavit dominam intra Acropolim
36. Na popravu ustaviti pravdu,
на поправоу оуставити правдоу,
In causae discrimen ponere judicium.
37. I pognati bratry jeja oba
и погнати братры i-еi-а оба
Et citare fratres ejus ambos,
38. I suditi ima po sakonu.
и соудити има по законоу.
Et jus dicere illis secundum legem.

39. Kaše kniežna vypraviti posly
Каже кнi-ежна выправити послы —
Iubet domina dimitti nuntios

40. Po Svatoslav ot Liubice běle,
по Сватослав от Любице бѣле,
Ad Svatoslavum a Liubica alba,
41. Ide-že su dubraviny une
иде-же соу дорбравины оуне,
Ubi sunt querceta juvenantia
42. Po Liutobor s Dobroslavska chl'mca
по Лютобор с Доброславска хльмца,
Ad Liutoborum de Dobroslavio monte.
43. Ide-že Orlicu Labe pije
иде-же Орлицау Лабе пиі-е,
Ubi Orliciam Albis haurit,
44. Po Ratibor ot gor Kr'konoši,
по Ратибор от гор Крькоиоши,
Ad Ratiborum de montibus Sudetis
45. Ide-že Trut pogubi san' liutu
иде-же Ттоут погоуби сан' лютооу,
Ubi Trut delevit hydram feram,
46 Po Radovan ot Kamena Mosta
по Родован от Камена моста,
Ad Rodovanum de Saxeo Ponte,
47. Po Iarožir ot br'd vl'toréčnych
по І-арожир от брьд вльторѣчных,
Ad Iarožirum de montibus undifluis,
48. Po Strezibor ot Sazavy ladny,
по Стрезиборъ от Сазавы ладны,
Ad Stresiborum de Sazava limpida
49. Po Samorod se Mze strebronosne,
по Самород се Мже стреброносне,
Ad Samorodum de Misa argentifera,
50. Po vsie Kmeti, lěchi i vladyky,
по всі-е кмети, лѣхы и владыкы,
Ad omnes Kmetones, leches et vladycas,
51. I po Chrudoš i po Stiaglav bratry
и по Хрудош и по Сті-аглав братры
Et ad Chrudossum et ad Staglavum fratres,

52. Rozvadiema o dediny otne.
розваді-ема о дѣдины отнє.
Litigantes de agris patriis.
53. Kda sie sniechu lěsi i vladyky
Кда сі-е сні-ехоу лѣси и владыкы.
Dum convenerunt lechi et vladycae.
54. V Vysegradě
в Вышеградѣ.
In Acropoli.
55 Prokni stupi rozenia dlie svego:
прокни стоупи розені-а длі-е свего;
Quilibet se consistit secundum navitatem suam:
56. Stupi kniežna v bělestvuci rizě,
стоупи кні-ежна в вѣлествоуци ризѣ,
Adscendit domina in albe candente palla,
57 Stupi na stol oten v slavne sniemě:
стоупи на стол отен в славнѣ сні-емѣ:
Adscendit in solium patrium in celebri comitio:
58. dvě věglasně děvě
. двѣ вѣгласнѣ дѣвѣ
. duae sagaces virgines
59. Vyučeně věsčbam vitiezovym:
выоученѣ вѣшчбам виті-езовым:
Edoctae scientias judiciales:
60. U jednej su desky pravdodatne,
оу і-еднеи соу дескы правдодатне,
Ad alteram sunt tabulae legislatoriae,
61. U vtorej meč krivdy karajuci,
оу втореи меч кривды караюци;
Ad alteram ensis injurias ulciscens,
62. Protiv ima plamen' pravdozvěsten,
противъ има пламен' правдозвѣстен,
Ex adverso illis ignis juris nuntius,
63. I pod nima svatocudna voda.
и под нима сватоцоудна вода.
Et sub illis sancte purgans aqua.

64. Počie kniežna s otna zlata stola:
Почі-е кні-ежна с отна злата стола:
Occipit domina de patrio aureo solio:
65 Moji kmetie, lesi i vladyky!
Мои кметіе, лѣси и владыкы!
Mei kmetones, lechi et vladycae!
66. Se bratroma rozrešite pravdu,
Се братрома разрѣшите правдоу,
En fratribus decernite jus,
67. Ja-ze vadita si-e o dědiny,
іа-же вадита сі-е о дѣдины,
Qui litigant de agris,
68. O dědiny otne mezu sobu.
о дѣдинѣ отне мезоу собоу.
De agris patriis inter se.
69. Po zakonu věkoživnych bogov
По законоу вѣкоживныхъ богов
Secundum legem aeternum viventium deorum
70. Buteta im oba v jedno vlasti,
Боудета им оба в і-едно власти,
Sunt illis abmo in unum potituri,
71. Či sie rozdělita rovnu meru.
чи сі-е раздѣлита ровноу мѣроу.
Aut inter se divident aeguali portione.
72. Moji kmetie, lesi i vladyky!
Мои кметі-е, лѣси и владыкы!
Mei kmetones, lechi et vladycae!
73. Rozrěšite moje vypovedi,
розрѣшите мої-е выповѣди,
Decernite mea edicta,
74. Budetě li u vas po rosumu:
боудетѣ ли оу вас по розоумоу,
Si erunt apud vas ad mentem:
75. Nebudetě-l u vas po rosumu,
не боудете л' оу васъ по розоумоу,
Si non erunt apud vos ad mentem,

76. Ustavitě ima nový nalez.
оуставите има новы налез,
Statuite illis novam sententiam,
77. Ky by směril rozvadiena bratry.
кы бы смѣрил розваді-ена братры.
Quae concilet litigantes fratres.

78 Klaniechu sie lěsi i vladyky,
кланѣхоу сіе лѣси и владыкы,
Adclinarunt se lechi et vladycae.
79. I počiechu ticho govoriti,
и почі-ехоу тихо говорити,
Et occeperunt submisse colloqui,
80. Govoriti ticho mezu sobu,
говорити тихо мезоу собоу,
Colloqui submisse inter se,
81. I chvaliti vypovědi jeje.
и хвалити выповѣди і-еі-е.
Et comprobare edicta ejus.

82. Vsta Liutobor s Dobroslavska chl'mca,
Вста Лютоборъ с Доброславска хльмца.
Exsurrexit Liutoborus de Dobroslavio monte.
83. Ie sie tako slovo govoriti:
і-е сі-е тако слово говорити:
Occipit tale dictum effari:
84. Slavna kniežno s otna zlata stola!
Славна кні-ежно с отна злата стола!
Inclyta domina de patrio aureo solio!
85. Vypovědi tvoje rozmysliechom:
Выповѣди твоі-е розмыслѣхом:
Edicta tua perpendimus:
86. Seber glasi po narodu svemu.
Себер гласи по народоу свемоу.
Collige suffragia per populum tuum.

87. I cebrastě glasy děvě sudně,
и себрастѣ гласы дѣвѣ суднѣ,
Et legerunt suffragia virgines judiciales,
88. Sbierastě je u osudie svate,
сбі-ерастѣ і-е оу осуді-е свате,
Colligebant ea in urnam sanctam,
89. I dastě je lěchom provolati.
и дастѣ і-е лѣхом проволати.
Et dederunt ea lechis promulganda.

90. Vsta Radovan ot Kamena Mosta,
Вста Радован от Камена моста,
Exsurrexit Radovanus de Saxeo Ponte,
91. Ie sie glasy čislem prěgliedati,
і-е сі-е гласы числем прѣглі-едати,
Occipit suffragia numero dispicere,
92. I viečinu provolati v narod,
и вієчиноу проволати в народ,
Et majoritatem provocare in populum,
93. V narod k rozsuzeniu na sniem sboren:
в народ к розсоузеню на спі-ем сборен:
In populum ad judicandum in comitium collectum:
94. Oba rodna bratry Klenovica,
Оба родна братры Кленовица,
Ambo germani fratres Klenidae,
95. Roda stara Tetvy Popelova,
рода стара Тетвы Попелова,
Gente prisca Tetvae Popelidae,
96. Ien-že pride s pl'ky s Čechovymi
і-ен-же приде с пльκы с Чеховыми
Qui venit cum catervis cum Čechiis
97. V sie-že žirne vlasti prěs tri reky,
в сі-е-же жирне власти прѣс три рѣкы!
In hasce opimas terras trans tres amnes,

98. Směrita sie tako o děděny,
смѣрита сі-е тако о дѣдины:
Convenietis ita de patrimonio,
99. Budeta im oba v jedno vlasti.
будета им оба в і-едно власти.
Estis illo ambo in unum potituri.

100. Vstanu Chrudoš ot Otavy krivy
Встаноу Хроудош от Отавы кривы.
Exsurrexit Chrudossius de Otava curva,
101. Žl'č sie jemu rozli po utrobě,
жльч сі-е і-емоу розли по оутробѣ,
Bilis illi perfundebatur per viscera,
102. Trasechu sie liutostiu vsi udi,
трасехоу сі-е лютостю вси оуди,
Tremebant furore omnes artus,
103. Machnu ruku, zarve jarym turem:
махноу роукоу, зарве і-арым тоурем:
Quassavit manum, fremebat validi (instar) tauri:
104. Gore ptencem, k nim-že zmija vnori,
Горе птенцем, к ним-же змиі-а внори,
Vae pullis, ad quos vipera penetrat,
105. Gore mužem, im-že žena vlade!
горе моужем, им-же жена владе!
Vae viris, quibus femina imperat!
106. Mužu vlasti mužem zapodobno:
моужоу власти моужем заподобно.
Viro imperare viris consentaneum:
107. Pr'vencu dědinu dati pravda.
Прьвенцоу дѣдиноу дати правда.
Primogenito patrimouium dare jus (est).

108. Vsta Liubuša s otna zlata stola,
Вста Любоуша с отна злата стола,
Exsurrexit Liubussa de patrio aureo solio,

109. Vece: kmetie, lěsi i vladyky!
веце: кметі-е, лѣси и владыкы!
Iuquit: kmetones, lechi et vladycae!
110. Slyšeste zde poganienie moje:
Слышѣсте сде погані-ені-е моі-е:
Audistis hic contumeliam meam:
111. Sud'te sami po zakonu pravdu,
Соуд'те сами по законоу правдоу,
Judicate ipsi juxta legem jus,
112. U nebudu vam suditi svady.
Оу не боудоу вам соудити свады.
Jam non bobis dijudicabo lites.
113. Vol'te muža mezu sobu rovna,
Вол'те моужа мезоу собоу ровна,
Eligite virum inter vos aequalem,
114. Ky by vladl vam po železu. . .
кы бы владл вам по желѣзоу. . .
Qui imperet vobis ferro . . .
115. Devče ruka na vy k vladě slaba.
Дѣвче роука на вы к владѣ слаба.
Virginea manus in vos ad imperium debilis.

116. Vsta Ratibor ot gor Kr'konoši.
Вста Ратибор от гор Крьконоши,
Exsurrexit Ratiborus de montibus Sudetis,
117. Ie sie tako slovo govoriti:
і-е сі-е тако слово говорити:
Occipit tale dictum effari:
118. Nechvalno nam v Němcěch iskat pravdu:
Не хвално нам в Нѣмцѣх искат правдоу:
Inglorium nobis in Germanis quaerere jus:
119. U nas pravda po sakonu svatu,
оу нас правда по законоу сватоу,
Apud nos (est) jus secundum legem sanctam,

120\. Iu-že prinesechu otci naši
ю-же принесехоу отци наши
Quod attulerunt patres nostri

121\. V sie-že
в ci-е-же. . . .
In hasce

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

О родовомъ союзѣ у Поляковъ.

Мы такъ мало знакомы съ источниками и литературою польскаго права, что я счелъ не лишнимъ присоединить къ моему труду отдѣльное изслѣдованіе Рёпелля о родовомъ союзѣ у Поляковъ, тѣмъ болѣе что оно, по существу своему, непосредственно касается нашего вопроса. Я передаю мысли Рёпелля буквально, какъ онѣ изложены имъ въ первомъ приложеніи къ его Исторіи Польши [1].

«Юридическія отношенія, позднѣйшаго времени, приведенные въ текстѣ (страница 106-я), на основаніи которыхъ я дѣлалъ заключенія о первоначальномъ родовомъ союзѣ, требуютъ ближайшихъ доказательствъ. Поэтому я изложу ихъ здѣсь тѣмъ подробнѣе, чѣмъ менѣе доступны у насъ, въ Германіи, источники польскаго права. Дѣйствіе первоначальнаго родоваго союза обнаруживается въ правѣ двоякимъ образомъ: вопервыхъ, въ отношеніяхъ членовъ рода между собою и вовторыхъ, въ положеніи ихъ относительно другихъ, не принадлежащихъ къ роду лицъ, т. е. общества. Въ первомъ случаѣ прежде всего, естественно, привлекаютъ наше вниманіе отношенія рода къ поземельной собственности, къ владѣнію и наслѣдству. И такъ, если мы прежде всего обратимся съ этою цѣлію къ источникамъ XIII и XIV столѣтій, то въ нихъ найдемъ много данныхъ на то, что распоряженіе недвижимымъ имуществомъ, при главнѣйшихъ юридическихъ сдѣлкахъ, какъ то при продажѣ, мѣнѣ и дареніи, зависѣло

[1] Geschichte Polens von Dr. Richard Roepell, Hamburg, 1840. Erste Beilage. Ueber den Geschlechtverband. S. 599—614.

отъ согласія на нихъ сыновей, братьевъ, племянниковъ и двоюродныхъ, однимъ словомъ, отъ родственниковъ вообще. О согласіи сихъ членовъ родства на заключеніе такихъ юридическихъ сдѣлокъ источники упоминаютъ часто и ясно. Изъ многихъ источниковъ такого рода мы приведемъ только нѣкоторые:

Въ источникѣ 1223 г., въ Act. boruss. I. p. 276, при продажѣ одного имущества, упоминается consensus и consilium жены, сыновей и omnium cognatorum.

Въ памѣтникѣ 1230 г., у Накельскаго, Miechovia p. 153, говорится, что дареніе совершилось non solum fratribus (дарителя) imo multis praesentibus, nullo vero reclamante. Эта послѣдняя формула очень часто встрѣчается въ источникахъ.

Въ актѣ 1233 г., I. 1. p. 158, Сулиславъ, каноникъ сендомирскій, продалъ свое haereditas за 13 марокъ серебра, съ согласія своихъ сыновей.

Въ памятникѣ 1237 г., I. 1. p. 160, герцогъ Болеславъ Мазовецкій утвердилъ актъ на продажу haereditas и ясно выразилъ, что продажа совершилась cum consensu fratrum (продавца) et omnium haeredum suorum. Подобнымъ же образомъ упоминается о consensus и assensus братьевъ дарителя въ одной дарственной записи 1278 г., I. 1. p. 202—3.

Въ источникѣ 1295 г., который сохранилъ нашъ Главный познанскій архивъ, герцогъ Мествинъ Поморянскій засвидѣтельствовалъ, что предъ нимъ явился абатъ Короновскій и просилъ объ утвержденіи акта на продажу одного имѣнія, на каковую продажу изъявили согласіе братья продавца, вдовы умершихъ братьевъ и сыновья этихъ послѣднихъ. Въ томъ же архивѣ находится памятникъ 1300 г., въ которомъ герцогъ Пржемыслъ Куявскій свидѣтельствуетъ, что въ его присутствіи vexilifer Бржескій продалъ биссовійскому монастырю имѣніе вмѣстѣ съ своими братьями, сыновьями и племянниками.

Если бы теперь кто нибудь сталъ утверждать, что согласіе сыновей, братьевъ и т. д., о которомъ упоминается въ означенныхъ источникахъ, требовалось самими учавствую-

щими въ дѣлѣ для того, чтобы отклонить на будущее время малѣйшую возможность оспаривать законность заключенной сдѣлки, и что изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы сыновья, братья и т. д. дѣйствительно имѣли право ограничивать свободное распоряженіе имѣніемъ со стороны временнаго владѣльца, то слѣдующіе источники ясно укажутъ на ничтожество этого возраженія.

Въ источникѣ 1235 г., у Накельскаго, I. 1. р. 159, упоминается: Богуславъ Гиржковицкій (Boguslaus de Girzkowice) продалъ доставшуюся ему по наслѣдству часть мѣховскому (Miechovia) монастырю verum absentibus dictis fratribus (продавца) cum de ipsorum consensu nobis et domui (монастырю) non posset fieri plena fides (именно съ согласія братьевъ) G. procurator dictae domus a dicto Boguslao et Stephano patruo fratrum praedictorum de ratihabitione fratrum eorumdem absentium juratoriam poposcit caucionem, quam indilate staduerunt exhibere se et sua obligaliones, quod idem Albericus et Ioannes praedictam ratam habebunt venditionem et hoc coram Pacoslao comite nostro palatio recognoscent.

Въ памятникѣ 1251 г., I. 1. р. 171. герцогъ Болеславъ Краковскій пожаловалъ зандекскому кастелану право свободнаго распоряженія своими имѣніями nulla obstante filiorum vel consanguineorum suorum contradictione.

Наконецъ въ источникѣ 1291 г. у Лелевеля, Początkove prawodawstwo, р. 209—11, говорится: герцогъ Пржемыслъ утвердилъ мѣновой актъ своего вице-каммерера съ абатомъ лендскимъ: filiis dicti sendiwoy, ad quos spectabat jus haereditarium, dictam haereditatem coram nobis resignantibus et a jure haereditario cedentibus. Въ этомъ источникѣ сыновья, братья владѣльца соглашаются добровольно отказаться отъ законныхъ правъ на имѣніе; изъ другихъ же источниковъ мы видимъ, что они, опираясь на свое право, оспариваютъ иногда на самомъ дѣлѣ подобныя юридическія сдѣлки. Въ памятникѣ 1256 г., въ Cod. Racz., напримѣръ, герцогъ Пржемыслъ отсудилъ любинскому монастырю имѣніе, подаренное ему (Богуссою) Comes Bogussa и оспариваемое на-

слѣдниками; а въ одномъ памятникѣ 1302 г., находящемся въ Главномъ познакскомъ архивѣ, герцоги куявинскіе свидѣтельствуютъ, что въ ихъ присутствіи Владиміръ (Vladimerus), съ согласія своей avia, продалъ биссовіанскому монастырю часть своего haereditas за 30 марокъ. Этой продажѣ хотѣлъ противиться Богуславъ Нѣвѣсцинскій (Boguslaus de Niewiescino) *consangineus* praedicti Vladimiri, asserens se jus habere sorte in eadem, однако лучше ознакомившись съ существующимъ порядкомъ, разсудилъ за благо уступить монастырю свое право, права своихъ родственниковъ и прочихъ друзей. Въ чемъ же именно состояло это лучшее ознакомленіе съ существующимъ порядкомъ, то мы можемъ съ достаточною достовѣрностію догадываться, если не упустимъ изъ виду различія, которое дѣлалось законодательствомъ между имуществомъ наслѣдственнымъ и пріобрѣтеннымъ другимъ какимъ-либо способомъ. Между тѣмъ какъ первымъ владѣлецъ не можетъ свободно распоряжаться безъ согласія членовъ семейства, въ отношеніи къ послѣднему онъ имѣетъ полную свободу. Два памятника представляютъ очевидныя доказательства такого правоваго различія. Въ одномъ изъ нихъ 1232 г. у Накельскаго, I. 1. p. 1556, говорится: quod villa data — non est obnoxialis, qui mihi ab intestato succederent: possessio enim dictae villae devenit ad me tamquam adventicia non ad me pervenicus ex paterna haereditate, *et ob hoc ad suos non transretur haereditas*. Въ памятникѣ 1319 года, который сохранился въ Главномъ познакскомъ архивѣ, Владиславъ свидѣтельствуетъ, что графъ Іоаннъ Свирхинскій въ его присутствіи объявилъ, что братъ его Матфій (Matthias) подарилъ любинскому монастырю, ему собственно принадлежащее, *ненаслѣдственное*, но на собственныя деньги купленное имѣніе Гарби. Для того же, чтобы дѣти или другіе наслѣдники не могли оспаривать этого дара, онъ, ближайшій наслѣдникъ послѣ брата, возобновилъ этотъ актъ. Ясно, что такое различіе между наслѣдственною и благопріобрѣтенною земельною собственностію могло имѣть только то основаніе, что наслѣдственная недвижимая собственность, по-

читалась общею собственностію рода, которую каждый владѣлецъ не могъ отчуждать безъ полномочія родичей. Этотъ взглядъ подтверждается и Вислицкимъ статутомъ 1347 г. Въ 49 капитулѣ его у Бандтке, Jus Polonicum, Varsaviae 1831. p. 139, значится: Ex communi usu in regno nostro observatur, quod moriente matre bonorum omnium pueri a patre ipsorum tollunt medietatem, propter quod contingit saepe, filios aetate juvenili in parte amittere bona levata a patre et amodo propter ingratitudinem factam patri patrem non succurrere filiis ad inopiam vergentibus et sic ex tali divisione pars utraque sentit incommodum et reportat. Visum extitit nobis et nostrae militiae, ut matre moriente filii non petant bonorum obveniencium ex linea paterna aliquam a parte porcionem, antequam ad secundas nuptias convolabit, nisi tunc velut fame sue prodigus *bona et haereditates illas communes* indebite dissiparet. Мы находимъ въ этихъ словахъ положительное доказательство нашего возрѣнія, котораго держаться считаемъ себя въ правѣ на основаніи приведенныхъ источниковъ, т. е. что законъ общности имущественныхъ правъ, какъ высказываетъ его статутъ по отношенію къ отцу и сыновьямъ, имѣлъ силу и примѣнялся послѣ сыновей и къ другимъ членамъ семейства [1].

На основаніи всего этого можно напередъ принять, что постановленія позднѣйшаго польскаго наслѣдственнаго права будутъ соотвѣтствовать свойству наслѣдственнаго недвижимаго имущества, какъ родоваго. Петрковскій статутъ 1347 г., древнѣйшее до насъ дошедшее письменное изображеніе польскаго права, своимъ постановленіемъ о приданомъ дочерямъ даетъ намъ случай узнать господствовавшій тогда порядокъ наслѣдства, который вѣроятно былъ основанъ на древнѣйшемъ обычномъ правѣ. Въ 21 глав. его, у Бандтке p. 105

[1] Въ памятникѣ отъ 1380 сказано, что къ капитану Накелю явились: Joh. dictus Istebka, Mstigneus de Pankon haeredes cum omnibus et singulis patruis et fratribus ad ipsorum clipeum spectantibus, qui jus ad haereditatem Swiniarzewo ultra Nakiel videntur habere, и добровольно подарили это имѣніе вангровѣцкому (Vagroviec) монастырю quemadmodum ipsi soli multis temporibus ab eorum praedecessoribus tenuerunt.

сказано: Statuimus etiam quod postquam aliquis nostrorum nobilium filiam suam vivens nuptui tradiderit et dotem sibi assignaverit competentem, ipso tandem defuncto eadem plura a fratribus repetere non poterit. Si vero patre mortuo filia vel filiae remanserint solutae, neque per patrem dotatae, si filia fuerit palatini et possessiones fuerint multae, *eidem 100 marcae* [1] pro dote per fratres assignentur; ubi vero possessiones paucae et filiae multae, vel una haereditas, fiat aestimatio in valore et pars contingens cuilibet sorori per fratrem nomine dotis *pecunia* persolvatur: et item sentimus de filiabus inferiorum nobilium a palatino, quod cum eas in vita tradiderint maritis dote eisdem similiter assignata competenti, quibus de hac luce sublatis fratribus quaestionem pro majori haereditate movere non poterint: fratres vero uterini cuilibet sorori 40 marcas solvere teneantur, si possessiones sunt multae, ut praefertur, si vero paucae, fiat aestimatio ut supra, et pars contingens cuilibet sorori in pecunia per fratres exsolvatur: fratribus vero uterinis non existentibus idem volumus *de patruelibus* esse intelligendum, et patruelibus non existentibus, *tunc quilibet de eisdem armis et signis*, consanguinitate saltem proximior in bonis haereditariis seu patrimonialibus succedere poterit, sororibus dotatis, ut superibus est descriptum, et interim quousque sorores non fuerint matrimonialiter copulatae, haereditates, patrimoniales, *quocumque modo vocitentur*, praedicti fratres possidebunt, quousque eas nuptui tradant, et dotent modo praemisso, hoc specialiter declarando, prout etiam superius praemisimus: quod cum pater in vita sua aliquam nuptui tradiderit, ex hoc debeat contentari, quod sibi pater assignaverat dum adhuc viveret in humanis, nec fratribus pro

[1] Изъ этого опредѣленія 100 марокъ и другихъ (постановленій) мы можемъ убѣдиться, что Статуты Казимира III содержатъ многія обычныя права. Ибо въ описи памятниковъ Юридическаго краковскаго архива, который состоитъ во владѣніи графа Рачинскаго въ Рогалинѣ, находится слѣдующая замѣтка: 1287. Palatinus Cracov. et exercituum dux testatur Georgium de Zydowo judicem curiae a Nicolao de Tarnow accepisse 100 marces nomine dotis, хотъ 100 марокъ потомъ супругъ уже обеспечивалъ имѣніями.

dote aliquam poterit movere quaestionem, sed contentari debet de eo, quod parentes ipsius viventes et sui compotes existentes sunt largiti; adjicientes quod fratribus seu mortuis seu existentibus filiae haereditatibus non succedant sed contententur dote eis tradita, ut superius continetur.

Изъ этихъ словъ очевиднымъ образомъ вытекаетъ слѣдующее:

1. Дочери исключались братьями изъ наслѣдства во всякомъ недвижимомъ имуществѣ отца (haereditates patrimoniales, quocumque modo vocitentur) и должны были довольствоваться однимъ приданымъ, которое должны были уплачивать отецъ по своему усмотрѣнію, а братья, по смерти отца, деньгами соразмѣрно цѣнности имѣній.

2. Если по смерти отца не останется сыновей, а будутъ однѣ дочери, то дяди вполнѣ вступаютъ въ права сыновей, получаютъ имущество и только обязаны заплатить племянницамъ слѣдующее имъ приданное—dos.

3. Если не останется дядей, то каждый членъ рода, ближайшій по родству къ владѣльцу (quilibet de eisdem armis et signis, consanguinitate saltem proximor) вступаетъ въ права и обязанности сыновей по отношенію къ дочерямъ.

Эти постановленія строго соотвѣтствуютъ, какъ видно, свойсту родоваго наслѣдственнаго имущества, которымъ и объясняются. Дочери исключались изъ наслѣдства сыновьями и. т. д. потому, что если бы онѣ получили часть имущества, то эта часть переходила бы посредствомъ ихъ замужства въ другой родъ[1], а право на наслѣдство всякаго, даже самаго отдаленнаго члена рода, могло найти свое основаніе только въ глубоко укорененномъ сознаніи о первоначальной строгой, широкой родственной связи, въ слѣдствіе которой родъ пред-

[1] Constitutiones Zancic. 1418 и 1419 годовъ предлагаютъ аналогію. Параграфъ 42 (у Бантке стр. 197) опредѣляетъ: Если родной братъ продастъ замужней своей сестрѣ haereditas и потомъ alter frater clenodialis, доказавши, что онъ ближе quam soror habens matrimonium alterius clenodii, предъявитъ притязаніе на выкупъ, то это уже не должно имѣть силы, а считать сестру ближайшею.

ставлялся единствомъ [1]. Что это исключеніе дочерей изъ наслѣдства въ недвижимомъ имуществѣ было древнѣйшимъ постановленіемъ права и что оно, не впервые, какъ думаетъ Лелевель и Мацѣевскій, утвердилось только въ 12 и 13 столѣтіяхъ, въ слѣдствіе вторженія въ Польшу понятій нѣмецкаго права, то показываетъ позднѣйшій ходъ развитія наслѣдственныхъ постановленій. Нѣкоторые новѣйшіе codices, дѣйствительно, уже содержатъ положеніе о выдѣлѣ дочерей: de filia vivente patre dotata. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится: interim, quosque sorores non fuerint copulatae, haereditates patrimoniales, прибавляется: haereditates, sive ex successione paterna, sive quocumque modo alio debeantur eisdem, valeant possidere atque etiam vindicare, declarantes, quod pater in vita

[1] Вислицкій статутъ 1347 г., у Бандтке I. 1. стр. 126 и слѣд., не содержитъ никакого яснаго опредѣленія о наслѣдствѣ. Губе и Мацѣевскій хотя и полагали, что на основаніи 17 и 39 главъ этого статута, дочери уже получали части изъ отцовскаго имущества, но слова, на которыя они ссылаются, допускаютъ еще и другое объясненіе. Ибо, если здѣсь говорится: ubi fratres, vel soror cum fratre fuerint ab invicem in bonis paternis divisi et separati, то въ этомъ еще не заключается необходимости, чтобы дочери дѣйствительно вступали во владѣніе извѣстною частію отцовскаго имущества. Дочери во все время своего дѣвичества оставались жить вмѣстѣ съ братьями въ отцовскомъ имѣніи и въ случаѣ замужства могли требовать отъ нихъ приданаго. Уплатою сего послѣдняго притязанія дочерей на отцовское имущество прекращались, такъ что можно было сказать, что они до уплаты приданаго еще не раздѣлились съ братьями, а слѣдовательно и сохраняютъ еще право на отцовское имущество, которое все-таки, на крайній случай, должно было служить обеспеченіемъ со стороны братьевъ въ уплатѣ ими приданаго. На этомъ основаніи законоположенія 17 главы имѣли въ виду также и дочерей, постановляя, что предметомъ юридической сдѣлки могли быть тѣ имѣнія, относительно которыхъ братья расчитались съ сестрами, или которыя находились въ общемъ владѣніи; это объясненіе подкрѣпляется тѣмъ, что въ этой же самой главѣ сказано, что призывается къ суду qui habeat vel possit habere aliquod jus in dicta haereditate, vel ad haereditatem вещественно или лично.

sua filiabus suis possit bona empta, seu etiam ex regia donatione obtenta assignare, quae autem superstites fuerint portiones, fratres sororibus in pecunia assignabunt et soli haereditatem obtinebunt, filiae vero in vita parentum traditae copulae maritali, fratri uterino seu patrueli pro dote sua aliquam quaestionem movere non poterint, nam contentari debent quod parentes ipsarum viventes pro dote sunt largiti.

Изъ этого мѣста мы можемъ, наконецъ, яснѣе увидѣть, что значатъ вышеприведенныя слова: haereditates patrimoniales, *quocumque modo vocitentur*. Они относятся къ прежде замѣченному нами различію между наслѣдственными и благопріобрѣтенными недвижимыми имуществами. Послѣднія могли быть переданы отъ отца дочерямъ [1], потому что они ad suos non transferentur haeredes, какъ объ этомъ говорится въ нижеприведенномъ источникѣ 1232 г. у Накельскаго, Miechovia p. 156. Это отношеніе дочерей къ наслѣдству съ 1347 г. улучшилось тѣмъ, что тогда какъ прежде дочери исключались отъ всякихъ haereditates patrimoniales, quocumque modo vocitentur, теперь они получили право, по смерти отца, на часть благопріобрѣтеннаго имъ имущества, которую братья должны выплатить имъ деньгами. Видно, что главное положеніе — дочери не наслѣдуютъ никакого недвижимаго имущества—еще сохраняется, но въ него вошло измѣненіе, т. е. *что дочери могутъ теперь требовать за слѣдующую имъ часть благопріобрѣтеннаго имущества* равносильной платы. Положеніе, что дочери должны получать не самое

[1] Когда мы тамъ и сямъ въ источникахъ 13 столѣтія находимъ женщинъ во владѣніи имуществомъ ratione dotis, то это не наслѣдственныя, а благопріобрѣтенныя имущества, которыя отецъ могъ имъ дать во время своей жизни. Такъ король Владиславъ въ одномъ актѣ Главнаго познанскаго архива подъ 1327 г. свидѣтельствуетъ, что одинъ judex отдалъ своему зятю одно haereditas ratione dotis seu dotalicii. Въ другомъ, тамъ же находящемся источникѣ 1311 4 окт., герцоги Пржемыслъ и Казимиръ Куявинскіе свидѣтельствуютъ, что биссовскій абатъ купилъ у одной четы имущество, которое принадлежало женѣ racione dotis.

благопріобрѣтенное имущество, но только цѣну его, яснѣе выступаетъ въ слѣдующихъ, немногихъ строкахъ. Къ послѣднимъ словамъ статута 1347, adjicientes, новѣйшіе codices прибавляютъ: quod fratribus seu mortuis seu existentibus filiae haereditatibus non succedant, salvo tamen quod dictum est haereditatibus empticiis vel etiam deservitis, quod filiae non [1] succedant, et proximiores fratres eis pecuniam assignent et soli haereditates hujusmodi assequantur. Польскій переводъ этого статута у Лелевеля, xięgi ustaw etc. выражаетъ это положеніе еще опредѣленнѣе: przydawayącz tesz, aby gdi bracza semrą alybo niebądą dzewky w dzedzynah nykako Hyskosczy ymyecz niemogą albo niemayą any gych bicz namyestnyczkamy --- wsząwszy tho czso rzeczono gest viszszey e dzedzynach kupnych abo tesz vysluzonich ysz dsewky w tkake wszthą pyą tho yest prawo k nym myecz mayą, alye blysza bracza gym penyądze za nye dadzą a samy dzedzyny thake odzyrzą, т. е. прибавляя, что по смерти братьевъ или вообще когда ихъ не будетъ, дочери не имѣютъ никакого родственнаго права на наслѣдство и не могутъ заступить мѣсто братьевъ, за исключеніемъ того, что выше сказано о купленомъ или выслуженномъ имѣніи, именно, что дочери не вступаютъ въ него, а только имѣютъ на него право, родственники же ихъ выдаютъ имъ за него деньги и берутъ себѣ таковое имѣніе.

Положеніе дочерей по отношенію къ дядямъ и т. д. улучшилось въ позднѣйшее время. 107 глава вышепоименованнаго общаго польскаго Вислицкаго статута 1347, у Бандтке I. 1. p. 93, опредѣляетъ: Etiam statuimus quod si quis militum aut nobilium de hoc saeculo migraverit habens filios vel filias, tunc filiae per fratres maritis tradantur, dote tamen eis more consvueto assignata; si autem filios non habuerit sed filias, *tunc filiabus omnes possessiones cedant paternae.* Et si fratres patrueles hujusmodi haereditates obtinere voluerint, tunc milites

[1] Хотя это *non* стоитъ только въ одной рукописи, тѣмъ не менѣе это чтеніе правильно, ибо въ вышеприведенномъ мѣстѣ о bona empta всѣ рукописи согласны: quae autem superstites fuerint portiones fratres sororibus in pecunia assignabunt et soli haereditatem obtinebunt.

secundum ipsorum conscientiam praedictas haereditates taxabunt, et a die taxationis hujusmodi dicti fratres patrueles sororibus intra annum parata pecunia (secundum quod fuerint taxatae haereditates) persolvere tenebuntur, et si in tempore unius anni neglexerint solvere, tunc filiae haereditates perpetuo possidebunt. Видно, что постановленіе выдавать дочерямъ за имущество деньги, сдѣланное въ пользу ихъ относительно благопріобрѣтеннаго имѣнія, перенесено здѣсь и на наслѣдственное имѣніе [1]. Въ послѣдствіи дяди и другіе дальнѣйшіе родственники потеряли право выкупа и дочери, при недостаткѣ сыновей, безпрепятственно наслѣдовали отцовское имѣніе [2]. Этотъ

[1] Здѣсь замѣчу пока мимоходомъ, что имѣвшій силу для всей Польши статутъ, который повелѣлъ издать Казимиръ III въ Вислицѣ въ 1347 году, есть тотъ самый, который отпечатанъ у Бандтке I. 1. с. 126 и слѣд.; что мы никакого другаго статута для Малой Польши не имѣемъ, за который Лелевелъ, Губе, Мацѣевскій принимаютъ древнѣйшую редакцію Вислицкаго статута, отпечатанную у Бандтке I. 1., и что, наконецъ, такъ называемый Вислицкій статутъ (у Бандтке I. 1. с. 24 и слѣд.) есть не иное что, какъ позднѣйшій списокъ съ подлиннаго Вислицкаго, въ который вошелъ, вѣроятно, по небрежности переписчиковъ, Петрковскій статутъ, равно какъ и множество позднѣйшихъ постановленій Къ этимъ позднѣйшимъ вставнымъ частямъ также принадлежитъ и приведенная въ текстѣ 107 глава, которая не находится ни въ подлинномъ Вислицкомъ статутѣ, ни въ Петрковскомъ.

[2] Ср. Statut. Wladislai 1420. cap. 7 у Бандтке I. 1. p. 206. Въ Мазовіи право дядей и дальнѣйшихъ родственниковъ брать у дочерей безсыновнаго владѣльца имущество за равносильную плату продолжалось до присоединенія ея къ польской коронѣ. Однако еще гораздо ранѣе для нѣкоторыхъ фамилій герцоги гарантировали право наслѣдства дочерей отъ притязаній дядей особыми привилегіями. Отсюда произошло то, что когда Зигмундъ I-й велѣлъ собрать Мазовецкое право въ уложеніе, чтобы привесть его въ согласіе съ польскимъ правомъ, то между мазовецкимъ дворянствомъ образовались двѣ партіи, изъ которыхъ одна желала продолженія стараго права, т. е. исключенія дочерей со взносомъ имъ цѣны имѣнія, другая же общаго признанія наслѣдства дочерей. Въ 1532 г. Зигмундъ издалъ по сему случаю постановленіе, кото-

ходъ развитія наслѣдства дочерей достаточенъ для того, чтобы опровергнуть мнѣніе, будто бы дочери первоначально имѣли равныя съ братьями права по отношенію къ наслѣдству, мнѣніе, для котораго однакоже не можетъ быть отыскано никакихъ положительныхъ доказательствъ [1]. Такъ

рымъ онъ возвелъ въ законъ желаніе послѣдней партіи, но однако прибавилъ, что тѣ семейства, которыя желаютъ остаться при старомъ правѣ, могутъ просить себѣ у него особаго на это узаконенія. Ср. памятникъ у Бандтке I. 1. с. 414—16.

[1] Между новѣйшими изслѣдователями, какъ мнѣ извѣстно, Іоакимъ Лелевель въ своей книгѣ: Początkowe prawodawstwo etc. впервые началъ утверждать, что наслѣдственное право въ Польшѣ первоначально ограничивалось только непосредственно нисходящею линіею оставившаго послѣ себя имущество, слѣдовательно, недвижимое имущество бездѣтноумершаго дѣлалось безхозяйнымъ, которое сначала могъ взять всякій, потомъ присвоилъ себѣ на него право Князь. Юридическимъ выраженіемъ этого обычая было puścizna и только въ позднѣйшее время puścizna была вытѣснена образовавшимся правомъ наслѣдства фамиліи. По первому взгляду видно, что если выраженіе puścizna дѣйствительно означаетъ такое право, то нельзя болѣе думать ни объ общей собственности рода на поземельное имущество, ни о строгомъ родовомъ союзѣ. На этомъ основаніи Губе, доказывая (въ своемъ разсужденіи о наслѣдственномъ правѣ у Славянъ), что общность семейнаго имущества, основанная на семейномъ единствѣ, была принципомъ позднѣйшаго наслѣдственнаго права, нашелъ возможность соединить этотъ принципъ съ понятіемъ puścizna. Онъ именно говоритъ (с. 64—66): Представленіе семейнаго единства столь было сильно, что каждый членъ семейства, который выдѣлялся изъ семьи, посредствомъ единичнаго выселенія изъ общаго владѣнія, терялъ всякую правовую связь съ семействомъ, такъ что уже не имѣлъ потомъ никакого права на семейное имущество. Имущество отца, который не имѣлъ сыновей, или сыновья котораго, отдѣлившись, уже находились въ обладаніи собственнымъ имуществомъ, дѣлалось puścizna, т. е. имуществомъ, на которое никто уже болѣе не имѣлъ опредѣленнаго права. Это же, далѣе, имѣло силу и въ отношеніи братьевъ между собою, когда умиралъ который нибудь изъ нихъ бездѣтнымъ; если же братья были въ раздѣлѣ, то теряли право взаимнаго наслѣдованія. Когда наслѣдственное право начало образовываться, то родственники умершаго стали удерживать за собою недвижимое

какъ до сихъ поръ въ отношеніяхъ родичей между собою, по скольку отношенія эти касались недвижимаго имущества и опредѣленія наслѣдственнаго права, мы находили слѣды широкой и глубококоренящейся родовой связи, то намъ

имущество не столько въ силу наслѣдственнаго права, сколько какъ puścizna. — Въ противоположность этому взгляду Мацѣевскій въ своей Исторіи славянскихъ законодательствъ (Historia Prawodawstw Słowiańskich) т. I. с. 234; т. II. с. 248, утверждаетъ, что юридическія отношенія puścizna имѣли приложеніе только къ такимъ имуществамъ, которыя жаловались князьями въ видѣ ленныхъ имуществъ и которыя должны быть разсматриваемы какъ dzierżawa, въ противоположность собственному имуществу dziedzictwo. — Наконецъ замѣтимъ, что если юридическія отношенія puscizn'ы (въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ ихъ Лелевель и Губе) и существовали въ древнѣйшее время, то они въ 13 столѣтіи уже вышли изъ обыкновенія, т. е. были вытѣснены правомъ выкупа родственниковъ, какъ мы это видѣли изъ вышеприведенныхъ источниковъ. Вообще на основаніи этихъ памятниковъ нельзя не признавать въ недвижимомъ имуществѣ характера семейной собственности. По этому, если въ статутахъ 14 столѣтія, въ которыхъ утверждалось наслѣдственное право родичей, еще находится выраженіе puścizna, то ясно, что оно должно имѣть другое значеніе, нежели какое даетъ ему Лелевель. Мѣста сюда относящіяся суть слѣдующія:

1. Во многихъ манускриптахъ Петриковскаго Статута 1347 г. гл. 21 у Бандтке I. 1. с. 106 читаемъ: interim quousque sorores non fuerint copulatae, haereditates, sive ex successione paterna, sive quocunque modo alio debeantur eisdem, valeant possidere atque eciam vindicare (fratres proximiores), declarantes, quod pater in vita sua filiabus suis possit bona empta seu etiam ex regia donatione obtenta assignare, quae autem superstites fuerint portiones, fratres sororibus in pecunia assignabunt, et soli haereditatem obtinebunt, filiae vero in vita parentum traditae copulae maritali fratri uterino seu patrueli pro dote sua aliquam quaestionem movere non poterint, nam contentari debent quod parentes ipsarum viventes pro dote sunt largiti; adjicientes quod fratribus seu mortuis seu existentibus filiae haereditatibus non succedant, salvo tamen, quod dictum est de haereditatibus empticiis vel etiam deservitis, quod filiae (non) succedant, et proximiores fratres eis pecuniam assignent, et soli haereditates hujusmodi assequantur, *et prohibemus omnino, quod filiae in haereditatibus, quae vulgariter puścizna dicuntur, non succe-*

остается послѣднее изслѣдованіе—отыскать подобные слѣды и въ отношеніяхъ родичей къ другимъ, не принадлежащимъ къ роду лицамъ. Мы опять начнемъ съ недвижимой собственности. Безъ сомнѣнія въ XIV столѣтіи свойство общности

dant, ubi vero aliqui sine prole decesserint, proximiores ipsorum haereditates obtineant et ipsis in eisdem succedant.

2. Вислицкій Статутъ 1347 г. гл. 18 у Бандтке I. 1. с. 132. Глава эта надписывается: De his, qui ab intestato succedant и говоритъ: Abusiva consuetudine noscitur esse observatum, quod cum aliqui kmethones de hac vita absque prole decedunt, ipsorum omnia bona mobilia et immobilia nomine pusczine (domini) eorundem consueverint occupari.

3. Constitutiones terrae Lanciciensis generales de a. 1418 и 19 у Бандтке I. 1. с. 194. Здѣсь вторая глава представляетъ различныя давности: praescriptio haereditaria et in aliis rebus majoribus stat duodecim annis—sed pro haereditatibus emptis et venditis praescriptio unius anni et sex septimarum — sed pro bonis derelictis alias pusczyna praescriptio durat ad unum annum et ad sex hebdomadas.

4. Въ тѣхъ же конституціяхъ § 23. с. 196: citavit aliquis fratres pro portione haereditatis post fratris ipsorum mortem in Lithuana sine prole mortui quem praescriptione evaserunt unius anni et sex sempimanarum ideoque pro bonis derelictis pusczyna servatur praescriptio anni unius et sex septimanurum. Et hoc intelligas de illis hominibus, qui simul manent in una terra.

Слово puścizna по своей этимологіи и употребленію прямо означаетъ оставшееся имѣніе (ср. Линде, Slownik języka polskiego s. v. puscie p. 1278. col. 2), и употреблено, какъ кажется, въ этомъ общемъ значеніи въ вышеприведенномъ подъ № 2 мѣстѣ. Хотя прежде всего поэтому и можно думать, что подъ именемъ puścizna можетъ быть подразумѣваемо и особенное юридическое отношеніе, по которому господа присвоивали себѣ имущество бездѣтно умершихъ кметовъ, однако различныя чтенія кодексовъ, равно какъ и старый польскій переводъ 1449 г., показываютъ, что этого нельзя принять. Ибо вмѣсто словъ nomine vulgariter puscizne однѣ рукописи употребляютъ: vulgato puscyną, а другія: mobilia et immobilia, puscina dicta, съ каковымъ чтеніемъ согласуются и надписанія главъ въ тѣхъ же рукописяхъ: de relictis alias pustczyna kmethonum, или de relictis alias o puszczynye kmethonum Старый переводъ 1449 г. говоритъ: gychwszistko ymyenye ruszagącze y nyeruszayącze puszczyną

имущества такъ быстро исчезло, что то ограниченіе свободнаго распоряженія обладателя, которое было сдѣлано членами рода въ XIII столѣтіи уже не существуетъ. Однако мы находимъ постановленіе, которымъ родичи явно покрови-

rsеczone, т. е. все ихъ имѣніе движимое и недвижимое называется оставшимся по смерти имѣніемъ. Приведенное подъ № 1 мѣсто доказываетъ, что слово puścizna употреблялось не только для означенія остатка кметовъ, но и благородныхъ, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ идетъ рѣчь только о наслѣдованіи дворянства. Это же самое мѣсто показываетъ, что puścizna относится ко всякому роду haereditas, изъ чего бы оно ни состояло, изъ наслѣдственнаго или благопріобрѣтеннаго имѣнія. Эта глава, прежде всего опредѣляетъ именно наслѣдственное право въ неблагопріобрѣтенномъ имуществѣ, далѣе постановляется, что дочери имѣютъ преимущественное право на благопріобрѣтенное имущество отца, но онѣ должны уступить это имущество братьямъ за равносильную плату; затѣмъ постановляется, что дяди и прочіе родственники, при недостаткѣ сыновей оставившаго наслѣдство, вступаютъ въ права сихъ послѣднихъ по отношенію къ дочерямъ, и наконецъ высказано общее положеніе, что вообще дочери не наслѣдуютъ въ имуществѣ, такъ называемомъ puścizna, которое при недостаткѣ сыновей должно поступить родственникамъ. Если подъ послѣднеупомянутыми haereditates разумѣть только благопріобрѣтенныя имущества, то въ такомъ случаѣ положеніе prohibemus etc. было бы только повтореніемъ непосредственно прежде сказаннаго; равнымъ образомъ, если бы выраженіе это означало только наслѣдственное имѣніе, то опять было бы повтореніе; поэтому, если принять puścizna въ общемъ значеніи остатка недвижимаго имущества, то послѣднія слова главы представятся обнимающими собою все сказанное въ разбираемомъ мѣстѣ. «Дочери не должны получать наслѣдственнаго имущества, даже благопріобрѣтенное не должно къ нимъ поступать, вообще къ дочерямъ не должно переходить по наслѣдству никакое недвижимое имущество». Наконецъ изъ этого мѣста видно, что связь, въ которой во всѣхъ вышеприведенныхъ мѣстахъ puścizna находится съ (потомствомъ) proles, несущественна для понятія puścizna. Ибо, когда говорится, что дочери вообще не должны наслѣдовать имущества, puścizna называемаго, то puścizna не можетъ означать остатка бездѣтноумершаго, потому что и дочери принадлежатъ къ proles. Конечно proles могло бы означать въ частности потомство мужескаго

тельствуются при продажѣ и залогѣ наслѣдственнаго имущества. 125 глава такъ называемаго Вислицкаго статута у Бандтке I. 1. с. 103 опредѣляетъ, что если кто нибудь купитъ какое нибудь haereditas и будетъ владѣть имъ безспорно три года и три мѣсяца, то consanguineus vel affinis per proximitatem уже не можетъ возвратить это имѣніе изъ его владѣнія, потому что молчаніемъ своимъ въ продолженіе трехъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ онъ уже потерялъ свое право. Это же право существовало въ Мазовіи (ср. статутъ 1390 г. у Бандке I. 1. с. 423--24) и было здѣсь еще распространено въ томъ отношеніи, что если бы родичи во время покупки находились внѣ страны, то право выкупа числится за ними въ продолженіе трехъ лѣтъ послѣ ихъ возвращенія. Даже dotalicium (wyano ср. Бандтке I. 1. с. 432) жены и вдовы родичи могли, лишь бы только не пропустили давности, возвратить себѣ, уплативши покупную сумму, въ томъ случаѣ, если бы они захотѣли его продать (ср. I. 1. с. 397). Ланциціенскія конституціи § 24, у Бандтке р. 196, опредѣляютъ: что если кто продаетъ haereditas, то онъ долженъ представить propter proximiores документъ отъ нотаріуса до истеченія шести недѣль. Если бы въ это опре-

пола; но переводъ 1503 года подъ № 3 приведенной главы слова sine prole прямо передаетъ чрезъ niemającz dzieczy, т. е. неимѣющій дѣтей, тогда какъ переводъ 1449 года равнымъ образомъ даетъ общее значеніе слову «потомство», что попольски выражается: przes plodu. И такъ, если въ другихъ приведенныхъ мѣстахъ при puścizna поставляется вмѣстѣ и proles, то это объясняется тѣмъ, что рѣчь идетъ о такихъ притязаніяхъ, которыя основываются только на отсутствіи proles. Изъ всего сказаннаго о puścizna вытекаетъ, что она имѣла только общее значеніе «остатка» (оставленнаго умершимъ имущества), на который, согласно приведеннымъ источникамъ, родственники имѣли право наслѣдства, что Лелевель не привелъ никакого доказательства своему о ней понятію, и что, наконецъ, этому понятію противорѣчитъ все то, что мы привели выше о свойствѣ недвижимыхъ имуществъ, какъ родовой собственности. Поэтому для меня и невозможно принять это мнѣніе.

дѣленное время proximus явился, то можетъ proximitate взять на себя имущество, взнеся покупную сумму, но цѣну эту онъ долженъ заплатить circumcisionis domini къ ближайшему празднику, въ противномъ же случаѣ первый покупщикъ опять вступаетъ въ свое право.

Совершенно подобное же покровительство членовъ рода находимъ мы и при залогѣ наслѣдственныхъ имуществъ. Вислицкій статутъ, гл. 15. с 131. въ привед. мѣстѣ, опредѣляетъ, что не только залогодатель, но также quilibet ipsius consanguinitate vel affinitate proximior (przyrodzony albo blyszszy, т. е. «родственники или ближайшіе», какъ называетъ ихъ старинный польскій переводъ) имѣлъ право выкупить заложенное имущество въ продолженіе 30 лѣтъ, если только онъ точно соблюлъ, въ продолженіе этого времени, существующія на сей предметъ постановленія. Какой другой источникъ могло имѣть это и подобное ему покровительство, какъ не дѣйствующее, живое представленіе о томъ, что наслѣдственныя имущества первоначально были общею собственностію рода? Какъ далеко дѣйствовало единство права такого рода въ отношеніи къ другимъ, наконецъ, лучше всего видно изъ стараго, сохранившагося въ слѣдствіе отмѣны его въ Вислицкомъ статутѣ, постановленія, quod pater pro nequam filio et e converso minime coerceatur vel puniatur et idem de fratribus germanis vel quibuscunque consanguineis declaramus fore servandum. Цѣлый родъ отвѣтствовалъ первоначально противъ чужеродца; всѣ его члены и притомъ по степени родства, какъ это между прочимъ видно изъ Ланциціенскихъ конституцій § 8. с. 194, имѣли право на виру за убитаго ихъ родича.

Если, какъ изъ всего доселѣ изложеннаго видно, родовая связь первоначально дѣйствительно существовала у Поляковъ, то естественно, что сознаніе о ней въ высшемъ народномъ классѣ, у благородныхъ, въ дворянствѣ сохранилось гораздо сильнѣе до позднѣйшаго времени. Всѣ юридическія отношенія, о которыхъ здѣсь шла рѣчь, относятся главнымъ образомъ

къ дворянамъ и я уже замѣтилъ въ текстѣ [1], что позднѣе всѣ благородныя фамиліи, которыя вели одинъ и тотъ же гербъ, юридически относились къ одному роду, не смотря на число фамилій и на недоказанность ихъ родства [2]. Это обстоятельство получаетъ свою полную силу, если мы примемъ въ соображеніе, что иногда на 100 фамилій, а иногда болѣе, приходится одинъ гербъ (herb, herbowni) [3], и кажется, что особенное составленіе дворянскихъ гербовъ основывается на широко-объемлющемъ родовомъ союзѣ. Эта особенность именно состоитъ, какъ было замѣчено, въ томъ, что гербы не суть собственность извѣстныхъ одноименныхъ родственныхъ фамилій, но что съ одной стороны многіе, иногда около 100 фамилій различныхъ именъ, ведутъ одинъ и тотъ же гербъ, съ другой же стороны одноименныя фамиліи принадлежали къ различнымъ гербамъ. Если допустить что число членовъ одной извѣстной фамиліи отъ поколѣнія до поколѣнія сильно увеличивалось, что отдѣльные члены, когда въ 14 и 15 столѣтіи обычай принятія именъ утвердился, различались, по большей части, именами своихъ помѣстій, что наконецъ, при возведеніи въ дворянство, давался гербъ того, кто ходатайствовалъ о возведеніи въ дворянство, то все это недостаточно, что бы объяснить то огромное число разноименныхъ, различныхъ фамилій, которыя принадлежали почти къ каждому гербу. Если при этомъ принять въ соображеніе, что, съ половины XVI сто-

[1] См. с. 104—111 сего труда.

[2] По этой причинѣ и въ оффиціальномъ слогѣ къ имени фамиліи всегда присоединялось названіе герба, упоминовеніе котораго почиталось нѣкоторымъ образомъ родовымъ прозваніемъ, такъ напр. Stanisław Lubieński z Lubny herbu Pomian. Всѣ почти гербы или простые или съ надписями.

[3] Слово этимологически очень трудно объясняемое; оно имѣетъ совершенно не славянскій характеръ, что видно изъ начальной буквы, ибо h есть только приставка. Въ богемскомъ языкѣ оно произносится *erb*, erbownj, erbug, благородные, титулованные. Не имѣетъ ли оно связи съ нѣмецкимъ Erbe?

лѣтія имена фамилій уже утвердились, а принятіе гербовъ началось ни какъ не ранѣе половины XIV столѣтія, то будетъ совершенно ясно, что въ періодъ двухъсотъ лѣтъ не могло послѣдовать такое умноженіе фамилій, какое должно предположить, если бы всѣ фамиліи, къ одному гербу принадлежащія, произвести отъ одного родоначальника, впервые принявшаго гербъ въ половинѣ XIV столѣтія. Ближе кажется допустить, что цѣлые роды принимали гербъ—обстоятельство, опять указывающее на крѣпкое сознаніе о широкой родственной связи.

Такимъ образомъ многое заставляетъ насъ убѣдиться въ прочности высказаннаго нами мнѣнія о первоначальномъ твердо сохранявшемся родовомъ союзѣ, а именно: особенное свойство недвижимаго владѣнія, наслѣдственное право, единство рода по отношенію къ чужеродцамъ и образованіе гербовъ для дворянства.

Главнѣйшія замѣченныя погрѣшности.

Стран.	строк.	напечат.	чит.
54	17	своею	своимъ
59	13	произошли	произошло.
64	12	пѣсто	мѣсто
66	24	drawdodatne	prawdodatne
68	13	способа	способы
87	3 снизу	Повова	Попова
92	3 и 4 снизу	имена	племена
94	8	то	тѣ
160	8 снизу	освященъ	освѣщенъ
185	13	неполнокровны	неполноправны
211	2	ихъ	его
223 въ пр.	2 снизу	hares	haeres
226	16	haredem	haeredem
227	1 снизу	за одно	за одного
237	9	общность	область
240	8 снизу	случаѣ	о случаѣ

M 15

Buchbinderei
R. Wawrzyniak
Marktplatz 23
8011 Kirchseeon

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Nikol'skij, Vladimir Nikolaevič

O načalach naslědovanija v drevnějšem russkom pravě Istor. razsuždenie V. Nikol'skago

Moskva 1859

J.rel. 2011 r
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10565164-5